

АНДРЭ НОРТОН

АНДРЭ

НОРТОН

ВОЙНА
ВО ВРЕМЕНИ

ВОЙНА
ВО ВРЕМЕНИ

ИЗБРАННЫЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АНДРЭ НОРТОН

*том восьмой
книга первая*

*Торговцы во времени
Покорённый корабль*

романы

Издательство «Зеленоградская книга»,
г. Зеленоград
1993г.

ББК 84.7 США Н49

Нортон Андрэ

Война во времени. Книга первая: романы/Пер. с англ.
— Зеленоград: Изд-во «Зеленоградская книга»,
1993г. — 352 стр. Вып. 14.

В первую книгу восьмого тома включены произведения
Андрэ Нортон, объединенные автором в цикл ВОЙНА ВО
ВРЕМЕНИ. В этой книге читатель узнает об удивительных
приключениях агента во времени Росса Мэрдока и его
товарищей.

Во второй книге восьмого тома цикл ВОЙНА ВО ВРЕМЕ-
НИ будет завершен.

*Печатается с разрешения автора и его литературного агента.
Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом
без разрешения — запрещена. Всякое коммерческое
использование данного издания возможно исключительно
с ведома издателя.*

Н $\frac{4701000.000 - 14}{480 (03) - 93}$ Без объявления

ББК 84.7 США
ISBN 5 — 86314 — 015 — 1

THE TIME TRADERS
© 1958 by Andre Norton
GALACTIC DERELICT
© 1959 by Andre Norton

- © Издательство «Зеленоградская книга», 1993г.
- © Пер. с англ. «Торговцы во времени», З. Хашимов, 1993г.
- © Пер. с англ. «Покорённый корабль», Д. Арсеньев, 1993г.

ТОРГОВЦЫ ВО ВРЕМЕНИ

Любому, кто удосужился бы заглянуть в камеру предварительного заключения, внешность сидящего там молодого человека вряд ли показалась бы примечательной. Роста он был, пожалуй, немного выше среднего, но не настолько выше, чтобы обращать на себя внимание. Его коричневые волосы были подстрижены вполне традиционно, даже консервативно, а неброские черты почти мальчишеского лица едва ли могли остаться в памяти наблюдателя, если, конечно, тот не заметил бы, что в глубине его светло-серых глаз время от времени возникал странный блеск, придающий им холодное, оценивающее выражение.

В конце последней четверти двадцатого столетия на любой из расположенных десятью этажами ниже улиц можно было встретить людей, внешне почти неотличимо похожих на него, так же просто и аккуратно одетых. Но тот наблюдатель, одетый в форму защитного цвета, который и в самом деле существовал, видел только отблески тайной и тщательно контролируемой ярости, которую Мэрдок сам ещё не до конца понимал и лишь учился использовать её в качестве оружия, направленного против мира, всегда казавшегося ему враждебным.

Он знал, что охранник смотрит на него, но не подавал виду. Дежурный фараон, отнюдь не новичок в своём деле, вероятно, ожидал увидеть нечто мало похожее на равнодушное смирение, однако ожидания его были обмануты. На этот раз Росс зацепили крепко. Но почему ему не сообщили о переводе сюда? Что означал этот дневной допрос, который вёл лысый верзила? Им удалось прижать Росса к стенке, и он был от этого не в восторге. Юноша отвечал на задаваемые вопросы со всем вниманием, на которое был способен его проницательный разум, но всё же, вспоминая об этом допросе, он смутно предчувствовал неладное.

Дверь камеры распахнулась. Росс не повернул головы, но охранник прокашлялся, словно час их обоюдного молчания иссушил его голосовые связки.

— Мэрдок, подъём! Судья хочет видеть тебя.

Плавным движением, контролируя каждый мускул своего тела, Росс встал. Никаких пререканий, ни следа дерзости или неповиновения. Он шёл, будто маленький мальчик, осознавший свои ошибки. Эта роль кроткого и безобидного человечка не раз выручала Росса в его бурном прошлом. Таким он и предстал перед человеком, сидевшим за столом в комнате, куда его привели. На лице Росса играла застенчивая улыбка, он переминался с ноги на ногу с мальчишеской неловкостью, почтительно ожидая пока тот, другой, обратится к нему. Сегодня судья — Орд Рэйвел. Гнилой номер — пытаться надуть старину Орлиного Носа. Придётся принимать приготовленный им подарочек, даже если от него потом станет худо...

— У вас скверное досье, юноша.

Росс позволил своей улыбке угаснуть, его плечи обмякли. Но в глазах под полуопущенными веками прятался всё тот же холодный, дерзкий вызов.

— Да, сэр, — согласился он, тщательно имитируя дрожь в голосе. Но в следующую секунду Росс понял, что всё его актёрское искусство пропадает зря. Судья Рэйвел был не один — рядом с ним сидел проклятый лысый бугай и смотрел на заключённого тем же пронизывающим взглядом, что и накануне.

— Очень плохое досье, особенно учитывая тот короткий срок, за который вы его заработали, — Орлиный Нос тоже пялил на Росса свои гляделки. — По закону вы должны быть переданы в Новую Реабилитационную Службу...

Росс похолодел. Ему приходилось слышать леденящие душу рассказы об этой «терапии». Во второй раз за время пребывания в комнате суда самообладание изменило ему. Но в окончании фразы ему почудился проблеск надежды.

— Тем не менее, я уполномочен предложить вам выбор, Мэрдок, хотя лично я, основываясь на вашем досье, считаю, что вы того не стоите.

Охвативший Росса приступ страха утих. Если судье это не нравится, значит, в этом предложении таятся какие-то преимущества для Росса Мэрдока, и, следовательно, надо соглашаться.

— Существует правительственный проект, который нуждается в добровольцах. По результатам проверок, вы, возможно, подходите для этой работы. Если вы дадите своё согласие, то время вашей работы в этом проекте пойдёт в зачёт срока вашего наказания. Кроме того, вам предоставится возможность помочь стране, чьи законы вы так грубо попирали,

— А если я откажусь, то меня отправят на эту самую реабилитацию, так, сэр?

— Я полагаю, вы более чем подходящая кандидатура для реабилитации. Ваше досье... — судья зашуршал лежащими перед ним бумагами.

— Я согласен стать добровольцем в этом проекте, сэр.

Судья фыркнул, засунул бумаги в папку и, повернувшись к сидящему в углу человеку, сказал:

— Ну, вот и ваш доброволец, майор.

Росс сдержал вздох облегчения. Первой беды удалось избежать. А если и дальше будет так же везти, то, возможно, он и вообще выкрутится...

Человек, которого судья Рэйвел назвал «майором», вылез из своего тёмного угла. Едва взглянув на него, Росс, к своей скрытой досаде, почувствовал тревогу. Ломать комедию перед Орлиным Носом было нетрудно, но тут он понял, что с этим типом такие шуточки не пройдут.

— Благодарю вас. Мы отправимся прямо сейчас. Погода, похоже, не слишком обнадеживает.

Не успев понять, что происходит, Росс обнаружил, что смиренно идёт к двери. Он прикинул, что можно будет попытаться смыться, когда они с майором выйдут из здания, и затем затеряться в городе, погружённом в метельную темень. Но вместо того, чтобы спуститься на лифте вниз, они наоборот — поднялись по лестнице ещё на два или три этажа. К своему стыду, Росс почувствовал, что задыхается и не может идти достаточно быстро, в то время как его спутнику, минимум лет на десять старше юноши, всё было нипочём.

Они вышли на занесённую снегом крышу, и майор посветил фонариком, указывая на опустившуюся перед

ними тень. Вертолёт! Впервые Росс усомнился в правильности сделанного выбора.

— Пошевеливайтесь, Мэрдок! — голос звучал вполне бесстрастно, но от этой бесстрастности становилось не по себе.

Втиснутый в кабину между безмолвным майором и не менее молчаливым пилотом в форме, Росс поднялся над городом, чьи улицы были знакомы ему не хуже, чем линии собственной ладони, и устремился навстречу неизвестности, внушающей мрачные предчувствия. Смягчённые снегопадом очертания освещённых улиц и зданий исчезли из виду, внизу были видны лишь узкие полосы автострад. Росс решил не задавать вопросов. Это молчание вполне можно пережить — ему случалось переживать куда худшие вещи.

Проблески света исчезли. Машина легла в вираж. Лишённый каких бы то ни было ориентиров, Росс не знал даже, куда они летят, на юг или на север. Но мгновение спустя сквозь снежную завесу вспыхнул узор красных посадочных огней и вертолёт приземлился.

— Вперёд!

Росс вновь повиновался и остановился, дрожа, посреди завихрений метели. Его одежда, достаточно тёплая для города, оказалась слабой защитой против пронизывающего ветра. Чья-то рука сжала его локоть, и он понял, что его ведут к невысокому строению на краю поля. Дверь распахнулась и Росс вместе со своим спутником очутился в помещении, полном света и уютного тепла.

— Садись вон там!

Слишком деморализованный, чтобы спорить, Росс сел. В комнате находилось всего несколько человек. Один из них, одетый в странный, словно надутый комбинезон, с висящим на руке круглым шлемом, читал газету. Майор пересёк комнату, чтобы поговорить с ним. После того как они обменялись несколькими негромкими фразами, майор пальцем поманил Росса, и он проследовал за офицером в соседнюю комнату, вдоль стен которой стояли ряды металлических шкафов.

Из одного такого шкафа майор вытащил комбинезон вроде того, что был на пилоте, и приложил его к Россу. «Годится, — заявил он. — Быстро одевайся, мы не можем всю ночь ждать».

Росс забрался в комбинезон. Не успел он застегнуть последнюю молнию, как его спутник нахлобучил на голову юноши шлем. Пилот покосился на дверь:

— Нам пора трогаться, Кэлгаррис, не то мы застрянем надолго.

Они вновь поспешили в направлении лётного поля. Если вертолёт был просто необычным средством передвижения, то машина, к которой они приближались, казалось, явилась прямо из будущего — иглообразный корабль, стоящий на хвостовых стабилизаторах, устремив острый нос вертикально вверх, в небеса. Вдоль одного его борта возвышался трап, по которому пилот вскарабкался в кабину.

Не размышляя, Росс последовал за ним и обнаружил, что должен лечь на спину, согнув колени почти до подбородка. Мало того, он должен был делить и без того более чем тесное пространство с майором. Входной люк захлопнулся, заперев их внутри.

За всю свою недолгую жизнь Россу часто случалось испытывать страх, сильный страх. Он старался закалить свой разум и тело, чтобы противостоять такому страху. Но то, что он испытывал сейчас, нельзя было назвать просто страхом, он впал в панику, настолько жуткую, что полностью лишился сил. Быть замкнутым в крохотном объёме, лишиться возможности хоть как-то контролировать происходящее — это оказалось страшнее всего, с чем он сталкивался раньше.

Как долго длился этот кошмар? Секунду? Час? Росс утратил всякое чувство времени. Но вдруг словно огромная рука сдавила его, и он совершал отчаянные попытки вдохнуть, пока мир вокруг него не взорвался...

Сознание медленно возвращалось к юноше. Какое-то время он думал, что ослеп. Потом он начал различать перед собой серые тени. Наконец до него дошло, что он больше

не лежит на спине, а сидит, откинувшись, в кресле. Всё вокруг дрожало от вибрации, сотрясавшей также и его самого.

Россу Мэрдоку удалось так долго побыть на свободе только потому, что он умел быстро оценивать обстановку. За последние пять лет он редко терпел поражение, сталкиваясь с опасными людьми или ситуациями. Теперь он понимал, что вынужден обороняться. Он вглядывался в темноту и думал, яростно и напряженно. Создавалось впечатление, что всё происшедшее с ним за этот день было придумано лишь с одной целью — разрушить его самоуверенность и сделать его поговорчивее. Но зачем?

Росс обладал твёрдой верой в свои силы и проницательностью ума, редкой для людей его возраста. Он понимал, что из того, что личность Мэрдока важна для самого Мэрдока, вовсе не следует, что она так уж важна для всего мироздания. Его досье было настолько объёмным, что Рэйвел мог пришить ему всё, что угодно. Но существовала одна немаловажная деталь, отличавшая его от большинства приятелей, — до сегодняшнего дня ему неизменно удавалось выкрутиться. Росс полагал, что так получалось потому, что он всегда работал в одиночку и брал на себя труд просчитывать свои действия на несколько ходов вперёд.

С чего бы это теперь Росс Мэрдок стал вдруг кому-то настолько нужен, что для того, чтобы лишить его самообладания, было проделано всё это? Он пошёл добровольцем — зачем? Чтобы стать подопытным кроликом, на котором будут испытывать какой-нибудь вирус? В этом случае им незачем было так поспешно увозить его с базы. Не говоря ни слова, перекидывая его из одной летательной машины в другую, они явно старались деморализовать его. Хорошо, он изобразит растерянного мальчика и посмотрит, что будет дальше. Вот только удастся ли сыграть настолько убедительно, чтобы обмануть майора. В душе Росса тяжело ворочалось подозрение, что не удастся, и это было поистине обидно.

Была уже поздняя ночь. То ли метель осталась в стороне,

то ли они летели выше облаков — в безлунном небе над кабиной ярко сияли звёзды.

Образование Росс получил весьма поверхностное, но тем не менее он сумел самостоятельно расширить свои познания, диапазон которых не раз повергал в удивление многих представителей власти, имевших с ним дело. Он провёл немало времени в городской библиотеке, выискивая факты, относящиеся ко многим странным областям знаний. Факты — весьма полезные вещи. Как минимум трижды полученные таким образом обрывки знаний спасали его свободу, а один раз, наверное, и жизнь.

Теперь он пытался свести воедино всё, что ему было известно к этому времени о сложившейся ситуации. Он находился внутри какого-то ультрасовременного реактивного самолёта, машины, весь облик которой говорил о том, что она предназначена для исключительно важных заданий. Из этого следовало, что он, Росс Мэрдок, был кому-то где-то очень нужен. Значит, можно строить какие-то предположения, а для них нужны дополнительные факты. Нужно ждать, прикидываться дурачком и держать глаза и уши открытыми пошире.

Судя по скорости, с которой они мчались, за несколько часов они должны были оказаться вне пределов страны. В конце концов, разве у правительства нет баз за границей? Возможность оказаться за рубежом вовсе не входила в его планы бегства, впрочем, с этой деталью он разберётся в своё время.

Внезапно Росс вновь оказался лежащим на спине, и вновь его сдавила невидимая рука. На сей раз внизу не было посадочных огней, и Росс догадался, что они достигли места назначения, только когда резкий толчок, от которого лязгнули зубы, возвестил о посадке.

Майор вылез наружу, и Росс смог наконец распрямить своё скрюченное тело. Но его сразу же схватили за руку и поволокли вперёд. Росс высвободил руку и спустился по шаткой, похожей на лестницу, конструкции.

Внизу не было ни одного огонька — только открытое, заснеженное пространство, через которое по направлению

к лестнице двигалось несколько человек. Росс был голоден и очень устал. Он надеялся, что если майору захочется продолжить свои игры, это дело может подождать до следующего утра.

Со временем, конечно, ему нужно будет выяснить, где он находится. Если предоставится возможность бежать, то хотелось бы узнать что-нибудь об окрестностях. Но та же рука вновь схватила его за локоть и повела по направлению к полуоткрытой двери, которая, как показалось Россу, вела внутрь снежного холмика. Неизвестно, намела ли этот снег метель или его насыпали люди, но маскировка была отличной, и Росс понял, что она не случайна.

Такой Росс увидел базу, и сразу по прибытии он смог лишь мельком осмотреть её. В течении дня он подвергся самому тщательному врачебному осмотру, с каким ему только приходилось сталкиваться. Когда же любопытство докторов было удовлетворено, юношу подвергли серии тестов, смысл которых ему никто объяснить не удосужился. А затем его оставили в покое, поместив в похожую на камеру комнату, вся обстановка которой состояла из койки (оказавшейся куда более комфортабельной, чем показалось на первый взгляд) и репродуктора в углу под потолком. Ему так ничего ровным счётом и не сказали. А он и не задавал вопросов, упрямо решив держаться выбранного образа. И вот он лежит, один, целый и невредимый, вытянувшись на койке и глядя на репродуктор, очень опасный молодой человек, решивший не отступать ни на шаг.

— Теперь послушай вот что... — тембр голоса, раздавшегося из-за решётки репродуктора, был весьма металлическим, но в этом хрипе сохранялись интонации голоса Кэлгарриса. Губы Росса сжались. Он исследовал каждый квадратный дюйм стены и не обнаружил никаких следов двери, сквозь которую попал сюда. Вооружённый одними лишь голыми руками, он никак не мог выбраться отсюда, а из одежды у него теперь только то, что ему выдали: рубашка, штаны из суровой материи и туфли-мокасины на мягкой подошве.

— ...и постарайся определить... — дребезжал голос. Росс понял, что пропустил часть сообщения мимо ушей. Впрочем, это не имело значения. Он не был намерен продолжать играть в эти игры.

Раздался щелчок — Кэлгаррис отключился. Но тишина не вернулась. Вместо неё Росс услышал ясную, сладкую трель, вызвавшую смутную ассоциацию с образом птицы. Его знакомство с миром пернатых ограничивалось городскими воробьями и толстыми сизыми голубями, причём ни те, ни другие не издавали звуков, похожих на песни, но тем не менее он не сомневался, что голос принадлежал птице. Росс оторвал взгляд от динамика под потолком и посмотрел на противоположную стену. То, что он увидел, заставило его вскочить на ноги.

Стены больше не было. На её месте оказался крутой горный склон, заросший тёмно-зелёными елями до самой границы снегов, укрывающих остроконечные вершины. В затенённых местах лежали полосы снега, а запах хвои, коснувшийся ноздрей Росса, был ничуть не менее реален, чем прохлада ветерка.

Раздался звук, заставивший его вздрогнуть, — это был отражённый горным эхом вой — древний клич волчьей стаи, голодной и вышедшей на охоту. Росс никогда прежде не слышал этого звука, но вековой человеческий опыт, таящийся в его подсознании, помог безошибочно определить, что это такое — четвероногая смерть. Точно так же он сразу сумел узнать серые тени, крадущиеся за ближними деревьями — его руки сжались в кулаки, а глаза стали лихорадочно рыскать по сторонам в поисках оружия.

Позади него стояла койка, а три из четырёх стен окружали его, словно пещера. Но вот один из серых хищников поднял голову и посмотрел прямо на него глазами, в которых горели красные огоньки. Повинуясь полусформировавшейся идее, Росс схватил с койки одеяло, чтобы набросить его на зверя, когда тот прыгнет.

Волк двинулся вперёд, в его глотке клокотало глухое рычание. Россу этот зверь, более крупный, чем любая собака, и куда более свирепый, казался чудовищем. Он уже

приготовил одеяло, и только тут до него дошло, что волк смотрит не на него, что внимание хищника приковано к точке, лежащей вне поля зрения Росса.

Волк оскалил зубы, демонстрируя длинные жёлтые клыки. Раздался звук, похожий на звон струны, зверь подпрыгнул, упал на спину и покатился по земле, отчаянно пытаясь схватить зубами стрелу, вонзившуюся ему между рёбер. Он снова завыл и из его пасти хлынула кровь.

Изумление Росса не знало границ. Он собрался духом и шагнул к умирающему волку. Впрочем, он не слишком удивился, когда его вытянутая рука упёрлась в невидимый барьер. Медленно вытянув руки в стороны, он убедился, что касается стены своей камеры. И всё же то, что он видел, слышал и обонял, убеждало, что он находится в горном лесу.

Немало озадаченный, он задумался на мгновение, а затем, найдя объяснение, кивнул, и сел, расслабившись, на свою койку. Всё это, вероятно, было какой-то суперсовершенной разновидностью телевидения, воспроизводящей запахи, иллюзию ветра и другие детали, придающие зрелищу столь впечатляющую убедительность. Результат был настолько убедительным, что Россу приходилось постоянно напоминать себе, что это всего лишь картинка.

Волк был мёртв. Его сородичи исчезли в зарослях, но поскольку изображение не исчезло, Росс решил, что представление ещё не закончилось. Он слышал какие-то звуки и ожидал продолжения.

Наконец в поле зрения появился человек. Он подошёл к мёртвому волку и осмотрел его, ухватив за хвост и приподняв. Сравнив размер зверя с ростом охотника, Росс убедился, что зверь и в самом деле был огромным. Человек обернулся и что-то прокричал. Его слова были совершенно членораздельны, но абсолютно непонятны Россу.

Незнакомец был одет весьма странно — слишком легко для климата этих мест, если судить по грудам снега и холодному ветру. Полоса грубой материи, укрывавшая его от подмышек до колен, была обёрнута вокруг тела и перетянута поясом. Пояс, куда более нарядный, чем неук-

люжее одеяние, был сделан из множества маленьких цепочек, соединяющих металлические пластины. К поясу крепился длинный кинжал. На человеке был также синий плащ круглой формы, откинутый сейчас за плечи, чтобы не мешать рукам, и заколотый под подбородком чем-то вроде большой булавки. Обувь, укрывающая икры, была сделана из звериной шкуры и на ней оставались клочья косматого меха. Лицо человека было безбородым, хотя, судя по тёмной полосе вдоль подбородка, он вряд ли сегодня брился. Большая часть его тёмно-коричневых волос была скрыта меховой шапкой.

Был ли он индейцем? Нет, потому что его кожа, загорелая и обветренная, была тем не менее того же цвета, что и у Росса. Да и костюм его совсем не был похож на индейский. Вдобавок ко всему, этот человек, несмотря на примитивность своей одежды и украшений, был окружён такой аурой властности и уверенности в себе, что не возникало сомнений в том, что в своей части мира он — большая шишка.

Вскоре подошёл другой человек, одетый похоже на первого, только в плаще грязно-бурого цвета. Он тащил за собой двух упирающихся ослов, которые в ужасе шарахались от мёртвого волка, затем ещё один, с другой парой ослов. И, наконец, появился четвёртый, одетый в шкуры, со спутанной бородой на лице. Он склонился над убитым зверем и при помощи ножа с тускло-серым лезвием стал снимать с него шкуру. Прежде чем он закончил своё занятие, на заднем плане появились ещё три пары тяжело нагруженных ослов. В конце концов бородач свернул окровавленную шкуру и, пнув освежёванную тушу, легко побегал вслед-за удаляющейся процессией.

2

Увлёкшись развернувшимся перед ним действием, Росс оказался не готов к внезапной и полной темноте, поглотившей не только картину на стене, но и всю комнату.

— Что случилось? — в его ушах отозвался собственный

удивлённый голос, слишком громкий, так как все звуки пропали вместе со светом. Замолкло даже тихое гудение вентиляции, на которое он не обращал внимания, пока оно не исчезло. Росс ощутил отзвук той паники, что охватила его в кабине ракетоплана. Но теперь он был готов ко встрече с неизвестностью.

Росс медленно двинулся сквозь темноту, вытянув вперёд руки, чтобы не врезаться в стену. Он был полон решимости отыскать потайную дверь и сбежать из этой тёмной камеры.

Вот! Сперва его ладонь наткнулась на ровную поверхность. Он провёл по ней рукой в стороны, и та неожиданно ушла в пустоту. Росс двинулся на ощупь. Здесь была дверь и теперь она была открыта. На секунду юноша замешкался, не в силах избавиться от жутковатого ощущения, что выйдя наружу, окажется на горном склоне, где бродит стая волков.

— Ерунда! — он снова говорил вслух. И, может быть, потому, что он чувствовал себя довольно неуверенно, сразу двинулся вперёд. Все потрясения последних часов вызвали в нём сильнейшее желание сделать хоть что-то, что он сам считает нужным, а не то, что приказывают ему другие.

Тем не менее, Росс продолжал двигаться медленно, поскольку помещение, куда он попал, оказалось таким же пустым и тёмным, как и покинутая им комната. Он решил, что безопаснее всего будет красться вдоль одной из стен, вытянув перед собой руку.

Несколькими шагами дальше его плечо внезапно потеряло опору, и юноша чуть не провалился в ещё одну открытую дверь. Но дальше снова шла стена, и он с радостью прислонился к ней. Ещё одна дверь... Росс замер, прислушиваясь к еле уловимому звуку, едва заметному намёку на то, что он не один в этой тёмной дыре. Но мрак, не нарушаемый даже движением воздуха, казалось, сгустился вокруг него, обретая почти осязаемую плотность.

Стена кончилась. Касаясь её левой рукой, Росс вытянул правую вперёд, и его пальцы упёрлись в новую поверхность. Пространство, разделяющее две вертикальные

плоскости, было немного шире дверного проёма. Поперечный коридор? Он решил было протянуть руку дальше, и тут до него донёсся звук. Он и в самом деле был не один.

Росс отступил к стене, прижался к ней, сдерживая дыхание, чтобы вслушаться в этот шум, и обнаружил, что темнота мешает различать звуки. Он не мог определить источник этого шороха, еле заметной вибрации воздуха.

В конце концов он понял, что звук происходит от какого-то движения у самого пола. Кто-то к нему полз — а не шёл! Росс быстро укрылся за углом. Ему вовсе не хотелось иметь дело с ползушим. Эта встреча в темноте таила в себе угрозу.

Шорох был не постоянным, его часто прерывали длинные паузы. Росс заметил, что в этих паузах ясно слышалось тяжёлое дыхание, словно ползущий совершал тяжкое, изнурительное усилие. Перед его мысленным взором встала картина — волк, стоящий в погружённом во мрак зале и нюхающий воздух. Осторожность подсказывала, что надо поскорее убираться отсюда, но присущий Россу дух противоречия заставил его остаться на месте. Присев на корточки, он напряжённо вглядывался в темноту, пытаясь разглядеть приближавшегося к нему.

Внезапно ослепительно вспыхнул свет, заставив Росса прикрыть глаза ладонями. И тут же он услышал, как возле пола раздался отчаянный, полный боли возглас. Всё вокруг вновь заливал яркий свет. Росс обнаружил, что действительно стоит на пересечении двух коридоров — оказалось, его догадка была правильной. А тот, кто полз...

Человек — по крайней мере, фигура его весьма напоминала человеческую, — лежал в нескольких ярдах от юноши. Но рассмотреть его было невозможно — он весь был замотан бинтами, совершенно скрывавшими лицо. И это производило жуткое впечатление.

Одна из перевязанных рук чуть заметно шевельнулась, продвигая тело на какой-то дюйм вперёд. Но прежде чем Росс успел сделать хоть шаг, в коридор вбежал ещё один человек. Мэрдок узнал майора Кэлгарриса. Подбежав к

лежавшему на полу существу, майор опустился на колени рядом с ним.

— Харди! Харди! — его голос, который бывал столь жёстким, когда он обращался к Россу, выражал сейчас одно лишь сострадание. «Харди, дружище! — руки майора приподняли перебинтованное тело, поддерживая его за голову и плечи. — Всё в порядке, Харди, ты вернулся, живой. Ты на базе, Харди». Он говорил медленно и ласково, словно утешая испуганного ребёнка.

Одна из скрытых повязками рук, дёрнувшись, упала на забинтованное тело. «Вернулся... живой...» — прохрипел голос из-под бинтов.

— Вернулся, живой, — повторил майор.

— Вокруг темно... Опять темно... — хрипел голос.

— Ты просто страшно устал, парень. Всё будет в порядке. Сейчас мы уложим тебя в постель.

Рука раненого прикоснулась к ладони Кэлгарриса.

— Я жив?

— Ты же знаешь, что да! — произнёс майор ободряюще. Затем Кэлгаррис поднял глаза на Росса, как будто знал, что тот стоит рядом.

— Мэрдок, бегите в комнату в конце коридора и позовите доктора Фаррела!

— Слушаюсь, сэр! — вырвалось у Росса настолько автоматически, что он понял, что сказал, лишь когда уже почти добежал до комнаты.

Россу Мэрдоку никто ничего не объяснял. К забинтованному Харди примчался врач с двумя помощниками, и они быстро унесли его. Майор шёл рядом с носилками, по-прежнему держа раненого за руку. Росс остановился в нерешительности: ясно было, что в его помощи больше не нуждались, но он теперь не решался ни идти дальше осматривать базу, ни возвращаться в свою камеру. Вид Харди, кем бы тот ни был, радикально изменил представление Росса о проекте, на участие в котором он так поспешно дал согласие.

Несомненно, здесь происходило что-то очень важное. Росс и раньше подозревал, что это может быть опасным.

Но его представления об опасности до сих пор были весьма абстрактными и не связанными с такой конкретной картинкой, как ползущий во мраке Харди. С самого начала Росс лелеял дерзкий план побега. Теперь он точно знал, что отсюда надо побыстрее убираться, чтобы с ним не случилось то же, что и с человеком, которого он только что видел.

— Мэрдок!

От неожиданности Росс резко развернулся, встав в боевую стойку, но увидел перед собой не майора, и не одного из молчаливых людей, которых встретил здесь раньше. Стоявший перед ним человек обладал очень тёмной кожей, резко контрастировавшей со светлыми стенами коридора. Его брови и волосы были лишь ненамного темнее. И на этом фоне странно выделялись ярко-голубые глаза.

Незнакомец молча и бесстрастно разглядывал Росса, словно тот представлял собой какую-то проблему, которую ему предстояло решить. Когда же он заговорил, голос его оказался абсолютно монотонным, лишённым всяких модуляций.

— Я — Эш, — произнёс он равнодушно. Таким тоном говорят: «Это — стол, а это — стул».

Росс вспыхнул. «Отлично. Значит, ты — Эш, — вызывающе прошипел он. — И что бы это значило?»

Эш не принял вызова. «С этого момента мы — партнёры», — ответил он, пожав плечами.

— Партнёры в чём? — потребовал ответа Росс, стараясь сохранять спокойствие.

— Мы здесь работаем в парах. Нас подбирает компьютер, — ответил Эш и посмотрел на наручные часы. — Скоро звонок в столовую.

Он повернулся и пошёл прочь. Росс не вынес такого безразличия. Если уж он решил не задавать вопросов майору и другим, стоящим по ту сторону решётки, то у такого же «добровольца» как он сам, можно было бы узнать хоть что-нибудь.

— В конце концов, что это за место? — спросил он.

Тот посмотрел на него через плечо: «Операция «Ретроспектива».

Росс сдержал ярость. «Хорошо. Но чем они здесь занимаются? Слушай, я только что видел парня, умотанного бинтами так, словно он попал в бетономешалку, который полз через зал. Что они тут делают? И что должны делать мы?»

К его изумлению, Эш улыбнулся, по крайней мере его губы слегка изогнулись. «Проняло тебя? Ну, здесь иногда бывают потери. Их число стараются уменьшить, насколько это в человеческих силах, и для нас стараются по возможности принять все меры предосторожности».

— Что за потери?

— Потери в операции «Ретроспектива».

Где-то в дальнем конце зала негромко зажужжал зуммер.

— Звонок в столовую. Не знаю как ты, а я проголодался.

Эш отвернулся и ушёл, словно никакого Росса Мэрдока вовсе не существовало.

Тем не менее Росс Мэрдок существовал, что было немаловажным для него самого фактом. И пока юноша шёл вслед за Эшем, он решил, что намерен существовать и дальше, причём целым и невредимым, вне зависимости от «Операции «Ретроспектива» или как её там. И он собирался в ближайшее же время получить от кого-нибудь ответы на интересующие его вопросы.

К своему удивлению, он обнаружил, что Эш ждёт его у двери в комнату, откуда раздавались голоса и звон столовой посуды.

— Сегодня народу немного, — заметил Эш безразличным тоном, — на этой неделе многие заняты.

В комнате и в самом деле было совсем не многолюдно. Пять столов стояли свободными, в то время как присутствующие собрались за оставшимися двумя. Росс насчитал восемь человек, обедающих или идущих от окошка раздачи с нагруженными подносами. Все они были одеты в такие же брюки, рубашки и туфли, как и он сам — похоже, подобная одежда служила здесь чем-то вроде униформы.

Четверо из них выглядели вполне обычно, зато внешность остальных была настолько примечательной, что Росс едва сумел скрыть изумление.

Стоя вслед за Эшем в очереди на раздачу, Росс украдкой поглядывал на них. Двое явно были азиатами, низкорослыми худыми людьми с тонкими верёвочками длинных усов по бокам рта. Но когда он прислушался к их разговору, то понял, что они говорят на английском с непринуждённостью, свидетельствовавшей о том, что для них этот язык родной. В дополнение к усам на лбу у обоих синели татуировки, так же как и на тыльных сторонах ладоней.

Другая пара была ещё экзотичнее. Их светлые волосы, заплетённые в косы, волной спадали на могучие плечи. Подобных причёсок Россу пока ещё не приходилось видеть. Причём одного взгляда на этих здоровенных типов было достаточно, чтобы отбросить любые подозрения в женоподобии.

— Гордон! — один из этих гигантов полуобернулся за столом, чтобы поприветствовать Эша, когда тот с подносом в руках проходил мимо. — Когда ты вернулся? И где Сэнфорд?

Один из азиатов отложил ложечку, которой рассеянно помешивал свой кофе, и с искренним огорчением в голосе спросил: «Что, опять потери?»

Эш помотал головой: «Просто новое назначение. Сэнди торчит на Гогской Заставе. С ним всё в порядке, — напарник Росса улыбнулся, и лицо его приняло такое живое и ехидное выражение, что Росс даже удивился. — Он угрожает там пару миллионов, если не остановится. Ведёт дела так, будто родился со стаканом в руке».

Азиат рассмеялся и взглянул на юношу. «Твой новый напарник, Эш?»

Оживление исчезло с коричневого лица Эша. «Временное назначение. Это Мэрдок, — поставив поднос на стол, он кивнул, указывая на азиатов: — Ходаки, Фенг. Джансен, Ван Вайк», — последнее относилось к рослым блондинам.

— Эш! — из-за соседнего стола к ним подошёл ещё один человек. Худой, узколицый, с беспокойными глазами, он был намного моложе остальных, намного моложе и не такой сдержанный. Росс подумал, что если задать вопросы ему, парень, возможно, ответит на них.

— Чего тебе, Курт? — ответ Эша прозвучал весьма пренебрежительно. Впрочем, молодой человек никак не отреагировал на оскорбительный тон, что несколько подняло его в глазах Росса.

— Ты слышал, что случилось с Харди?

Фенг, казалось, собрался было что-то сказать, а Ван Вайк нахмурился. Прежде чем ответить, Эш долго и неторопливо предавался процессу пережёвывания и проглатывания пищи.

— Естественно, — вновь голос Эша ничего не выражал, будто случившееся с Харди было чем-то обыденным, что резко контрастировало с мелодраматическими интонациями Курта.

— Его искалечили... капут... — акцент Курта, мало заметный вначале, стал явственнее. — Замучили...

Эш посмотрел на него в упор: «Ты, кажется, не на том же маршруте, что и Харди, правда?»

Но Курт по-прежнему не сдавался: «Конечно, нет. Ты знаешь, к какому маршруту я готовлюсь. Но это не значит, что такое не может случиться на моём маршруте, на твоём или на их!» — он указал пальцем на Фенга и блондинов.

— Ты можешь свалиться с кровати и сломать себе шею, если сильно повезёт, — заметил Джансен. — Иди и поплачься в жилетку Милларду, если тебя это так пугает. На инструктаже тебе всё объяснили, тебе говорили, по какому принципу нас подбирают, что может произойти..

Росс уловил беглый взгляд, брошенный на него Эшем. Он до сих пор ничего не понимал, но не собирался задавать вопросы этой компании. Возможно, эта игра в молчанку была частью подготовки. Он подождёт до тех пор, пока не сумеет отвести Курта в сторонку и вывести у него кое-что. Пока же он спокойно ел, стараясь не демонстрировать интереса к разговору.

— То есть вы собираетесь и дальше отвечать «слушаюсь, сэр», «никак нет, сэр» на любой приказ?

Ходаки стукнул по столу татуированной ладонью: «Что за глупости, Курт. Ты прекрасно знаешь, как и почему нас отбирают на маршруты. В том, что Харди попал под удар, нет вины проекта. Такое случилось, и такое будет случаться и дальше».

— Я о том и говорю! Ты хочешь, чтобы это случилось с тобой? Хорошенькие штучки выделывают дикари на твоём маршруте с пленными, не правда ли?

— Слушай, заткнись! — Джансен встал. Поскольку он был выше Курта дюймов на пять и запросто мог переломить его пополам через колено, его слова звучали весьма внушительно. — Если ты чем-то недоволен, обращайся к Милларду. И ещё послушай, малыш, — он наставил свой массивный указательный палец прямо в лоб Курту, — прежде чем шуметь, сходи сначала на первый маршрут. Когда туда посылают, принимают все меры предосторожности, а Харди просто не повезло. Вот так вот. Мы смогли вернуть его назад, к его счастью. Он сам же первый тебе это скажет, — гигант потянулся. — Как насчёт поиграть, Эш, Ходаки?

— Ну такой всегда энергичный... — проворчал Эш, но кивнул утвердительно, так же как и маленький азиат.

Фенг улыбнулся Россу: «Эти трое всегда пытаются друг друга разгромить, и каждый раз выходит ничья. Но мы надеемся... да, мы каждый раз надеемся...»

Итак, Росс лишился возможности поговорить с Куртом. Вместо этого он как-то незаметно оказался среди людей, которые, покончив с едой, собрались на маленькой арене, вокруг которой полуколыцом стояли кресла для зрителей. Но то, что произошло потом, целиком поглотило Росса, точно так же как давешняя сцена охоты на волка. Здесь тоже разгорелась битва, но не физическая. Все трое противников были не похожи друг на друга не только внешне, но, как Росс вскоре понял, отличались и по умственному подходу к поставленной задаче.

Они уселись на пол, скрестив ноги, в вершинах воображаемого треугольника. Затем Эш взглянул на высокого блондина и маленького азиата.

— Территория? — спросил он бодро.

— Внутренние степи! — ответили те хором, и все трое, посмотрев друг на друга, рассмеялись.

Эш кивнул. «Решили сегодня быть крутыми, ребята? — спросил он. — Ну ладно, пусть будут степи».

Он приложил ладонь к полу перед собой и, к изумлению Росса, свет вокруг арены померк, а поверхность пола превратилась в миниатюрную копию зелёной степи, колымавшейся под ветром.

— Красный!

— Синий!

— Жёлтый!

Сидевшие в сумраке игроки выбрали цвета. И по их команде загорелись разноцветные огоньки.

— Красный — караван! — Росс узнал бас Джансена.

— Синий — грабители! — Ходаки лишь немного отстал от него.

— Жёлтый — неизвестный фактор.

Росс был уверен, что заметил, как Джансен вздохнул.

— Неизвестный фактор — природное явление?

— Нет — племя на марше.

— Ага! — Ходаки так и предполагал. Росс представил себе, как он пожимает плечами.

Игра началась. Росс слышал о шахматах, о военных играх, которые разыгрывают при помощи миниатюрных армий и кораблей, об играх на бумаге, требующих от участников способности быстро соображать и тренированной памяти. Эта игра, однако, совмещала в себе их все и даже больше того.

Его воображение заработало, движущиеся огоньки превратились в отряд грабителей, купеческий караван, кочующее по степи племя. Хитроумное перестроение, схватка, маленькая победа здесь, за которой следовало более серьёзное поражение там. Эта партия могла продол-

жаться много часов подряд. Сидевшие вокруг люди, бормотали что-то, обсуждая происходящее, тихо спорили, чтобы не мешать игрокам. Росс волновался, когда красные торговцы обходили весьма хитроумную засаду, и возмущался, когда племя отступало или караван терял очки. Это действие оказалось самой зачаровывающей игрой из всех, какие ему приходилось видеть, и он понимал, что все три человека, управляющие этими маневрами, — мастера стратегии. Их силы были настолько равны, что до чьей-нибудь безоговорочной победы было далеко.

Джансен рассмеялся, и красная линия каравана стянулась в компактную кучку. «Встали на стоянку у источника, — объявил он. — Но выставили хорошие караулы». Вокруг группы рассеялись красные искорки. «Они могут стоять, сколько я пожелаю. Мы можем заниматься этим хоть до второго пришествия, и никто не сможет взять верх».

— Нет, — возразил Ходаки, — в один прекрасный день кто-нибудь из нас сделает небольшую ошибку, и тогда...»

— И тогда какие-нибудь придурки нас угробят? — спросил Джансен. — То-то будет денёчек! Ну ладно, на сегодня перемирие?»

— Идёт!

Свет над ареной зажёгся вновь, и изображение степи погасло. «Если захотите продолжить, то я с удовольствием поучаствую», — объявил Эш, поднимаясь.

Джансен ухмыльнулся. «Отложи это на месячишко, Гордон. Завтра мы отправляемся во время. Следите за собой, вы оба. Мне не хочется играть с другими противниками, когда я вернусь».

Росс обнаружил, что нелегко отделаться от иллюзии, так поглотившей его. Внезапно он почувствовал, что кто-то легонько прикоснулся к его плечу и поднял глаза. Позади него стоял Курт, судя по всему, равнодушный к спору между Джансеном и Ходаки, обсуждавшими какой-то момент игры.

— Вечером встретимся, — губы юноши двигались почти незаметно — этот трюк Росс успел в своё время изучить.

Да, он обязательно встретится с Куртом, этим вечером или в другой раз, когда представится возможность. Он должен узнать, что за секрет хранит эта странная компания.

3

Росс настороженно замер, прижавшись к стене в своей тёмной комнате и повернув голову в сторону приоткрытой двери. Его встревожил лёгкий шорох, и вот теперь он стоял, напрягшись, словно кот перед прыжком. Но увидев силуэт человека, открывающего дверь и входящего внутрь, он не стал бросаться на него, а подождя, пока тот подойдёт к койке, скользнул вдоль стены, затворил дверь и привалился к ней спиной.

— Что за дела? — спросил Росс свистящим шёпотом.

В темноте раздался короткий смешок.

— Ты готов? — акцент гостя не оставлял сомнений. Это явился Курт с обещанным визитом.

— А ты сомневался?

— Нет, — не дожидаясь приглашения, тёмная фигура опустилась на край койки. — Иначе бы меня здесь не было, Мэрдок. Ты кое-что знаешь, я слышал. Тебя, так же как и меня, втянули в эти игры. Ты же видел Харди сегодня.

— Ты много чего слышал, а? — ответил Росс уклончиво.

— Я слышал, видел, и понял больше, чем все эти крикуны, вроде майора и других, вот что я тебе скажу. Ты видел Харди. Хочешь, чтобы с тобой случилось то же самое?

— А есть такая опасность?

— Опасность! — фыркнул Курт. — Ты не представляешь масштаба этой опасности, малыш. До сих пор не представляешь. Я ещё раз тебя спрашиваю: хочешь кончить так же, как Харди? Они ещё не успели заморочить тебя своими разговорами. Именно поэтому я и пришёл сюда сегодня. В чём тебе повезло — у тебя есть шанс сбежать, пока они тебя не записали.

— Записали?

Курт зло рассмеялся.

— Ага. У них тут много всяких штучек. Они у нас умники, яйцеголовые, и у каждого своя любимая финтифлюшка. Тебя засовывают в специальную машину, которая запоминает твои данные. После этого, парень, ты не сможешь выбраться наружу, не переполошив всю базу. Усёк? Так что, если хочешь смыться, делай это до того, как они тебя запишут.

Росс не верил Курту, но слушал внимательно. Эти аргументы звучали вполне убедительно для человека, чья общая неосведомлённость в научных проблемах позволяла поверить в существование самых невероятных приспособлений.

— Тебя они тоже должны были записать, — заметил Росс.

Курт снова засмеялся, но на этот раз весело.

— Они и думают, что записали. Только всё не так просто, как воображают себе майор и остальные, в том числе и Миллард! Нет, у меня имеется вполне реальный шанс удрать отсюда, я просто не могу сделать это в одиночку. Вот почему я ждал, пока они притащат сюда новичка, с которым я успею договориться прежде, чем его зацепят на крючок. Ты крутой парень, Мэрдок, я смотрел твоё досье, и я готов спорить, что ты прибыл сюда без особого желания оставаться надолго. Я даю тебе шанс выбраться отсюда вместе с человеком, который знает все ходы. Второй такой возможности не будет.

Чем дольше говорил Курт, тем убедительнее звучали его слова. Последние подозрения Росса развеялись. Он и в самом деле собирался сбежать при первой возможности, и если Курт всё продумал, то тем лучше. Конечно, не исключено что Курт просто «насадка», а все его разговоры — провокация. Но с этой возможностью придётся смириться.

— Послушай, Мэрдок, может быть, ты думаешь, что отсюда просто выбраться? Ты знаешь, парень, где мы находимся? Мы почти на самом Северном Полюсе! Не

собираешься ли ты пешком топать несколько сотен миль по снегу и льду? Весёленькая выйдет прогулочка! Я думаю что ничего не получится — если у тебя нет плана и напарника, который знает, что делать.

— А как мы будем выбираться? Угоним один из этих ракетопланов? Ты — пилот? Я — нет.

— Кроме ракетопланов у них есть кое-что ещё. Это место совершенно засекречено. Даже ракетопланы садятся здесь нечасто, чтобы их не засекли радары. Ты что, не знаешь, что здесь повсюду рыщут красные? Эти ребята следят за действиями красных, красные следят за ними. Обе стороны играют из-под стола. Мы будем выбираться на «кошках».

— Кошках?

— Это такие снегоходы, вроде тракторов. На юге заложены склады с припасами, раз в месяц туда ходят «кошки». Управлять такой машиной совсем не сложно, и прежде чем нас начнут искать, можно уйти далеко.

— Как далеко нам нужно уйти? — спросил Росс скептически. Даже если предположить, что Курт говорит правду, путешествие по диким арктическим просторам на украденной машине выглядит по меньшей мере рискованным. У него было довольно смутное представление об полярных пустынях, но тем не менее он был уверен, что без должных предосторожностей там легко можно сгинуть навсегда.

— Может быть, всего лишь миль на сто, или около того. Но у меня есть в запасе и другие планы, и я готов рискнуть собственной головой. Неужели ты думаешь, что я отправлюсь в путь наобум?

Тут он был, конечно, прав. Росс с самого начала понял, что его гость в первую очередь думает о собственных интересах и не станет рисковать, если у него нет чёткого плана действий.

— Ну и что ты скажешь, Мэрдок? Ты со мной или нет?

— Мне нужно время, чтобы всё это переварить.

— Вот времени у нас как раз и нет, мой мальчик. Завтра

они тебя запишут. После этого тебе не выйти за ограду.

— Тогда, может быть, ты научишь меня, как обмануть эту записывающую машину? — предложил Росс.

— Ничего не выйдет. Это связано с устройством моего мозга. Я же не могу открыть мою черепушку и дать тебе кусок своих мозгов? Нет, или ты бежишь вместе со мной сегодня ночью, или я буду ждать, пока сюда не привезут кого-нибудь ещё.

Курт встал. Последнюю фразу он произнёс безразличным тоном, и Росс понял, что он имел в виду именно то, что сказал. Но всё же Росс колебался. Он хотел попытаться выбраться на свободу, и догадки о том, что здесь происходит, усиливали это желание. Хотя Курт не внушал ему ни симпатии, ни доверия, Россу казалось, что он понимает его лучше, чем Эша и остальных. К тому же с Куртом он окажется в привычной стихии — в такие переделки ему приходилось попадать и раньше.

— Сегодня... — повторил он задумчиво.

— Да, сегодня! — в голосе Курта зазвучало нетерпение — он чувствовал, что собеседник сомневается. — Я долго готовился, но нас должно быть двое. Нужно по очереди управлять «кошкой». Нельзя останавливаться, пока мы не окажемся далеко на юге. Говорю тебе, это несложно. Вдоль пути следования есть тайники с пищей, оставленные на случай непредвиденных обстоятельств. Я достал карту, где они отмечены. Ты идёшь?

Росс не отвечал. Тогда Курт подошёл к нему ближе.

— Помнишь Харди? Он не первый и не последний. Нас тут используют без оглядки. Вот почему они так срочно притащили тебя сюда. Лучше рисковать со мною, чем на маршруте.

— А что такое «маршрут»?

— А, так значит они тебя не инструктировали? Ну, маршрут — это такой небольшой скачок назад во времени, путешествие в историю. Только не в ту причёсанную историю, о которой ты читал в книгах, когда был маленьким. Нет, тебя забрасывают в какие-то дикие доисторические времена...

— Это невозможно!

— Вот как? Ты видел сегодня этих здоровенных белокрысых парней, а? Как ты думаешь, зачем они отрастили такие косы? Потому что они путешествовали в такие времена, когда мужчины носили косы и ходили с большущими топорами, которыми можно разрубить человека пополам. А Ходаки и его напарник... Ты что-нибудь слышал о татарах? Может быть, и нет, но когда-то они прошли почти по всей Европе.

Росс сглотнул слюну. Он вспомнил картинку на которой были нарисованы воины с косами на голове и с топорами в руках — викинги! И татары, да он когда-то смотрел кино о каком-то Хане, точно, Чингис-хане! Но ведь вернуться в прошлое невозможно!

Однако он подумал о фильме, который видел сегодня — с человеком, убившем волка, и тем, лохматым, одетым в шкуры. Они были не из этого мира. Неужели Курт говорит правду? Яркие воспоминания об этой сцене придали убедительность словам Курта.

— Представь, что тебя посылают во время, где не любят чужаков, — продолжал Курт. — Ты туда попадаешь, и с тобой происходит то же, что и с Харди. А это не очень приятно!

— Но зачем?

— А вот это они тебе скажут только накануне первого выхода на маршрут. Я даже не хочу знать, зачем. Я знаю только, что не собираюсь отправляться в эти безумные времена, где какой-нибудь дикарь может запросто продырявить меня копьём из-за того, что майор Джон Кэлгаррис или Миллард хотят что-то там выяснить. Сперва я испробую свой план.

Настойчивость Курта сделала своё дело. Росс решился. Он тоже рискнёт бежать на «кошке». Он знаком только с этим миром и с этой эпохой и не желает знакомиться с другими.

Как только Росс принял решение, Курт повёл его за собой. Его знание системы безопасности базы было безуп-

речным. Дважды дорогу им преграждали запертые двери, но они задерживались лишь на секунду, поскольку у Курта имелась какая-то маленькая, уместившаяся в ладони штучка, поднося которую к замку, он легко открывал любые двери.

Коридоры достаточно освещались и идти было легко, но в комнатах царила темнота, и Курту дважды приходилось вести Росса под руку. Он обходил препятствия с уверенностью человека, неоднократно преодолевавшего этот маршрут. За время пути Росс сильно изменил своё мнение об его способностях в лучшую сторону и поверил, что ему и в самом деле очень повезло с компаньоном.

Когда они достигли последнего помещения, Росс, с готовностью повинаясь приказам Курта, надел меховой костюм, который тот ему дал. Размер оказался не совсем подходящий, но он обратил внимание, что Курт постарался выбрать наиболее близкий к его росту. Открылась последняя дверь, и они шагнули во мрак полярной ночи. Ухватив Росса одетой в рукавицу рукой, Курт потащил его за собой. Вместе они распахнули дверь ангара, где стояла машина, на которой им предстояло бежать.

«Кошка» оказалась довольно странным механизмом, но у Росса не было времени осмотреть её. Курт втолкнул его в кабину, стеклянный колпак над ними захлопнулся и двигатель заработал. Вероятно, «кошка» двигалась на предельной скорости, но тем не менее казалось, что они ползут немногим быстрее, чем пешком.

Какое-то время Курт двигался от стартовой точки по прямой, но вскоре Росс услышал, как он негромко отсчитывает что-то, словно отмеряя время. Когда он досчитал до двадцати, «кошка» резко забрала вправо и описала широкий полукруг. На следующий счёт «двадцать» маневр повторился в противоположном направлении. После того как это было сделано шесть раз, Росса начали одолевать сомнения, удастся ли им вернуться на первоначальный курс. Когда Курт перестал считать, Росс спросил его: «Что это за танцы?»

— А ты хочешь, чтобы тебя разорвало на клочки и раскидало по окрестностям? Для того, чтобы с базы никто не вышел и никто туда не вошёл, вовсе не нужны заборы в две мили высотой — здесь есть другие меры безопасности. Скажи спасибо, что мы преодолели первое минное поле и не взорвались.

Росс поёжился, но постарался не показать Курту своего испуга:

— Так значит, всё не так просто, как ты говорил?

— Заткнись! — Курт снова начал отсчёт, и Росс провёл несколько весьма неприятных минут в размышлениях о безрассудности поспешных решений и о том, что прежде чем ввязаться в это дело, нужно было как следует подумать.

Они вновь принялись выписывать на снегу волнообразные узоры, но теперь уже в виде острых углов. Время от времени Росс бросал взгляд на человека, сидевшего за рулём. Как Курт сумел запомнить маршрут? Его желание покинуть базу явно перевешивало все остальные побуждения.

Они продолжали двигаться туда-сюда, с каждым разворотом выигрывая всего несколько ярдов.

— Хорошо, что «кошки» работают на атомном топливе, — заметил Курт в промежутке между двумя минными полями, — иначе бы мы сожгли всё топливо.

Росс с трудом поборол в себе желание выскочить наружу, чтобы избежать любого контакта с двигателем. Вероятно, эти машины были вполне безопасными, но страх перед радиацией был всё же силён. К счастью, Курт вскоре прекратил маневры и вышел на прямой курс.

— Мы выбрались! — с облегчением произнёс Курт, ничего, впрочем, к этому не добавив.

«Кошка» уверенно ползла вперёд. Россу показалось, что у них нет никаких ориентиров, но Курт вёл машину ничуть не сомневаясь. Спустя некоторое время он нажал на тормоз и сказал Россу:

— Мы должны вести по очереди — теперь ты.

— Я умею водить машину, но эта штука... — с сомнением ответил Росс.

— Ерунда. Самым сложным было преодолеть минное поле, и это уже позади. Смотри! — Курт указал на слабо светившуюся приборную панель, — это поможет тебе ехать прямо. Если умеешь водить автомобиль, то с этим и давно справишься. Следи!

Он вновь тронулся с места и слегка повернул налево.

Огонёк на панели начал мигать, и чем сильнее они отклонялись от курса, тем чаще он мигал.

— Видишь? Следи, чтобы он горел постоянно, и всё будет в порядке. Если мигает, поворачивай, пока не перестанет. Ребёнку ясно. Садись и поехали.

Поменяться местами в закрытой тесной кабине оказалось весьма не просто, но в конце концов им это удалось, и Росс осторожно взялся за руль. Следуя указаниям Курта, он принялся смотреть вперёд, обращая больше внимания на огонёк, чем на белое пространство впереди, и, промучавшись несколько минут, наконец приспособился. Как и обещал Курт, всё было очень просто. Проследив какое-то время за его действиями, Курт что-то одобрительно промычал и устроился подремать.

Когда интерес к вождению «кошки» угас, это занятие начало казаться монотонным и убаюкивающим. Росс заметил, что начинает зевать, но упрямо оставался на своём посту. До сих пор всё делал Курт, и Россу не хотелось упустить шанс продемонстрировать свою полезность. Если бы среди бесконечных снегов появился хоть какой-нибудь просвет, хоть какая-нибудь видимая цель, то было бы не так трудно. В конце концов Росс то и дело стал отклоняться от курса, чтобы мигающий огонёк на панели не давал ему заснуть. За этими маневрами он не заметил, как проснулся Курт, пока тот не сказал:

— Придумал себе будильник, Мэрдок? Хорошо, не буду спорить с человеком, умеющим работать головой. Но лучше тебе покемарить, а то мы так далеко не уедем.

Росс слишком устал, чтобы сопротивляться. Они вновь

поменялись местами, и он свернулся поудобнее, насколько это было возможно, на тесном сидении. Но только теперь, когда можно было спокойно поспать, он понял, что больше спать не хочет. Курт же, вероятно, решил, что Росс крепко спит, потому что через пару миль пути он осторожно пошевелился. В неверном свете приборной панели Росс заметил как он, порывшись в нагрудном кармане своей парки, достал небольшой предмет, и, прижав его одной рукой к рулю, другой принялся слегка нажимать на него.

Росс не понял смысла его действий, но уловил как Курт облегчённо вздохнул, убирая своё сокровище обратно в карман, как будто выполнив какое-то важное дело. Вскоре «кошка» остановилась, и Росс приподнялся в кресле, протирая глаза.

— Что случилось? Мотор заглох?

Курт облокотился на руль.

— Нет. Просто нужно здесь подождать.

— Ждать? Чего? Пока Кэлгаррис придёт и сцапает нас?

Курт рассмеялся:

— Майор? Вот уж чего бы я хотел — так это, чтобы он оказался сейчас здесь. То-то будет для него сюрприз! Вместо двух маленьких мышек, которых нужно засадить обратно в клетку, — большущий тигр с клыками и когтями!

Росс выпрямился. Это дело начинало плохо пахнуть, дело, в которое он влез по самые уши. Он оценил возможное продолжение и пришёл к выводу, что Росс Мэрдок, похоже, крепко влип. Если Курт ждёт каких-то своих друзей, то эти друзья могут быть только из одной компании...

Большую часть своей короткой жизни Росс вёл свою собственную войну против ограничений, навязываемых ему законами и правилами, которых он не мог принять. И за годы этой войны, где случались и атаки, и поражения, и стратегические маневры, он выработал собственные правила столь опасной игры. Он никого не убивал и ни за что не пошёл бы по тому пути, который выбрал Курт. Для человека, ненавидевшего всяческие запреты и ограниче-

ния, цели и методы хозяев Курта были не просто чуждыми и нелогичными — они были ему глубоко противны.

— Твои друзья опаздывают? — как бы невзначай спросил он.

— Пока нет, и если ты хочешь сыграть в героя, то прежде как следует подумай! — в голосе Курта зазвучали металлические нотки — те самые, что так не нравились Россу в голосе майора. — Эта операция тщательнейше планировалась и от неё зависят очень серьёзные вещи. Теперь нам уже никто не сможет помешать.

— Красные внедрили тебя в проект, да? — Росс хотел поддержать разговор, чтобы выиграть время для размышлений. А думать ему нужно было быстро и чётко.

— Нет смысла пересказывать тебе грустную историю моей жизни, Мэрдок. Без сомнения, большая часть её тебе покажется весьма скучной. Если ты хочешь остаться в живых, хотя бы на время, тебе стоит помалкивать и делать то, что тебе велят.

Курт скорее всего был вооружён — в противном случае он вряд ли вёл бы себя столь самонадеянно. С другой стороны, если подозрения Росса верны, то как раз и наступил момент, когда нужно сыграть в героя — потому что лучше быть мёртвым героем, чем живьём попасть в руки дружков Курта посреди полярной пустыни.

Как можно резче Росс бросился влево, стараясь прижать Курта к стенке кабины, и вцепился в мех на ворота его паркы, пытаясь нащупать горло. Похоже, Курта подвела излишняя самоуверенность, из-за которой он оказался не готов к внезапному нападению. Он отчаянно пытался освободить руки, но Росс, заметив блеск металла, намертво сжал его запястье.

Они дрались, путаясь в меховой одежде. Росс старался не дать Курту вырваться и пытался при этом выключить его метким ударом.

В конце концов Курт сам помог противнику. Когда Росс на секунду ослабил хватку, он бросился на него и тут же

получил удар сбоку. Он уже не смог остановиться и, ударившись головой о рулевое колесо, обмяк.

Росс действовал быстро. Он снял свой ремень и безжалостно скрутил Курту руки. Затем, изогнувшись, он перетащил бесчувственное тело противника и занял место водителя.

Он не имел ни малейшего представления куда ехать, но знал, что отсюда надо убираться — причём на предельной скорости. Помня о том, что его умение водить эту машину было весьма ограниченным, Росс двинулся с места и, описав широкий круг, убедился, что «кошка» движется в направлении обратном первоначальному.

Огонёк, указывающий курс, горел по-прежнему ровно. Вернётся ли он на базу, двигаясь обратно по той же прямой? Затерянный в безмолвии диких холодных просторов, он принял единственное возможное решение и отправился в путь.

4

Росс вновь просто сидел и ждал, пока другие решат его судьбу. Внешне он был так же невозмутим, как и тогда, перед судьёй Рэйвелом. Вспоминая происшедшее, он понимал, что несмотря на мрак полярной ночи, у него не было шансов спастись. Убегая от тех, кто шёл на встречу с Куртом, он попал прямо в объятия поисковой партии с базы и увидел в действии механическую гончую, которую, по словам Курта, посылают в погоню за беглецами, — жуткую машину, способную преследовать цель до тех пор, пока металл, из которого она сделана, не рассыплется в пыль от ржавчины. Беглецам не так уж сильно удалось оторваться от преследователей, как рассчитывал Курт, полагаясь на полученное на старте преимущество.

Росс не знал, насколько смягчит его вину то обстоятельство, что он был захвачен уже на обратном пути с лежавшим в кабине связанным Куртом. За долгое время ожидания ему не раз приходило в голову, что это, может быть, вообще

не учитывается. На этот раз в камере ничего не происходило — просто тянулись долгие часы, полные далеко не приятных размышлений.

Но из этой истории с неудачным походом через льды он извлёк один весьма важный урок: Кэлгаррис и прочая публика с базы оказались самыми серьёзными противниками из тех, что когда-либо встречались ему, и на их стороне были все возможные преимущества. Теперь Росс даже не сомневался, что бежать с базы невозможно. Приготовления Курта произвели на него впечатление, он понимал, что многое из этого он сам никогда бы сделать не сумел. И он не сомневался, что Курт прибыл сюда, имея с собой всё самое изощрённое оборудование, какое было у красных.

Когда друзья Курта наконец прибыли на место встречи, их ожидал весьма грубый приём. Кэлгаррис выслушал Росса и послал туда боевую группу. Прежде чем поисковая партия вернулась на базу, тёмное арктическое небо озарилось вспышкой. Курт к тому времени пришёл в себя, и когда он понял, что это означает, бесстрастное выражение исчезло с его лица.

Дверь камеры, где сидел Росс, щёлкнула, и он поднялся с койки, готовый услышать приговор. На сей раз он не собирался разыгрывать спектакль. Ни малейших угрызений совести по поводу побега он не испытывал. Играй Курт честно, возможно, сегодня был бы хороший день. А так — просто не повезло.

Вошли Кэлгаррис и Эш. При виде Эша внутреннее напряжение, владевшее Россом, немного ослабло. Для вынесения приговора майор мог прийти и в одиночку, и если бы приговор был очень суров, ему вовсе незачем было вести с собой Эша.

— Ты плохо начал, Мэрдок, — майор сел на край полки, игравшей роль стола. — Тебе будет предоставлен ещё один шанс, так что считай, что тебе повезло. Мы убедились, что ты не шпион, и поэтому твоя голова уцелела. Тебе есть, что добавить к своему рассказу?

- Нет, сэр.
- Вопросы?
- Очень много, — честно ответил Росс.
- Почему же ты их не задавал?

Росс улыбнулся тонкой улыбкой, так непохожей на ту застенчивую ухмылку, что появлялась на его лице, когда он изображал робкого мальчишку.

— Приличные ребята никогда не показывают своего невежества. Просто смотрят, слушают и помалкивают.

— И в результате едва не попадают в дерьмо... — добавил майор. — Не думаю, чтобы тебе понравилось общество тех, кто нанял Курта.

— Когда я убегал отсюда, я про них ничего не знал.

— Да, а когда узнал, то принял меры. Почему? — первый раз в голосе майора прорезался отзвук чувства.

— Потому что мне не нравятся порядки по их сторону забора.

— Только это тебя и спасло, Мэрдок. Ещё один шаг в сторону, и тебе уже ничего не поможет. На этом пока закончим. Кстати, ты можешь задать несколько своих вопросов.

— Насколько то, что наплёл мне Курт, правда? — выпалил Росс. — Я имею в виду путешествия во времени.

— Так всё и есть, — майор произнёс это так просто, что сомнений не оставалось.

— Но зачем? Как?

— Ты поймал нас на слове, Мэрдок. Из-за твоей маленькой прогулки нам придётся рассказать тебе больше, чем мы обычно говорим нашим людям до последнего инструктажа. Послушай и забудь всё, что не относится к той работе, которую тебе будет нужно выполнять.

Красные двадцать пять лет назад запустили Спутник. Мы ответили им немного позже. Потом произошло несколько серьёзных аварий на Луне, потом эта станция, сошедшая с орбиты, потом корабль... Последние двадцать лет мы не совершали космических полётов, ничего из того, что планировали. Слишком много «жучков», слишком

много дорогостоящих неудач. И в конце концов, мы начали узнавать о чём-то куда более серьёзном, чем болтающийся в небе футбольный мячик.

Все открытия в науке происходят не вдруг, к ним идут шаг за шагом. Их историю можно проследить по этим шагам исследователей. Но представь, что ты сталкиваешься с результатом, который, судя по всему, получен сразу, без всякой подготовки. Что бы ты предположил в таком случае?

Росс уставился на майора. Хотя он не понимал, какое это имеет отношение к путешествиям во времени, но тем не менее почувствовал, что Кэлгаррис ожидает от него серьёзного ответа.

— Либо эти шаги хранились в полном секрете, — медленно ответил он, — либо это открытие не принадлежит тем, кто о нём заявил.

Впервые майор глянул на него с одобрением.

— Предположим, это открытие жизненно важно для тебя. Что ты будешь делать?

— Попытаюсь выяснить, откуда оно взялось!

— Вот именно! За последние пять лет наши соседи напротив заявили о трёх таких открытиях. Одно мы смогли проследить, повторить и использовать с некоторыми собственными дополнениями. Происхождение двух других до сих пор неизвестно, но они как-то связаны с первым. Сейчас мы пытаемся разрешить эту проблему, но время поджимает. Хотя у красных имеются совершенно невероятные штуки, они по какой-то причине ими пока не пользуются. Иногда эти штуки работают, иногда нет. Всё это говорит о том, что красные ведут работу с открытиями, которые в основном сделаны не ими самими.

— Откуда же они их получили? С другой планеты? — воображение Росса заработало. Неужели удалось сохранить в секрете успешное космическое путешествие и контакт с другой разумной расой?

— В некотором смысле — да. Только эта планета удалена от нас не в пространстве, а во времени. Семь лет

назад к нам попал человек из Восточного Берлина. Он был почти уже мёртв, но прожил достаточно, чтобы надиктовать на плёнку совершенно потрясающие сведения, настолько невероятные, чтобы навести на мысль о безумии. Но это было после Спутника, и мы не решались оставить без внимания любые намёки о происходящем по ту сторону Железного Занавеса. Запись была исследована учёными, и они предположили, что в этих сведениях есть правдивое зерно.

О путешествиях во времени писали фантасты, остальные считали их невозможными. Потом мы узнали, что красным удалось это сделать.

— Вы хотите сказать, что они отправлялись в будущее и доставили оттуда те машины, что используют сейчас?

Майор покачал головой:

— Не в будущее. В прошлое.

Что за странная шутка? В непонятном волнении Росс не удержался от ответа:

— Послушайте, вы знаете, у меня нет такого образования, как у ваших умников, но я знаю, что чем дальше в прошлое, тем проще были все вещи. Мы ездим в машинах. Всего сто лет назад люди ездили на лошадях. У нас есть ружья — а ещё не так уж давно люди рубились на мечах, стреляли друг в друга из луков и прикрывались от стрел тонкими пластинами из металла. Каким образом могли красные найти в прошлом что-то, что пригодилось бы сегодня?

— Именно это и занимало нас последние семь лет, — возразил Майор. — Причём даже не как, а где. Потому что где-то в прошлом они смогли вступить в контакт с цивилизацией, способной порождать такие идеи и делать такое оружие, что наши эксперты просто становятся в тупик. Мы должны найти их источник и либо воспользоваться им, либо изолировать его. Но до сих пор мы только пытаемся его отыскать.

Росс покачал головой:

— Это должно быть очень далеко в прошлом. А эти

ребята, что отыскивают гробницы и раскапывают древние города — не могли бы они дать вам какие-то указания? Неужели от такой цивилизации не осталось ничего, что сохранилось бы до сегодняшнего дня?

— Это зависит, — заметил Эш, — от типа цивилизации. Египтяне строили из камня и очень основательно. Они использовали орудия из меди, бронзы и камня, и жили в сухом климате, хорошо сохраняющем предметы. В Междуречье строили из обожжённого кирпича и тоже использовали медь, бронзу и камень. И там климат был вполне подходящим для сохранения древностей. Греки строили из камня и писали книги, сохранившие их историю для потомков. Так же как и римляне. По нашу сторону океана инки, майя, предшествовавшие им неизвестные народы, ацтеки — все они строили из камня и пользовались металлическими орудиями. Металл и камень сохранились. Но что, если в древности существовали люди, использовавшие пластмассу и нестойкие сплавы, и не желавшие сооружать долговременные строения, чьи инструменты, например, экономии ради, не были рассчитаны на длительное использование. Что могло сохраниться от них — предположим, если нас от них отделяет период оледенения, когда ледники стёрли в пыль то немногое, что они оставили?

Доказано, что полюса нашей планеты перемещались, и те районы, что сейчас лежат в высоких широтах, были когда-то тропиками. Катастрофа, настолько мощная, что привела к передвижению полюсов, могла бесследно уничтожить любую, даже самую высокоразвитую цивилизацию. У нас есть веские основания полагать, что такие люди существовали, надо только найти их.

— А Эш у нас раньше был скептиком, теперь же изменил своё мнение, — майор слез со своего насеста на полке. — Он — археолог, один из тех, что раскапывают гробницы, и он знает, что говорит. Мы должны вести свою охоту в те времена, когда ещё не была построена первая пирамида, когда земледельцы ещё не осели в долине Тигра. Но мы

должны позволить врагу вывести нас на след. Вот почему ты здесь.

— А почему я?

— Это вопрос, на который наши психологи всё ещё ищут ответ, мой юный друг. Похоже, что большинство людей из разных стран, которые объединились вокруг нашего проекта, оказались слишком цивилизованными. Их реакции на те или иные ситуации слишком привязаны к определённым нормам, и они не могут их преодолеть. А если внешняя угроза и заставляет их сменить модель поведения, то потом они оказываются настолько деморализованными, что не могут работать в полную силу. Научите человека убивать — например, на войне — и потом его придётся долго приводить в норму.

Но в результате тех же войн появился и другой тип людей. Такой человек — прирождённый коммандо, секретный агент, вся его жизнь — это бой. Их немного, и они — мощное оружие. В мирное время это сочетание нервов, эмоций и навыков становится опасным для самого общества, которое эти люди защищали во время войны. В обстановке мира они превращаются или в преступников, или в неудачников.

Люди, которых мы посылаем исследовать прошлое, не только получают самую совершенную подготовку — все они принадлежат к такому типу, к «первопроходцам». О таких людях вспоминают с умилением — когда они мертвы, но жить с ними бок о бок не особенно приятно. Наши агенты в современной жизни — неудачники, потому что их способности в наше время остаются невостребованными. Они должны быть достаточно молодыми и обладать определённым уровнем интеллекта, необходимым для того, чтобы усвоить подготовку, а также пройти наши тесты. Понимаешь?

Росс кивнул: «Вам нужны пройдохи именно потому, что они пройдохи».

— Нет, не потому, что они пройдохи, а потому, что не

вписываются в современное общество. Не надо думать, Мэрдок, что у нас тут уголовная организация. Но человек, которого в одни времена называют преступником, в другие может стать героем. Это грубый пример, но он правильный. Когда человек проходит нашу подготовку, он не только в состоянии выжить в том периоде, куда его направляют, но и вполне может сойти за уроженца той эпохи.

— А как насчёт Харди?

Майор уставился в пространство.

— Ни одна операция не застрахована от грубых ошибок. Мы никогда не утверждали, что у нас не бывает неприятностей, и что наша деятельность безопасна. Мы вынуждены иметь дело как с уроженцами разных времён, так и в случае, если нам повезёт и мы выйдем на след, с красными. Они подозревают, что мы стараемся выследить их. Им удалось заслать к нам Курта Фогеля. Его подготовка и прикрытие оказались почти совершенными.

Теперь ты узнал, что хотел, Мэрдок. Ты соответствуешь нашим требованиям и перед первым выходом на маршрут тебе будет предоставлена возможность сказать «Да» или «Нет». Если ты скажешь «Нет» и откажешься от задания, то ты автоматически становишься узником и остаёшься здесь. Ни один человек, прошедший нашу подготовку, не может вернуться к нормальной жизни — слишком велика вероятность того, что он будет захвачен и использован противником.

— Никогда?

Майор пожал плечами.

— Эта операция может длиться долго. Мы надеемся, что не слишком, но сейчас наверняка сказать нельзя. Ты будешь находиться в заключении до тех пор, пока мы не найдём того, что ищем, или не потерпим окончательного поражения, — он потянулся. — К подготовке приступаешь завтра. Подумай как следует, и когда настанет время, сообщи свой ответ. Кстати, ты будешь работать с Эшем, он введёт тебя в курс дела.

Это была новость не из приятных, но Росс решил, что в его положении это приемлемо.

Обучение открыло для него целый новый мир. Освоить дзюдо и несколько иных видов борьбы оказалось довольно несложно, и тренировки ему нравились. Больших усилий потребовали многочасовая практика стрельбы из лука и сложное искусство владения длинным бронзовым кинжалом. Овладение сперва одним языком, а потом другими, интенсивное изучение незнакомых обычаев, запоминание строгих табу и этических норм тоже давались нелегко. Росс учился делать записи при помощи узелков на потайных ремешках и знакомился с искусством примитивных торговых сделок. Он начал разбираться в том, какова стоимость небольших крестообразных слитков металла по ставнению с нитками янтарных бус и выделанными белыми мехами. Теперь он понял, почему при первом знакомстве с целями «Операции Ретроспектива» ему показывали купеческий караван.

За время подготовки его отношение к Эшу существенно изменилось. Невозможно работать с человеком бок о бок и держать на него обиду — либо она вырвется наружу, либо утихнет. Благоговение перед бесконечностью практических познаний Эша, всегда готового помочь в борьбе с его собственным невежеством, породило в душе Росса уважение, которое могло бы перерасти в дружбу, если бы не дистанция, поддерживаемая Эшем. Росс не пытался пробить этот барьер, в основном из-за того, что был уверен, что причиной его возникновения был его статус «добровольца». Это вызывало в его душе странное чувство, анализировать которое он избегал. Раньше Росс всегда гордился своим досье; теперь ему иногда хотелось, чтобы оно было совсем другим.

Люди приходили и уходили. Исчезли Ходаки и Джансен со своими напарниками. В подземном лабиринте, чем по сути являлась база, следить за ходом времени было абсолютно невозможно. Со временем Росс обнаружил, что база

занимает очень большое пространство, укрытое сверху корой из льда и снега. Здесь имелись лаборатории, прекрасно оборудованный госпиталь, арсеналы, где хранилось оружие, обычно встречающееся только в музеях, но совершенно новое и годное к употреблению. Собранию библиотеки, где на многих милях полок хранились магнитные записи и фильмы, можно было только позавидовать. Росс не мог сразу понять всего, что видел и слышал, и иногда казался себе губкой, пропитавшейся почти до предела.

Он научился естественно носить неуклюжую тунику вроде той, что видел на охотнике, убившем волка, и с выработанной тренировками уверенностью бриться при помощи бронзового лезвия листообразной формы, есть странную пищу и наслаждаться её вкусом. Чтобы эффективнее использовать время, он, прослушивая записи, лежал под ультрафиолетовыми лампами до тех пор, пока цвет его кожи не стал почти таким же, как у Эша. И всегда было о чём побеседовать.

— Бронза... — проговорил однажды Эш, поигрывая кинжалом с тёмной роговой рукояткой, украшенной сложным узором из крошечных золотых гвоздиков. — Знаешь ли, Мэрдок, бронза может быть даже прочнее стали. Если бы железо не оказалось красивее и проще в обработке, мы могли бы навсегда остаться в Бронзовом Веке. Железо дешевле и его легко находить, и когда первый кузнец научился его обрабатывать, подошёл к концу один способ жизни и возник другой.

Для нас очень важна бронза, и мы — те, кто работают с ней. В древности кузнецов почитали. Тайна их ремесла была превыше принадлежности к племени или расе. Кузнец был желанным гостем в любой деревне, его личность была неприкосновенна на дороге. На самом деле, дороги находились под покровительством богов, на них царил мир. Земля тогда была просторна и пуста, там хватало места и для охотника, и для земледельца и для торговца.

Жизнь являла собой не борьбу людей друг с другом, а борьбу человека с природой...

— Даже войн не было? — недоверчиво спросил Росс. — К чему же тогда искусство владения луком и кинжалом.

— Войны были небольшими предприятиями, конфликтами между кланами или племенами. Что же касается лука, то он необходим в лесу — гигантские звери, волки, вепри...

— Пещерные медведи?

Эш устало вздохнул.

— Запомни, Мэрдок, история куда дольше, чем тебе кажется. В эпоху бронзы пещерных медведей уже не было. Если бы у тебя хватило глупости поохотиться на такого зверя при помощи копья с каменным наконечником, тебе следовало бы отправиться на несколько тысячелетий раньше.

— Можно было бы прихватить с собой винтовку, — осторожно произнёс Росс фразу, что давно хотел сказать.

Эш резко повернулся к нему. Росс достаточно хорошо его знал, чтобы понять, что он очень огорчён.

— Вот именно этого-то делать и нельзя, Мэрдок. Мы не пользуемся никаким оружием, отличающимся от того, что использовалось в эпоху, соответствующую маршруту. Потому что находясь на маршруте, ты не должен делать ничего, что могло бы изменить ход истории.

Росс продолжал чистить нож, который держал в руках.

— А что случится, если кто-нибудь нарушит это правило?

Эш отложил в сторону свой кинжал.

— Мы не знаем. Просто не знаем. Поэтому и стараемся держаться в стороне от тех стран, чью историю мы можем более или менее подробно проследить. Быть может, когда-нибудь, — он посмотрел невидящими глазами на увешанную оружием стену, — когда-нибудь мы сможем увидеть, как поднимаются пирамиды, проследить за походом армии Александра... Но не теперь. Мы держимся подальше от истории и уверены, что красные поступают так же. Это та

же старая проблема, что и с атомной бомбой. Никто не желает нарушать равновесие и расхлёбывать последствия. Как только мы обнаружим их аванпост, мы немедленно отзовём людей со всех остальных маршрутов.

— Почему вы так уверены, что они где-то держат посты? Почему бы им не работать непосредственно с основным источником?

— Они могут, но по какой-то причине не делают этого. Насколько нам известно, это точные данные, — Эш улыбнулся. — Нет, источник расположен гораздо дальше во времени, чем промежуточный пост. Но если мы его найдём, то выследим и источник. Мы засылаем людей в подходящие эпохи и надеемся на лучшее. У тебя в руках хорошее оружие, Мэрдок. Желаете ли ты с честью носить его?

Тон, каким был задан этот вопрос, заставил Росса полностью сосредоточиться. Его серые глаза встретились с голубыми. Вот оно — наконец то!

— Уже пора?

Эш взял в руки пояс из бронзовых пластин — точно такой же, как тот, что был на охотнике, и протянул его Россу.

— Завтра ты можешь отправиться на испытательный маршрут.

Росс сделал глубокий вдох: «Куда? И в какое время?»

— На остров, который позже назовут Британией. Примерно две тысячи лет до нашей эры. Торговцы-горшечники начали открывать там свои фабрики. Это твой выпускной экзамен, Мэрдок.

Росс вставил кинжал, который держал в руках, в висящие на поясе деревянные ножны.

— Если ты говоришь, что мне можно это сделать, то я хотел бы попробовать.

Он уловил взгляд, брошенный на него Эшем, но не понял его значения. Досада? Нетерпение? Он всё ещё терялся в догадках, когда собеседник повернулся к нему спиной и покинул его.

Он сказал «да», но, как обнаружилось, из этого вовсе не следовало, что его немедленно отправят в древнюю Британию. «Завтра» Эша, похоже, растягивалось на несколько дней. Облик торговца-горшечника, принятый Россом, несколько раз проверялся экспертами, чтобы убедиться в полной достоверности деталей. Важно было не вызвать подозрений у «соплеменников», потому что любая ошибка могла привести к провалу.

Роль горшечника служила очень удачным прикрытием. Они не были единым кланом, все члены которого тесно друг с другом связаны, и, к тому же, не так подозрительно относились ко всему чужому и необычному, как люди из других племён. Они жили торговлей и следы их обширной «империи» сохранились до современности в виде сосудов, которые находили по всей Европе — от Германии до Испании, и от Британии до Балкан.

Их безопасность не зависела исключительно от запрета нападать на путников — горшечники были великолепными стрелками из лука. Они приходили на новые земли, чтобы основывать там свои фактории, мирно уживаясь с людьми, чьи обычаи были совсем иными — земледельцами, пастухами, рыбаками, населявшими побережье.

Вместе с Эшем Росс прошёл последнюю проверку. Их волосы не отросли настолько, чтобы заплетать их в косы, но достаточно, чтобы убирать их с лица при помощи головных повязок. Туники из грубого материала были шершавыми и не слишком удобными, зато бронзовые пояса и полированные браслеты, защищающие запястья при стрельбе из лука, а также сами луки были почти что произведениями искусства. Эш носил синий плащ старшего торговца, а на шее у него висело ожерелье из полированных волчьих зубов вперемежку с янтарными бусинами. Положение Росса в племени было более скромным, что подчёркивалось не только его красно-коричневым плащом, но и тем, что его украшения состояли из одного-

единственного медного браслета и булавки для плаща с головкой из агата.

Росс не имел ни малейшего представления ни о том, как осуществляется путешествие во времени, ни о способе перемещения из полярной области западного полушария в Британию, находящуюся в восточном. И, как он выяснил, это было весьма сложным делом.

Само по себе перемещение оказалось сравнительно простым, хотя и неприятным процессом. Нужно было пройти по короткому коридору и встать на платформу, в то время как сфокусированный на ней свет сгущался, отрезая его от окружающего мира. Росс почувствовал, что ему не хватает воздуха и пережил момент смертельной слабости. Кроме того, у него возникло ощущение потерянности в пустоте. Затем он снова вдохнул и сквозь тающую стену света посмотрел туда, где его ждал Эш.

В отличие от путешествия во времени, путь в Британию был не столь прост. В интересах сохранения секретности могла существовать только одна точка пересадки, откуда следовало быстро и тайно добраться до пунктов назначения. Помня о строгих правилах перемещения объектов во времени, Росс гадал, каким образом будет осуществляться это путешествие. В конце концов, не могут же они затратить многие месяцы, а то и годы, путешествуя по морям и континентам.

Решение было в высшей степени изобретательным. Через три дня после того, как переступив временной барьер, Росс с Эшем попали на аванпост, они вышли на спину кита. Этот «кит» мог ввести в заблуждение любого, кроме того, кто попробовал бы метнуть в него гарпун. Однако китобои с гарпунами, достаточно большими для охоты на подобного монстра, появятся ещё не скоро.

Эш спустил на воду челнок и Росс забрался в это утлое сооружение, придерживая его у борта замаскированной субмарины, пока его напарник спускался вслед за ним. День был туманный, моросил дождь; берег, куда они

направлялись, казался едва заметной полосой. Дрожа не только от холода, Росс опустил своё весло и помог Эшу направить их убогую лодчонку к еле видневшейся в дали суше.

Рассвета как такового не наступало: небо постепенно светлело, но морось не прекращалась. Среди голых деревьев уже виднелись островки зелени, но в целом местность, открывшаяся их глазам, казалась суровой и дикой. Во время инструктажа Россу сказали, что Британия в то время была ещё очень малолюдной. Первые охотники и рыболовы ещё совсем недавно основали деревни, за ними последовали другие пришельцы, строившие массивные гробницы и имевшие сложную религию. Расположенные на холмах маленькие деревушки были связаны друг с другом одними лишь тропинками. Там имелись «фабрики», в большом количестве производившие оружие и инструменты из кремня. Процветанию этого ремесла не мешали металлические изделия, привозимые горшечниками. Бронза была ещё настолько редкой и дорогой, что только самые богатые жители деревень могли позволить себе роскошь иметь длинный кинжал. Даже наконечники стрел, лежавших в колчане Росса, были из кремня.

Они подплыли к берегу и вытащили челнок на пляж, укрыв его кустарником и камнями. Затем Эш внимательно осмотрел окрестности в поисках ориентиров.

— Пошли отсюда вглубь... — Эш воспользовался языком горшечников, и Росс понял, что с этих пор он должен не просто вести жизнь торговца, но и думать соответствующе. Все не относящиеся к делу воспоминания должны быть вытеснены вновь приобретёнными, которые он так старательно заучил; его должны теперь интересовать сегодняшние соотношения при обмене и возможность нажиться. Они направлялись к Заставе Гог, где играл свою роль первый напарник Эша, доблестный Сэнфорд.

Дождевая вода хлюпала в башмаках, струйками затекала под плащи, но Эш бодро шагал с уверенностью человека,

идушего по знакомому пути. Эта уверенность оправдалась через первые же полмили, когда они вышли на тропинку. Её утоптанная поверхность свидетельствовала, что пользовались ею весьма регулярно.

Здесь Эш повернул на восток и ускорил шаг, перейдя на размеренную трусцу. На дороге царил мир — по крайней мере днём. Ночью же самые отпетые и отчаянные преступники могут бросить вызов таящимся во мраке злым духам.

Пока Росс следовал за своим проводником, вдыхая странные запахи кустов, деревьев, мокрой земли, все знания, полученные им, начали обретать смысл, складываясь в его сознании в единую картину.

Тропа, по которой они двигались, пошла немного вверх, а переменившийся ветер донёс до них кисловатый запах, забивший все остальные. Эш замер так внезапно, что Росс едва не врезался в него.

Что-то горело. Росс сделал глубокий вдох и тут же об этом пожалел. Это было дерево — горелое дерево, и что-то ещё. Вряд ли то, что произошло, было нормальным. Эш растаял в зарослях кустарника.

Они продвигались, иногда ползли на коленях сквозь мокрые заросли мёртвой травы, используя любое укрытие. Наконец они залегли на вершине холма, и Эш раздвинул ключие ветки вечнозелёного кустарника.

По противоположному склону от дымившихся на верху холма развалин медленно расползлось выжженное пятно. На месте частокола, окружавшего заставу, торчали обуглившиеся столбы. И между ними остались лишь сгоревшие дотла руины, источавшие этот невыносимый запах.

— Наша застава? — шёпотом спросил Росс.

Эш кивнул. Он изучал открывшуюся картину сосредоточенно, со всем вниманием, не упуская ни одной значимой детали. То, что это место кем-то сожжено, было очевидно. Вопрос, ответить на который для двоих людей, спрятавшихся в зарослях, было жизненно важно, заключался в том, кто и зачем это сделал.

Им потребовался почти час, чтобы пересечь долину — прячась, осматривая и обдумывая увиденное. Они описали кольцо вокруг разрушенной заставы, и Эш встал в тени рощицы, стирая с ладоней налипшие комья грязи и хмуро взирая на обгорелые столбы.

— Они не повалены. А если и были, то нападавшие замели следы, — предположил Росс.

Старший напарник покачал головой:

— Местные жители не стали бы уничтожать следы своей победы. Нет, это было не обычное нападение. Никаких признаков прихода или ухода вооружённого отряда.

— Что же тогда? — спросил Росс.

— Например, молния — хотелось бы надеяться на это. Или... — синие глаза Эша стали тёмными и холодными, словно расстилавшийся вокруг пейзаж.

— Или?

— Или произошёл контакт с красными, и произошёл неудачно!

Рука Росса инстинктивно легла на рукоять кинжала. Впрочем, в такой неравной схватке от кинжала мало толку. Они были лишь двумя ниточками в человеческой паутине, раскинутой над столетиями, чтобы найти нечто, не вполне соответствующее той или иной эпохе, чтобы найти врага, в каком бы историческом или доисторическом периоде он не появился. А может быть, красные тоже вели свой поиск, и это первое поражение было их победой?

Доказательство они получили, когда отважились зайти в середину того, что было раньше Заставой Гог. Уж насколько был Росс неопытен в такого рода вещах, тем не менее, он сразу заметил следы взрыва. На вершине холма зияла воронка, и Эш стоял рядом с ней, осматривая разбросанные вокруг обломки — обугленное дерево, потемневший камень.

— Красные?

— Видимо, да. Эти разрушения — результат взрыва.

Стало ясно, почему Застава Гог не смогла послать

сигнал бедствия. Их единственное средство связи с постом на этом временном уровне было уничтожено нападавшими — замаскированный передатчик сгорел при взрыве.

— Одиннадцатое, — Эш ткнул пальцем в резную пластинку своего широкого пояса. — Нам нужно продержаться десять дней. И мне кажется, мы можем использовать их не только для того, чтобы ты узнал, каково гулять по Земле за четыре тысячи лет до своего рождения. Мы должны выяснить, если сумеем, что и почему здесь произошло!

Росс взглянул на развалины.

— Раскопаем?

— Небольшая раскопка не помешает.

И они стали копать. В конце концов, перемазанные сажей и уставшие, они рухнули на самое чистое место, какое смогли отыскать.

— Они ударили ночью, — произнёс Эш медленно. — Только в это время все были здесь. Люди боятся ночи, полной призраков, а наши агенты, как правило, следуют местным обычаям. Ночью всех людей на заставе могли уничтожить всего одной бомбой.

Все они, кроме двоих, были настоящими горшечниками, включая женщин и детей. Все фабрики горшечников невелики, а эта была особенно маленькой. Нападавшие убили около двадцати человек, кем были восемнадцать из них — неизвестно.

— Как давно? — поинтересовался Росс.

— Дня два назад, наверное. Атака была внезапной, иначе Сэнди послал бы сообщение. Он ничего не подозревал; его последние доклады были совершенно обыденными, из чего следует, что если они за ним следили, а судя по результатам, так оно и было, то он этого не заметил.

— Что же мы будем делать?

Эш посмотрел на него.

— Умоюсь. Впрочем, нет... — поправился он. — Не стоит. Пойдём в деревню к Нордену. Мы испуганы и убиты горем. Мы нашли наших сородичей убитыми при стран-

ных обстоятельствах. Мы будем расспрашивать тех, кто знает меня как жителя заставы.

Итак, перепачканные грязью, они побрели по тропе в сторону соседней деревни с усталым видом (имитировать который им вовсе не требовалось).

Первой их заметила, или, скорее, унюхала собака. Это был довольно лохматый зверь, по-волчьи свирепо оскаливший клыки. Правда, он был мельче волка и лаял попеременно с рычанием. Эш вытащил из-под плаща лук и взял его наизготовку.

— Хо! Мы пришли говорить с Норденом — Норденом-с-Холма!

В ответ раздался только собачий лай. Эш устало провёл ладонью по лицу, размазывая золу и грязь в страшную маску.

— Кто говорит с Норденом? — в некоторых словах ударения звучали непривычно, но Росс их понял.

— Тот, кто охотился с ним и пировал с ним. Тот, кто в честь дружбы вложил ему в руку нож, который всегда остёр. Это Эшша из торговцев.

— Изыди от нас, несущий проклятье, ты, за кем охотятся духи зла, — последовал пронзительный крик.

Эш не двинулся с места, глядя на кусты, где прятался человек из племени.

— Кто это говорит за Нордена, но не голосом Нордена? — спросил он требовательно. — Это спрашивает Эшша. Мы вместе пили кровь и стояли против белого волка и дикого вепря. Норден не позволяет другим говорить за себя, ибо Норден — мужчина и вождь!

— Будь ты проклят! — в воздухе просвистел камень и, упав в лужу, обрызгал грязью башмаки Эша. — Убирайся, и уноси с собой своё проклятье!

— Разве Норден и его сыновья прокляли меня? Разве между селеньем торговцев и городом Нордена летят стрелы войны? Почему ты прячешься в тени, так что я, Эшша, не могу увидеть лица того, кто ведёт столь наглые речи и бросает камни?

— Стрел войны не было, торговец. Но не мы разгневали

духов холмов. Не на нас с великим громом обрушился ночью огонь. Этот гром был голосом Ларги, рука Ларги высекла этот огонь. Гнев Ларги обращён на тебя, торговец! Убирайся, иначе гнев Ларги поразит и нас.

Ларга был местным богом грозы, вспомнил Росс. Гром и огонь, падающий ночью с небес, — бомба! Возможно, сам способ нападения на заставу помешает Эшу узнать что-либо у соседей. Предрассудки заставят этих людей избегать места, где стояла застава и самого Эша, словно проклятых.

— Если бы гнев Ларги поразил Эшшу, разве мог бы Эшша живым ходить по этой дороге? Но Эшша жив — ты видишь и слышишь его. Нелепо говорить ему детский вздор.

— Призраки тоже ходят и говорят с теми, кому не посчастливится, — отвечал спрятавшийся человек. — Быть может, это призрак Эшши стоит передо мной.

Эш внезапно прыгнул. В зарослях послышался шум борьбы и он вновь появился, вытащив на свет извивавшегося пленника и без церемоний швырнув его на утоптанную землю тропы.

Человек был бородат, копна его чёрных волос была стянута в пучок на макушке. Он был одет в кожаную рубаху, перетянутую расшитым поясом.

— Хо! Да это Лал — Быстрый Язык так громко кричал про призраков и гнев Ларги! — Эш окинул пленника суровым взглядом. — Ну, Лал, коль скоро ты говоришь за Нордена, чему он, наверное, удивится, тогда уж расскажи мне, что же это за гнев Ларги обрушился на Санфру, что был моим братом, и на других моих родичей. Я Эшша, и ты знаешь, каков гнев Эшши, и как он поразил Кривозуба, этого разбойника, когда тот пришёл со своими злыми людьми. Гнев Ларги страшен, но гнев Эшши тоже, — Эш соорудил такую жестокую рожу, что Лал скорчился и спрятал глаза. Когда же Лал заговорил, от его важности и нахальства не осталось и следа.

— Эшша знает, что я лишь его пёс. Пусть он отведёт от

меня свой острый большой нож и свои стрелы, подобные молниям. Гнев Ларги разрушил селение на холме, сперва гром, когда кулак его ударил в землю, а затем огонь, когда Ларга дунул на тех, кого хотел убить.

— Ты видел это своими глазами, Лал?

Лохматая голова затряслась:

— Эшша знает, что Лал — не вождь, что может стоять и смотреть на чудеса, творимые могучим Ларгой, не ослепнув при этом. Норден сам видел это чудо.

— Но если Ларга пришёл ночью, когда люди сидят по домам, оставив внешний мир беспокойным духам, как мог Норден видеть его приход?

Лал ещё ниже пригнулся к земле, поглядывая то на сулящие свободу заросли, то на башмаки Эша.

— Я не вождь, Эшша. Откуда мне знать, по какой причине Норден увидел пришествие Ларги?

— Дурак! — из окружавших дорогу кустов раздался ещё один голос, на этот раз женский. — Говори с Эшшей правдивым языком. Если он — дух, то он поймёт, что ты лжёшь. Если же Ларга пощадил его, то... — она выразила своё изумление, со свистом втянув воздух.

Услышав этот окрик, Лал забормотал угрюмо:

— Говорят, что пришло послание, дабы люди засвидетельствовали, как гнев Ларги обрушится на чужестранцев, чтобы Норден и люди Нордена воистину узнали, что торговцы прокляты и должны быть посажены на кол, если вернутся вновь.

— Как пришло это послание. Звучал ли голос Ларги только в ушах Норена, или же было произнесено каким-то человеком?

— Ах! — Лал распластался по земле, и закрыл руками уши.

— Лал глуп, и боится собственной тени, когда та в солнечный день бежит впереди него! — из зарослей вышла молодая женщина, видимо, занимавшая высокое положение в своём племени. Она шла горделивой походкой, твёрдо глядя в глаза Эшу. На шее у неё на цепи висел

сверкающий диск, а ещё один украшал её вышитый пояс. Волосы женщины стягивала нитяная сеточка, заколотая шпильками из агата.

— Я приветствую Касску, Первую Сеятельницу, — голос Эша зазвучал весьма официально. — Но зачем Касска прячется от Эшши?

— На ваш холм пришла смерть, Эшша, — тут женщина приняхалась. — Ты пахнешь ею, смертью от Ларги. Пришедшие с этого холма могут быть теми, кто не живёт более в своём теле, — Касска быстро дотронулась пальцами до протянутой ладони Эша и кивнула.

— Нет, ты не призрак, Эшша, ибо все знают, что призрак кажется телесным только внешне, но не на ощупь. Похоже, что ты всё же не был сожжён Ларгой.

— Так что за послание пришло от Ларги? — напомнил Эш.

— Оно пришло из пустоты и достигло слуха не только Нордена, но также Хангора, Иффара и моего. Ибо мы стояли возле Древнего Места... — она сделала причудливый жест пальцами правой руки. — Скоро наступит время посева, и хотя Ларга посылает солнце и дождь на поля, чтобы кормить зёрна, но лежат они всё же в Великой Матери. Только женщины могут входить во Внутренний круг для её службы, — женщина повторила тот странный жест. — Но когда мы пришли, чтобы выполнить первое священнодействие, в воздухе раздалась музыка, какой мы никогда не слышали, и голоса запели, словно птицы, на странном языке, — её лицо приняло благоговейное выражение. — Затем голос сказал, что Ларга прогневался на людей издавна, живущих на холме, и что Норден должен засвидетельствовать это и увидеть, как Ларга поступает с теми, кого решил наказать. И Норден сделал это. И в воздухе раздался звук...

— Что это был за звук? — тихо спросил Эш.

— Норден сказал, что это был грохот, и между ним и звёздами промчалась тёмной тенью Птица Ларги. Затем на холм обрушился удар с громом и молнией, и Норден бежал,

ибо ужасен Гнев Ларги. Теперь люди приносят многочисленные дары Великой Матери, чтобы она защитила их от этого гнева.

— Эшша благодарит Касску, служительницу Великой Матери. Пусть посевы взойдут и урожай будет обильным в этом году! — сказал в заключение Эш, не обращая внимания на простёртого на земле Лала.

— Ты уходишь отсюда, Эшша? — спросила она. — Ибо я не знаю страха, стоя под дланью Великой Матери, но есть другие, которые обратят на тебя свои копья во славу Ларги.

— Мы уходим и вновь благодарим тебя, Касска.

И он пошёл назад по той же дороге, по которой они явились сюда, и Росс последовал за ним. Женщина провожала их взглядом, пока они не скрылись из виду.

6

— Эта птица Ларги, — спросил Росс, когда они отошли подальше от Касски и Лала, — могла быть самолётом?

— Похоже на то, — проворчал его напарник. — Если красные толково сделали своё дело, а считать иначе нет оснований, то не имеет смысла ходить в посёлки к Дорте и Мунге. То же самое объявление касательно Гнева Ларги, вероятно, прозвучало и там, что хорошо для них, но не для нас.

— На Касску, похоже, проклятие Ларги произвело не очень большое впечатление, куда меньшее, чем на мужчину.

— Она считается в этом племени кем-то вроде жрицы, и служит богине более древней и могущественной, чем Ларга, — Матери-Земле, Великой Матери, богине плодородия и произрастания. Люди Нордена считают, что если Касска не исполнит своих мистерий и не бросит весной в землю первую горсть зерна, урожая не будет. Соответственно, она служит по своему ведомству и не слишком боится гнева Ларги. Эти люди сейчас постепенно перехо-

дят от одного культа к другому, но кое-что из верований Касски доживёт и до наших дней в виде «магии» или в других обличьях.

Эш говорил так, как говорят, чтобы скрыть бешеную работу мысли. Затем он вновь замолчал и повернул в сторону моря.

— Мы должны продержаться, пока за нами не прибудет субмарина. Нам понадобится убежище.

— Местные жители будут нас преследовать?

— Очень может быть. Если только добрые люди узнают, что тех, на кого пал Гнев Ларги, следует уничтожить, нас будет ждать куча неприятностей. Некоторые из них — отличные охотники и следопыты, кроме того, красные могли заслать своего агента, который будет сообщать о каждом, кто появится на заставе. В настоящий момент мы — самые важные из тех, кто путешествует во времени, так как мы знаем, что здесь появились красные. У них здесь должна быть большая база, иначе они не смогли бы использовать самолёт. Невозможно построить машину времени достаточно мощную для того, чтобы транспортировать большое количество материала. Всё, что используется в этой эпохе, должно быть собрано на месте, кроме того, использование всех механизмов ограничено местами, где их не могут видеть аборигены. К счастью, в тех местах, где размещаются базы, очень большие пространства дики и незаселены. Так что, если у красных есть самолёт, то он собран здесь, а это означает наличие крупной базы, — Эш опять думал вслух, двигаясь впереди Россса вдоль опушки леса. — Сэнди и я прошлой весной хорошенько исследовали эту местность. В полумиле к западу отсюда есть пещера, там мы сможем укрыться на ночь.

План Эша, вероятно, было бы просто осуществить, если бы пещера оказалась свободна. Без всяких происшествий они спустились в расщелину, по дну которой протекал маленький ручеёк с покрытыми льдом берегами. Под руководством Эша Россс собрал охапку хвороста. Он не был

лесным жителем, а долгое пребывание под холодным дождём заставило его мечтать даже о таком убогом укрытии как пещера, и он нырнул туда, забыв об осторожности. Случайно наступив в грязь, он поскользнулся и упал вниз лицом. Раздалось рычание и что-то белое бросилось на него. Его спас плащ, закрывший плечи и шею — клыки захватили только грубую материю.

С испуганным криком Росс перевернулся на спину, пытаясь высвободить кинжал. Боль раскалённым железом пронзила его руку. Дыхание перехватило. Над его распротёртым телом закипела схватка: он слышал рычание, визг и чувствовал сильные удары. Затем тела откатились в сторону и он смог подняться на колени. Совсем рядом с ним продолжался бой: Эш сидел верхом на огромном белом волке, сжимая ногами его крестец и согнутой рукой задирая ему голову, и бил его кинжалом в брюхо.

Росс выхватил оружие. Он бросился вперёд и его кинжал мягко вонзился между рёбер зверя. Вероятно, какой-то из ударов достиг сердца — с почти человеческим криком волк конвульсивно дёрнулся и замер. Эш присел рядом с ним на корточки и стал методично втыкать кинжал в сырую землю, стирая кровь.

Из-под нижнего края его рубахи тонкой струйкой сочилась кровь. Он тяжело дышал, но был так же собран, как обычно.

— Они иногда охотятся парами, — заметил он, — приготовь лук.

Росс извлёк из-за пазухи тетиву и натянул её, затем установил стрелу. Каждое движение отдавалось болью в руке, и тут он заметил, что Эш не пытается подняться.

— Плохо дело? — Росс обратил внимание на то, что струйка крови на бедре Эша стала шире.

Эш приподнял край рубахи и показал неприятного вида рану на внешней стороне бедра. Он сжал ладонью порез и кивнул Россу:

— Проверь пещеру. Мы ничего не можем делать, пока не убедимся, что там пусто.

Росс неохотно пошёл вдоль ручья, пока не обнаружил пещеру — укромное местечко с навесом над входом, защищающим её от дождя. Из неё противно пахнуло берлогой. Взяв у ручья камень, Росс бросил его в тёмный проём и прислушался. Камень стукнулся в стену, других звуков не было. За ним был брошен ещё один, под другим углом, но с тем же результатом. Теперь Росс был уверен, что пещера свободна. Оказавшись внутри и разведя перед входом костёр, они смогут защититься от непрошенных гостей. Слегка согревшись, Росс поднялся вверх по ручью, туда, где оставил Эша.

— Самца нет? — спросил тот. — Это была самка, и она вот-вот должна была ошениваться, — он пнул тушу волчицы. Рукой он прижимал к бедру тряпку, и лицо его было искажено болью.

— В пещере никого. Давай посмотрим... — Росс отложил лук и нагнулся, чтобы осмотреть рану Эша. Его собственное ранение оказалось всего лишь царапиной, но этот укус был глубоким и выглядел ужасно.

— Пояс... вторая пластинка... — процедил Эш сквозь зубы. Росс открыл тайничок в его бронзовом поясе и достал маленький пакетик. Эш скривившись, проглотил три таблетки. Росс раскрошил ещё одну на приготовленную повязку, и когда она была наконец закреплена, Эш расслабился.

— Будем надеяться, что подействует, — заметил он немного дрожащим голосом. — Теперь иди сюда, я посмотрю твой порез. Укусы зверей — гнусное дело.

Тоже перевязанный, с горьким привкусом во рту от антисептической таблетки, Росс помог Эшу добраться до пещеры. Оставив его снаружи, он подмёл там пол и затем уложил его поудобнее на подстилку из листьев папоротника. Костёр, о котором так мечтал Росс, был наконец зажжён. Они сняли свою мокрую одежду и развесили её сушиться. Росс ощипал подстреленную в роще птицу и засунул её печься в золу.

Им, конечно, не везёт, подумал он, но теперь они в укрытии, у них есть огонь и хоть какая-то пища. Рука болела, боль пронзала её от пальцев до ключицы при каждом движении. Хотя Эш не жаловался, Росс догадывался, что старшему напарнику намного хуже, чем ему самому, а потому тщательно скрывал боль.

Они съели птицу, руками и без соли. Росс смаковал каждый кусочек и, поев, начисто облизал пальцы. Эш откинулся на свою подстилку. В тусклом свете огня его лицо казалось мрачным.

— Мы примерно в пяти милях от моря. Теперь, когда посёлок Сэнфорда разрушен, мы не можем связаться с базой. Я должен отлежаться, мне больше нельзя терять кровь. А ты не слишком хорошо чувствуешь себя в лесу...

Росс с необычной для него покорностью воспринял эту критическую оценку. Он прекрасно понимал, что если бы не Эш, то убитым сегодня оказался бы вовсе не волк. И ещё — какое-то странное смущение не позволяло ему выразить словами свою благодарность. Единственное, что он мог сделать — это предоставить свои руки и ноги, всю свою силу в распоряжение человека, знающего, что и как делать.

— Нам придётся охотиться, — заметил он.

— Олени... — подхватил Эш. — Но лучше это делать на болоте в устье ручья. Если волки обитали здесь достаточно долго, то они наверняка распутали всю крупную дичь. Но меня беспокоит не пища...

— Мы прикованы к этому месту, — осмелился перебить его Росс. — Но послушай, я буду слушать твои приказы. Эта местность тебе знакома, а я — новичок. Ты будешь говорить мне, что делать, а я буду стараться как можно лучше выполнять твои распоряжения.

Эш внимательно посмотрел на него, но, как обычно, его лицо хранило бесстрастное выражение.

— Первым делом надо снять шкуру с волчицы, — сказал он, — затем закопать останки. Лучше сначала перетащи её сюда. Если её приятель рыщет вокруг, он может на тебя напасть.

Росса озадачило, почему Эш считает необходимым заиметь волчью шкуру, но он не стал задавать вопросов. Свежевание заняло у него в четыре раза больше времени, чем у лохматого человека с видеозаписи. Прежде чем засыпать труп камнями, ему пришлось вымыться в ручье. Когда он принёс окровавленную шкуру в пещеру, Эш лежал с закрытыми глазами. Росс с удовольствием сел на свою охапку папоротника, и постарался не обращать внимание на боль в руке.

Видимо он заснул, потому что, поднявшись, увидел, как Эш ползком пытается подтащить хворост к утасающему огню. Росс разозлился на себя, за то, что заставил его работать.

— Отвали, — сказал он грубо, — это моя работа. Я не собираюсь отключаться.

Как ни странно, Эш улёгся на место, не сказав ни слова. Росс уселся у костра — он был очень рад этому костру, потому что минуту спустя неподалёку раздался вой. Если это и не был приятель белой волчицы, то уж точно кто-то из её родичей.

На следующий день, снабдив Эша запасом дров, Росс отправился попытать счастья на болоте. Моросящий дождь, так досаждавший накануне, закончился — утро было ясным и свежим, правда, ветер с моря был очень холодным. Но всё же это было хорошее утро, и настроение Росса улучшилось.

Он попытался использовать все знания о поведении в лесу, которые усвоил на базе. Но одно дело изучать что-либо в теории, а другое — использовать эту теорию на практике. Росс с неудовольствием понимал, что Эшу его действия вряд ли бы понравились.

Болото представляло из себя множество луж между рядами лишённых листьев ив и пучков жёсткой травы, растущих на небольших островках твёрдой земли. Осторожно приблизившись, Росс заметил, что с одного из таких островков поднимается белая струйка дыма. Ему трудно было понять, зачем кому-то понадобилось селиться посре-

ди такой местности, хотя это мог быть и просто временный лагерь какого-нибудь охотника.

Кроме того, Росс увидел тысячи птиц, с оглушительным гвалтом клюющих зёрна прошлогодних злаков и плавающих в лужах. Соседство остановившегося на привал охотника их, похоже, ничуть не беспокоило.

В Это утро Росс мог не без основания гордиться своим мастерством стрелка. В его колчане было примерно полдюжины лёгких стрел для охоты на птиц. Вместо остро заточенных кремневых наконечников, предназначенных для охоты на более крупную дичь, в них были вставлены более лёгкие, острые как иголка, костяные. Через каких-то несколько минут у него на поясе висело уже четыре птицы. Взвившиеся было по тревоге стаи почти сразу же вновь опустились в заросли.

Потом он подстрелил зайца — упитанного здоровяка, который, сидя на кочке, нагло смотрел на него. Однако в конвульсиях заяц свалился в воду, и Россу, чтобы вытащить добычу, пришлось покинуть своё укрытие. Но тут он настрожил и, выхватив кинжал, оказался лицом к лицу с человеком, вышедшим навстречу ему из кустов.

Некоторое время Росс смотрел в карие глаза незнакомца. Потом обратил внимание на его оборванную и грязную одежду. Рубаха, того же фасона, что и его собственная, была перепачкана в грязи и обгорела с одного бока. Волосы этого человека перетягивала лента, в то время как местные жители стягивали их в пучок на макушке.

Росс, по-прежнему держа кинжал на изготовку, первым нарушил молчание: «Я верую в огонь, кованый металл, восходящее солнце и текущую воду», — это был пароль горшечников.

— Огонь греет милостью Талдена, умелый кузнец куёт металл, солнце восходит без нашей помощи, и кто сумеет остановить текущую воду? — голос незнакомца прозвучал очень хрипло. Рассмотрев его внимательнее, Росс заметил на его открытом плече большой кровоподтёк, а на широкой груди — грубый красный след от огня. Росс решил проверить свою догадку.

— Я родич Эшши, мы вернулись к холму...

— Эша?

Не «Эшши», но «Эша»! То, как было произнесено имя, не оставляло сомнений, но Росс всё-таки был осторожен.

— А ты не из посёлка на холме, куда Ларга обрушил свой небесный огонь?

Человек перешагнул через ствол упавшего дерева, за которым только что прятался. Ожог на груди оказался не единственным — на распухшей икре его ноги багровела ещё одна красная воспалённая полоса. Незнакомец внимательно оглядел Росса и потом поднял вверх большой палец руки. Этот жест, который местные жители считали отгоняющим злых духов, для Росса имел совсем другое значение.

— Сэнфорд?

Услышав это имя, человек отрицательно покачал головой.

— Мак Нейл, — представился он. — А где Эш?

Он мог действительно быть тем, кем казался, но, с другой стороны, это мог быть и шпион красных. Росс не забыл Курта.

— Что произошло? — ответил он вопросом на вопрос.

— Бомба. Красные, наверное, засекли нас, и у нас не было шансов. Мы не ждали беды. Я вышел, чтобы разыскать сбежавшего осла, и уже возвращался, когда она взорвалась. Я пришёл в себя, лёжа под склоном холма среди обломков форта. А остальные... Ну, ты, наверное, видел, что от него осталось.

Росс кивнул.

— А здесь ты что делаешь?

Мак Нейл развёл руками.

— Я пытался переговорить с Норденом, но его люди камнями прогнали меня прочь. Я знал, что должен был прибыть Эш, и хотел застать его на берегу, но опоздал. Тогда я предположил, что он будет прятаться здесь, пока не придёт субмарина, и поэтому ждал, пока не встретил тебя. Где Эш?

Всё это звучало вполне логично. Но поскольку Эш был ранен, рисковать не стоило.

— Обожди здесь, — сказал Росс Мак Нейлу, — я скоро вернусь.

— Но подожди! Где Эш, придурок ты малолетний? Пошли вместе.

Росс прибавил шагу. Он был уверен, что незнакомец не в той форме, чтобы гнаться за ним, и решил спутать следы по пути к пещере. Если этот человек — шпион красных, то ему придётся иметь дело с тем, кто уже встречался с Куртом Фогелем.

Запутывание следов отняло время. Росс вернулся к Эшу, сидевшему у костра при входе в пещеру и при помощи кинжала соорудившему из молодого деревца костыль, уже после полудня. Эш с одобрением осмотрел добытую Россом дичь, но утратил к ней всякий интерес, как только тот рассказал ему о встрече на болоте.

— Мак Нейл — такой парень, с русыми волосами, карими глазами, когда улыбается — правая бровь приподнимается?

— Русые волосы, карие глаза — да. Но он не улыбнулся ни разу.

— У переднего зуба — верхнего правого, сколот краешек?

Росс закрыл глаза, чтобы вспомнить лицо незнакомца. Да, передний зуб был слегка сколот. Он кивнул.

— Действительно, Мак Нейл. Тем не менее, ты правильно сделал, что не взял его с собой, пока не проверил. С чего вдруг ты стал таким бдительным? Курт?

Росс снова кивнул.

— А также то, что ты говорил насчёт красных, которые могут ждать нас.

Эш почесал щетину на подбородке.

— Никогда не стоит их недооценивать. Но тот, кого ты встретил — Мак Нейл, и его лучше бы привести сюда. Можешь это сделать?

— Я думаю, что несмотря на его ногу, он вполне может дойти.

Эш рассеянно откусил кусочек мяса зайца и добродушно ругнулся, обжёгши язык.

— Странно, что Касска ничего не сказала нам про него. Разве что решила промолчать о том, что они прогнали его, чтобы не злить нас. Ты пойдёшь сейчас?

Росс обошёл костёр. «Скорее всего. Он выглядел не слишком здорово. И готов поспорить, что он чрезвычайно голоден».

Он пошёл напрямик на болото, но на этот раз дымка в воздухе не было. Росс засомневался. Этот маленький островок, без сомнения, был тем самым местом, где окопался Мак Нейл. Нужно ли ему идти туда? Или за время его отсутствия что-то случилось?

И вновь шестое чувство, чувство опасности, каким обладают некоторые люди, заставило Росса насторожиться. Он не сумел бы объяснить, почему вдруг сделал шаг назад. Но именно потому, что он сделал это, петля аркана, вместо того, чтобы стянуть ему горло, безвредно хлестнула по плечу. Она упала на землю, и юноша быстро наступил на неё башмаком. Схватить её и быстро рвануть на себя было делом одной секунды. Человек, державший другой конец, растерялся, и его вышвырнуло из укрытия.

Это круглое лицо Росс уже видел — Лал, из города Нордена. В качестве приветствия он врезал метателю аркана коленом в челюсть так, что кремневый нож вылетел у того из рук.

— На кого ты тут охотишься, Лал?

— На торговцев! — голос был тихим, но в нём прозвучала явная злость.

Лал даже не пытался вырваться. Схватив его за шею, Росс повёл охотника через заросли к яме. К счастью, там не было воды, потому что в ней лежал Мак Нейл. Его руки были крепко связаны за спиной, а колени стянуты вместе — без всякого снисхождения к его обожжённой ноге.

7

Росс связал Лала той самой верёвкой, которой охотник хотел его поймать. Крепко примотав ему руки к туловищу, юноша нагнулся, чтобы освободить Мак Нейла. Лал стоял,

привалившись к дальней стенке ямы, и в каждой линии его тщедушного тела сквозил страх. Этот страх был настолько очевиден, что у Росса даже пропало желание расправиться с ним. Вместо этого он почувствовал нарастающую тревогу.

— Что всё это значит? — спросил он Мак Нейла, после того как перерезал его путы и помог ему встать.

Мак Нейл помассировал запястья, сделал пару шагов и сморщился от боли.

— Наш дружок хочет стать верным слугой Ларги.

Росс схватился за лук.

— Племя вышло на охоту за нами?

— Ларга приказал — опять с ясного неба — поймать оставшихся торговцев и представить их ему лично в качестве жертвы на празднестве плодородия.

Древний-древний обычай кровавых жертвоприношений на весеннем празднике. Росс вспомнил заученные им на занятиях ужасные детали. Любой странствующий чужак или человек из враждебного племени, захваченный перед этим днём, был обречён. В неудачные годы, когда не удавалось поймать человека, его заменял олень или волк. Но лучшей жертвой был всё же человек. Итак, Ларга повелел — с неба — добыть ему торговцев. Как же быть с Эшем? Любой охотник из деревни может выследить их.

— Надо быстро уходить, — сказал Росс Мак Нейлу, взявшись за верёвку, на которой, как на поводке, повёл Лала. Эш наверняка пожелает допросить аборигена на предмет нового приказа Ларги.

Но как Росс ни спешил, ему приходилось сдерживать шаг, чтобы Мак Нейл за ним успевал. Человек с заставы на холме шёл уже на пределе сил. Стартовал он бодро, но вскоре его начало шатать. Росс пинком отправил Лала вперёд, велел ему стоять там, а сам стал помогать Мак Нейлу. Когда они, наконец, подошли к ручью и увидели костёр у входа в пещеру, уже вечерело.

— Макна! — Эш назвал спутника Росса на местный манер. — И Лал. И что ты здесь делаешь, Лал из города Нордена?

— Пакости, — Росс помог Мак Нейлу зайти внутрь пещеры и улечься на охапку травы, заменявшую ему постель. — Пытался поймать торговца в подарок Ларге.

— Так, — Эш повернулся к аборигену. — По чьему же приказу охотился ты на моего родича, Лал? Неужто Нордена? Разве он забыл о наших узах крови? А ведь эти узы были посвящены самому Ларге.

— А-а-а-а!.. — абориген скорчился у стены, к которой его швырнул Росс. Он не мог прикрыть лицо руками, поэтому спрятал его у себя в коленях так, что оставался виден только пучок волос на макушке. Росс с изумлением понял, что этот маленький человечек рыдает как ребёнок, содрогааясь всем телом.

— А-а-а-а!.. — завывал он.

Эш позволил ему пошуметь пару секунд, а затем, хромая, подошёл к нему и, схватив за волосы, поднял его голову. Глаза Лала были плотно закрыты, но на щеках его блестели слёзы, а рот был искривлён в жалобной гримасе.

— Заткнись! — Эш потрянул его, но не слишком сурово. — Разве ты уже испытал остроту моего ножа? Разве стрела уже пронзила твою кожу? Ты ещё жив, а мог бы уже умереть. Если ты рад, что ещё живёшь, Лал, докажи это, рассказав нам всё, что знаешь.

Женщина по имени Касска во время их встречи на дороге продемонстрировала определённую степень интеллигентности и умения говорить. Но Лал, совершенно очевидно, был сделан из другого теста — простой человек, чей тёмный умишко мог вместить одновременно очень немного мыслей. И настоящее казалось ему беспримесным. Мало-помалу, им всё же удалось вытянуть из него рассказ.

Лал был бедным, очень бедным, он никогда не осмеливался даже мечтать о тех драгоценных вещах, что приносили в город Нордена торговцы. Но он был скорее приверженцем Великой Матери, нежели одним из тех, кто приносит жертвы Ларге. Ларга — бог воинов и великих людей, он

сидит слишком высоко, чтобы знаться с такими, как Лал.

Поэтому, когда Норден сообщил, что застава на холме погибла под ударом огненного кулака Ларги, Лал был не очень сильно потрясён. Он по-прежнему не считал себя подданным этого бога, и больше думал о сокровищах, которые могли остаться под руинами. Он подумал, что Гнев Ларги простёрся лишь на их бывших владельцев, и поэтому тайно отправился на поиски.

Но то, что он увидел, заставило его уверовать в ярость Ларги и, испугавшись до потери своего слабого разума, бежать, забыв о сокровищах. Но Ларга видел его там и прочёл его нечестивые мысли...

Здесь Эш прервал ход его повествования:

— Как Ларга увидел Лала?

Потому что — тут Лал задрожал, снова заплакал и речь его стала сбивчивой — в то самое утро, когда он отправился на болото охотиться на диких гусей, Ларга заговорил с ним, с Лалом, который ничтожней, чем вошь, копошащаяся в лохмотьях.

— А как говорил Ларга? — голос Эша стал мягче, ласковей.

И Лал ответил, что из воздуха, так же, как он говорил с Норденом, вождём. Бог сказал, что видел, как Лал приходил к заставе на холме, а потому Лал должен стать его жертвой. Но Лал может быть прощён, если послужит ему. А он, Лал, простёрся ниц перед бесплотным голосом бога и поклялся, что будет служить Ларге до конца своих дней.

И тогда Ларга повелел ему поймать одного из злых торговцев, прячущихся на болотах, и связать его верёвками. Затем он должен был позвать людей из деревни и вместе с ними доставить пленника на холм, куда Ларга простёр свой гнев и там оставить. Позже они могут вернуться и забрать то, что найдут там. Они смогут использовать это, чтобы во время посева благословить поля, и тогда в деревне Нордена всё будет благополучно. И Лал поклялся, что сделает всё, что повелел ему Ларга, но

теперь не может выполнить клятвы. Поэтому Ларга уничтожит его, и надежды на спасение нет.

— Но, — сказал Эш ещё ласковее, — разве ты не служил Великой Матери, неизменно отдавая ей долю от всех плодов, даже если урожай с твоего единственного поля был мал?

Лал поднял на него глаза. Его удручённое лицо было мокрым от слёз. Потребовалось несколько секунд, чтобы этот вопрос проник в его затуманенный страхом разум. Затем он робко кивнул.

— Разве она в ответ не заботилась о тебе? Ты беден, это верно. Но твой желудок не пуст даже сейчас, когда люди постятся в ожидании нового урожая. Великая Мать печётся о тебе. И именно она привела тебя к нам. Это говорю тебе я, Эшша из торговцев, говорю тебе правдивым языком. А Ларга, разрушивший заставу и пославший тебя сюда, не желает тебе добра!

— А-а-а-а!.. — вновь затрясся Лал, — Я знал это, Эшша! Он — из мрака, полного призраков!

— Именно так. Он не из рода Великой Матери, ибо она — богиня света и добра, нового урожая и приплода твоих стад, богиня девушек, которые выходят замуж и рожают сыновей, которые принимают копье из рук отца, и дочерей, что прядут у очага и бросают в пашню золотое зерно. Ларга прогневался на нас, но не на Нордена и не на тебя. И мы приняли этот гнев.

Он, хромая, вышел наружу, где вечерние тени уже ползли по земле.

— Слушай меня, Ларга! — крикнул он в сумрак наступающей ночи. — Я — Эшша из торговцев, и я принимаю на себя твою ненависть. Ни на Лала, ни на Нордена, ни на людей, что живут в городе Нордена, не будет обращён твой гнев. Я говорю это.

Росс, заметив, как Эш тихонько махнул ему рукой, успел подготовить сюрприз, имевший целью окончательно потрясти Лала. Это была эффектная вспышка зелёного пламени за ручьём. Лал опять задрожал, но так как за вспышкой не

последовало других чудес, он рискнул снова поднять голову.

— Ты видел, как Ларга ответил мне, Лал. Отныне гнев Ларги будет обращён на меня одного. Теперь, — Эш вернулся в пещеру, вытащил шкуру волчицы и бросил её перед Лалом, — ты отдашь это Кассеке, чтобы она сделала занавес в Доме Матери. Смотри, она белого цвета и такая редкая, что Мать будет довольна столь прекрасным даром. И ты расскажешь ей обо всём, что случилось, и о том, что ты веришь, что её власть превышает власти Ларги, и Мать будет довольна тобой. Но ты ничего не скажешь людям в деревне, ибо эта ссора — между Ларгой и Эшшей, и другим нечего вмешиваться в неё.

Он развязал верёвку, которая стягивала руки Лала. Лал коснулся волчьей шкуры. Его глаза светились изумлением.

— Ты дал мне чудесную вещь, Эшша, и Мать будет довольна, потому что много лет не было в её доме такого занавеса. А я — просто маленький человек, ссоры великих — не для меня. Так как Ларга принял твои слова, то это дело меня не касается. Но всё же, если ты позволишь, Эшша, я не сразу пойду в деревню. Потому что я человек несдержанный на язык и часто говорю то, что не хотел бы сказать на самом деле. Если мне задают вопросы, я на них отвечаю. Если же я не пойду туда, мне не зададут вопросов и я не буду отвечать на них.

Мак Нейл засмеялся и Эш улыбнулся.

— Хорошо, Лал. Может быть, ты мудрее, чем думаешь. Но мне кажется, здесь тебе делать нечего.

Абориген закивал в ответ.

— Вот я и говорю, Эшша. Ты стоишь лицом перед Гневом Ларги, и я не хочу находиться рядом. Поэтому я на время уйду на болота. Там можно охотиться на зайцев и птиц, и ещё я выделаю шкуру, чтобы когда я принёс её Великой Матери, это был действительно дар, достойный её улыбки. А сейчас, если ты позволишь, Эшша, я пойду, пока ещё не наступила ночь.

— Ступай с миром, Лал, — Эш отступил в сторону. Охотник застенчиво и неловко поклонился остальным и семенящей походкой исчез в сумерках.

— А если они его перехватят? — с беспокойством спросил Мак Нейл.

— Думаю, что не смогут, — возразил Эш. — А что ты предлагаешь — держать его здесь? Если бы мы попробовали это сделать, то, сумеет он сбежать, неприятности были бы гарантированы. А так он какое-то время будет держаться в стороне от деревни и вообще вне поля зрения людей. Лал, конечно, не блещет успехами во многих областях, но охотник он хороший. Если он захочет спрятаться, то, чтобы найти его, будет нужен ещё лучший охотник. По крайней мере теперь мы знаем, что красные беспокоятся, что сработали не чисто. А что случилось с тобой, Мак Нейл?

Пока он более подробно излагал свою историю, Эш с Россом обработали его ожоги, чтобы уменьшить боль. Потом Эш сел на своё место, а Росс занялся пищей.

— Как они смогли засечь заставу? — Эш потёр подбородок и хмуро посмотрел на костёр.

— Единственное, что приходит мне в голову — они смогли перехватить наш сигнал и запелентовать источник. Это означает, что они уже некоторое время охотятся за нами.

— Чужаков здесь в последнее время не появлялось?

Мак Нейл покачал головой.

— Так бы они нас не обнаружили. Сэнфорд был великолепен. Если бы я не был в курсе дел, я мог бы поклясться, что он родился в одном из кланов горшечников. У него была сеть информаторов чуть ли не по всей Британии. Удивительно, как ему удавалось работать, не вызывая никаких подозрений. Я полагаю, что ему очень помогала принадлежность к гильдии кузнецов. Он мог узнавать массу новостей из любой деревни, где работал хоть один из них. Я могу тебе вот что сказать: ничего ни

здесь, ни на севере, ни за проливом не давало повода ждать беды. Прежде чем маскироваться под горшечников, мы убедились, что всё в полном порядке, особенно когда в Испании их кланы стали сильнее.

Эш задумчиво жевал зажаренное крылышко.

— Их постоянная база должна находиться где-то в границах территории, принадлежащей им в наше время.

— Они могли построить её в Сибири и смеяться над нами, — вспыхнул Мак Нейл. — И мы до неё никак не доберёмся.

— Нет, — Эш швырнул в огонь обглоданную кость и оближал жир с пальцев. — В этом случае у них встала бы старая проблема с расстояниями. Если бы то, с чем они работают, находилось в пределах их современных границ, то мы бы никогда даже не узнали обо всём этом. То, что нужно красным, находится вне территории их владений двадцатого века. И это очко в нашу пользу. Поэтому они должны постараться разместить свой перевалочный пункт как можно ближе к цели. Наша проблема с передвижением намного сложнее, чем у них.

Ты знаешь, почему мы выбрали для своей базы Арктику. Это часть мира, где никогда никто не жил, за исключением, быть может, бродячих охотников. Но я могу поспорить, что ты считаешь, что их база находится где-то в контролируемой ими части Европы. Если они пользуются самолётом, то они не могут рисковать, что его увидят...

— Не очевидно, — вмешался Росс, — здешние люди не могут даже понять что это такое — птица Ларги, волшебство...

Эш покачал головой.

— Они наверняка так же избегают влияния на историю, как и мы. Всё, сделанное в наше время, должно быть спрятано и замаскировано так, чтобы местные люди, наткнувшись на эти вещи, ни в коем случае не поняли, что они сделаны человеком. Наша субмарина внешне почти неотличима от кита. Возможно, их самолёт и напоминает

птицу, но более внимательного осмотра не выдержит. Мы не знаем, к чему может привести утечка информации в этом или других примитивных временах... как это может повлиять на ход истории.

— Но, — Росс выдвинул контраргумент, казавшийся ему наилучшим, — предположим, я дам Лалу винтовку и научу его пользоваться ею. Он не сможет сделать такую же — необходимая технология возникнет через тысячелетия. Эти люди не смогут воспроизвести подобные вещи.

— Вполне резонно. Но с другой стороны, не стоит преуменьшать способности кузнецов и природный ум людей любого времени. Возможно, аборигены и не сумеют воспроизвести оружие, но оно наведёт их на новые направления мысли. И мы обнаружим, что это изменило наше время. Нет, с прошлым шутить не стоит. Это та же самая ситуация, с какой мы столкнулись сразу же после изобретения атомной бомбы. Сперва все стремились заполучить новое оружие, а потом дрожали от страха, что кому-нибудь взбредёт в голову его применить.

Красные сделали новые открытия и нам нужно догнать их, иначе нам придётся плохо. Но в прошлом и нам и им необходимо соблюдать осторожность, иначе наше время может оказаться уничтоженным.

— Так что же мы будем делать сейчас? — поинтересовался Мак Нейл.

— Мы с Мэрдском проходим здесь пробный маршрут. Это его испытание. Субмарина вернётся за нами через девять дней.

— Значит, если мы сумеем продержаться, — Мак Нейл лёг обратно на своё место, — то нас заберут. Но впереди ещё девять дней...

Ещё три дня они провели в пещере. Мак Нейл поправился, и они с Россом по очереди ходили на охоту и охраняли своё убежище. Никаких признаков того, что местные жители выслеживают их, не появлялось. Судя по всему, Лал сдержал своё слово, укрывшись на болотах и прячась там от людей из деревни.

На четвёртый день, в серых предрассветных сумерках Эш разбудил Росса. Костёр был погашен, и пещера сразу же показалась опустевшей. Они позавтракали зажаренной накануне олениной и вышли в холодный туман. Немного ниже по долине к ним присоединился находившийся на сторожевом посту Мак Нейл. Шагая в темпе, какой позволяла рана Эша, они направились в глубь острова по направлению к тропе, связывающей деревни.

Перейдя дорогу, они продолжили движение на север. Вдалеке слышалось свечье бляенне и собачий лай. В тумане Росс споткнулся о неглубокую канавку, за которой находилось возделанное поле. Эш остановился, чтобы осмотреться, его ноздри вздувались, словно у идущей по следу гончей.

Затем троица пошла дальше, пересекая целую серию маленьких, неправильной формы полей. Росс был уверен, что урожай, собираемый с этих клочков земли, был очень небогатым. Туман сгущался. Эш ускорил шаг, осторожно используя свой самодельный костыль. И только когда они в конце концов остановились перед двумя каменными монолитами, поднимающимися подобно колоннам, он громко и с облегчением вздохнул. Сверху на колоннах покоился третий камень, образующий грубую арку, сквозь которую виднелась узкая долина между холмами.

Несмотря на туман Росс заметил жутковатую необычность этого места. Он не считал себя суеверным, поверья местных жителей он изучал на уроках, вовсе не разделяя их. Но теперь, будь он один, юноша побыстрее покинул бы это место, потому что какое-то чувство говорило ему, что в этой долине им делать нечего. К его тайной радости, Эш остановился под аркой, чего-то ожидая.

Внезапно Эш жестом приказал им спрятаться. Росс покорно повиновался, хотя его одежда и так уже отсырела, пока он пробирался сквозь мокрые от тумана ветки кустарников. За аркой возвышались стены из вечнозелёных растений и карликовых сосен, образующие туннель, слов-

но специально устроенный с какой-то целью. Когда его спутники укрылись, Эш свистнул, пронзительно, но мелодично, с какими-то птичьими нотами. Он трижды повторил этот звук, прежде чем из тумана появилась фигура, закутанная в серый, сливающийся с дымкой плащ.

Она приближалась по зелёному туннелю из глубины долины, целиком укрытая складками своего одеяния, и вскоре, подойдя к арке, остановилась. Эш, жестом приказав своим товарищам оставаться на месте, шагнул навстречу.

— Ладони и ступни Матери, та, что сеет зерно, которое после сожнут...

— Чужестранец, на которого пал Гнев Ларги, — прервал его насмешливый голос Касски, — что тебе нужно, пришедший туда, куда ни один мужчина не смеет войти?

— То, что ты знаешь. Потому что в ту ночь, когда явился Ларга, ты тоже видела...

Росс расслышал присвист сдерживаемого дыхания.

— Откуда ты это знаешь, чужестранец?

— Потому что ты служишь Матери и служишь ревностно. Если Ларга — могучий бог, то ты захотела бы увидеть его деяния собственными глазами.

Когда она, наконец, ответила, в её голосе прозвучали растерянность и злость.

— И теперь ты знаешь о моём позоре, Эшша. Ибо Ларга явился на огромной птице и сделал так, как сказал. И теперь деревня будет приносить дары Ларге и искать его милости, а у Матери не останется тех, кто внимает её словам и приносит ей первые плоды...

— Но откуда явилась эта птица Ларги, скажи мне, прислуживающая Матери?

— Какая разница, откуда пришёл Ларга? От этого его могущество не станет меньше или больше, — Касска приблизилась к самой арке. — Или станет, скажи, Эшша?

— Может быть, и да. Только расскажи мне.

Она медленно повернулась и указала направо.

— Оттуда он явился. Я всё хорошо рассмотрела, зная, что Мать защищает меня, и даже молнии Ларги не могут

причинить мне вреда. Стал ли от этого Ларга ничтожнее в твоих глазах, Эшша? Теперь, когда он уничтожил всё, что было твоим и твоих родичей тоже?

— Может быть, — повторил Эш. — Я думаю, Ларга больше не придёт оттуда.

Она пожала плечами, и её тяжёлый плащ кольхнулся.

— Будет то, что будет, Эшша. Теперь иди, ибо плохо, когда кто-то приходит сюда.

Касска ушла прочь, в глубь зелёного туннеля, и Росс с Мак Нейлом покинули укрытие. Мак Нейл повернулся в указанном ею направлении.

— Северо-восток... — проговорил он задумчиво. — Там находится Балтика.

8

— ...вот пока и всё, — закончил Эш свой рассказ десять дней спустя, сидя на койке в госпитале полярной базы с повязкой на ноге, держа в руках кружку с кофе и улыбаясь, немного кривовато, Нельсону Милларду.

Миллард, Кэлгаррис, доктор Уэбб — все начальники основной базы не только прошли через пункт переброски, чтобы встретиться с тронцей из Британии, но и сгрудились теперь в этой комнате, едва не вдавливая Росса и Мак Нейла в стену. Потому что ЭТО произошло! То, за чем они охотились долгие месяцы и годы, приблизилось на расстояние вытянутой руки.

Однако Миллард, директор, казалось, не был так уж уверен в этом. Крупный мужчина с копной светлых, седеющих волос и тяжёлым, мясистым лицом, он не был похож на интеллектуала. Но Росс варился в этой каше уже достаточно долго, чтобы знать, что именно толстые и волосатые руки Милларда держали все ниточки, при помощи которых управлялась «Операция «Ретроспектива». В данный момент директор сидел, откинувшись, на стуле, слишком маленьком для его грузного тела, и задумчиво жевал зубочистку.

— Итак, мы вроде бы начинаем выходить на след, — заметил он без особого подъёма.

— Ещё как выходить! — вмешался Кэлгаррис. Майор был слишком взволнован, чтобы усидеть на месте, а потому стоял, прислонившись к двери, напряжённый, словно находился лицом к лицу с врагом. — Красные не напали бы на Гог, если бы не посчитали заставу угрозой для себя. Большая база должна находиться в этом временном секторе!

— Большая база, — уточнил Миллард. — Но не та, что мы ищем. А как раз сейчас они могут перебазироваться в другое время. Вы думаете, они будут сидеть, сложа руки, и ждать, пока мы начнём действовать? — но его скептический тон не оказал на майора должного действия.

— И сколько же времени им потребуется, чтобы демонтировать большую базу? — поинтересовался офицер. — Как минимум, месяц. Если мы немедленно пошлём туда команду...

Миллард сложил свои здоровенные ручки на бочкообразной груди и засмеялся, впрочем, совсем не весело:

— Только вот куда мы будем посылать команду, Кэлгаррис? На северо-восток от точки на берегу Британии? Это по меньшей мере очень условное направление. Нет, — он обратился к Эшу, — вам удалось сделать не всё, что возможно, Эш. А вы, Мак Нейл, можете что-нибудь добавить?

— Нет, сэр. Они ударили по нам как гром с ясного неба, в то время как Сэнди считал, что все направления, откуда нам может хоть что-нибудь угрожать, известны и все меры предосторожности приняты. Я не знаю, как они смогли засечь нас, разве что перехватили наш сигнал на базу. Но если так, то значит, они целенаправленно выслеживали нас, потому что мы выходили на связь строго по расписанию.

— У красных есть терпение и хорошие мозги. Кроме того, они возможно пользуются своими секретными штуч-

ками. И у нас есть мозги и терпение, но нет таких устройств, как у них. И время работает против нас. Что вы думаете по этому поводу, Уэбб? — Миллард задал вопрос третьему члену правящего комитета, до сих пор хранившему молчание.

Молчаливый человек поправил очки на своём курносом носу.

— Есть ещё один момент в добавление к нашим догадкам. Я склонен предполагать, что они базируются где-то рядом с Балтийским морем. Там проходят древние торговые пути, а в настоящее время эта территория располагается недалеко от нас. Нам мало что известно об этой части Европы. Их сооружения могут располагаться поблизости от финской границы. Современная база может быть замаскирована полудюжиной разных способов — к тому же, это вообще довольно странная местность.

Миллард вытащил из кармана кителя блокнот и ручку.

— Не помешает потревожить современных агентов военной разведки и других. Они могут дать нам полезный намёк. Значит, вы говорите, Балтика. Но это довольно значительная территория.

Уэбб кивнул.

— У нас есть одно преимущество — древние торговые пути. В период горшечников эти пути уже были проторены. В основном шла торговля янтарём. Страна покрыта лесами, но уже не так густо, как раньше. Местные племена занимались охотой и рыболовством, кочуя вдоль побережья. Но они контактировали с торговцами; — он вновь нервным движением поправил очки. — В это время красные могут нарваться там на неприятности.

— Каким это образом? — поинтересовался Кэлгаррис.

— Вторжение «народов топора». Если они ещё не появились там, то должны сделать это очень скоро. Они представляют собой одну из больших волн переселяющихся людей, которые, заполонив эту страну, поселятся там. Вероятно, они — предки скандинавских кельтов. Неизвес-

тно, было ли местное население ассимилировано, или уничтожено ими.

— Было бы чудесно уточнить эту деталь, — заметил Мак Нейл. — Разница примерно та же, как убьют тебя, или оставят жить.

— Я не думаю, что они станут ссориться с торговцами. Судя по находкам, торговые племена продолжили свой бизнес уже с новыми покупателями, — возразил Уэбб.

— Если только насилие не будет спровоцировано, — Эш отдал Россу кружку. — Не забывайте о Гневе Ларги. Отныне наши враги будут очень косо смотреть на все фактории горшечников, расположенные поблизости от них.

Уэбб медленно покачал головой.

— Крупная атака на поселение горшечников могла бы повлечь изменение курса истории. Красные на это не пойдут, даже на основании серьёзных подозрений. Помните, что они не больше нашего желают шутить с историей. Нет, они будут только следить за нами. Нам нужно прекратить переговоры по радио.

— Это невозможно, — отрезал Миллард, — мы можем их прервать, но я не могу посылать ребят без средств быстрой связи. Пусть парни у тебя в лабораториях включают мозги и попробуют выяснить, можно ли соорудить переговорное устройство, которое будет невозможно запеленговать. Время! — он забарабанил своими толстыми пальцами по колену. — Всё упирается в вопрос времени.

— Которого у нас нет, — заметил Эш своим обычным тихим голосом. — Если красные опасаются, что их засекли, они уже демонтируют свою базу, причём делают это в темпе. У нас больше не будет такой возможности прищемить им хвост. Нужно действовать без промедления.

Веки Милларда почти совсем закрылись, казалось, он дремал. Кэлгаррис беспокойно топтался у двери, а на круглом лице Уэбба возникло неодобрительное выражение.

— Док, — спросил Миллард, обернувшись, четвёртого члена своей свиты. — Что вы можете сказать?

— Эш должен лечиться ещё, по меньшей мере, пять дней. Ожоги Мак Нейла уже неплохи, а порез Мэрдока совсем прошёл.

— Пять дней... — пробурчал Миллард и сверкнул глазами на майора. — Персонал. Мы связаны по рукам и ногам, потому что у нас нет пригодных людей. Кого мы можем подключить?

— Никого. Я могу, конечно, отозвать Джансена и Ван Вайка. Эти «люди топора» могут быть для них неплохим прикрытием, — но тут глаза майора погасли. — Впрочем, нет, мы не сумеем дать им необходимых инструкций и нам неоткуда взять их, пока этот народ не появится в поле зрения. А посылать людей наобум нельзя — их ошибки не только подвергнут опасности их самих, но и могут повредить проекту в целом.

— Значит, остаётся только вы трое, — сказал Миллард. — Мы отзовём тех, кого возможно, и подготовим их как можно скорее. Но вы знаете, сколько это займёт. Тем временем...

Эш обратился к Уэббу:

— Вы можете обозначить район точнее, чем просто «Балтика»?

— Попробовать можно, — медленно и с сомнением в голосе ответил тот, — мы могли бы послать субмарину курсировать вдоль побережья, и если будут замечены переговоры по радио, мы можем запеленговать передатчики. Это зависит от того, есть ли у красных группы, работающие за пределами базы. Ненадёжно...

— Но хоть что-то! — подхватил Кэлгаррис с воодушевлением человека, нуждающегося в конкретных действиях.

— А они будут ждать с нашей стороны именно таких действий, — подумав, произнёс Уэбб.

— Ну и пусть следят! — сердито сказал майор, готовый вот-вот потерять самообладание. — Это единственное, что мы можем сделать, чтобы обеспечить ребятам поддержку.

Он вышел наружу, хлопнув дверью. Уэбб медленно поднялся.

— Мы ещё раз поработаем с картами, — сказал он Эшу.

— Этот район нами не разведан, и мы не считаем возможным посылать туда самолёт для аэрофотосъёмки. Поход туда будет ударом вслепую.

— Если есть только одна дорога, приходится идти по ней, — ответил Эш. — Я с удовольствием посмотрю всё, что вы сможете мне предоставить, Майлс.

Если раньше Россу казалось, что подготовка, предшествовавшая его пробному маршруту, была делом весьма суровым, то теперь она вспоминалась как лёгкая шутка. Поскольку вся ответственность за следующий бросок возлегла всего на троих — на Эша, на Мак Нейла и на него самого, то они попали под такой ураган инструкций и тренажёров, что на третью ночь Росс, ошеломлённый и уставший до бессонницы, решил, что сейчас он скорее сбит с толку, чем подготовлен. О чём с утрюмым видом и сообщил Мак Нейлу.

— На базу подтянуты ещё три команды, — ответил Мак Нейл, — но люди должны опять пройти школу, и они будут готовы выступить не раньше чем через три-четыре недели. Смена маршрута требует полной переподготовки.

— А как насчёт новых людей?

— Не сомневайся, Кэлгаррис бегают в поисках повсюду. Но они должны соответствовать определённомu физическому типу. Если, например, послать маленького, черноволосого и курносого человека к скандинавским морским бродягам, то его могут замстить, или скажем, слишком хорошо запомнить. А такого мы себе позволить не можем. Вдобавок, Кэлгаррису нужно находить людей, которые не только выглядят, как нужно, но и подходят для задания с точки зрения темперамента. Нельзя отправлять парня, который думает, как моряк, — не моряка, ты понимаешь, но думающего соответствующим образом, — в кочевое племя пастухов. Безопасность человека и всего проекта заключается в соответствии времени и месту.

Раньше Росс никогда не задумывался над этим. Теперь до него дошло, что и он сам и Эш с Мак Нейлом были

примерно одинакового физического типа — все трое примерно одного роста, шатены, со светлыми глазами — голубыми у Эша, серыми у него, и светло-кариими у Мак Нейла, одинакового телосложения: узкие в кости, худые и подвижные. Он не видел ни одного настоящего горшечника нигде, кроме как в видеофильмах — и судя по съёмкам, все трое примерно соответствовали облику этих торговцев-путешественников.

Утром пятого дня, когда они втроем изучали подготовленную Уэббом карту, к ним ворвался Кэлгаррис, за которым бежал Уэбб.

— Есть! На этот раз нам повезло! Красные прокололись! Ещё как прокололись!

Уэбб с улыбкой посмотрел на майора.

— Да, чудеса иногда случаются, — заметил он, — полагаю, субмарина смогла взять пеленг?

Кэлгаррис протянул полоску бумаги, которой размахивал, словно флагом. Уэбб прочёл запись и склонился над картой, отметив что-то одним из острых, как иголка, карандашей, торчащих, как обычно из его нагрудного кармана. Затем он сделал ещё одну пометку.

— Ну, это слегка упрощает задачу, — заявил он. Эш посмотрел на карту и засмеялся.

— Я хотел бы когда-нибудь узнать твоё понимание слова «просто», Майлс. Имей в виду, что мы должны будем добираться туда пешком и разница в двадцать миль может означать очень много.

— Эта пометка находится на некотором расстоянии от моря, — в свою очередь пожаловался Мак Нейл. — Мы же не знаем местности.

Уэбб привычным жестом поправил на носу очки.

— Я полагаю, мы должны помнить, что всё это очень условно, приблизительно, — сказал он таким тоном, будто ожидал, что с ним станут спорить. Но спорить никто не стал.

Миллард был занят картой.

— Мы понимаем, Майлс, — затем он посмотрел на Эша.
— Вас сбросят с парашютами. В вашем снаряжении будет специальное вещество. Как только вы снимете парашюты, посыпьте их этим порошком, и через десять минут от них ничего не останется. Найдите базу и подайте сигнал. До тех пор на связь не выходите.

— Не исключено, — заметил Эш, — что у красных может быть несколько промежуточных баз. Возможно, они продумали это и построили несколько штук, чтобы сбить нас с толку, потому что каждая из них приведёт лишь к другой, расположенной в более ранней эпохе.

— Хорошо. Если это так, то мы узнаем расположение предыдущей, — возразил Миллард. — Тогда мы попытаемся проследить всю цепочку, даже если придётся потом посылать парней, одетых в шкуры динозавров. Нам необходимо найти конечную базу, и если эти поиски окажутся трудными, то нам придётся потрудиться.

— Как вам удалось получить пеленг?

— Одна из их полевых групп попала в беду и запросила помощи.

— И получила?

Майор ухмыльнулся.

— А ты как думаешь? Ты знаешь правила — а у красных они вдвое жёстче.

— А что у них были за неприятности?

— Что-то вроде диспута на религиозные темы. Мы серьёзно поработали над их кодом, но не можем быть на сто процентов уверены, что всё поняли верно. Я полагаю, они решили поиграть с местным божеством и обожглись.

— Опять Ларга? — улыбнулся Эш.

— Идиотизм, — раздражённо сказал Уэбб, — ничего глупее не придумать. Вы сами едва не перешли грань разумного, Гордон, когда крутили все эти штучки с Ларгой. Это ваше обращение к Великой Матери было весьма сомнительным делом, и вам ещё повезло, что вы так дёшево отделались.

— Одного раза было достаточно, — согласился Эш. — Хотя это спасло нам жизнь. Но уверяю вас, я вовсе не намерен затевать религиозную войну или становиться пророком.

Росса обучали чтению карт, но ему всё равно было трудно соотносить то, что он видел на бумаге, с реальным ландшафтом. До тех пор, пока он не оказывался на местности, в его памяти запечатлевались только крупные детали, если таковые имелись.

Высадка, осуществлявшаяся по инструкциям Милларда, оказалась ещё тем развлечением. Десантирование производилось по времени, в полной темноте, да ещё и в дождь — не самое приятное занятие! Прыгали вслепую, один за другим. Однако получилось не так уж плохо — Росс приземлился на небольшую лужайку.

Собрав стропы и купол, Росс оттащил их туда, где по его мнению, находился центр открытого пространства. Услышав в воздухе жалобный вопль, он едва успел увернуться от одного из нагруженных припасами ослов, которых выбросили вместе с ними — тот приземлился и сразу же начал биться, запутавшись в стропах. Но они подбирали самых покладистых животных, которым, кроме того, перед высадкой вкололи успокоительное, так что, почувствовав руки Росса, когда он начал распутывать верёвки, осёл вёл себя вполне смирно.

— Росс! — звук собственного имени заставил его резко повернуться в противоположном направлении.

— Здесь, с одним из ослов.

— А я с другим! — это был Мак Нейл

Их глаза постепенно привыкали к темноте, не такой, впрочем, густой, как в лесу, и работали они быстро. Затем они собрали в кучу все парашюты. Уэбб сказал, что дождь только ускорит действие химиката, которым они должны были их уничтожить. Эш высыпал на кучу порошок, и в темноте замерцал зеленоватый свет. Затем они направились в сторону леса и на исходе ночи разбили лагерь.

Их предприятие целиком зависело от счастливого случая, и первая его часть прошла удачно.

План дальнейших действий был весьма гибким. Изображая торговцев, явившихся открыть новую факторию, они собирались сперва остановиться у впадающей в озеро реки, а затем свернуть к югу, в сторону лежащего немного в отдалении моря. Они знали, что эта территория очень редко населена небольшими племенами, скорее даже просто семейными кланами. Здешные люди на много поколений отставали с точки зрения цивилизованности от жителей деревень в Британии — в основном это были охотники, кочующие с юга на север и обратно, вслед за сезонными миграциями дичи.

Вдоль побережья рыбаки строили более постоянные поселения, постепенно преобразовывавшиеся в деревни. На южной границе этого региона уже появились первые фермеры, но главной причиной прихода сюда торговцев были меха и янтарь. Горшечники промышляли и тем, и другим.

Теперь, когда все трое укрылись под раскидистыми ветвями высокой сосны, Эш распаковал тюк и извлёк оттуда кувшинчик — тот самый «горшок», что дал название народу, представителями которого они прикидывались. Он налил из него кисловатого, бодрящего напитка, сопровождавшего торговцев повсюду. Чаша переходила из рук в руки — на вкус жидкость была не слишком хороша, зато внутри разливалось приятное тепло.

Они по очереди отстояли на страже, пока неверный ответ утренней зари не перешёл в яркое сияние поднимающегося солнца. Позавтракав лепёшками, они нагрузили ослов и, спрятав луки под плащами от сырости, отправились искать реку, чтобы вдоль неё пробираться на юг.

Эш шёл впереди, Росс вёл ослов, а Мак Нейл прикрывал тыл. В отсутствии тропинки они шагали по весьма извилистой линии, держась краёв открытых пространств, пока наконец не заметили края озера.

— Дым костра, — сообщил Эш, когда они прошли две трети пути. Росс понюхал воздух и тоже почувствовал этот запах. Кивнув Эшу, Мак Нейл с завидной лёгкостью растаял в просвете между деревьев. Пока они ждали его возвращения, Росс начал замечать, что вокруг него кипит совсем другая жизнь, полная своих забот, совсем не похожих на человеческие, за исключением разве что поисков пищи и укрытия.

В Британии Росс почти постоянно ощущал присутствие вокруг себе подслепых. Здесь же могло показаться, что они — первые люди, идущие этой дорогой.

На ветку выскочила белка и уставилась на людей любопытными глазками-бусинками, потом перевернулась вниз головой, чтобы рассмотреть их получше. Один из ослов повернул голову, и белка скрылась, махнув хвостом. Было тихо, но в то же время вокруг стоял еле слышный шум, который Росс попытался разложить на знакомые ему звуки.

Возможно, из-за того, что его попытки были такими упорными, он сумел заметить едва уловимый шорох. Он дотронулся до руки Эша и лёгким кивком головы указал направление, откуда исходил звук.

Затем, так же плавно, как и исчез, из леса появился Мак Нейл.

— Компания, — сообщил он тихим голосом.

— Что за компания?

— Племя, но более дикое, чем все, что я встречал раньше, даже на плёнках. Почти пещерный уровень. Я не думаю, чтобы им приходилось слышать о торговцах.

— Сколько?

— Три, может, четыре семьи. Большинство мужчин, должно быть, на охоте, но там около десятка детей и шесть или семь женщин. Судя по их виду, им не особенно везло в последнее время.

— Может быть, им повезёт вместе с нами, — сказал Эш, направляя Росса вперёд вместе с осликами. — Мы обойдём их, выйдем к реке, а позже попытаемся организовать обмен. Но сначала я хочу установить контакт.

— Не стоит, — Мак Нейл провёл рукой по вспотевшему лицу, — заглядывать чересчур далеко и надеяться на слишком многое.

Спихнув с тропы несколько веток и обогнув поваленные деревья, Росс подошёл помочь своему товарищу тащить бревно к их убежищу, которое теперь уже не было временным. Если бы за ними наблюдал кто-то, кроме лесных охотников, то он не увидел бы ничего особенного, кроме обычного строительства торговцами-горшечниками новой заставы.

В том, что охотники следили за ними, все трое ничуть не сомневались. А то, что в лесу имеются и другие наблюдатели, они предположили перестраховки ради. Если такие и бродили в окрестностях по ночам, то уж днём все заброшенные в прошлое агенты должны находиться в рамках выбранных ими ролей.

Обмен со старейшинами охотничьего клана привёл этих робких обитателей леса в лагерь к чужакам, предлагавшим за меха и дублёные олени шкуры такие чудесные вещи. Новость о прибытии торговцев распространилась стремительно, и вскоре ещё два клана прислали своих людей посмотреть на происходящее.

Вместе с товарами собирались и новости, которые тщательно изучались и анализировались разведчиками. Каждый из них в разговорах с аборигенами задавал, когда это было возможно, определённые вопросы. Хотя они и не понимали до конца речь лесных людей, язык жестов был достаточно содержательным, а основные понятия выучить было несложно. Тем временем Эш установил дружеские отношения с первым из встреченных ими кланов, и даже стал ходить на охоту вместе с местными жителями, что было неплохим прикрытием для поисков базы красных.

Росс выпил речной воды и сполоснул лицо.

— Если красные — не торговцы, — размышлял он вслух, — то какое же у них прикрытие?

Мак Нейл пожал плечами:

— Охотничье племя... Рыбаки...

— А где им взять женщин и детей?

— Там же, где и мужчин, — навербовать в наше время. Или тем способом, каким увеличивают свою численность многие племена.

Росс поставил на землю кувшин с водой.

— Ты имеешь в виду — вырезать мужчин и захватить их семьи?

Столь хладнокровная жестокость показалась ему тошнотворной. Хотя сам он считал себя человеком достаточно жёстким, за время подготовки Россу несколько раз пришлось сталкиваться с вещами, поколебавшими его уверенность в крепкости своих нервов и желудка.

— Так делали, — равнодушно заметил Мак Нейл, — сотни раз всяческие захваты. При здешнем положении вещей — маленькие кланы, далеко разбросанные друг от друга, — сделать такое очень просто.

— Они должны были бы прикинуться земледельцами, а не охотниками, — сказал Росс. — Не могут же они таскать базу за собой.

— Ну хорошо, тогда они строят деревню. Я понял, что ты имеешь в виду — в окрестности нет деревень. Но всё-таки они здесь, может быть, под землёй.

Насколько верны были их догадки, они узнали уже следующим вечером, когда вернулся Эш, неся на плече оленью ногу. Росс знал его уже достаточно хорошо, чтобы почувствовать, что у него что-то есть.

— Нашёл что-нибудь?

— Очередную компанию духов, — ответил со странной улыбкой Эш.

— Духов! — подхватил Мак Нейл. — Красные любят изображать потусторонние силы, разве не так? Сперва голос Ларги, теперь духи. И чем эти духи занимаются?

— Они обитают в холмистой местности к юго-востоку отсюда, и это место — строгое табу для всех охотников. Мы шли по следу зубра, пока зверь не ушёл на землю духов. Тогда Ульффа поспешно увёл нас прочь. Похоже, что охотник, по неосторожности попадающий туда, не возвра-

шается, а если и возвращается, то в весьма плачевном виде, избитый этими самыми духами и обожжённый до смерти. Это первое.

Он сел перед костром и устало вытянул руки.

— Второе для нас несколько менее приятно. Лагерь горшечников, располагавшийся, насколько я могу судить, примерно в двадцати милях к югу отсюда, был уничтожен всего неделю назад. Это известие дошло до меня потому, что меня приняли за родича убитых.

Мак Нейл выпрямился.

— Они сделали это, потому что охотятся за нами?

— Очень может быть. С другой стороны, это может быть частью общих мер предосторожности.

— Это сделали духи?

— Я спрашивал об этом. Нет, похоже, какое-то странное племя ночью совершило набег.

— Ночью? — присвистнул Мак Нейл.

— Именно, — глас Эша был сух. — Здешние племена так не воюют. Или кто-то что-то перепутал, или красные настолько самоуверенны, что не утруждают себя игрой по правилам. Но это была работа аборигенов или тех, кто маскируется под них. Кроме того, распространился гнусный слухок, что духи не жалуют торговцев, и могут напасть на них с последствиями для всех окружающих.

— Гнев Ларги, — напомнил Росс.

— Точное повторение, наводящее на самые серьёзные подозрения, — согласился Эш.

— Я считаю, что никаких походов на охоту больше быть не должно, — сказал Мак Нейл. — А то очень просто принять по ошибке друга за оленя, а потом горько плакать на его могиле.

— Это тоже уже несколько раз приходило мне в голову сегодня днём, — согласился Эш. — Эти люди на первый взгляд просты, но их головы работают совсем не так как у нас. Мы пытаемся перехитрить их, но любая ошибка может оказаться смертельной. Я думаю, нам нужно немножко

укрепить нашу заставу и постараться по возможности незаметно нести караульную службу.

— А как насчёт того, чтобы разрушить лагерь, а самим исчезнуть? — спросил Мак Нейл. — Мы могли бы, двигаясь по ночам, подобраться поближе к холмам, где живут дуки, а Ульффа и его шайка решат, что с нами покончено?

— Мысль, над которой стоит подумать. Слабое место заключается в отсутствии трупов. Похоже, что те, кто напал на лагерь горшечников, оставили вполне очевидные результаты своего налёта. А мы этого устроить не сможем.

Мак Нейл всё же не отступал.

— Мы могли бы что-нибудь придумать на эту тему...

— Похоже, нам не придётся ничего придумывать, — мягко вмешался Росс. Он стоял рядом с краем поляны, на которой они построили хижину, держась за ограду. Эш был недалеко от него.

— Что такое?

Часы, что провёл Росс, прислушиваясь к звукам дикой природы, не прошли даром.

— Эта птица раньше никогда не кричала со стороны леса. Такая, голубоватого цвета, мы её видели — она ловила лягушек у реки.

Ещё, даже не взглянув в сторону леса, пошёл за кувшином с водой.

— Берите снаряжение, — приказал он.

В их кожаных сумках хранился неприкосновенный запас, вполне достаточный для долгого марша. Мак Нейл взял сумки из-за мехового занавеса, прикрывающего вход в недостроенный домик. Снова закричала птица и её пронзительный крик разнёсся далеко вокруг. Росс подошёл к навесу для ослов и перерезал привязи. Вероятно, маленькие терпеливые животные очень скоро падут жертвами каких-нибудь лесных хищников, но всё же надо было дать им шанс спастись.

Мак Нейл, набросив на плечо плащ, чтобы скрыть

сумки с провизией, взял кожаное ведро, словно он просто направлялся к реке за водой, и зашагал вслед за Россом. Они полагали, что проделали всё вполне естественно, и что для тех, кто прячется в лесу, лагерь выглядит вполне естественно. Но то ли они допустили какую-то ошибку, то ли нападающие очень спешили — из темноты вылетела стрела и ударила в костёр. Эш спасся от смерти только потому, что в этот момент нагнулся, чтобы подбросить хворосту в пламя. Он схватил кувшин с водой и выплеснул его на огонь, а сам откатился в противоположную сторону.

Росс с Мак Нейлом нырнули в кусты. Прижимаясь к полупромёрзшей земле, они стали пробираться к речному берегу, где на открытом пространстве неожиданное нападение было менее вероятным.

— Эш? — прошептал юноша, и почувствовал тёплое дыхание Мак Нейла на своей щеке, когда тот ответил:

— Он уйдёт в другую сторону. Он это умеет делать — лучше некуда.

Они поползли. Дважды им пришлось залечь, с кинжалами в руках, услышав шорох, выдававший кого-то из нападавших. Оба раза Росса подмывало подняться и прирезать незнакомца, но он погасил в себе эти порывы. Он научился сдерживать себя, что было для него невозможным всего несколько месяцев назад.

Сквозь растущие в пойме кусты тускло замерцала река. В этих краях зима всё ещё упорно пряталась в тени холмиками нерастаявшего снега, а ветер и вода обжигали ледяными укусами. Росс поднялся на колени — у него перехватило дыхание, когда в ночи раздался крик. Он развернулся в сторону лагеря, но Мак Нейл схватил его за руку.

— Это был осел, — прошептал Мак Нейл нетерпеливо, — пошли к тому броду, что мы нашли!

Они свернули к югу и перешли на трясцу, пригнувшись к земле. Река вздулась от весеннего паводка, который только начал спадать, но двумя днями раньше они заметили в одном месте песчаную отмель. Перейдя по этому

броду речное русло, они оторвались бы от преследователей и получили бы передышку, однако Росс внутренне содрогался при одной только мысли о том, чтобы войти в воду. Он только вчера видел, как течение несло здоровенные деревья. А столкнуться с таким в темноте...

Мак Нейл издал душераздирающий крик, который Росс в последний раз слышал в Британии — призывный вой охотящегося волка. Ниже по реке раздался такой же вопль.

— Эш!

Они двигались вдоль кромки воды, оставаясь настороже, пока не встретили Эша. Вместе перейдя реку, они снова повернули на юг, в сторону холмов. Тогда и произошла стычка, закончившаяся столь плачевно.

На этот раз Росс не услышал птичьего крика. Хотя он и был начеку, человеку, подкрадшемуся сзади, удалось напасть внезапно. Только что Росс пробирался следом за Мак Нейлом и Эшем. Секундой позже он провалился в тёмную пустоту.

Он пришёл в себя от боли, раскалывавшей голову. Когда с большим усилием ему удалось открыть глаза, луч света словно острие стрелы вонзился в мозг, делая боль невыносимой. Росс поднял руку к лицу и тут же почувствовал страшную слабость.

— Эшша... — ему казалось, что он произносит это имя вслух, но он не слышал собственного голоса. Они были в долине. Волк бросился на него из зарослей. Волк? Нет, волк был убит, но потом снова ожил, и завыл на речном берегу...

Росс снова заставил себя открыть глаза, с трудом выдерживая боль, которую причиняли солнечные лучи. Он повернул голову, спасаясь от них, и попытался сосредоточиться. Зачем-то было нужно двигаться, выбираться отсюда? Откуда? И куда? Когда Росс пытался думать, в его сознании возникали лишь неясные, лишённые связи картины.

Затем в узком поле его зрения возник движущийся объект, перемещающийся между ним и чем-то, что, кажется, было стволом дерева. Четвероногое существо с красным

высунутым языком. Оно, рыча, подошло ближе и, обнюхав его неподвижное тело, отрывисто залаяло.

От шума голова заболела так, что Росс закрыл глаза. Затем его привела в себя пригоршня ледяной воды, выплеснутая ему в лицо, и он, очнувшись, увидел, что над ним склонилось странно перевернутое бородатое лицо человека, уже виденное им когда-то.

Его схватили чьи-то руки и подняли так резко, что он вновь провалился в темноту. Когда сознание вернулось вновь, вокруг была ночь, а боль в голове стала глуше. Он пошевелил рукой и обнаружил, что лежит на подстилке из шкур и укрыт одной из них.

— Эшша... — он снова попытался произнести имя. Но на его тихий зов пришёл не Эшша. Рядом с ним опустилась на колени женщина, держащая в руках чашу из рога. Её волосы были аккуратно заплетены в косы и в них в отблесках костра серебром отсвечивала седина. Росс знал, что видел её раньше, но не мог вспомнить, когда и где. Она подсунула ему под голову свою сильную руку и приподняла его. Потом она поднесла к его губам роговую чашу, и он глотнул горькую, обжигающую горло жидкость, от которой внутри разлилось блаженное тепло. Затем она снова покинула его, и он, несматривая на боль и растерянность, погрузился в сон.

Росс вряд ли мог понять, сколько дней пролежал в лагере Ульффы под опекой главной жены вождя. Именно Фригта убедила племя проявить заботу о человеке, который, когда его нашли, был почти что мёртв, именно она выхаживала его, приложив все знания, что достались ей от полусотни поколений мудрых женщин, бывших жрицами и врачами у этих бродячих племён.

Зачем же Фригте вообще понадобилось возиться с раненым чужаком? Ответ на этот вопрос Росс узнал тогда, когда уже мог самостоятельно сидеть и сумел привести свои запутанные мысли в некое подобие порядка. Предводительнице племени были нужны знания. Сперва она

испытывала на Росссе своё врачебное искусство. Потом, когда ей стало ясно, что он выживет, она взнамерилась научиться всему, что знает он.

Ульффа и его соплеменники с благоговением и алчностью взирали на металлическое оружие торговцев, но Фригге было нужно большее, чем просто вещи. Она хотела узнать секрет производства одежды, которую носили пришельцы, всё, что она могла узнать об их жизни и о тех местах, откуда они явились. Она засыпала Россса бесконечными вопросами, и он отвечал на них как мог подробно. Россс пребывал в том странном полусонном состоянии, когда лишь настоящее имеет смысл. Прошрое было затеряно в туманной дымке, и хотя время от времени он вспоминал, что ему нужно что-то сделать, он точно так же легко забывал об этом.

После того как напавшие чужаки оставили недостроенную заставу, вождь и его люди пробрались туда и вернулись с кучей всяческого добра — бронзовой бритвой, двумя разделочными ножами, несколькими рыболовными крючками и отрезом материи, которую забрала себе Фригга. Россс безразлично наблюдал за этим разграблением, никак не протестуя. Страшные головные боли заставляли его забыть о происходящем вокруг, он лишь лежал долгими часами, а подчас и целыми днями, прикованный к своей постели, тупой и равнодушный ко всему.

Он узнал, что всё племя жило в постоянном страхе перед нападением тех, кто разгромил факторию. Но позже их разведчики сообщили, что враг ушёл на юг.

Между тем произошло событие, не замеченное самим Росссом, но которое могло бы привести в изумление Эша с Мак Нейлом. Россс Мэрдок в самом деле был убит тем ударом, что заставил его рухнуть без сознания у реки. Юноша, которого вернула к жизни Фригга, звался Россса из народа горшечников. Этот Россса лелеял горячее желание отомстить тем, кто напал на него и его родичей, желание, хорошо понятное семейному клану, спасшему его.

Именно эта жажда заставила его подняться на ноги, хотя он и весьма нетвёрдо стоял на них. Его лук был утерян, но Росс затратил немало времени, чтобы переделать под себя новый. Свой медный браслет он выменял на дюжину лучших наконечников для стрел, что были в лагере Ульффы. А свою булавку с самоцветом он подарил Фригте в знак благодарности.

Теперь, когда силы к нему возвращались, он уже не мог бездельничать в лагере. Он был готов отправиться в путь, хотя рана на голове ещё болела при прикосновении. Пойдя ему навстречу, Ульффа решил выступить на охоту в южном направлении, и Росс присоединился к племени.

Он покинул охотников, когда они подошли к границе запретной территории. Собственная личность Росса была подавлена образом горшечника, поэтому он колебался, но всё же решил не отступать. Когда все оставили его, он посмотрел на запретные холмы, и в этот момент его мучала и тревожила не только головная боль, возвращающаяся с болезненным постоянством. Разум подсказывал, что холмах таилось то, что он искал, но холмы были табу, и он не решался отправиться туда.

Неизвестно, сколько времени он мог провести в подобных колебаниях, если бы на следующий день после ухода людей Ульффы он не заметил бы некий след. На закате луч опускающегося солнца осветил зарубку на стволе одного из деревьев. На тот краткий миг, когда Росс увидел этот знак, его раздвоенное сознание воссоединилось. Поняв, что это — начало пути, он рванулся вперёд, разыскивая сперва вторую, а потом третью зарубку. Росс был убеждён, что этот путь поможет ему проследовать в глубь незнакомой местности, и жажда исследования победила в нём искусственно привитые предрассудки.

Имелись и другие признаки того, что по этому маршруту ходили неоднократно: очищенный от опавших листьев и выложенный камнями родник, ступеньки, вырубленные в крутом склоне оврага. Росс двигался осторожно, насторо-

женно прислушиваясь к любому звуку. Он ещё не чувствовал себя в лесу привычно, но быстро учился, возможно, ещё быстрее от того, что его ложная память вытеснила настоящую.

Ночью он не стал разжигать костра, а вместо этого спрятался в ложбине между корнями деревьев. Один раз его разбудил волчий вой, а в другой — треск старого дерева, рухнувшего от ветра.

Утром он собирался уже выбраться обратно на тропу, от которой предусмотрительно удалился накануне вечером, как вдруг заметил пятерых бородатых, одетых в шкуры людей, очень похожих на соплеменников Ульффы. Прижавшись к земле, Росс подождал, пока они исчезнут из виду, а потом последовал за ними.

Весь день он, то и дело прячась, следовал за маленьким отрядом, иногда замечая этих людей, когда те поднимались на пригорки или останавливались, чтобы поесть. Вечером он осторожно заполз на вершину холма и посмотрел вниз, в долину.

Там был посёлок, простые бревенчатые дома за частоколом. Ему приходилось видеть очень похожие посёлки, но в этом сквозило что-то похожее на сон, словно в самом деле он был вовсе не таким, каким казался.

Подперев рукой подбородок, Росс принялся внимательно рассматривать посёлок и людей, ходивших по нему. Некоторые из них были одетыми в шкуры охотниками, но другие выглядели совершенно иначе. Он даже привскочил, негромко вскрикнув, когда увидел, как один из таких людей быстро прошёл от дома к дому — это, несомненно, был торговец-горшечник!

Его недоумение росло с каждой секундой, но странность этого посёлка, казалось, не таила в себе никакой опасности. Росс поднялся на колени, чтобы рассмотреть его получше, и в этот момент неизвестно откуда в воздухе просвистел аркан, и верёвочная петля крепко обхватила его туловище, безжалостно выдавив воздух из лёгких и туго притянув руки к бокам.

Получив несколько крепких ударов, Росс покорился куда скорее, чем сделал бы это тремя неделями раньше. Теперь Мэрдок стоял, угрюмо глядя на человека, одетого как торговец-горшечник, но упорно говорящего на незнакомом Россу языке.

— Мы тут не в детские игры играем, — человек наконец произнёс слова, которые Росс понял. — Или ты будешь мне отвечать, или вопросы будут задавать другие люди, причём совсем не так вежливо. Итак, я тебя спрашиваю: кто ты такой и откуда явился?

Росс бросил на него через стол бешеный взгляд, это презрительное приказание пробудило его старую ненависть к любым властям, но спустя мгновение здравый смысл возобладал. Он был приведён в эту деревню покрытый синяками и с головной болью. Не следовало давать им повод избивать его, иначе он окажется не способен вырваться на свободу, если вдруг представится такая возможность.

— Я — Росса из торговцев, — ответил он, внимательно глядя на человека, — я пришёл сюда в поисках своих родичей, которых захватили этой ночью разбойники.

На лице сидевшего за столом человека медленно появилась улыбка. Он вновь заговорил на странном языке. Росс бесстрастно уставился в стену. Слова были короткими и звучали отрывисто, и улыбка постепенно гасла на лице этого человека: по мере того, как он говорил, её сменяло выражение разочарованности.

Один из двух сопровождавших Росса охранников осмелился вмешаться и спросил на языке горшечников:

— Откуда ты пришёл? — это был стройный человек со спокойным лицом, совершенно не похожий на своего напарника — звероподобного детину, способного в случае чего мгновенно сломить сколь угодно яростное сопротивление Росса.

— Я пришёл в эту страну с юга, — ответил Росс, — так, как приходят люди моего народа. Это новая страна, где

нужно собирать и выменивать меха и золотистые слёзы солнца. Торговцы приходят с миром и ни на кого не поднимают руки. Но в темноте пришли те, кто убивают не ради наживы, а по причине, которая мне неизвестна.

Спокойный человек продолжал задавать вопросы и Росс отвечал весьма подробно. Все детали касались прошлого Россы, купца-горшечника. Да, он с юга. Его отец — Гурди, чья застава расположена в тёплых краях на берегу большой реки. Это было первое путешествие Россы на вновь открытую землю. Он пришёл с кровным братом отца, Эшшей, известным путешественником в дальние страны, для него большая честь состоять погонщиком осла при таком человеке, как Эшша. С Эшшей был Макна, который тоже был путешественником в дальние страны, но не таким знаменитым, как Эшша.

Да, конечно, Эшша был из его народа! Когда был задан этот вопрос, Росс даже моргнул. Достаточно просто взглянуть на него, чтобы увидеть, что он торговец по крови, а вовсе не дикий лесной житель. Как долго он знаком с Эшшей? Росс пожал плечами. Эшша пришёл на заставу его отца прошлой зимой, и остался там, пережидая холода. Эшша стал кровным братом Гурди после того, как спас его во время наводнения. Спасая его, Эшша потерял свою лодку и товары, и в этом году Гурди возместил ему ущерб. Штрих за штрихом он обрисовывал картину. Несмотря на то, что он сам считал весь этот рассказ правдой, и излагал его весьма бойко, Росса не покидало странное ощущение, будто он пересказывает историю, происшедшую давным-давно с кем-то другим. Возможно, это головная боль делала все события тусклыми и далёкими.

— Похоже, — спокойный человек обратился к сидящему за столом, — что он и в самом деле Росса, торговец-горшечник.

Но тот, казалось, был чем-то сильно рассержен. Он подал знак второму охраннику, и тот грубо толкнул Росса в сторону двери. Начальник вновь скомандовал что-то на своём родном языке, добавив ещё несколько слов, по

резкому тону которых можно было понять, что они содержат в себе угрозу или предупреждение.

Росса бросили в маленькую комнату, на жёстком полу которой не было даже skóry, заменяющей постель. Как только спокойный человек приказал развязать Росса, тот привалился к стене, растирая запястья, чтобы прогнать боль от возобновившегося кровообращения и пытаясь понять, что с ним произошло и где он находится. Из того, что он увидел с пригорка, можно было заключить, что это не обычная торговая фактория, и ему хотелось знать, что все эти люди делают здесь. Кроме того, он рассчитывал найти где-нибудь в деревне Эшшу и Макну.

В конце дня дверь на секунду приоткрылась и в неё просунули миску и маленький кувшинчик. Он нащупал их в темноте, пальцами вычерпал тепловатое варево и жадно выпил воду. Головная боль притихла, и по опыту Росс знал, что вскоре она совсем пройдёт. Если сейчас заснуть, то утром проснёшься без боли и с ясной головой. Чувствуя страшную усталость, он лёг, свернувшись, прямо под дверью — слабая мера предосторожности, чтобы никто не мог зайти, не разбудив его.

Было ещё темно, когда странное беспокойство разбудило юношу. Росс сел, разминая руки и плечи, затекшие от сна на жёстком полу. Он не мог избавиться от чувства, что необходимо что-то сделать, и что время работает против него.

Эшша! Он с радостью ухватился за это воспоминание. Он должен найти Эшшу и Макну, потому что втроём они наверняка смогут выбраться из этой деревни. Вот что было так важно.

Его схватили далеко не вежливо и держали, как пленника. Но Росс понимал, что это — далеко не худшее, что могло произойти с ним здесь, и ему нужно освободиться прежде, чем это худшее случится. Вопрос заключался в том, КАК ему спастись. Лука и кинжала с ним не было, даже длинную булавку от плаща, которую можно было бы использовать в качестве оружия, он отдал Фригге.

Ощупав себя, Росс проверил, что из его одежды и

снаряжения осталось на месте. Он расстегнул бронзовый пояс, который по-прежнему стягивал его рубаху. Это был шедевр работы по металлу, он состоял из украшенных узорами пластинок, соединённых между собой тонкими изящными цепочками. Пряжка была выполнена в виде львиной головы, а высунутый из разинутой пасти язык служил крючком, к которому крепились ножны кинжала. Пояс был длиной примерно с руку и весил довольно прилично, так что мог послужить своего рода оружием. В сочетании с фактором неожиданности, он мог помочь Россу освободиться.

Однако от него вправе были ожидать сопротивления. Хорошо известно, что торговцы — хитрые и смелые бойцы. Мысль о том, какая честь — путешествовать в диких, неведомых странах, согревала Росса сейчас, когда он во мраке ожидал, не пошлёт ли ему удачу Златорогий Ба-Бал. Если он когда-нибудь вернётся на заставу Гурди, то принесёт в жертву Ба-Балу, чья ладья плывёт через небо от восхода к закату, лучшего быка, кувшин с молодым вином и янтарь, золотистый, как мёд.

Оба прошлых Росса — и истинное, и внушённое, научили его терпению. Он умел ждать, как ему не раз случалось — спокойно и внешне беспечно, пока не придёт нужный момент. И вскоре такой момент пришёл — снаружи громко простучали шаги, смолкнув перед дверью его камеры.

Бесшумным и стремительным кошачьим движением Росс метнулся от двери к стене, встав так, чтобы вошедший не смог разглядеть его в течение той пары мгновений, что была необходима. Для того, чтобы атака удалась, её надо провести внутри комнаты. Росс услышал звук отодвигаемого засова, и встал наизготовку, сжимая в правой руке пояс.

Дверь открывалась внутрь, и силуэт вошедшего ясно выделялся на фоне проёма. Он что-то пробормотал, глядя в тот угол, куда Росс положил свой плащ, свёрнутый так, что его можно было на какое-то мгновение принять за скорчившегося на полу спящего человека. Вошедший

сделал шаг, отойдя от двери достаточно далеко, чтобы Росс захлопнул её и бросился вперёд, обрушив пряжку пояса на голову чужака.

Испуганный крик оборвался, когда бронзовая пластина со страшной силой врезалась в кость. Удача! Росс надел пояс на место и обыскал лежащее у его ног тело. Он не был уверен, что этот человек убит, но в любом случае он был без сознания. Росс снял с него плащ, нащупал кинжал, отцепил его и повесил к себе на пояс.

Росс подкрался к двери, медленно, дюйм за дюймом, приоткрыл её и выглянул из камеры. Насколько он мог видеть, зал снаружи был пуст, и он, выскользнув наружу, с кинжалом в руке двинулся вперёд, готовый в любой момент броситься в атаку. Дверь он закрыл, а затвор поставил на место. Если человек внутри придёт в себя и станет пытаться привлечь к себе внимание, его друзья могут подумать, что это шумит Росс и не станут проверять.

Но Росс понимал, что бегство из камеры было самой простой частью плана побега. Найти Эшшу и Макну в этом лабиринте комнат, полном врагов, было куда сложнее. Хотя он не имел представления, в котором из домов посёлка он находится, этот явно был одним из самых больших и, судя по всему, являлся резиденцией здешнего правителя, что означало, что здесь же могла располагаться и тюрьма.

Зал освещался факелом, закреплённым на стене. Дерево горело дымно, распространяя запах смолы, но Росса это освещение вполне устраивало. Он крался, как можно ближе прижимаясь к стене, готовый при малейшем шуме замереть. Но эта часть здания, вроде бы была пуста, никого не было видно или слышно. Росс попытался открыть две двери, выходившие из зала, но они были заперты снаружи. Тогда он подошёл к проёму, ведущему в коридор, и застыл, уловив тихий гул приглушённых голосов.

Он приблизился к углу коридора с такой осторожностью, словно ему раньше часто приходилось применять всякие охотничьи уловки, и заглянул за поворот. Секундой позже он только благодаря большому везению не выдал

себя.

Эшша! Эшша — живой, незредимый, свободный, только что отвернулся от того спокойного человека, что участвовал в допросе Росса. Конечно, это его русые волосы, его знакомая посадка головы — хотя Росс не и видел его лица, но был уверен, что это он. Спокойный человек ушёл вдоль по коридору, оставив Эшшу возле двери. Когда Эшша вошёл в комнату, Росс последовал за ним.

Эшша пересёк пустое помещение и встал на тускло мерцающий квадрат перед дверью. Какой-то непонятный страх, преследовавший Росса, заставил его решиться на отчаянный поступок. Протянув левую руку, он положил её на плечо Эшше и развернул его лицом к себе, нечаянно встав при этом на светящуюся площадку.

Всего лишь мгновение понадобилось Мэрдоку, чтобы осознать, что он смотрит в удивлённое лицо совершенно незнакомого человека. Росс стремительно ударил его ребром ладони по горлу, и в этот момент мир вокруг них разлетелся вдребезги. Жуткая, мучительная слабость охватила Росса, согнула его пополам и швырнула на неподвижное тело жертвы юноши. Он схватился за голову, словно её могло оторвать от плеч нечто, с безумной скоростью вращавшееся внутри черепа...

Дурнота продолжалась всего несколько секунд, и какая-то дремлющая часть сознания напомнила Россу, что он уже сталкивался когда-то с подобным явлением. Он постепенно приходил в себя, судорожно вдыхая воздух, и внимание юноши вновь сосредоточилось на лежащем у его ног человеке.

Незнакомец судорожно дышал. Росс стащил его с площадки и, оторвав несколько полос от рубахи двойника Эшши, крепко его связал и заткнул ему рот кляпом. Только когда пленник был окончательно обезврежен, Росс с любопытством огляделся вокруг.

В комнате не было никакой мебели, и теперь, взглянув на пол, он увидел, что площадка перестала светиться. Торговец-горшечник Росса вытер об рубаху внезапно

вспотевшие ладони и с испугом подумал о лесных духах и прочих таинственных вещах. Не то, чтобы торговцы поклонялись этим призракам, которых так боялись дикари, но тем не менее то, что сначала появлялось, а потом исчезало безо всякого логического объяснения, стоило того, чтобы над ним поразмыслить. Мэрдок отволоч начинающего приходить в себя пленника в дальний угол комнаты, а потом снова вернулся к площадке, с упорством человека, не желающего верить в духов и пытающегося найти что-то, что помогло бы ему объяснить необъяснимое. Он провёл ладонями по гладкой поверхности площадки, но свет не зажёгся.

Пленник заворочился в своём углу. Росс подумал о том, не будет ли правильное успокоить его, например, стукнув по голове увесистой рукояткой кинжала. В конце концов он решил этого не делать, потому что ему, может быть, понадобится проводник. Росс разрезал нижние путы и поднял чужака на ноги, держа наизготовку кинжал так, чтобы тот мог его видеть. Если в этом месте таятся какие-либо неожиданности, то двойник Эшши первым испытает их на себе.

Дверь вела совсем не в тот же самый коридор, по которому Росс проходил недавно. Вместо него они попали в короткий проход, со стенами из какого-то странного вещества, отсвечивавшего как полированный металл, а на ощупь гладкого и холодного. На самом деле, всё вокруг было прохладным словно речная вода весной.

По-прежнему толкая пленника перед собой, Росс подошёл к ближайшей двери и, заглянув внутрь, увидел там непонятные сооружения из металлических прутьев и ящиков. Торговец Росса с изумлением вытаращил глаза, но снова ему показалось, что где-то он уже видел подобное. Часть стены представляла собой панель, на которой вспыхивали, гасли и снова вспыхивали маленькие огоньки. На спинке стоящего рядом кресла висел таинственный предмет, сделанный из проволоки и каких-то дисков.

Связанный человек рванулся к креслу и упал, откатившись к стене. Росс отволоч его в сторону и спрятал за один

из металлических ящиков. Затем он стал ходить по комнате кругами, ни к чему не прикасаясь, но внимательно рассматривая непонятные предметы. Сквозь расположенные у пола решётки в комнату поступал тёплый воздух, но тем не менее здесь царила та же прохлада, что и в зале снаружи.

Тем временем огоньки на панели стали вспыхивать чаще, образуя на её поверхности замысловатые узоры. Росс услышал жужжание, как будто собирался рой рассерженных насекомых. Скорчившись рядом со своим пленником, Росс смотрел на огоньки, пытаясь обнаружить источник звуков.

Жужжание стало пронзительным, настойчивым. Росс услышал шум тяжёлых шагов в коридоре, и в комнату вошёл человек, устремившийся к креслу. Он сел и водрузил себе на голову обруч из дисков и проволоки. Его руки задвигались под огоньками, но Росс не мог понять, что он делает.

Пленник попытался зашевелиться, но Росс тихо прижал его к полу. Пронзительное жужжание, которое так беспокоило сидящего за панелью человека, оборвалось раздавшейся сложной трелью длинных и коротких сигналов, и его руки забежали ещё быстрее. Тем временем Росс рассматривал каждую деталь его одежды и снаряжения. Он не был ни оборванным дикарём, ни торговцем. Одет он был в тускло-зелёный костюм, скроенный из одного куска материи, обтягивающий всё его тело, в том числе руки и ноги, а волосы его были такими короткими, что круглый череп казался бритым. Росс провёл тыльной стороной ладони по лицу, почувствовав, что его вновь посетило неясное воспоминание из другой жизни. Как ни странно выглядел этот человек, Росс видел подобных ему раньше, хотя это было и не на заставе Гурди у южной реки. Где и когда Росс встречался с такими необычными существами? И почему он не может вспомнить этого отчётливее?

В зале снова загрели шаги и в комнату вошла ещё одна фигура. Этот человек был одет в меха, но и он тоже не был лесным охотником. Широкая верхняя одежда из пышного меха с откинутым назад капюшоном, высокие башмаки и

всё остальное было сделано далеко не примитивно. И у этого человека было четыре глаза! Два располагались, как и положено, по обе стороны переносицы, а ещё два, тёмные и с чёрными ободками, поблескивали у него на лбу.

Человек в меховой одежде дотронулся до сидящего за панелью. Тот частично освободил голову от проволоочной клетки, и они заговорили друг с другом на непонятном языке, в то время как огоньки продолжали вспыхивать, а жужжание смолкло.

Пленник Росса с новой силой рванулся и ухитрился ударить ногой по одной из металлических конструкций. Раздавшийся грохот заставил обоих людей развернуться. Сидевший за панелью сорвал с головы свою клетку и вскочил на ноги, а второй вытащил пистолет.

Пистолет? Какая-то часть сознания Росса удивилась тому, что он узнал эту чёрную вещь и ту опасность, что она в себе несла, несмотря на то, что он приготовился к бою. Он швырнул своего пленника на человека в мехах, а сам бросился в противоположном направлении. Но в тот момент, когда он метнулся к двери, в его голове что-то взорвалось.

Россу так хотелось вырваться, что он не обернулся, а продолжал бежать на четвереньках, что, к счастью, делало его плохой мишенью для третьего человека, бегущего через зал навстречу. Плечо Росса врезалось в него на уровне бедра и они, сцепившись, покатились по полу, что спасло Росса от выстрела из пистолета.

Росс дрался отчаянно, наугад нанося удары, но противник попался не из слабых, и в конце концов юноша, несмотря на бешеное сопротивление, был прижат к полу. Ему заломили руки за спину и защёлкнули вокруг запястий кольца из холодного металла. Потом его бросили на пол и он лежал, глядя на своих врагов.

Три человека сгрудились возле него, выкрикивая какие-то вопросы, которых он не понимал. Один из них ушёл и вернулся с бывшим пленником Росса. Его плотно сжатый рот и горящие глаза говорили Россу больше, чем любые слова.

— Ты — пленный торговец? — человек, похожий на Эшшу, склонился над Мэрдоком. На его запястьях краснели полосы от верёвки.

— Я — Росса, сын Гурди, из торговцев, — ответил Росс, с вызовом глядя в его глаза. — Да, я был пленником, но вы недолго удерживали меня, не удержите и теперь.

Человек приподнял верхнюю губу.

— Ты сам себе навредил, мой юный друг. Мы найдём здесь для тебя хорошую тюрьму, такую, откуда тебе не сбежать.

Он сказал что-то остальным людям и в его голосе прозвучали металлические нотки приказа. Они подняли Росса на ноги и повели, толкая перед собой. Во время движения через комнаты, Росс смотрел вокруг, замечая вещи, назначения которых не мог понять. Ему задавали вопросы, но потом замолчали. Одетый в меха охранник крепко держал Росса, пока другие двое облачались в такие же одежды.

Росс потерял во время драки свой плащ, но ему не дали меховой куртки. Он дрожал всё сильнее по мере того, как холод, пронизывавший все эти комнаты и залы, охватывал и его полуодетое тело. Росс был уверен по крайней мере в одном — что он находится теперь не в деревне среди холмов, однако не мог даже предположить, как он сюда попал.

В конце концов они вышли в узкую комнату, заполненную большими металлическими предметами пурпурного и фиолетового цветов, которые ярко блестели и были снабжены продольными поручнями, переливавшимися всеми цветами радуги. Впереди возникла круглая дверь, и когда один из охранников, нажав двумя руками, otvorил её, оттуда вырвался ледяной ветер, обжёгший открытую кожу.

11

Спустя некоторое время Росс догадался, что грязно-белые стены тоннеля были из льда. Сверху тянулась чёрная проволока, и на ней через равные промежутки

висели светильники, бессильные, однако, смягчить лютый мороз, царящий вокруг.

Росса бил озноб. Каждый вдох обжигал лёгкие, открытые части тела онемели. Он шёл на негнущихся ногах, а когда спотыкался, охранники волокли его за собой на верёвке. Он понимал, что если упадёт и капитулирует перед холодом, то для него всё здесь и закончится.

Определить, как долго они двигались сквозь толщу льда, было невозможно, но в конце концов они подошли ещё к одному проёму, прорубленному грубо, словно топором. Выйдя наружу, они оказались в самой дикой и суровой местности, какую ему только приходилось видеть. Конечно, Росс успел привыкнуть к снегу и льду, но здесь перед ним открылся мир, полностью подвластный жестокой мощи зимы, причем всё вокруг выглядело как-то странно, сверхъестественно. Это был безмолвный, бело-серый мир, в котром ничто не двигалось, кроме снежных вихрей.

Охранники прикрыли глаза тёмными очками, потому что солнечный свет нестерпимо ярко отражался от ледяных торосов. Глаза Росса заслезились, он сосредоточил все свои силы на том, чтобы не упасть, смотреть вокруг ему было некогда. Верёвочная петля была захлестнута ему вокруг шеи, и его вели на поводке, словно собаку. Впереди лежала тропа, где оставили следы не только пешеходы, но и какие-то тяжёлые предметы, которые тащили волоком, пробив во льду глубокие колеи. Росс поскользнулся и упал бы в такую колею, если бы не натянутая верёвка. Окоченение достигло головы, всё вокруг него кружилось и застилалось туманом. Он упал на одно колено, его тело было слишком онемевшим, чтобы почувствовать холодное прикосновение к снегу, такому твёрдому, что кромка наста на его поверхности не уступала по остроте лезвию. Росс равнодушно смотрел, как на посиневшей коже проступила алая черта с несколькими каплями крови. Верёвка дёрнула его вперёд, но Росс только ужасно закричал. Один из конвоиров подошёл к нему и, схватив рукой в меховой рукавице за пояс, снова поднял на ноги.

Назначение этой колен в снегу было Россу непонятно.

Да и, на самом-то деле, его уже ничего не интересовало, только злое упрямство бунтаря не позволяло ему сдаться до тех пор, пока он ещё был в состоянии двигаться и сохранял хоть искорку сознания. Идти становилось всё труднее. Он ещё дважды оскальзывался и падал. Когда он упал в последний раз, проскользив какое-то расстояние по гладкому, словно стекло, льду, то подняться уже не смог. Сквозь туман и окутавший его смертельный холод он смутно ощущал, как его грубо волокут на верёвке, но сопротивляться уже не мог. Потом кто-то снял с него наручники.

Раздался какой-то сигнал, эхо которого жутковато отразилось ото льдов. Возня вокруг его тела прекратилась, и его толкнули так, что он покатился по гладкому насту... Но верёвки на шее не было, и наручники больше не болтались на руках. Когда он, врезавшись в какое-то препятствие, остановился, к нему никто не подошёл...

Разум Росса, та его часть, что принадлежала Россеторговцу, призывал лежать и ждать смерти, но подсознание Росса Мэрдока, члена Проекта, заставляло его бороться. Им двигала холодная ненависть. Эта ненависть, направленная в прошлом против обстоятельств и властей, теперь обратилась на тех, кто бросил его здесь замерзать среди снегов.

Росс подтянул под себя руки. Он их совсем не чувствовал, но всё же они, хоть и неуклюже, но подчинялись его воле. Он приподнялся и посмотрел вокруг. Он лежал в узкой расщелине со стенами из промёрзшей и твёрдой как сталь земли. Сверху над ним нависали ледяные пласты. Остаться здесь означало сделать именно то, чего хотели его враги.

Дюйм за дюймом, Росс двинулся в путь. Эта расселина, предназначенная стать его могилой, оказалась не такой глубокой, как подумалось в спешке тем, кто швырнул его сюда. Он надеялся, что если заставит своё тело повиноваться, то сумеет выбраться отсюда.

Совершив поистине невероятное усилие, Росс сумел-таки выбраться на тропу, откуда его сбросили. Теперь

следовало поразмыслить. Даже если бы он был в состоянии это сделать, возвращаться в укрытое льдами здание, где он недавно очутился, смысла не имело. Его обрekli на смерть и назад не впустят.

Но такая хорошо протоптанная дорога должна иметь какую-то цель. Поэтому, в надежде, что в её конце он сможет найти убежище, Росс повернул налево. Трасса шла вниз по склону. Теперь отвесные стены из льда и снега перемежались с похожими на чёрные клыки скалами. Обогнув один из таких каменных клыков, Росс увидел, что дорога упирается в край огромного шара, наполовину погружённого в грунт, шара из тёмного, несомненно искусственного происхождения материала.

Россу было уже не до осторожности. Он знал, что если не найдёт укрытие, где будет тепло, ему конец. Дрожа и шатаясь, он побрёл вперёд, сосредоточив всё своё внимание на двери — закрытой, овальной формы двери. С криком отчаяния он бросился на неё. Она распахнулась и Росс упал, очутившись среди сияния странного синеватого света.

Свет ободрил его, потому что обещал большего, и юноша дополз до следующей двери, расположенной напротив первой. Он двигался словно по трубе. Росс остановился, прижав к туловищу ничего уже не чувствующие руки, и вдруг понял, что здесь тепло. При выдохе перед лицом больше не появлялось облачка холодного пара, и воздух уже не обжигал лёгкие.

После того, как он это осознал, к нему вернулась какая-то звериная осторожность. Оставаться здесь, прямо перед входом, означало подвергаться смертельной опасности. Необходимо найти укрытие, прежде чем силы окончательно иссякнут, что могло произойти в любой момент. Надежда придала ему обманчивый прилив сил, и этим следовало воспользоваться как можно полнее.

Росс с огромным трудом поднялся и подошёл к широкой лестнице, пологими кривыми дугами уходящей вниз — в полумрак, и вверх — в тень. Он чувствовал, что находится внутри довольно большого здания. Вниз он идти боялся,

от одного взгляда туда он терял равновесие, а потому направился вверх.

Шаг за шагом, Росс с трудом поднимался, минуя лестничные площадки, от которых по радиусу расходились коридоры, словно нити паутины. Силы уже были на исходе, когда он услышал раздавшийся внизу звук, отражённый и усиленный эхом. Кто-то шёл. Росс заставил себя подняться на четвёртый этаж, где освещение было весьма слабым, надеясь забраться в один из пустых коридоров достаточно далеко, чтобы его не заметили с лестницы. Он смог преодолеть лишь половину намеченного пути, когда совсем обессилел и рухнул на стену. Но напрасно его руки пытались на неё опереться — он упал сквозь неё!

Секунду, может быть, две, Росс был объят изумлением. Лежа на чём-то мягком, он чувствовал, как его окутывает блаженное тепло, избавляющее от страданий его разбитое и обмороженное тело. Потом он ощутил укол в бедро, затем ещё один — в руку, и всё вокруг погрузилось в туман. Наконец, в полном изнеможении он провалился в забытие.

Мелькали сны, и весьма подробные сны, и Росс с трудом уловил момент пробуждения. Он лежал с закрытыми глазами, пытаясь соединить странные обрывки — и снов ли? Нет, он преисполнился уверенности, что то были настоящие воспоминания. Торговец Росса и Росс Мэрдок из Проекта вновь стали одним человеком. Как это произошло, он не знал, но тем не менее, это было правдой.

Открыв глаза, он увидел на собой вогнутый, голубого цвета потолок. Спокойный мягкий свет действовал на его встревоженный разум словно слова утешения. Впервые с той ночи, когда его оглушили, Росс совершенно не чувствовал головной боли. Дотронувшись до раны на затылке, ещё вчера настолько болезненной, что прикасаться к ней было нестерпимо больно, он не нашёл там ничего, кроме совершенно зажившего шрама.

Росс поднял голову и посмотрел на себя. Его тело покоилось в какой-то напоминающей люльку металлической конструкции, заполненной желеобразным веществом красного цвета с приятным, свежим запахом. Он не

ощущал больше ни холода, ни голода. Более того, его самочувствие было лучше, чем когда-либо в жизни. Сев в своей люльке, он стряхнул желе с плеч и груди. Вещество полностью сходило с кожи, не оставляя на ней никаких следов.

Кроме этой странной кровати в небольшой, цилиндрической формы комнате были и другие предметы. В её узкой передней части стояли два кресла, формой напоминавшие пилотские, а перед ними находился пульт управления непонятного назначения.

Как только Росс встал на пол, позади него раздался щелчок, и он резко повернулся, готовый к худшему. Оказалось, однако, что причиной шума послужила распахнувшаяся дверца маленького шкафчика. Внутри шкафчика лежал пухлый свёрток. Судя по всему, это было приглашением осмотреть содержимое свёртка.

Внутри него, похоже, находился плотно свёрнутый кусок материи, упакованный в пакет. Расстегнув пакет, Росс извлёк оттуда нечто-то вроде комбинезона, сделанного из материала, какого он никогда раньше не видал. Он был блестящим и гладким, как атлас, и мягким, словно тонкий шёлк. При каждом движении материя переливалась тёмно-синими и бледно-фиолетовыми разливами с удивительно яркими зелёными отблесками.

Росс некоторое время провозился с маленькими изумрудно-зелёными кнопками, шедшими рядком по диагонали от правого плеча к левому бедру, прежде чем ему удалось расстегнуть их. Натянув на себя этот костюм, он обнаружил, что одежда ему совершенно впору, хотя и облегает тело очень плотно. Под ступни были вставлены прокладки из какого-то мягкого материала, образующие подошву.

Застегнув все кнопки, Росс ощупал странную ткань — столь непонятную, так же, как и всё вокруг. Голова была ясной, он мог вспомнить все детали своих приключений вплоть до падения сквозь стену. Несомненно, он прошёл даже не через один, а через два поста красных, расположенных в разных временах. Неужели это был третий? А

если так, то не был ли он до сих пор в плену? Но тогда почему они сперва вышвырнули его на мороз, а потом так о нём позаботились?

Ему не удавалось связать спрятанное во льду здание, откуда его вывели, с тем, где он находился сейчас. Заслышав снова тихий шум, Росс обернулся и увидел, как наполненная желеобразной массой люлька, из которой он только что выбрался, стала складываться, пока не уменьшилась в размерах почти втрое, после чего убралась в стену.

Росс, беззвучно ступая мягкими подошвами, приблизился к пилотским креслам. Но когда он уселся в одно из них, чтобы получше рассмотреть то, что показалось ему похожим на пульт управления вертолётa, на котором он начал своё фантастическое путешествие сквозь пространство и время, то кресло вовсе не показалось ему удобным. Он понял, что оно было сконструировано для тех, чья форма тела несколько отличается от его собственной.

Форма тела... Люлька с желе, или кровать, неважно... Одежда, так удивительно подходящая...

Росс наклонился, чтобы рассмотреть приборы на панели. Подозрения подтверждались. Он добрался до цели. Это сооружение принадлежало той самой инопланетной расе, о существовании которой подозревали Миллард с Кэлгаррисом, и ради которой был затеян весь проект. Это был источник, или один из источников, откуда красные черпали знания, непохожие на всё, что было известно раньше.

Закованный в лёд мир и сооружение, полное причудливых механизмов. Эта штука — цилиндр с пилотскими креслами и приборной доской. Место, где кто-то живёт? Но ванна с желе и всё остальное... Неужели это его появление привело в действие шкафчик с одеждой? А что стало с той рубашкой, которая была на нём, когда он сюда попал?

Росс обыскал комнату. Ванна-кровать была сложена в стену, а от его старой одежды не осталось и следа, точно так же, как и от ботинок и пояса. Он не мог понять и то, почему он здоров и не чувствует голода и жажды.

Существовало два правдоподобных объяснения всему этому. Первое — что чужаки до сих пор жили здесь, и по какой-то причине пришли к нему на помощь. Второе — что он находился в месте, где продолжали функционировать роботы, несмотря на то, что их создатели здесь уже не обитали. Россу трудно было отделить воспоминание о полупогружённом в землю шаре от его тогдашнего болезненного состояния. Но тем не менее он помнил, как пробирался и полз сквозь пустоту, не видя и не слыша никаких признаков жизни. Теперь же он беспокойно ходил по комнате, пытаясь найти дверь, сквозь которую сюда попал, но не мог заметить даже шва на стене.

— Надо выбираться, — сказал он вслух, стоя в центре комнатки, и по-прежнему стараясь заметить отсутствующую дверь. Он пытался толкать, тянуть, перепробовал все возможные варианты. Если бы только он мог вспомнить, как попал сюда! Но единственным, что ему припоминалось, было то, как он прислонился к стене, которая провалилась внутрь, после чего он упал. Но куда упал? В ванну с желе?

И тут, поражённый внезапной идеей, Росс взглянул на потолок. Он был достаточно низким, так что встав на цыпочки, можно было до него дотянуться. Росс встал туда, где была ванна.

После нескольких попыток его усилия увенчались успехом. Изогнутая голубая поверхность подалась. Он толкнул её, хотя стоя на цыпочках, мог приложить лишь небольшое усилие. Затем потолок откинулся, словно открылся какой-то хитрый замок, и Росс, потеряв опору, едва не упал.

Он подпрыгнул и, ухватившись за край проёма, выбрался наружу, заметив впереди полоску света. Открыв следующую дверь, он очутился в знакомом коридоре.

Росс повернулся и посмотрел вниз. От того, что он увидел, глаза у него полезли на лоб. Совершенно очевидно, что он только что покинул машину, как две капли воды похожую на остроносую ракету. Небольшой реактивный

летательный аппарат находился в камере внутри большого сооружения, словно катер в эллинге, и, судя по всему, мог вылететь наружу, как пуля из винтовочного ствола. Но зачем?

Мысль Росса перенеслась от фактов к теории. Торпедообразный аппарат мог быть ракетой. Кстати, когда он случайно попал туда, он был в очень плохой форме, и автоматическая кровать поймала его, как будто для этого и была предназначена. Какой маленький летательный аппарат мог быть оснащён оборудованием для реанимации? Только тот, который предназначен для спасения людей, в спешке покидающих здание, возможно, тяжело раненных.

Другими словами, спасательная шлюпка.

Но зачем в здании нужна шлюпка? Ей место, скорее, на корабле. Росс шагнул в коридор и с недоверчивым удивлением посмотрел кругом. Может быть, это и в самом деле какой-то корабль, приземлившийся здесь, пустой и заброшенный, который теперь грабят красные? Всё сходилось! Всё сходилось настолько, что Росс полностью уверился в правильности своей догадки. Но нужно было исключить все сомнения.

Он закрыл дверь, ведущую в шлюпочную камеру, но не слишком плотно, так, чтобы потом суметь найти её снова. Это было слишком хорошее убежище. Неслышными шагами он подошёл к лестнице и остановился возле неё, прислушиваясь. Далеко внизу были слышны звуки — скрежет металла о металл и приглушённые голоса. Но сверху все было тихо, поэтому он решил начать осмотр оттуда, прежде чем спуститься в опасную зону.

Росс направился вверх, миновал ещё два этажа и вышел в пустую комнату с вогнутым потолком, расположенную, вероятно, на самой верхушке шара. Здесь располагалось так много машин, приборов, непонятных вещей, что он на мгновение застыл, растерянно глядя по сторонам. Здесь было — он медленно посчитал — пять пультов управления

вроде того, что он видел в шлюпке. Перед каждым стояло два или три кресла, только эти крепились на подвесках. Он толкнул одно из них рукой, и кресло плавно качнулось.

Приборные панели были такими сложными, что та, которую юноша видел в шлюпке, казалась по сравнению с ними игрушечной. Воздух внутри корабля был свежим, в шлюпке он приятно пах желе, но здесь Росс впервые почувствовал лёгкий запах распада, затхлости.

Он покинул центральный зал, поднялся по ступенькам и, пройдя между панелями управления, оказался в помещении, которое, несомненно, было главной рубкой. Отсюда приводилась в движение вся находящаяся внизу громадина. Двигалась ли она по воде, или по воздуху? Сферическая форма говорила за то, что это воздушный аппарат. Но цивилизация, настолько развитая, должна была оставить какие-то следы. Росс полагал, что находится во времени, намного более раннем, чем начало второго тысячелетия до нашей эры, но тем не менее был уверен, что следы тех, кто умел строить подобные вещи, должны были сохраниться до двадцатого столетия после Рождества Христова.

Может быть, именно так красные и нашли эту штуку. Возможно, им помогло нечто, что они нашли где-нибудь в Сибири или в глубинах Азии.

Росс не получил приличного образования, за исключением интенсивной подготовки на базе и того, что он изучал самостоятельно, поэтому ему трудно было представить себе расу, способную построить такой корабль. Но так или иначе, именно это искал Проект, и он стал единственным, кто добрался до цели. Каким-то образом ему нужно вернуться туда, где он сможет найти своих. Быть может, это невозможно, но надо попытаться. Те, кто бросили его в расщелину, полагали, что ему не выжить. Но благодаря построившим корабль, он до сих пор жив и здоров.

Росс сел в одно из несудобных кресел, чтобы поразмыслить, и этим избежал беды, потому что теперь его не было видно с лестницы, на которой внезапно застучали шаги. Сюда шёл человек, а может быть, и двое, и выхода из рубки не было.

Росс бросился на пол, и постарался укрыться за платформой в передней части рубки. Здесь, где находилась панель управления и два стоящих рядом кресла, неприятный затхлый запах ощущался сильнее. Росс напряжённо ждал, пока появится тот, кто поднимался по лестнице. Несмотря на все его старания ему не удалось найти рядом ничего, даже отдалённо напоминающего оружие. Повинуясь отчаянному порыву, он пополз обратно к лестнице.

За время подготовки он успел выучиться нескольким боевым приёмам, которые при правильном проведении могли быть смертельными. Он решил использовать один из них. Вошедший стоял очень близко. Когда его коротко стриженная голова появилась в проёме, Росс ударил. Его рука скользнула вдоль мехового воротника, и он понял, что промахнулся.

Однако неожиданное нападение всё-таки дало эффект. Испуганно закричав, человек исчез, сбив шедшего следом за ним. Снизу раздались вопли и стоны, но когда из лестничного проёма раздался выстрел, Росс успел уже отпрыгнуть в сторону. Последнюю схватку можно было отсрочить, но его уже загнали в угол. Им достаточно просто сидеть внизу, пока голод и жажда сделают своё дело.

Тем не менее нужно было обеспечить себе запас времени. Рассмотрев повнимательнее кресла, Росс заметил, что они снимаются с подвески, и, отцепив их, оттащил к лестнице и завалил её. Если целенаправленно толкать их снизу, то долго они не продержатся, но он надеялся, что они смогут защитить от пуль, если какой-нибудь стрелок попробует достать его рикошетом. Снизу снова раздались крики и выстрелы, но Росс не собирался покидать своего укрытия.

Он ещё раз обошёл рубку, продолжая разыскивать оружие. Знаки на переключателях и кнопках ничего ему не говорили. Это приводило его в отчаяние, потому что он представлял себе, что среди их бесчисленного множества

наверняка были и те, которые могли бы помочь ему выбраться из западни, знай он только их назначение.

Росс задумался. Это было место, откуда управляли кораблём — не важно, двигался ли он по воздуху или по замёрзшему ныне морю. Эти приборы наверняка позволяли командиру корабля не только направлять его движение, но и осуществлять погрузку и разгрузку, управлять светом и отоплением, и, возможно, обороняться. Вероятно, что все приборы вышли из строя, но тут он вспомнил шлюпку, где все механизмы действовали безупречно.

Единственным шансом было попытаться счастье. Решившись, Росс попросту закрыл глаза, как в полузабытом детстве, трижды повернулся на месте и ткнул пальцем наугад.

Его палец показал на панель, перед которой стояло три кресла, и он медленно подошёл к ней, чувствуя, что если он даже лишь дотронется до управления, то может запустить события, контролировать которые не сумеет. Но треск выстрела напомнил ему, что других вариантов нет.

Хотя символы ничего для него не означали, Росс сосредоточился на форме различных тумблеров и выбрал один, очень похожий на обычный выключатель. Нажав на него, он медленно досчитал до двадцати, ожидая какой-либо реакции. Под выключателем находилась овальная кнопка по которой проходили две волнистые линии, а рядом стояли две красные точки. Росс вдавил её в панель. Она не выскочила назад, и это его обнадежило. Росс потрогал две рукоятки по бокам от неё — они не вращались. Тогда он потянул их на себя, уже без всяких отсчётов.

На этот раз эффект не заставил себя ждать! Раздался монотонный шум, сперва низкий, а затем перешедший в визг. Оглушённый, Росс принялся дёргать сперва одну, а потом другую ручку, и добился того, что визг превратился в пронзительный вой. Но ему был нужен не шум, а действия. Он перешёл к другому креслу. Здесь было пять овальных кнопок с ярко зелёными значками — две волнистые линии, точка, две черты, два переплетённых кольца, косой крестик.

Зачем выбирать? Росс поспешно нажал на все кнопки по очереди. В результате над контрольной панелью поднялся треугольный экран и зафиксировался в вертикальном положении. На его поверхности замелькали цветные полосы. Тем временем монотонный вой превратился в отрывистые, словно бы протестующие вскрики.

Ну вот, что-то получилось, хотя и непонятно — что. Вдобавок это означало, что корабль жив. Однако Россу было нужно нечто большее, чем те яростные вопли, в которые превратился шум. Росс, прислушавшись, подумал, что они звучат так, будто кто-то ругается на непонятном языке.

На той части панели, что располагалась перед последним, третьим креслом, выбор оказался поменьше — только две рукоятки. Когда Росс нажал на первую, узоры на экране превратились в светло-коричневое пятно, намекающее на какое-то изображение. Похоже, нужно было как-то его отрегулировать. На краю прорези, в которой двигалась рукоятка, были нанесены маленькие риски. Можно было попробовать. Росс повернулся к сооружённой им баррикаде из кресел. Похоже её пока ещё не штурмовали.

Он передвинул регулятор на два деления. Результат заставил его открыть рот. Пятно превратилось в картину! Вспомнив, как настраивается телевизор, Росс при помощи обеих ручек сумел добиться, чтобы тусклое и расплывчатое изображение стало чётким и ярким. Только цвет оставался коричневым, а не чёрно-белым, как он предполагал.

И на него смотрело чьё-то лицо! Росс вздрогнул и даже ухватился за противоперегрузочный трос. Потому что хотя это лицо и напоминало в каком-то смысле его собственное, оно было всё же до нелепости непохожим на человеческое. Оно было треугольным, с узким острым подбородком, нижняя челюсть торчала под углом к широкой верхней части лица. Тёмная кожа большей частью была покрыта мягким шелковистым пушком, из которого выглядывал блестящий вздёрнутый нос, расположенный между двумя огромными круглыми глазами. На макушке этой

причудливой головы торчало нечто весьма напоминающее хохол какаду. Однако нельзя было не заметить, что в глазах этого существа светился разум, и что оно взирало на Росса с явным изумлением. Они словно бы смотрели друг на друга сквозь оконное стекло.

— Скварк... сквирк... скварк... — одновременно с этими звуками существо в зеркале — или на экране — зашевелило своим крошечным ртом. Росс снова вздрогнул и автоматически ответил:

— Привет, — его голос звучал чуть слышно, и, возможно, Мохнатый его просто не услышал, потому что продолжал задавать свои вопросы, если, конечно, это и в самом деле были вопросы. Тем временем Росс, преодолев оцепенение, постарался рассмотреть то, что находилось за спиной этого существа. Хотя те предметы были немного не в фокусе, тем не менее он узнал оборудование, похожее на то, что его окружало. Вероятно, установилась связь с другим кораблём, который не был заброшен!

Мохнатый повернул голову и быстро проскрипел что-то через плечо. Потом он встал со своего кресла, уступая его тому, кого позвал.

Если появление Мохнатого поразило Росса, то и на этот раз он был удивлён ничуть не меньше. Человек, смотревший теперь на него с экрана, оказался совершенно иным. Его кожа была бледной — кремового оттенка, а лицо формой намного больше напоминало человеческое, правда, совершенно лишённое растительности, равно как и гладкий купол черепа. Привыкнув к полному отсутствию волос, его внешность можно было бы даже назвать приятной. Одет он был в точно такой же костюм, как и тот, что Росс получил на шлюпке.

Этот не пытался ничего говорить. Вместо этого он впился в Росса цепким оценивающим взглядом, и чем дольше он смотрел, тем холоднее и враждебнее становились его глаза. Росс вспомнил, как оскорблял его взгляд Кэлгарриса, когда он только начинал работать в Проекте, но майору было далеко до той суровой неприязни, что таилась в глазах Лысого. Возможно, увидев Мохнатого,

Росс и растерялся, но сейчас, в ответ на этот неожиданный вызов, в нём поднялась бурная волна упрямого протеста. Он заметил, что дыхание его стало тяжёлым, и что он также смотрит в глаза своего оппонента с такой силой эмоций, которая должна дать Лысому понять, что если он намерен иметь дело с Россом, то диктовать условия ему не удастся.

Сосредоточившись на экране, Росс не успел среагировать на нападение сзади. Он услышал шум атаки слишком поздно. Когда он обернулся, завал из сидений был разрушен и прямо ему в лицо смотрел пистолетный ствол. Росс взмахнул было руками, но остался на месте. В рубку поднялись двое одетых в меха красных.

В том, что шёл первым, Росс узнал двойника Эша, того самого, вместе с которым он совершил временной бросок. Увидев Росса, тот мигнул, на мгновение замаявшись, а потом приказал что-то своему напарнику. Тот развернул Росса, завёл ему руки за спину и защёлкнул на запястьях наручники. Росс снова оказался лицом к экрану и увидел, что Лысый наблюдает за происходящим и, судя по выражению его лица, шокирован увиденным и даже растерян.

— А-а-а! — те, кто захватили Росса, тоже наконец заметили лицо на экране. Один из них метнулся к пульта и быстрыми движениями отключил звук и изображение.

— Кто ты такой? — медленно произнёс на языке горшечников человек, похожий на Эша, пронзая Росса взглядом так, словно мог одной силой воли заставить его говорить правду.

— А вы как думаете? — ответил Росс. Он был одет в ту же форму, что и Лысый, и успел установить контакт с хозяевами корабля. Пусть теперь у красного болит об этом голова!

Ему ничего не сказали. По команде его повели к лестнице. Спуститься по ней со скованными за спиной руками было практически невозможно, поэтому наручники с него сняли. Наставив на него пистолет, они быстро пошли вперёд, стараясь ускорять шаг, в то же время Росс как мог задерживал движение. Он понимал, что среагиро-

вав на пистолет, он выдал себя, и теперь они так просто не бросят его в первую попавшуюся расщелину.

Его догадка подтвердилась, когда на выходе из корабля его одели в меховую парку, снова защёлкнули наручники и привязали на верёвку.

Итак, его снова вели на базу. А на базе имелась установка для перемещений во времени, которая могла вернуть его к своим. Это было возможно. Он решил не беспокоить конвоиров и, напустив на себя унылый вид, смиренно брёл по колее к выходу из долины.

Он сумел хорошенько рассмотреть шарообразный корабль. По его наблюдению, он больше чем наполовину ушёл в грунт. Так зарыться он мог, либо пролежав здесь очень долго, либо, если это был летательный аппарат, врезавшись в почву. Так или иначе, Россу удалось связаться с другим таким же кораблём, и ни одно из существ, которых он увидел, не было человеком.

По пути Росс размышлял об этом. Он полагал, что те, с кем он сейчас идёт, занимались расхищением груза, бывшего на корабле, а судя по размерам последнего, имущества на нём было немало. Но откуда был этот груз? Чьими руками был он сделан? В какой порт предназначался? И как красным удалось в самом начале найти этот корабль? Вопросов было предостаточно, а ответов — куда меньше. Росс надеялся, что включив систему связи на брошенном корабле, он помешал деятельности красных, и привлёк к своей судьбе внимание его истинных владельцев.

Он также полагал, что хозяева предпримут меры, чтобы возратить свою собственность. За время короткой взаимной оценки Лысый произвёл на него впечатление, и ему вовсе не хотелось бы оказываться у него на пути. Теперь же Россу оставалось лишь тянуть время в надежде, что неожиданный поворот судьбы позволит ему воспользоваться машиной времени. Как она работала, он не знал, но он попал сюда из эпохи горшечников, и если удастся вернуться туда, то спасение вполне возможно. Ему нужно будет лишь добраться до устья реки, куда время от времени

наведывается субмарина. Шансов на удачу мало и Росс это сознавал, но тем не менее считал, что ложиться и задира́ть лапки на радость красным вовсе не следует.

Приблизившись к базе, Росс обратил внимание на то, как искусно она построена. Казалось, будто они просто подошли к краю ледника. Если бы не дорога, то никак нельзя было бы заподозрить, что подо льдом что-то скрывается.

Росса втолкнули в ледяной тоннель, ведущий к базе, провели через вереницу комнат и ввели в какую-то дверь. Руки его по-прежнему были скованы. В этой камерке было довольно темно и, похоже, даже холоднее, чем снаружи. Росс стоял неподвижно, ожидая, пока глаза привыкнут к сумраку. Через несколько секунд после того, как за ним захлопнули дверь, он услышал какой-то тихий глухой звук.

— Кто здесь? — спросил он на языке горшечников, решив пока использовать свою легенду, хотя, возможно, толку от неё больше не было. Ответа не последовало, но спустя некоторое время далёкий стук повторился. Росс осторожно шагнул вперёд и, обойдя стены, выяснил, что находится в совершенно пустой камере. Он обнаружил также, что шум раздаётся из-за стены слева, и, приложив к ней ухо, прислушался. Звук этот не походил на тот, какой производит работающая машина, — в ритм ударов врывались иногда странные паузы. Как будто кто-то раст!

Может быть красные расширяют свои подземные сооружения? Послушав некоторое время, Росс усомнился в этом, так как звук был слишком неравномерным. Похоже, что долгие паузы предназначались для проверки результатов работы.

Росс прошёл вдоль стены, прижимаясь к ней спиной, и сел на пол, повернув голову так, чтобы лучше слышать стук. Тем временем он попытался изогнуть руки в петлях наручников и сжать кисти, чтобы выгащить их. В результате он только стёр кожу. Парку с него не сняли, и несмотря на то, что снаружи стоял мороз, самому ему было скорее жарко.

Отдалённый стук прекратился, и Росс задремал. Когда

он проснулся, то почувствовал, что голоден, и это подвигнуло его на маленький бунт. Неуклюже поднявшись на ноги, он подошёл к двери и принялся её пинать. Мягкая материя, из которой были изготовлены подошвы комбинезона чужаков, гасила удары, но снаружи всё-таки слышали шум, потому что дверь открылась и Росс увидел одного из охранников.

— Еды! Хочу есть! — он вложил в эти слова, произнесённые на языке горшечников, всю злобу, что кипела внутри.

Не обращая внимания на его крики, караульный протянул руку и выволок Росса из камеры, едва не уронив при этом. Росса отвели в другую комнату, где он предстал перед неким трибуналом. Двоих он знал — двойник Эша и тот спокойный человек, что допрашивал его на базе, расположенной в другом времени. Третий, явно какой-то начальник, равнодушно разглядывал Росса.

— Кто ты? — спросил спокойный.

— Росса, сын Гурди. И прежде чем разговаривать с вами, я поем. Я не совершал ничего дурного, и со мной не следует обращаться как с варваром, который украл соль с заставы.

— Ты — агент, — с разочарованием в голосе поправил его главный, — чей — ты сам скажешь нам в своё время. Но сперва ты расскажешь нам о том, что ты нашёл на корабле и что ты делал с приборами... Подожди запереться, мой юный друг, — он поднял руку, и Росс снова увидел автоматический пистолет.

— О, я вижу, ты знаешь, что это такое. Странная осведомлённость для невежественного торговца Бронзового Века. И не сомневайся, пожалуйста, в том, что я его применю. Убивать тебя я, конечно, не буду, — продолжил он, — но можно выстрелить так, что пуля особого вреда не причинит, зато станет очень больно. Киришов, сними с него парку.

Наручники снова расстегнули, меховую одежду сняли. Допрашивающий внимательно рассмотрел надетый на Росса костюм.

— А теперь ты расскажешь нам всё, что мы захотим узнать.

В этих словах звучала уверенность, от которой Росс похолодел. Так умел говорить майор Кэлгаррис. Несомненно, этот человек знал, что говорит. В его распоряжении имеются методы, при помощи которых из пленника можно извлечь все нужные сведения, и пощады ожидать не приходилось.

Его взгляд был холоден как лёд, и Росс попытался стойко выдержать его. Он решил рассказать лишь часть того, что было ему известно, выдавая сведения по крохам, чтобы оттянуть неизбежное. Очень трудно было отказаться от надежды, а Росс ещё задолго до начала работы в Проекте хорошо выучился изворачиваться во время допросов. Он ничего не скажет добровольно... Пускай вытягивают слово за словом! Он будет выкручиваться как можно дольше, потому что время, возможно, на его стороне.

— Итак, ты агент...

Росс оставил это высказывание без ответа, не подтверждая и не отрицая его.

— Тебя прислали шпионить под видом варвара-торговца, — человек с ходу, без паузы, перешёл на английский.

На этот раз Россу пришлось на выручку его давнее умение с бесстрастным видом глядеть в лицо опасности. Он тупо уставился на допрашивающего с растерянным, мальчишеским выражением на лице, которое он так часто использовал против своих врагов раньше.

Как долго он смог бы продержаться, ему узнать не удалось. Его спасло только то, что допрос прервался самым драматическим образом.

Раздался далёкий грохот, глухой и раскатистый. Пол, стены и потолок затряслись, как будто их качала рука гиганта...

13

Один из охранников навалился на Росса и отшвырнул его к стене, крича какие-то слова, которых Росс не понимал. Крик начальника быстро восстановил видимость

порядка, но было совершенно очевидно, что случившегося никто не ожидал. Росса спешно отправили обратно в камеру. Когда конвоиры открывали дверь, раздался новый удар, и его швырнули в комнату без всяких церемоний.

Росс сидел, прислонившись к стене, когда обрушилось ещё два толчка, каждый из которых сопровождался приглушённым грохотом. Бомбёжка! Последний удар был по-настоящему серьёзным. Росс обнаружил, что лежит на полу, ощущая, как трясётся земля. Его желудок конвульсивно сжимался от страха, какого ему никогда раньше не приходилось переживать. Казалось, мир вокруг него рассыпается на кусочки.

Но последний взрыв — если это действительно взрыв — по-видимому, оказался последним. Росс решился подняться на четвереньки, когда в течение нескольких минут, тянувшихся ужасно долго, новых ударов не последовало. Возле двери появились полосы света — там заструились трещины, которых раньше не было. Росс ещё боялся вставать во весь рост, и пополз в этом направлении на локтях и коленях. Неожиданно его движение остановил раздавшийся позади скрежет.

В темноте невозможно было что-либо разглядеть, но он был уверен, что в дальнем углу комнаты из-за стены раздавался скрип металла о металл. Он пополз туда и приложил ухо к поверхности. Теперь он слышал не только скрежет, но и негромкие шорохи и звон.

На ощупь стена оставалась такой же гладкой, как и раньше. Неожиданно примерно в футе от его головы звякнул металл. Стену пробили с той стороны! Росс заметил отблеск очень тусклого света и какое-то движение, вероятно, инструмента, пробивающего отверстие. Оно расширилось и в нём появилась рука, держащая фонарик.

Росс на мгновение задумался, не схватить ли ему эту руку, но затем решил, что копавший может оказаться союзником, и остался неподвижен. Рука с фонариком исчезла в дыре, после чего обрушился целый кусок стены, открыв проход, сквозь который в камеру поползла сперва одна, а потом вторая скорченная фигура. В тусклом свете

фонарика Росс достаточно чётко рассмотрел лицо первого землекопа...

— Эшша!

К тому, что произошло вслед за этим возгласом, Росс оказался не готов. Худой темнолицый человек бросился на него, словно пантера, и отшвырнул назад. На горле сомкнулась железная рука, наглухо перекрыв дыхание. Навалившись на Росса, он плотно прижал его к полу, и вырваться из этой хватки несмотря ни на какие усилия не удавалось. Пока Росс пытался вздохнуть, свет фонарика вспыхнул прямо перед его носом и тут же рука на глотке разжалась.

— Мэрдок! Что ты здесь делаешь? — сдавленный голос Эша заглушил ещё один внезапный взрыв. На этот раз от него не только затрясся пол, но и пошли ходуном стены и потолок. Росс обхватил голову руками, с ужасом ожидая, что всё здание вот-вот обрушится. Когда толчки стихли, он поднял лицо.

— Что происходит? — раздался голос Мак Нейла.

— Атака, — ответил Эш. — Но чья и почему — не спрашивай. Мэрдок, я полагаю, ты в плену?

— Да, сэр, — Росс порадовался, что его голос звучал вполне нормально.

Он услышал, как кто-то вздохнул — видимо, Мак Нейл.

— Опять копать, — в его голосе прозвучало явное разочарование.

— Я не понимаю, — Росс повернулся в ту сторону, где, по его мнению, находился Эш, — вы тут что, всё время были? Вы пытались прорыть ход наружу? Сомневаюсь, чтобы вам удалось пробить ледник.

— Ледник! — воскликнул Эш. — Мы внутри ледника! Тогда всё понятно. Да, мы были здесь...

— В морозилке! — встрял Мак Нейл со смехом. — Ледник, морозилка — какая разница!

— Мы тут занимаемся сотрудничеством, — продолжил Эш, — снабжаем наших дорогих друзей кучей информации, которая им и так известна, и всяческими забавными выдумками. Впрочем, они были не в курсе, что у нас кое-

что имеется в загашнике. Просто удивительно, как много ребята из Проекта ухитряются спрятать в пояс и за подкладку башмаков! Поэтому мы и занялись кое-какими собственными изысканиями.

— Но у меня-то таких штук нет, — Росса это неприятно поразило.

— Да, — голос Эша звучал обыденно и холодно, — новичкам их не доверяют. Ты мог использовать их, когда не следовало. Однако, судя по всему, твои дела в порядке...

Вспыхнувшую в душе Росса ярость остудил страшный грохот, буквально потрясший всё вокруг. Если при первых ударах Россу казалось, что этому спрятанному во льдах бункеру конец, то теперь у него исчезли последние сомнения.

Воцарившаяся затем тишина была по-своему не менее страшна. Затем раздался крик, пронзительный вопль. Светлая полоска возле двери расширилась, а сама дверь широко распахнулась. Боязнь оказаться в ловушке заставила узников броситься в этом направлении.

— Скорее наружу!

Росс был вполне готов повиноваться этому приказу, но их остановил звук, который не мог быть ничем иным, кроме автоматной очереди. Где-то в этом лабиринте кипело сражение. Вспомнив надменное лицо лысого офицера с корабля, Росс не усомнился — чужаки обрушились на красных. А если так, то станут ли люди с корабля разбираться, кто здесь кто. Вряд ли.

Комната снаружи оказалась пустой, но, впрочем, ненадолго. Пока они лежали на полу, осматриваясь, в неё вошли, отступая, двое и переглянулись. Из-за двери раздался голос, судя по всему приказывающий им вернуться куда-то. Один из вошедших шагнул было вперёд, но второй схватил его за локоть и они побежали прочь. Вслед им затрещал автомат.

Человек, находившийся ближе к Россу, как-то странно закашлялся и упал лицом вперёд. Его напарник на мгновение уставился на него обезумевшими глазами, а потом

исчез в проёме позади, едва не попав под пулю, прошившую захлопнутую им дверь.

Никто больше не появлялся, хотя снаружи звучало мощное шумовое крещендо — крики, стоны и непонятное шипение. Эш высочил в комнату, используя как укрытие мёртвое тело, схватил автомат убитого и кивком позвал за собой остальных. Они устремились в сторону, противоположную той, где гремело сражение.

— Ничего не понимаю, — заявил Мак Нейл, когда они добрались до соседнего коридора, — что здесь творится? Мятаж? Или наши ребята до них добрались?

— Наверное, люди с корабля, — ответил Росс.

— С какого корабля? — резко повернулся к нему Эш.

— С того, большого, который красные грабили.

— Корабля? — эхом отозвался Мак Нейл. — Слушай, а где ты добыл свой наряд?

На ярком свету инопланетный костюм Росса стал хорошо виден. Мак Нейл удивлённо пощупал эластичную материю.

— На корабле и добыл, — нетерпеливо ответил Росс. — Но люди с корабля наступают. Я думаю, они не заметят разницы между нами и красными...

Снова раздался жуткий грохот. Росса сбило с ног. Освещение мигнуло и погасло.

— Здорово, — заметил Мак Нейл, — жалко только тросточки нет, вслепую пробираться.

— Платформа для переброски, — Росс вспомнил свой план спасения, — нужно до неё добраться.

Вспыхнул фонарик, которым пользовались Эш с Мак Нейлом, когда рыли лаз. Удары, похоже, на время прекратились, и все трое двинулись вперёд — Эш первым, а Мак Нейл — сзади. Росс надеялся, что Эш знает дорогу. Шум боя стих, а значит, одна из сторон одержала победу. У них оставалось совсем мало времени, чтобы добраться незамеченными.

Росс обладал неплохо развитым чувством направления, но он не смог бы двигаться с такой уверенностью, как это делал Эш. Однако Росс задохнулся от возмущения, когда

вместо комнаты с установкой для переброски они попали в небольшую аппаратную.

Там на столе лежали три бобины с лентой. Эш жадно схватил их, засунул две за ворот своей мешковатой рубахи, а третью отдал Мак Нейлу. Затем он поспешно попытался открыть стенные шкафы, но те были заперты. Махнув на них рукой, он вернулся к двери, где его ждал Росс.

— К платформе! — поторопил Росс.

Эш с сожалением посмотрел на шкафы:

— Если бы у нас нашлось ещё минут десять...

Мак Нейл фыркнул:

— Слушай, если тебе хочется стать начинкой в пирожке из льда, то мне как-то не очень. Если они ударят ещё раз, то нас зароет так, что с буром не откапашешь. Парень прав, надо отсюда выбираться — если это ещё возможно.

Эш снова повёл их через призрачные комнаты к сердцу базы — пункту переброски. Росс про себя вздохнул с облегчением, увидев, что платформа светится. Его мучал страх, что когда погас свет, установка тоже могла выйти из строя. Он запрыгнул на платформу.

Не теряя времени, Эш с Мак Нейлом последовали за ним. Когда они струдились на ней, позади раздался крик, затем грохнул выстрел. Почувствовав, что Эш падает, Росс подхватил его. В неярком свете платформы он увидел начальника красных, а за ним чужака, чья лишённая волос голова странно, словно отстранённая от тела, висела в полумраке. Уж не союзники ли эти двое? Прежде чем Росс сумел убедиться, что он в самом деле видел это, его подхватил водоворот временного броска и комната пропала.

— ...никого. Пошли отсюда.

Росс посмотрел на взволнованное лицо Мак Нейла поверх поникшего плеча Эша. Эш был почти без сознания, по его плечу стекала струйка крови. Они вместе подняли его, и он немного пришёл в себя, настолько, чтобы передвигать ноги, когда они спускались с платформы.

Итак, они на свободе, пусть, быть может, всего на несколько секунд, но их никто здесь не ожидал, что уже

само по себе было удачей. Зато, вернувшись в деревню Бронзового Века, они по-прежнему находились на вражеской территории. Эш теперь ранен, и положение их казалось почти безнадежным.

Оторвав от рубахи Мак Нейла полоску ткани, они смогли остановить кровотечение из раны Эша. Он всё ещё пребывал в полубессознательном состоянии, но старался преодолеть его — как и других, его подгонял страх, потому что само время теперь являлось самым страшным из врагов. Росс, держа в руке автомат Эша, следил за платформой, готовый расстрелять любого, кто появится на ней.

— Потом! — Эш освободился из рук Мак Нейла. — Надо уходить, — он замешкался, вытащил из-за пазухи окровавленной рубахи бобины и отдал их Мак Нейлу.

— Неси лучше их.

— Хорошо, — ответил тот несколько рассеянно.

— Вперёд! — властный приказ Эша направил их в коридор, находившийся за их спинами. — Платформа... — но платформа всё ещё была пуста.

— Кто-то прибывает? — спросил Росс.

— Скоро прибудет.

Они побежали. Охотничьи башмаки Эша и Мак Нейла почти не создавали шума, а мягкие подошвы Росса — вообще никакого. Сам Росс не сумел бы отыскать выход, но Эш снова повёл их, и им всего однажды пришлось прятаться. Наконец они оказались перед закрытой на засов дверью. Эш прислонился к стене, Мак Нейл поддерживал его, а Росс отодвинул засов. Они вышли в темноту ночи.

— Куда? — спросил Мак Нейл.

К удивлению Росса, Эш повернул не к воротам внешней ограды. Вместо этого он указал на обрыв напротив.

— Они думают, что мы пойдём к выходу в долину. Нам лучше подняться там по склону.

— Подъём, похоже, крутой, — заметил Мак Нейл.

Эш резко повернулся к нему.

— Когда он покажется мне слишком крутым, — сказал он сухо, — не беспокойся, я тебе сообщу.

Он двинулся вперёд так же легко, как обычно, однако его спутники шли рядом, готовые помочь. Позже Росс часто гадал, удалось ли бы им уйти из деревни самостоятельно. Их решимость не вызывала сомнений, но всё же своим спасением они были обязаны совершенно неправдоподобному везению.

Когда они добрались до небольшой хижины, расположенной за два дома от того здания, откуда они сбежали, начался прямо-таки фейерверк. Из крыши центрального здания вырвался ярко-зелёный луч и как спица вонзился в небо. Вокруг него на крыше заплясали языки уже вполне обычного, красно-жёлтого пламени. Когда огонь охватил всю крышу, из дверей здания стали выскакивать люди.

— Сейчас! — сквозь нарастающий шум донёсся голос Эша.

Все трое бросились к частоколу, смешавшись с толпой людей, высыпавших из других домов. Огонь ярко полыхал, слишком хорошо освещая всё вокруг. Эш и Мак Нейл были незаметны в толпе, но необычный костюм Росса слишком уж бросался в глаза.

Подбежав к ограде, Росс с Мак Нейлом помогли Эшу забраться наверх. За ним последовал Мак Нейл. Росс тоже начал взбираться, когда его захватил луч света.

Высокий, пронзительный звук, подобного которому Росс никогда прежде не слышал, заглушил окружающий шум. Юноша продолжал карабкаться, понимая, что представляет собой отличную мишень. Поднявшись на ограду, он посмотрел вниз, в густую темноту, не зная, ждут ли Эш с Мак Нейлом его внизу, или уже ушли. Услышав снова тот же странный звук, Росс вслепую прыгнул во мрак.

Приземлился он неудачно и достаточно сильно ушибся, но благодаря тренировкам по прыжкам с парашютом костей не переломал. Поднявшись, он направился к горе, которую Эш выбрал в качестве ориентира. Через ограду прыгали люди и бежали к лесу, поэтому Росс не решился звать своих спутников, чтобы не привлечь внимание врагов.

Деревня была расположена в самой широкой части

долины. За её оградой равнина быстро сужалась, образуя нечто вроде горловины воронки, и все, кто бежал из посёлка для того, чтобы спастись, должны были преодолеть этот узкий проход. Росс больше всего боялся, что потеряет Эша с Мак Нейлом и не сумеет найти их в этой дикой местности.

Благодаря тёмному цвету своего костюма, неплохо его маскировавшему, Росс дважды успешно прятался в зарослях пропуская группки беглецов. Услышав, что они говорят на том же гортанном, щёлкающем языке, что и люди из племени Ульффы, он пришёл к выводу, что им неизвестно истинное предназначение деревни. Эти люди были уверены, что подверглись нападению ночных демонов. Похоже, что здесь была всего лишь небольшая кучка красных.

Росс начал тяжёлый подъём и, остановившись передохнуть, оглянулся. Он не слишком удивился, увидев, что по деревне неторопливо двигаются фигуры, обыскивающие дома, вероятно, в поиске их обитателей. Все они были одеты в такие же обтягивающие костюмы, что и он сам, и их круглые, лишённые волос головы были хорошо видны в отблесках пожара. Росса поразило, что они проходили прямо сквозь пламя, не обращая ни малейшего внимания на жар.

Люди, не успевшие покинуть посёлок, бесцельно мстались из стороны в сторону или падали наземь перед нападшими. Всех пойманных тащили к небольшой группе чужаков, стоявшей возле главного здания. Некоторых сразу же отпускали, других задерживали. Сортировка пленных шла полным ходом. Стало совершенно очевидным, что в это время прибыли люди с корабля, и они имели свои планы относительно красных.

Росс не испытывал особого желания вникать в детали. Он снова побежал вверх и сумел, в итоге, найти тропинку. Вскоре путь пошел вниз, и Росс с радостью устремился в ночной мрак.

В конце концов он остановился просто потому, что слишком устал и проголодался, чтобы идти не спотыкаясь,

а упасть в темноте на этих холмах было весьма небезопасно. Росс нашёл небольшое укрытие под корнями упавшего дерева и, за неимением лучшего, забрался туда. Его сердце бешено стучало, а в боку при каждом вдохе вспыхивала боль.

Он проснулся внезапно, от какого-то постороннего шороха. Чья-то тёплая ладонь крепко зажала ему рот, и он увидел склонившееся над ним лицо Мак Нейла. Когда тот увидел, что Росс проснулся, он убрал руку. Лучи утреннего солнца согревали их. Неуклюже передвигая своё затёкшее, ушибленное тело, Росс выполз из укрытия. Он посмотрел по сторонам, но Мак Нейл был один.

— А Эш? — спросил его Росс.

Мак Нейл, чьё осунувшееся лицо заросло многодневной щетиной, кивнул в направлении склона. Он вытащил из-за пазухи пригоршню грубо помолотого зерна и протянул его Россу. От одного взгляда на такую пищу Россу захотелось пить, но он засыпал её в рот и стал жевать, следуя за Мак Нейлом вниз по заросшему деревьями склону.

— Дела плохи, — отрывисто произнёс Мак Нейл на языке горшечников. — Эш время от времени теряет сознание. Его рана в плече хуже, чем нам показалось, и есть угроза заражения. В лесу полно людей, сбежавших из сожжённой деревни. Большинство из них — все, кого я видел, — местные жители. Но они твёрдо убеждены, что их преследуют дьяволы. Если они увидят тебя в этом костюме...

— Я знаю, и если получится, сниму его, — согласился Росс. — Но сначала мне нужно найти что-нибудь другое. Здесь слишком холодно, чтобы ходить голым.

— Это было бы безопаснее, — пробурчал Мак Нейл. — Я не знаю, что уж там творилось, но натворилось, похоже, немало.

Росс проглотил страшно сухую порцию зерна и остановился, чтобы зачерпнуть немного снега из сохранившегося у подножья дерева сугроба. Это, конечно, был не лучший напиток, но от него всё-таки полегчало.

— Ты говоришь, Эш без сознания. Чем мы можем ему помочь и каковы твои планы?

— Нам как-то надо добраться до реки. Она ведёт к морю и в устье нам, возможно, удастся встретить субмарину.

Всё это показалось Россу невозможным, но за последнее время случилось столько невозможных вещей, что он решил попытаться воплотить в жизнь и эту идею — насколько удастся. Зачерпнув ещё немного снега, он отправил его в рот и поспешил вслед уже исчезающему из вида Мак Нейлу.

14

— ...вот, собственно, и всё. Остальное ты знаешь, — Росс протянул руки к огню небольшого костра, укрытого в ямке, которую он выкопал, и растопырил замёрзшие пальцы, грея их над пламенем.

Эш внимательно смотрел на него поверх костра. Его глаза блестели неестественно ярко, а на лице горел лихорадочный румянец. Беглецы укрылись в небольшой пещере, образовавшейся в застывшем потоке лавы. Мак Нейл ушёл на разведку, скрывшись в серой пелене морозящего дождя. С того момента, как они покинули деревню, прошло чуть больше двух суток.

— Значит, все эти чудики оказались в итоге правы. Только временем ошиблись, — Эш откинулся на лежанку из хвороста и листьев, которую они сообща соорудили для него.

— Не понял.

— Летающие тарелки, — произнёс Эш, странно посмеиваясь. — Считалось чепухой, но всё-таки с самого начала принималось в расчёт. Кэлгаррису придётся покраснеть.

— Летающие тарелки?

Россу показалось, что Эш свихнулся на почве лихорадки. Он уже начал гадать, что ему придётся делать, если Эш вздумает вскочить и побежать прочь. Не будет же он драться с тяжелораненым!

— Шарообразный корабль не был построен на нашей

планете. Включи мозги, Мэрдок. Вспомни этого мохнатого дружка и лысого, который был с ним. Они похожи на нормальных землян?

— Но — космический корабль... — это казалось смехотворным. С тех пор, как прошёл восторг от запусков первых спутников и закончились провалом попытки прорваться в дальний космос, межпланетные полёты стали попросту предметом насмешек. С другой стороны, было то, что он сам видел и слышал. Скажем, устройства на борту шлюпки были совершенно невероятными.

— Возможность подобного, — Эш лежал на спине, задумчиво глядя в потолок пещеры, — предположил, заодно с массой других замечательных вещей, один джентльмен по имени Чарльз Форт, развлекавшийся тем, что собирал всяческие научные идеи, казавшиеся ему дутыми и помпезными. Он собрал три тома сообщений о необъяснимых явлениях и мучал ими современных ему ученых. Помимо прочего, он полагал, что грандиозные грунтовые работы, следы которых сохранились в Огайо и Индиане, служили чем-то вроде сигнала бедствия, посланного потерпевшими крушение инопланетянами. Занятная теория, а теперь она, возможно, ещё и подтвердится.

— Но если на нашей планете терпели крушение такие звездолёты, то я всё-таки не понимаю, почему в наше время не сохранилось их следов.

— Потому, например, что тот корабль, который ты исследовал, потерпел крушение во времена ледниковой эры. Ты представляешь, как давно это случилось? Прошло, по меньшей мере, три ледниковых периода — и я не знаю, который из них посетили красные. Эта эра началась примерно за миллион лет до нашего с тобой рождения, а последний ледник исчез с территории штата Нью-Йорк где-то тридцать восемь тысяч лет назад. Если судить по шкале развития человечества, это соответствует раннему Каменному Веку, когда первые люди в нашем понимании этого слова селились в местах с более или менее приемлемым климатом, и население было очень редким.

Климатические, географические изменения — облик

континентов переменялся до неузнаваемости. На месте Канзаса находилось море, Британия была частью Европы. Даже если бы полсотни таких кораблей упало, их запросто могли стереть в порошок потоки льда, они могли провалиться в разломы при землетрясениях или попросту рассыпаться в пыль от ржавчины, прежде чем первый по-настоящему разумный человек смог бы их увидеть. Кроме того, этих кораблей вряд ли было много. Ты что думаешь, они слетались сюда как мухи на липучку?

— Но если корабли когда-то терпели здесь крушения, то почему они не появлялись позже, когда люди могли их наблюдать?

— По нескольким причинам — причём каждая из них вполне возможна и хорошо укладывается в канву известной нам истории. Цивилизации возникают, живут и рушатся, и каждая уносит с собой в могилу те открытия, что послужили основой её величия. Как удавалось индейским цивилизациям Нового Света легировать золото так, чтобы из него можно было делать режущее оружие? Какими строительными секретами владели древние египтяне? Сегодня много людей могут поспорить на эти темы, да и на полсотни других тоже.

Египтяне торговали с Индией, купцы Бронзового Века путешествовали далеко вглубь Африки, римляне знали о существовании Китая. Потом все эти империи исчезли, и торговые пути оказались забытыми. Для наших предков из средневековой Европы Китай был почти что легендой, а о том, что египтяне когда-то запросто плавали мимо мыса Доброй Надежды, никто и не знал. Предположим, что наши космические гости были представителями какой-то межзвёздной конфедерации или империи, которая жила, достигла своего апогея, и затем рухнула, вернувшись к планетарному варварству, причём всё это произошло раньше, чем первый из людей нарисовал картинку на стене пещеры?

Или, например, наша планета представляла собой какое-то несчастливое место, где было потеряно слишком много кораблей и грузов, и в итоге шкиперы космических

кораблей стали избегать нашей солнечной системы. А может быть, у них даже существует правило, что когда на планете возникает собственная разумная раса, то она должна развиваться самостоятельно до тех пор, пока сама не выйдет в космос.

— Согласен; — все предположения Эша звучали разумно, да Росс и сам больше склонялся полагать, что Мохнатый и Лысый были обитателями другого мира, чем допустить, что их расы существовали на Земле до появления человека.

— Но как красные сумели найти корабль?

— Если нам не поможет информация, записанная на плёнках, мы, возможно, никогда этого не узнаем, — сонно проговорил Эш. — Осмелюсь высказать догадку. За последние сто лет красные не жалеют сил для освоения Сибири. В некоторых частях этой огромной страны в далёком прошлом происходили великие климатические изменения. Там находят вмёрзших в лёд мамонтов с полупереваренными остатками тропических растений в желудке. Как будто этих животных внезапно подвергли глубокому замораживанию. Во время раскопок красные могли найти остатки звездолёта, остатки, сохранившиеся достаточно хорошо для того, чтобы они сумели понять, что они открыли, и начать поиски в прошлом, чтобы найти целый и невредимый.

— Но зачем тогда чужакам нападать на красных теперь?

— Ни один капитан корабля не любит пиратов, — Эш закрыл глаза.

Россу хотелось задать ещё целую уйму вопросов. Он дотронулся до ткани, обтягивавшей его руку. Этот материал, плотно прилегающий к коже, настолько хорошо хранил тепло, что Росс не нуждался ни в какой другой одежде. Если Эш прав, то где, на какой планете соткана эта материя, из какой невообразимой дали доставили её, чтобы он мог сейчас носить этот костюм?

Неожиданно в их укрытие проскользнул Мак Нейл и бросил к костру двух зайцев.

— Как дела? — спросил он, когда Росс принялся свежевать добычу.

— Вполне нормально, — Эш, по-прежнему лежавший с закрытыми глазами, опередил Росса. — Как далеко мы от реки? И как насчёт компании?

— Милях в пяти. Это если по прямой, — сухо ответил Мак Нейл. — А компания имеется. Да ещё какая!

Эш приподнялся, опёршись на здоровый локоть:

— Что за компания?

— Не из деревни, — Мак Нейл хмуро глянул на огонь и подбросил туда несколько веток. — В той стороне, где холмы, что-то произошло. Такое впечатление, будто происходит массовая миграция. Я насчитал пять семейных кланов, уходящих на запад — и это за одно только утро.

— Возможно, их заставили сорваться с места рассказы беглецов из деревни о дьяволах, — предположил Эш.

— Не исключено, — но голос Мак Нейла звучал неуверенно. — Чем быстрее мы доберёмся до реки, тем лучше. И я надеюсь, что субмарина окажется там, где обещано. У нас появилось, правда, одно преимущество — паводок начал спадать.

— А на берегах куча материала для плота, — добавил Эш. — Завтра мы пройдем эти пять миль.

Мак Нейл беспокоило зашевелился, а Росс, который успел освежаться и выпотрошить зайцев, повесил их жариться над огнём.

— Пять миль по этим местам, — заметил Росс, — это целый день хорошего хода...

Он не стал договаривать: «...для здорового человека».

— Я дойду, — пообещал Эш, и оба его товарища знали, что пока его тело ему подчиняется, он будет выполнять это обещание. Знали они также, что спорить бессмысленно.

Эш оказался прав дважды. Они добрались до реки за следующий день, и на берегу нашли предостаточно выброшенного паводком материала для плота. Миграция, о которой говорил Мак Нейл, продолжалась, и троим путникам дважды довелось наблюдать движущиеся небольшие семейные кланы. А однажды мимо них в поисках брода через реку прошло довольно большое племя, в котором были даже раненые.

— У них были неприятности, — прошептал Мак Нейл, глядя на людей, столпившихся у кромки воды, пока разведчики ходили вверх и вниз по течению разыскивая брод. Когда они вернулись с известием, что брод найти не удалось, племя упрямо взялось за кремневые топоры и ножи и принялось строить плоты.

— Спешка. Они от кого-то бегут, — Эш положил подбородок на здоровую руку, и внимательно следил за происходящим. — Они не из деревни. Обратите внимание на одежду и красную раскраску на лицах. Это и не родичи Ульффы. Я думаю, они вообще не местные.

— Это мне напоминает одну вещь, что мне приходилось видеть. Звери, бегущие от лесного пожара. Вряд ли все они ищут новые места для охоты, — ответил Мак Нейл.

— Может быть, их погнали красные? — предположил Росс. — Или люди с корабля?

Эш отрицательно покачал головой и вдруг вздрогнул:

— А если... — складка между его бровями сделалась глубже. — «Люди Топора!»

Он всё ещё говорил шёпотом, но в его голосе зазвучало торжество, как будто он сумел поставить на место последнюю деталь какой-то сложной головоломки.

— Люди Топора?

— Вторжение чужих племён с востока. Одно из главных событий этого периода. Вспомните, Уэбб говорил о них. Они пользовались в качестве оружия топорами и приручили лошадей.

— Татары? — озадаченно произнёс Мак Нейл. — Так далеко на западе?

— Да нет, не татары. До них ещё несколько тысяч лет. Мы не так много знаем о «Людах Топора», кроме того, что они двигались на запад из внутренних степей. Возможно, они добрались до Британии, не исключено, что они стали предками кельтов, которые тоже любили лошадей. Но в своё время это был могучий поток.

— Чем скорее спустимся по течению, тем лучше, — Мак Нейл спешил, но нельзя было покидать укрытия, пока племя не уйдёт. Они пролежали, прячась, всю ночь, а

утром стали очевидцами прибытия ещё одной, на сей раз небольшой группы людей с красной раскраской, и опять с ранеными. С приходом этого арьергарда работа на берегу закипела с безумной силой.

Трое пришельцев из другого времени были в куда более сложном положении. Им не просто хотелось переправиться через реку. Им нужно было построить плот, достаточно надёжный, чтобы добраться на нём до устья — если повезёт. А постройка такого плота требовала времени, которого у них не было.

Мак Нейл ждал ровно до того момента, когда последний плот племени удалился на расстояние полёта стрелы. Вместе с Россом он немедленно вышел на берег. В отличие от аборигенов у них не было даже каменных инструментов, что создавало дополнительные трудности. Росс работал под руководством Эша, выполняя все его приказы. К наступлению темноты они успели сделать немало, но заодно начисто стёрли руки, а спины их нещадно ломило.

Когда стало слишком темно, чтобы работать, Эш указал в ту сторону, откуда они пришли. Неподдалёку от склона холма горел огонёк. Он был похож на костёр, да и был им, причём большим, заметным издалека.

— Лагерь? — с удивлением спросил Мак Нейл.

— Похоже, — согласился Эш. — Тех, кто развёл такое пламя, должно быть так много, что им не нужно думать об осторожности.

— Доберутся ли они завтра до реки?

— Разведчики — могут. Но сейчас ранняя весна, и с фуражом плохо. На месте вождя этого племени я свернул бы на заливной луг, который мы пересекли вчера, и позволил бы лошадям попасться день-другой. С другой стороны, если им нужна вода...

— ...они пойдут прямо сюда, — закончил Мак Нейл мрачно. — А нам нельзя быть здесь, когда они явятся.

Росс потянулся, поморщившись от боли в плечах. Его руки покрывали мозоли и ссадины, а ведь работа только началась. Если Эш угадал, то им придётся просто ложиться на брёвна и плыть вниз по течению в поисках более

безопасного места для осуществления своего кораблестроительного проекта. Но он понимал, что Эш не сможет этого выдержать.

Этой ночью Росс заснул только потому, что его тело слишком утомилось, чтобы лежать и бодрствовать в тревоге. Поднявшись, едва забрезжил рассвет, они поспешили к реке и стали пытаться связать непослушные стволы молодых деревьев лубяными верёвками. В ненадёжных местах они укрепили их полосками ткани, оторванными от одежды и ремнями из заячьих шкур. Они работали голодными — охотиться было некогда. Когда солнце начало клониться к западу, в их распоряжении имелся неуклюжий плот, кое-как державшийся на воде. Станет ли он слушаться шеста или самодельного весла, нельзя было сказать, не проверив.

Эш, лицо которого пылало, а кожа даже на ощупь была горячей, первым забрался на плот и лёг посередине, на тонкую подстилку, приготовленную для него. Он жадно выпил воду, которую поднесли ему в ладонях, и вздохнул с облегчением, когда Росс протёр ему лицо мокрой травой, пробормотав что-то непонятное в адрес Кэлгарриса.

Мак Нейл оттолкнулся от берега. Течение похватило плот и, кружа, понесло. Начало было неплохим, но не успели они потерять из виду то место, откуда стартовали, как удача от них отвернулась.

Стараясь удержать плот посреди течения, Мак Нейл яростно работал шестом, но на пути встретилось слишком много камней и брёвен, а прямо на них несло огромное дерево. Дважды оно цеплялось кроной за подводные камни и Росс вздыхал с облегчением, но оба раза оно вырывалось и вновь несло на них, словно грозный таран.

— Прижимайся к берегу! — закричал Росс. Огромные, изогнутые корни, казалось, нацелились прямо на плот, и Росс был уверен, что если эта махина врежется в них, то их шансы на спасение станут равны нулю. Он подхватил свой шест, но не достал до дна — шест провалился в какую-то яму на дне реки. Росс услышал, как закричал Мак Нейл и оказался в воде, глотая мутную жидкость.

Ошеломлённый падением, Росс инстинктивно устремился к поверхности. Подготовка на базе включала и плавание, но одно дело — спокойно плавать в бассейне, и совсем другое — сражаться за жизнь в ледяной воде, наглотавшись её к тому же в изрядном количестве.

Росс заметил какую-то тёмную тень. Край плота? Он отчаянно вцепился в предмет, обдирая руки о жёсткую кору. Дерево! Он моргал глазами, пытаясь оглядеться. Но ему не хватило сил подтянуться, чтобы рассмотреть что-нибудь сквозь путаницу ветвей. Оставалось только держаться и надеяться, что ему удастся догнать плот где-нибудь ниже по течению.

Спустя, как ему показалось, довольно долгое время, Россу удалось просунуть руку между двумя отмытыми водой корнями и повыше поднять голову над поверхностью воды. Голова и руки заledenели, но инопланетный костюм по-прежнему надёжно защищал его тело от холода. Однако Росс слишком устал, чтобы бросить дерево и рискнуть добраться до берега в постепенно сгущавшихся сумерках.

Внезапно его тело потряс резкий удар, руки зажало корнями, и Росс вскрикнул от боли. Он повернулся и почувствовал под ногами дно — дерево врезалось в прибрежную отмель. Высвободившись, Росс пополз на четвереньках и рухнул в тростник, воняющий тиной и речным илом. Словно раненый зверь он выполз по грязи на сухое место. Наконец ему удалось выбраться на край залитого лунным светом луга.

Он лежал там неподвижно, поджав под себя замёрзшие руки, облепленный грязью и слишком усталый, чтобы шевелиться. Его вывел из оцепенения лай — настойчивый и звонкий. Этот голос не принадлежал ни волку, ни охотящейся лисе. Росс равнодушно прислушивался к нему, и тут до него донёсся стук копыт.

Копыта — лошади. Всадники с холмов, возможно, опасность. Его мозг, казалось, онемел так же, как и кисти рук, и прежде, чем он до конца осознал надвигавшуюся угрозу, прошло немало времени.

Поднявшись на ноги, Росс заметил, как на фоне луны промелькнула крылатая тень. В траве, футах в ста от него раздался отчаянный вскрик, и птичья тень взметнулась вверх — с добычей. И снова раздался лай — громкий, возбуждённый.

Росс опустился на четвереньки и увидел полоску дымного света, двигавшуюся вдоль края луга к опушке. Всадники? Росс понимал, что ему нужно вернуться к реке, но ему трудно было заставить себя сделать это — он не знал, сможет ли снова войти в воду. Но что делать, если за ним будут охотиться с собаками? В голову пришло смутное воспоминание о том, что вода уничтожает запах.

Вернувшись к крутому берегу, по которому он только что с таким трудом взбирался, Росс сделал неверный шаг и сорвался, упав прямо в грязь и тростники. Автоматически стёр с лица ил. Дерево всё ещё было здесь. Благодаря какому-то капризу течения его корни застряли в прибрежном песке.

Наверху, на краю луга, лай звучал уже совсем рядом, теперь ему вторила ещё одна собака. Росс ползком пробрался через тростники к полоске воды между деревом и отмелью. Его попытки спастись были почти бессознательными, он слишком устал и ему было уже всё равно.

Скоре он увидел четвероногую фигуру, бегущую вдоль обрыва. Собака лаяла. Ей отвечали другие. Псы были совсем рядом, и Росс как-то отвлечённо подумал о том, видят ли они его в тени берега, или просто чувствуют запах. Если бы он мог перелезть через ствол, то можно было бы попытаться спастись в воде, но он был в состоянии только лежать неподвижно, прячась в путанице ветвей. Впрочем, когда придут люди с факелами, от этой защиты будет мало толку.

Однако Росс ошибался, потому что пока он полз в тростниках, грязь так облепила его, что он стал совершенно незаметен. Даже если бы он сознательно старался замаскироваться, вряд ли получилось бы лучше. Он чувствовал себя совершенно беззащитным, но люди шедшие

по берегу вслед за сворой, осветив отмель факелами, увидели лишь ствол дерева, лежащий в луже грязи.

Сквозь лай собак Росс слышал неясный гул голосов. Потом его ослепил огонь оказавшегося совсем рядом факела. Он увидел, как одна из неясных вигур подозвала собак и двинулась прочь. Те неохотно, продолжая лаять, потянулись следом. Росс, еле слышно всхлипывая, лежал, по-прежнему незамеченный, среди корней дерева.

15

Это был всего лишь небольшой предмет, кусочек шкуры, обёрнутый вокруг обломка дерева. Росс, с трудом перебравшись через застрявшую в песке грудку веток, подобрал его. Он узнал его, даже не прикоснувшись. Такие квадратные узлы завязывал Мак Нейл; Мэрдок сел на песок, в замешательстве ощупывая узел. Он смотрел отсутствующим взглядом на реку; умерла его последняя надежда. Плот, должно быть, разбился, и ни Мак Нейл, ни Эш не пережили катастрофу.

Росс Мэрдок остался один, затерянный в чужом времени, без всякой надежды на спасение. Эта безысходная мысль вытеснила из его сознания всё остальное. Какой смысл вставать, пытаться найти еду для пустого желудка, тепло и убежище?

Он всегда гордился своим одиночеством, считал, что оно обеспечивает ему безопасность. Теперь эта вера безжалостно смыта рекой вместе с силой воли, которая позволила ему продержаться последние несколько дней. Раньше перед ним всегда стояла какая-то цель, пусть даже очень отдалённая. Теперь не осталось ничего. Даже если ему удастся добраться до устья реки, он всё равно не знает, как вызвать подводную лодку с базы за морем. Все трое путешественников во времени уже могут быть списаны, как не вернувшиеся вовремя.

Росс снял полоску шкуры с дерева и по какой-то необъяснимой причине тугим браслетом обвязал своё грязное запястье. Усталый и оцепеневший, он всё же

пытался рассуждать. У него нет шансов на новую встречу с племенем Ульффы. Вместе с другими лесными охотниками оно, должно быть, бежало под натиском всадников. Возвращаться нет никакого смысла. К чему зря тратить силы?

Солнце начало пригревать. Стоял один из тех погожих весенних дней, которые предшествуют приходу лета. В речном тростнике, заново позеленевшем, жужжали насекомые. В небе кружили птицы, какая-то потревоженная стая, их хриплые крики предупреждали Росса об опасности.

Он всё ещё был облеплен высохшей грязью и илом, чувствовал сильный запах тины. Он стряхнул грязь с колена, обнажив ткань костюма чужаков. Костюм несколько не пострадал. Сразу показалось необходимым помыться.

Росс вошёл в воду, наклонился, набрал коричневой воды и стал смывать грязь. На солнце ткань ярко заблестела, словно не только привлекала свет, но и отражала его. Войдя глубже в воду, Росс поплыл, без всякой определённой цели, просто это было легче, чем возвращаться на берег.

Плывя вниз по течению, чтобы сберечь силы, он следил за обоими берегами. Вряд ли он надеялся увидеть плот или его пассажиров, просто в глубине души он до сих пор не смирился с неизбежным.

Усилия, необходимые для плавания, разорвали туман равнодушия, который затягивал его сознание с самого пробуждения. С новым интересом к жизни Росс выбрался на берег не то протоки, не то залива, глубоко вдававшегося в берег. Здесь край обрыва был гораздо выше его головы, и, считая, что хорошо защищён, юноша разделся, повесил костюм сушиться и позволил необычно тёплому дню успокаивать тело.

Сырая рыба, загнанная в мелкую лужу, составила один из его лучших обедов. И Росс уже протянул руку к костюму, когда получил первое, единственное и смертоносное предупреждение, что удача снова ему изменила.

Только что ива мягко шуршала на ветру; в следующий момент она вся вздрогнула от удара копья. Росс торопливо схватил костюм, скользнул по песку и опустил на колено.

И обнаружил, что целиком зависит от милости двух человек, стоявших выше него на берегу. В отличие от людей племени Ульффы и торговцев-горшечников, эти люди были очень высокого роста, с густыми бородами из светлых, выгоревших на солнце волос, опускавшихся на широкую грудь. Кожаные рубашки прикрывали верхнюю часть узких брюк, тоже кожаных. Рубашки перетягивали пояса из раскрашенных ремней. На руках медные браслеты, ожерелья из звериных зубов и бус демонстрировали их богатство. Росс не помнил, чтобы когда-нибудь видел таких аборигенов в записях на базе.

Одно копьё послужило предупреждением, но второе было готово к иному, поэтому Росс сделал древний жест покорности, неохотно выронив костюм и подняв открытые ладони на высоту плеч.

— Друзья? — спросил Росс на языке торговцев. Торговцы забредают далеко, может быть, они уже встречались с этим племенем.

Копьё опустилось, младший незнакомец легко спрыгнул с берега, подобрал костюм, который бросил Росс, и принялся его рассматривать, сообщая свои замечания товарищу. Ткань его очень заинтересовала, он мял и расправлял её в руках, и Росс подумал, нельзя ли за неё выменять свою свободу.

Оба незнакомца были вооружены, причём не только любимым оружием торговцев — длинными кинжалами, но и топорами. Когда Росс попытался опустить руки, человек рядом с ним схватился за топор, прорывчав какое-то предупреждение. Росс моргнул. Они вполне могут ударить его топором и оставить лежать, забрав костюм.

Наконец они решили включить и его в свою добычу. Повесив костюм на руку, незнакомец схватил Росса за плечо и грубо толкнул вперёд. Прибрежные камни ранили

Россу ноги, а когда он поднялся на берег, холодный ветер напомнил о недавней встрече с миром ледников.

Мэрдок почувствовал искушение сделать внезапный рывок и прыгнуть в реку, но было уже поздно. Человек с копьём встал за ним, второй крепко держал его за руку и толкал в сторону луга. Там паслись три мохнатые лошади, их уздечки держал в руке третий незнакомец.

Острый камень, торчащий из земли, изменил ход событий. Росс порезал ногу, и боль пробудила его способность к сопротивлению и негодование. Он бросился назад, сбил с ног захватившего его, оба упали, причём Росс оказался сверху. У того от неожиданности воздух вырвался из лёгких; Росс же одной рукой схватил рукоять кинжала аборигена, а другой, свободной, ударил по его горлу.

Держа наготове кинжал, Росс, полуприсев, как его учили, повернулся к остальным. Те с раскрытым ртом изумлённо смотрели на него, а потом уже стало слишком поздно пускать в ход копья. Росс прижал лезвие к горлу неподвижно лежавшего человека, над которым склонился, и заговорил на языке, который выучил в племени Ульффы:

— Вы ударите — он умрёт...

Они, должно быть, прочли угрозу в его глазах: копья медленно, неохотно опустились. Добившись небольшой победы, Росс решился на большее. «Берите... — он кивнул в сторону лошадей, — и уходите».

На мгновение ему показалось, что они ответят на его вызов, но он продолжал держать кинжал у загорелого горла человека, который начал негромко стонать. Угроза продолжала действовать, потому что второй бросил костюм на песок и отступил. Держа узду в руке, он сел на лошадь, знаком велел третьему сделать то же, и оба они медленно уехали.

Пленник медленно приходил в себя, так что у Росса было время одеться; он не успел даже застегнуть кнопки на груди, как голубые глаза пленника открылись. Загорелая рука устремилась к поясу, но кинжал и топор были теперь у Росса. Внимательно наблюдая за аборигеном, Росс закончил одеваться.

— Что сделаешь?.. — речь лесных жителей, но с акцентом.

— Ты иди... — Росс указал на третью лошадь. — Я иду... — он указал на реку. — Я беру это, — и он похлопал по топору и кинжалу. Пленник нахмурился.

— Нехорошо...

Росс рассмеялся, слегка истерически. «Для тебя плохо, — сказал он, — для меня — хорошо».

К его удивлению, лицо туземца разгладилось, последовал взрыв смеха. Пленник сел, потирая горло и широко улыбаясь.

— Ты охотник? — он указал на лес, примыкающий к горам.

Росс покачал головой. «Я торговец».

— Торговец, — повторил тот. Потом похлопал по широкому металлическому кольцу у себя на руке. — Продаешь — это?

— Это. И другое.

— Где?

Росс указал вниз по течению. «У горькой воды. Торговля там».

Человек удивился. «А почему ты здесь?»

— Ехал по речной воде, как ты на... — Росс показал на лошадь. — Ехал на деревьях, много деревьев вместе. Деревья разошлись, я сошёл здесь.

Охотник, очевидно, имел представление о плавании на плотах — он кивнул. Встав, подошёл к ожидающей лошади, взял её за узду. «Приходи в лагерь... Фоскара. Фоскар — вождь. Он захочет посмотреть, как ты взял Тулку, заставил его упасть, отобрал нож и топор».

Росс колебался. Этот Тулка, похоже, настроен по-дружески, но надолго ли хватит его дружбы? Он покачал головой. «Я иду к горькой воде. Там мой вождь».

Тулка снова нахмурился. «Ты говоришь неверные слова — твой вождь там! — он драматично указал на восток. — Твой вождь говорит с Фоскаром. Говорит, что даст много этих... — он коснулся медных браслетов, — и ножей и топоров, чтобы тебя отдали».

Росс, не понимая, смотрел на него. Эш? Эш в лагере Фоскара предлагает за него награду? Как это может быть?

— Откуда ты узнал, что он мой вождь?

Тулка рассмеялся — насмешливо. «У тебя одежда из блестящей кожи — у твоего вождя одежда из блестящей кожи. Он сказал: найдите другого в такой одежде, и он даст много хороших вещей тому, кто приведёт тебя назад».

Блестящая кожа! Костюм с корабля чужаков! Чужаки? Росс вспомнил, как его осветило прожектором, когда он выбирался из посёлка красных. Должно быть, кто-то из звездолётчиков его увидел. Но почему они его ищут, поднимают на поиски аборигенов? Что делает Росса Мэрдока таким важным для них? Зачем он им? Он знал только, что не дастся им в руки, если сумеет, у него нет желания встречаться с вождём, который предлагает награду за его поимку.

— Ты пойдёшь! — Тулка перешёл к действиям. Он повёл лошадь прямо на Росса, чуть не сбив его с ног. Росс отскочил и взмахнул топором. Но оружие оказалось слишком тяжёлым, он не привык к подобному.

Удар пришёлся в воздух, в то же мгновение лошадь плечом сбила его, он упал, и копыто лишь на несколько миллиметров миновало его голову, едва не пробив череп. И тут всадник прыгнул на него. Удар кулаком в челюсть, и солнце для Росса погасло.

Он обнаружил, что висит поперёк какой-то опоры и она движется, раскачиваясь. Голова болела, и он ещё не вполне пришёл в себя. Попытавшись шевельнуться, Росс понял, что руки у него связаны за спиной, и что-то тёплое прижимает его к спине лошади. Лежал он лицом вниз. Оставалось только терпеть и надеяться на скорое окончание поездки.

Над головой его звучала непонятная речь. Временами в поле зрения попадала другая лошадь, идущая рядом: Потом они въехали в какое-то шумное место, где голоса множества людей сливались в сплошной гул. Лошадь остановилась, Росса сняли с неё и бросили на утоптанную

землю. Он лежал, ошеломлённо мигая, стараясь разглядеть открывшуюся перед ним картину.

Они прибыли в лагерь всадников, вдали виднелись кожаные палатки, собралось множество светловолосых гигантов, подошли и высокие женщины, чтобы разглядеть пленника. Круг разделился, кочевники расступились, давая кому-то возможность пройти. На Росса произвела впечатление внешность первых встреченных им кочевников, но тот, кто подошёл к нему, был просто огромен. Лёжа на земле у ног вождя, Росс чувствовал себя маленьким беспомощным ребёнком.

Фоскар — если это Фоскар — не достиг ещё и средних лет. Он нагнулся, чтобы разглядеть пленника Тулки, и мышцы на его руках и груди свидетельствовали, что он обладает медвежьей силой. Росс смотрел на него, тот же гнев, что заставил его напасть на Тулку, теперь побудил к единственной возможной защите — на словах.

— Слушай, Фоскар! Освободи меня, и я не стану просто смотреть на тебя, — крикнул он на языке лесных охотников.

Голубые глаза Фоскара расширились, он взял в кулак обе руки Росса — они потонули в этом гигантском кулаке — и без всякого усилия поставил его на ноги. Даже стоя, Росс был на добрых восемь дюймов ниже вождя. Но он задрал подбородок и пристально взглянул на него, не собираясь уступить.

— Смотри, у меня связаны руки, — он вложил в эти слова столько насмешки, сколько смог. Встреча с Тулкой дала ему некоторое понимание этих людей; их нужно заставить уважать противника.

— Ребёнок... — кулак переместился на плечо, и Росс покачнулся.

— Ребёнок? — Росс коротко рассмеялся. — Спроси Тулку. Я не ребёнок, Фоскар. Нож Тулки, топор Тулки, они были в моих руках. Тулке пришлось сбить меня лошадкой.

Фоскар внимательно разглядывал его, потом улыбнулся. «Острый язык, — заметил он. — Тулка потерял топор,

так? Эннар!» — бросил он через плечо, и один из мужчин вышел из толпы.

Он ниже ростом и гораздо моложе вождя, с мальчишеской гибкостью и открытым приятным лицом, глаза его в ожидании устремились на Фоскара. Подобно остальным охотникам, он был вооружён кинжалом на поясе и топором, и так как у него было два ожерелья и браслеты на обеих руках, как и у Фоскара, Росс решил, что это родственник вождя.

— Ребёнок! — Фоскар снова хлопнул Росса по плечу. — Ребёнок! — он указал на покрасневшего Эннара. — Отбери у Эннара нож, топор, — приказал Фоскар, — как отобрал у Тулки, — по его знаку кто-то перерезал ремни на запястьях Росса.

Росс растирал руки, упрямо выставив челюсть. Словом «ребёнок» Фоскар ожёг своего молодого соплеменника, и тот выложит все свои силы в схватке с пленником. Застать Тулку врасплох было гораздо легче. Но если он откажется, Фоскар вполне может приказать его убить. Он решился бросить вызов, теперь придётся выложиться.

— Отбери нож... топор... — повторил Фоскар и сделал своим людям знак расступиться.

Россу стало не по себе, когда он увидел, что рука Эннара устремилась к рукояти топора. Ничего не было сказано об использовании Эннаром оружия, но Росс обнаружил, что у кочевников имеется определённое представление о спортивной чести. Тулка пробился к вождю и что-то сказал ему, и Фоскар бычьим голосом рявкнул молодому соплеменнику приказание.

Рука Эннара отдёрнулась от рукояти, словно та раскалилась докрасна. Всё своё недовольство он перенёс на Росса. Эннар должен победить из гордости, а Росс — спасая свою жизнь. Они осторожно кружили, Росс следил скорее за глазами противника, чем за его руками.

На базе Росс схватывался с Эшем, а ещё раньше с крепкими и безжалостными тренерами, знатоками боя без оружия. Он вбил в своё измученное, покрытое синяками тело знание захватов и приёмов именно такого рода

борьбы. Но тогда он был сыт, здоров, хорошо подготовлен. Его не били по голове и не тащили потом связанным поперёк лошади. Остаётся узнать, так ли Росс Мэрдок крепок, как он всегда о себе думал. На этот раз он побеждает — или гибнет.

Насмешки из толпы заставили Эннара первым начать действовать. Он бросился к Россу, низко, в борцовской стойке, прижимаясь к земле. Но Росс пригнулся ещё ниже. Одной рукой он захватил горсть пыли и бросил её в лицо туземцу. Затем их тела столкнулись, и Эннар перелетел через плечо Росса и ударился о землю.

Будь Росс свеж, схватка тогда бы и закончилась. Но когда он повернулся, чтобы прижать противника, то оказался слишком медлителен. Эннар не дожидался его лёжа, и на этот раз уже на его стороне оказалось преимущество.

Рука ухватила ногу Росса над лодыжкой, и юноша, действуя, как его учили, легко поддался рывку и упал на противника. Эннар, не ожидавший столь быстрого успеха своего нападения, не был готов к этому. Росс повернулся, чтобы уйти от захвата рук со стальными пальцами, нанеся одновременно противнику удар сбоку, стараясь повторить то, что он сделал в схватке с Тулкой.

Он выдержал немало ударов, но продолжал уходить от захвата; он знал, что если позволит захватить себя в это медвежье объятие, ему придётся сдаться. Используя выученные приёмы, он продолжал сражаться, всё более отчётливо, с нарастающей паникой понимая, что его умения недостаточно. Он слишком устал. Если не подвернётся какая-нибудь счастливая случайность, он может лишь оттягивать поражение.

Пальцы соперника попытались впиться ему в глаза, и Росс сделал то, чего никогда не делал раньше: вцепился в них волчьей хваткой зубами и одновременно резко нанёс вверх удар коленом. Горячее дыхание ударило ему в лицо, Росс, напрягая последние силы, вырвался из ослабевших рук противника. Он опустил на одно колено. Эннар уже стоял на коленях, прижавшись, как готовый прыгнуть

зверь. Росс рискнул всем. Он высоко поднял сведённые вместе руки и изо всех сил опустил на шею противника. Эннар лицом вниз упал в пыль, и секунду спустя Росс присоединился к нему.

16

Мэрдок лежал на спине, тупо глядя на прошитые шкуры, из которых был сделан потолок палатки. Всё его тело представляло собой один сплошной синяк, и собственное будущее его не заботило. Имело значение только настоящее, а оно довольно мрачно. Он выдержал схватку с Эннаром, но в глазах его соплеменников он тоже потерпел поражение и не произвёл на них такого впечатления, как надеялся. Удивительно то, что он вообще ещё жив. Но Росс заключил, что его хотят обменять на обещанную явившимися из иного времени чужаками награду, — весьма неприятная перспектива.

Запястья его были привязаны над головой к деревянному столбу, вкопанному в землю; ноги тоже связаны. Он мог поворачивать голову, но любое другое движение было невозможно. Он ел немногие крохи, которые совал ему в рот своими грязными пальцами раб, один из лесных охотников, захваченных племенем в процессе миграции.

— Эй, отбиратель топоров! — носок ноги упёрся ему в рёбра, и Росс подавил крик боли, каким хотелось ответить на это грубое проявление внимания. В тусклом свете он увидел лицо Эннара и со злорадным удовлетворением заметил, что оно всё распухло, под глазами и на челюсти синяки — следы его пальцев.

— Эй, воин! — хрипло ответил Росс, постаравшись вложить в это слово всё презрение, какое мог.

В поле его зрения появилась рука Эннара с ножом. «Доброе дело — отрезать острый язык!» Молодой туземец улыбнулся, склонившись к беспомощному пленнику.

Росс испытал ужас, хуже всякой боли. Эннар вполне способен сделать то, на что намекает! Но вместо этого нож разрезал путы у него на запястьях, вызвав страшную боль

в том месте, где ремень, срывая кожу, впивался в тело. Росс почувствовал, что руки его свободны, но опустить их, казалось, выше его сил. И он лежал неподвижно, пока Эннар освобождал его ноги.

— Вставай!

Без помощи Эннара Росс не встал бы. Но как только Эннар отпустил его, он снова упал лицом вниз, испытывая гнев на себя за собственную беспомощность.

В конце концов Эннар позвал двух рабов, которые вытащили Росса на открытое место, где перед костром собрался совет. Шёл спор, причём такой горячий, что временами, выкрикивая аргументы, спорщики хватались за рукояти ножей и топоров. Росс не понимал их языка, но был уверен, что предметом обсуждения является он, и что Фоскар, которому принадлежит решающий голос, ещё не принял решения.

Росс сидел там, куда посадили его рабы, растирая запястья, такой уставший физически и духовно, что собственная судьба его не очень интересовала. Он был доволен уже тем, что его развязали, — небольшая милость, но он наслаждался ею.

Он не знал, долго ли длился спор, но наконец к нему подошёл Эннар. «Твой вождь, он даёт много хороших вещей за тебя. Фоскар отдаст тебя ему».

— Мой вождь не здесь, — устало повторил Росс, заранее зная, что его протест не будет услышан. — Мой вождь сидит у горькой воды и ждёт. Он рассердится, если меня не будет. Пусть Фоскар боится его гнева...

Эннар рассмеялся. «Ты сбежал от своего вождя. Он будет доволен Фоскаром, когда ты снова окажешься в его руках. А тебе это не понравится — я так думаю!»

«Я тоже», — согласился про себя Росс.

Оставшуюся часть ночи он провёл лежа между бдительным Эннаром и другим охранником, хотя у них хватило человечности не связывать его снова. Утром ему позволили поесть, и он немытыми пальцами вылавливал из похлёбки куски оленины. Лучшего блюда он не ел многие дни.

Но путешествие ему предстояло не слишком приятное.

Его посадили на мохнатую лошадь, связав ноги верёвкой под её животом. К счастью, руки ему связали так, что он мог ухватиться за жёсткую гриву и остаться сидеть. Его лошадь вёл за узду Тулка, а Эннар ехал рядом и смотрел не столько на дорогу, сколько на пленника.

Они направились на северо-восток, двигаясь прямо к зелено-белым холмам, поднимавшимся на фоне утреннего неба. Росс ещё не совсем потерял чувство направления, и он видел, что они движутся в сторону посёлка, который уничтожили чужаки. Он попытался узнать что-нибудь о контакте чужаков с всадниками.

— Как нашёл вас другой вождь?

Молодой человек отбросил на плечо длинную прядь и повернул голову к Россу. «Твой вождь приходил в наш лагерь. Говорил с Фоскаром — два — четыре. сна назад».

— Как говорил с Фоскаром? На языке охотников?

Впервые Эннар проявил некоторую неуверенность. Он нахмурился, потом ответил. «Он говорил — с Фоскаром, с нами. Мы слышали правильные слова, не речь лесных ползунов. Он хорошо говорил с нами».

Росс удивился. Как мог чужак из глубины времён говорить с примитивным племенем, на многие тысячелетия удалённым от его периода? Неужели чужаки тоже знакомы с путешествиями во времени? Может, у них имеются свои станции переноса. Но они были очень сердиты на красных. Полнейшая загадка.

— Этот вождь, он похож на меня?

Снова Эннар выглядел неуверенно. «Он одет, как ты».

— Но был ли похож он на меня? — настаивал Росс. Он не знал, что пытается выяснить, но ему казалось важным хоть одному из кочевников доказать, что он отличается от того, кто назначил цену за его голову, кому его продают.

— Не похож, — через плечо бросил Тулка. — Ты — как охотник, волосы, глаза. А у того вождя на голове нет волос, и глаза у него как...

— Ты его тоже видел? — оживлённо спросил Росс.

— Видел. Я подъезжал к лагерю, они пришли. Встали на скале, позвали Фоскара. Показали волшебство с огнём, он

выпрыгнул! — Тулка указал на куст у тропы. — Направили маленькое, маленькое копье — оттуда выскочил огонь. Они сказали, что сожгут наш лагерь, если мы не отдадим человека. А потом сказали, что дадут много хороших вещей, если найдём и приведём человека...

— Но это не моё племя, — оборвал его Росс. — Видите, у меня волосы, я не похож на них. Они плохие...

— Может, они захватили тебя на войне, ты раб вождя, — ответ Эннара соответствовал обычаям его племени. — Они хотят вернуть назад раба, вот что.

— Моё племя сильное, у нас много волшебства, — настаивал Росс. — Отведите меня к горькой воде, и вам хорошо заплатят, больше, чем тот вождь!

Оба кочевника заинтересовались. «А где горькая вода?» — спросил Тулка.

Росс кивнул на запад. «В нескольких снах отсюда...»

— В нескольких снах! — насмешливо повторил Эннар. — Мы проедем несколько снов, может быть, много снов, там, где не знаем дороги, может, там никого нет, никакой горькой воды — ты просто говоришь, чтобы мы не отдавали тебя твоему хозяину. А сюда нам даже меньше одного сна, найдём вождя, получим хорошие вещи. Зачем нам делать трудное, когда можно сделать лёгкое?

Чем мог Росс опровергнуть эту простую логику? Он рассердился на собственную беспомощность. Но он уже давно понял, что нельзя выдавать свой гнев, если только не чувствуешь за собой силы. Теперь же у Росса никакой силы нет.

Большую часть дороги они держались открытой местности; когда Росс с двумя другими агентами проходил здесь же, они скрывались в лесах. Поэтому караван подошёл к горам с другой стороны, и как Росс ни старался, он не заметил ни одного знакомого ориентира. Если каким-то чудом ему удастся освободиться, он должен будет идти прямо на запад и искать реку.

В полдень они остановились в роще у ручья. Второй день стояла необычно тёплая для этого времени погода, и насекомые, выползшие из зимних укрытий, набросились

на лошадей и толпами ползали по Россу. Он пытался отгонять их связанными руками, но они всё равно искусили его до крови.

Его сняли с лошади, но тут же привязали к дереву петлёй за шею; его конвоиры развели костёр и принялись жарить куски мяса.

Казалось, Фоскар не торопится: после еды все продолжали сидеть у костра, некоторые даже уснули. Росс пересчитал их и обнаружил, что Тулка и ещё один кочевник исчезли, может быть, отправились извещать чужаков о своём приходе.

В середине дня разведчики вернулись так же незаметно, как и ушли. Они доложили Фоскару, и тот подошёл к Россу. «Мы идём. Твой вождь ждёт...»

Росс приподнял распухшее искусанное лицо и ответил как обычно: «Он не мой вождь».

Фоскар пожал плечами. «Он так говорит, он даст хорошие вещи за то, что мы приведём тебя. Он твой вождь».

Росса снова посадили на лошадь и привязали. Но на сей раз отряд разделился на две группы. Сам Росс оказался с Эннармом, они ехали сразу за Фоскаром, а сзади ещё двое. Остальные, ведя лошадей на поводу, растворились в лесу. Росс задумчиво смотрел на их тихий уход. По-видимому, Фоскар не очень-то доверяет тем, с кем собирается иметь дело, и принимает определённые меры предосторожности. Но Росс не видел, чем эта предусмотрительность может помочь ему.

Они шагом вышли на небольшой луг, сужавшийся к востоку. И тут Росс впервые смог определить, где находится: у самого входа в долину с посёлком, примерно в миле от того места, где его тогда схватили; он подошёл тогда к базе красных со стороны северных холмов.

Фоскар всадил пятки в бока лошади и поскакал ко входу в долину, лошадь Росса остановили. Вдали виднелось синеватое пятно: их ждали несколько чужаков. Росс прикусил губу. Он противостоял красным, кочевникам Фоскара, но теперь он испытывал страх: самое плохое, что могут

сделать с ним люди, лишь бледная тень того, что он может ждать от чужаков.

Теперь Фоскар казался игрушечным всадником на игрушечной лошади. Он остановил лошадь перед чужаками. Росс сосчитал их — четверо. Похоже, они разговаривали, всадника и чужаков в синем разделяло небольшое расстояние.

Прошло несколько минут, Фоскар поднял руку, подзывая группу, охранявшую Росса. Эннар повёл лошадь рысцей, за ним скакали ещё двое. Росс заметил, что все они вооружены копьями, которые держат наготове.

Они проехали примерно три четверти расстояния, и Росс уже отчётливо видел лица чужаков: они смотрели в его сторону. И тут они напали. Один из чужаков поднял оружие, похожее на знакомый Россу пистолет, только с более длинным стволом.

Росс не знал, почему крикнул, может, потому что Фоскар был вооружён только кинжалом и топором, да и те висели у него на поясе. Вождь сидел неподвижно, потом его лошадь бросилась в сторону, словно испугавшись. Фоскар упал, будто лишившись костей, на землю и лежал неподвижно лицом вниз.

Эннар закричал, в его крике прозвучали одновременно вызов и отчаяние. Он осадил лошадь с такой силой, что она попятилась. Потом выпустил из рук узду лошади Росса, развернулся и бешено поскакал к деревьям слева. Из-за плеча Росса вылетело копьё, задев синюю ткань его костюма, но тут его лошадь повернула вслед за Эннаром, и Росс оказался вне пределов второго броска. Утратив возможность для броска, всадник с копьём тоже поскакал за Эннаром.

Росс обеими руками вцепился в гриву. Больше всего он боялся сползти со спины лошади — ноги его связаны, освободиться он не может и сразу же попадёт под копыта. Но ему каким-то образом удалось удержаться на спине лошади, погрузившись лицом в гриву, а лошадь продолжала скакать. Если бы Росс схватил болтавшуюся узду, может

быть, ему удалось бы управлять движением, а так оставалось только держаться крепче и надеяться на удачу.

Он лишь урывками видел, что находится впереди. Потом прямо в нескольких ярдах перед ним вспыхнуло яркое пламя, такое же, как то, что сожрало посёлок красных, и лошадь дико метнулась в сторону. Новые вспышки, лошадь металась между ними. Росс понял, что чужаки пытаются отрезать его от леса. Почему они просто не стреляют в него, как в Фоскара, он не мог понять.

Густой дым от горящей травы закрыл от него лес. Может, пелена закрывает его и сзади, и он уйдёт от обоих отрядов? Но огонь заставлял лошадь приближаться к чужакам. Росс слышал крики в дыму. Но тут лошадь его совершила ошибку, язык красного пламени оказался слишком близко. Животное закричало, прыгнуло прямо между двумя вспышками и поскакало в сторону от синих чужаков.

Росс кашлял, едва не задыхаясь, глаза слезились, пахло дымом и горелым волосом. Но теперь он миновал огни и скакал в глубину поляны. Лошадь и невольный всадник были уже далеко от узкого входа в долину, когда слева показалась ещё одна лошадь и поскакала рядом с лошадью Росса, постепенно уменьшая скорость. На ней легко скакал один из кочевников.

Уловка подействовала, потому что дикий галоп замедлился, и всадник, проявив удивительное мастерство, свесился с седла, поймал свисающую узду и сдержал беглянку. Росс, потрясённый, задыхающийся от дыма, не способный выпрямиться, продолжал цепляться за гриву. Галоп сменился рысью, и вскоре лошади остановились. Обе они тяжело дышали, на их шкурах и на ногах всадников болтались клочья белой пены.

Кочевник, казалось, совсем не интересовался Россом, он озабоченно смотрел на огонь, распространявшийся по траве. Что-то говоря про себя, он развернулся и повёл лошадь Росса в том направлении, откуда всего полчаса назад Росс выехал вместе с Эннармом.

Росс пытался думать. Неожиданная смерть вождя может означать и его собственную смерть, если племя захочет

отомстить. С другой стороны, оставалась некоторая надежда, что ему удастся доказать, что это враждебный клан, и что он может помочь племени в борьбе против общего врага.

Трудно планировать, хотя только ум теперь может спасти его. Смерть Фоскара дала Россу небольшую передышку. Он по-прежнему пленник, хотя кочевники и не чужаки. Вероятно, для чужаков аборигены не лучше лесных животных.

Росс не пытался заговорить с всадником, который вёл его лошадь в сторону заходящего солнца. Наконец они остановились в рощице, где устраивали привал в полдень. Кочевник привязал лошадей, потом подошёл к лошади Росса, бесцеремонно сбросил пленника на землю и принялся рассматривать животное. Росс повернулся и увидел на боку лошади ожог. Здесь задело пламя.

Кочевник принёс с ручья полные пригоршни грязи и налепил на обожжённое место. Потом растёр обеих лошадей травой, подошёл к Россу, снова толкнул его на землю и начал рассматривать его левую ногу.

Росс понял. Его нога тоже должна быть обожжена, но он не чувствовал никакой боли. И на ткани не виднелось ни малейшего следа огня. Росс вспомнил, как чужаки непринуждённо расхаживали по горевшему посёлку. Костюм защитил его от холода, по-видимому, он так же защищает и от огня, и Росс был благодарен ему за это. Отсутствие ожога удивило кочевника, он отошёл от пленника, словно испугался его.

Долго ждать им не пришлось. Один за другим подъезжали остальные спутники Фоскара. Последними появились Эннар и Тулка, они везли тело вождя. Лица их были вымазаны пылью, остальные всадники, увидев тело, тоже начали натирать щёки пылью; они произносили какие-то слова, по очереди притрагиваясь к телу вождя правой рукой.

Эннар, передав ношу другим, слез с уставшей лошади и долго стоял, склонив голову. Потом взглянул прямо на Росса и подошёл к человеку из будущего. Всё его мальчи-

шество, с каким он выполнял приказ Фоскара и боролся с Россом, исчезло. Глаза его стали безжалостны, он заговорил медленно, стараясь, чтобы Росс понял каждое слово его обещания.

— Слушай, ты, лесная крыса! Фоскар идёт в погребальный костёр. И возьмёт с собой раба, который будет служить ему на небе. Раб будет бежать на его призыв, дрожать, когда Фоскар рассердится. Рабская собака, ты пойдёшь за Фоскаром на небо и всегда будешь идти за ним. Я, Эннар, клянусь, что Фоскар отправится на небо как вождь, со всеми почестями. И ты, собака, будешь лежать у его ног!

Он не тронул Росса, но Росс не сомневался, что Эннар постарается исполнить каждое слово своей клятвы.

17

Приготовления к погребению Фоскара продолжались всю ночь. За большим лагерем племени всё выше поднималось деревянное сооружение из принесённых из лесу брёвен. Монотонный вой женщин в палатках мог довести человека до безумия. Росса оставили под охраной в таком месте, откуда ему всё было видно, — такая утончённая месть показалась ему слишком изощрённой для Эннара. Эннар был ближайшим родственником вождя и потому распоряжался на похоронах, хотя в остальном приказы отдавали другие люди, постарше.

Рядом с Россом поставили лучшего коня стада, чалого жеребца, предназначенного стать жертвой номер два, поблизости сидели на привязи две собаки. Фоскар, в красном плаще, с лучшим оружием в руках, лежал на погребальных носилках. Скорчившийся рядом племенной колдун тряс своей погремушкой и что-то бубнил, переходя временами на визг. Вся эта лихорадочная деятельность напоминала сцену из какой-нибудь записи на базе. Россу трудно было напоминать себе, что это реальность, что он — одно из главных действующих лиц в приближающемся событии, и никакая помощь от «Операции «Ретроспектива» его не выручит.

Где-то посреди этого кошмара усталость одолела его, и он заснул. Проснулся, ошеломлённый, от того, что кто-то за волосы поднимал его голову.

— Ты спишь, ты не боишься, собака Фоскара?

Росс замигал. Бояться? Конечно, он боится. С удивительной ясностью он осознал, что страх всегда сопровождал его, спал в его постели. Но он никогда не поддавался ему и не поддастся сейчас.

— Не боюсь! — бросил он в лицо Эннару. Он не будет бояться!

— Посмотрим, как ты заговоришь, когда тебя укусит пламя! — выкрикнул Эннар, в его словах звучало неохотное признание храбрости Росса.

Когда укусит пламя... Эти слова всё время звучали в голове Росса. Но есть что-то ещё. Если бы только вспомнить! До сих пор у него сохранялась слабая тень надежды. Невозможно — он понял это со странной ясностью — невозможно человеку спокойно смотреть в лицо собственной смерти. До самого последнего момента человек всегда надеется на спасение.

Лошадь подвели к бревенчатому помосту, на котором уже покоились носилки с телом Фоскара. Жеребец стоял спокойно. Высокий кочевник неожиданно ударил его топором, и животное упало. Потом убили собак и положили их у ног мёртвого хозяина.

Но Росс не должен был отделаться так легко. Колдун плясал вокруг него, отвратительная фигура в звериной маске, со змеиной шкурой на поясе. Тряся погремушкой, он визжал как рассерженный кот, когда Росса повели на помост.

Огонь... что-то относительно огня... если бы он только мог вспомнить! Росс споткнулся о ногу павшего жеребца и чуть не упал. И тут же вспомнил пламя на лугу, которое обожгло лошадь, но не всадника. Голова и руки у него не защищены, но остальное тело прикрыто теплонепроницаемой тканью костюма чужаков. Неужели он сможет? Шанс был так невелик, а его уже толкали на помост. Руки у него

связаны. Эннар нагнулся и привязал его ноги к брёвнам помоста.

Привязав, его оставили. Племя собралось вокруг погребального костра на безопасном расстоянии, Эннар и ещё пятеро воинов, неся в руках факелы, подошли с разных сторон. Росс видел, как факелы сунули в ветки, слышал треск, с которым загорелось сухое дерево.

К нему поднялся жёлто-красный язык пламени. Росс не решился вдохнуть. Язык огня обвился вокруг его ног, ремень, которым его привязали, задымился. Костюм не защищал от жары полностью, но позволил выждать несколько секунд, что сделало его спасение особенно картинным.

Пламя сожрало ремень, но ногам было не жарче, чем от прямых лучей солнца. Росс облизал губы. Совсем иначе ощущали жар его лицо и ладони. Он вытянул руки, и сунул запястья в огонь, молча вынося ожоги.

И вот когда пламя окружило его так, словно он стоял внутри огненного столба, Росс прыгнул вперёд, стараясь насколько возможно защитить голову и руки. Но зрителям показалось, что он невредимым вышел из самого сердца ревушего пламени.

Он удержался на ногах и стоял, глядя на ту часть племени, что оказалась перед ним. Раздался крик, быть может, страха; внезапно горящий факел ударил его по бедру. Он почувствовал силу удара, но факел скользнул по ноге, не оставив и следа на синей ткани.

— Аххххххх!

Перед ним заскакал колдун, тряся погремушкой, поднимая оглушительный треск. Росс ударил его, отбросил колдуна с дороги и остановился, чтобы подобрать брошенную в него горящую ветвь. Вертя ею над головой, хотя обожжённые руки страшно болели, он раздул пламя. Держа ветку перед собой, как оружие, он пошёл прямо на стоявших перед ним мужчин и женщин.

Факел — слабая защита против копий и топоров, но Росс об этом не думал; всю свою решимость он вложил в этот последний ход. И не представлял себе, каким видится

туземцам. Человек, без всякого видимого вреда преодолевший огненную завесу, вышедший прямо из языка пламени, который теперь использует огонь в качестве оружия, — это не человек, а демон!

Стена людей дрогнула и расступилась. Женщины разбежались с воплями, мужчины тоже что-то кричали. Но никто не решился бросить копьё или ударить топором. Росс продолжал идти, будто одержимый, не глядя по сторонам. Теперь он был уже в лагере и шёл к костру, горящему перед палаткой Фоскара. Он не отвернул, а, держа факел высоко над головой, прошёл прямо через костёр, рискуя получить новые ожоги, зато окончательно обеспечив себе полную безопасность.

Когда он подошёл к последнему ряду палаток, кочевники разбежались. Впереди лежала открытая равнина. Лошадей отогнали сюда, подальше от погребального костра; они нервно переминались, их тревожил запах дыма.

Снова Росс взмахнул факелом над головой. Вспомнив, как испугалась чужаков его лошадь, он бросил факел на землю между палатками и табуном. Сухая трава мгновенно вспыхнула. Теперь, если его попытаются догнать верхом, это будет трудно сделать.

Беспрепятственно, тем же ровным шагом прошёл он по лугу, не останавливаясь и не оглядываясь. Руки его превратились в два отдельных мира пронзительной боли; волосы и брови обгорели, болел обожжённый подбородок. Но он был свободен, и вряд ли люди Фоскара решатся его преследовать. Где-то перед ним лежит река, текущая к морю. Росс шёл солнечным утром, а за ним поднимался густой чёрный столб дыма.

Впоследствии он понял, что несколько дней был несколько не в себе и почти ничего не помнил, кроме боли в руках и необходимости идти дальше. Однажды он опустился на колени и погрузил обе руки в прохладную грязь на берегу ручья. Грязь чуть уменьшила боль. Росс жадно напился.

Казалось, он брёл в полном тумане. Временами туман рассеивался, и тогда он видел окружающее, мог вспом-

нить, сколько прошёл, и определить направление дальнейшего пути. Но промежутки между этими прояснениями для него навсегда потеряны. Как-то раз он вышел на берег реки и увидел медведя, который ловил рыбу. Зверь поднялся на задние лапы и зарычал. Росс даже не обратил на него внимания и прошёл мимо изумлённого животного.

Иногда, когда наступала темнота, он засыпал или шёл при свете луны, прижимая к груди обожжённые руки, слегка стонал, спотыкаясь обо что-то: тогда по всему телу от толчка пробегала волна боли. Однажды он услышал пение и с трудом понял, что поёт сам, напевая мелодию, что будет популярна тысячи лет спустя. Но всё время Росс помнил, что должен идти, идти вдоль реки к своей конечной цели — к морю.

Постепенно промежутки ясности становились продолжительней, а периоды беспамятства между ними — короче. Росс переворачивал камни на берегу реки, добывал ракушки и жадно поедал их. Однажды он сбил палкой зайца и устроил пир. Нашёл в тростниках птичье гнездо и выпил яйца — всего этого хватило, чтобы продолжать идти, хотя теперь его глубоко запавшие серые глаза глядели словно из черепа.

Росс не уловил того момента, когда понял, что его опять преследуют. Началось всё с тревоги, которая отличалась от предыдущих галлюцинаций, вызванных лихорадкой. Какое-то внутреннее принуждение, растущее стремление повернуть и пойти назад, к горам, навстречу кому-то или чему-то ожидающему его там.

Но Росс упорно продолжал двигаться вперёд. Теперь он боялся заснуть и боролся со сном. Потому что однажды он проснулся на ногах и понял, что идёт назад, принуждение овладело его бессознательным телом во сне.

Он отдыхал, но не решался уснуть, и всё время на него давило стремление повернуть, пойти назад. Вопреки всему, он полагал, что это чужаки пытаются завладеть им. Росс даже отдалённо не догадывался, зачем он им так нужен. Он не знал, идут ли по его следу и кочевники, но

понимал, что происходившее — это борьба воли, воли его и чужаков.

Постепенно берега стали вязкими, и ему пришлось брести по воде и грязи, чтобы преодолеть болотистый участок. Тучи птиц кричали, потревоженные его появлением, скользкие водные животные высывали из воды любопытные головы, глядя на двуногое существо, механически бредущее их зелёным миром. Но принуждение всё время ощущалось, так что вскоре Росс думал уже не о пути, а только о нём.

Зачем он им? Почему они не идут за ним следом? Или боятся далеко отходить от того места, где совершили переход во времени? Он всё дальше уходил от гор и посёлка, но нить, которая тянула его назад, не становилась тоньше. Росс не понимал ни мотивов, ни средств чужаков, но продолжал бороться.

Болото тянулось бесконечно. Он нашёл островок и привязался поясом к единственной растущей на нём иве, понимая, что должен поспать, иначе следующего дня он не выдержит. И уснул, а проснулся замёрзшим, дрожащим и испуганным. Проснулся по плечи в грязи. Должно быть, во сне он отвязался, освободился, и только падение в воду привело его в себя.

Он сумел вернуться к дереву и вновь прочно привязался поясом, так, чтобы узел выдержал до рассвета. Сразу уснул и проснулся, по-прежнему привязанный, от утренних криков птиц. Отвязываясь, Росс подумал о своём костюме. Может, его ткань позволяет чужакам воздействовать на него. Если он разденется, и бросит эту одежду, не окажется ли он в безопасности?

Юноша попытался расстегнуть костюм на груди, но кнопки не поддавались слабому давлению его обожжённых пальцев. Он потянул ткань, но разорвать не смог. И по-прежнему в чужом костюме продолжал путь, почти не заботясь о том, куда идёт. От частых падений его облепила грязь, она немного защищала от туч насекомых. Отчётливее, чем боль и усталость, он ощущал притяжение чуждой воли.

Постепенно облик болотистой местности снова стал меняться. Река, словно веер, разделилась на десятки рукавов. Посмотрев вперёд с одного из болотистых островков, Росс почувствовал облегчение. Это место он запомнил по карте Эша. Наконец-то он приблизился к морю, и пока ему этого достаточно.

Солёный ветер ударил его в лицо, словно кулаком. Солнца не было, тяжёлые тучи придавали местности зимний вид. Под громкие крики птиц Росс брёл по лужам, прокладывая дорогу через густые заросли. Крал яйца из гнёзд, жадно высасывал их, не обращая внимания на рыбный вкус, пил из застоялых солоноватых прудов.

Неожиданно он остановился. Вначале ему показалось, что раскатистый грохот — это гром. Но тучи над головой не темнее, чем раньше, и не было ни следа молнии. И тут он понял, что загадочный звук — это прибой. Он рядом с морем!

Заставляя себя бежать, он двинулся раскачивающейся рысцой, изо всех сил преодолевая стремление повернуть назад. Под ногами уже не болото, а песок. Перед ним тёмные камни в белой пене.

Росс направился прямо к пене, пока не погрузился по колено в бурлящую пенную воду и не почувствовал, как его тянет вперёд почти с такой же силой, как и назад. Наклонился, позволяя солёной воде обжечь каждый ожог, каждый порез и царапину, набрал воды в рот и нос, смывая вкус болотной слизи. Вода холодная и горькая, но это морская вода! Он дошёл!

Росс Мэрдок побрёл назад и неожиданно опустился на песок. Оглядевшись, агент увидел, что находится на небольшом треугольнике между двумя протоками. Земля была усеяна наносами весеннего паводка, которые навсегда застряли здесь, отвергнутые морем. Для костра достаточно дров, но ему нечем зажечь костёр; кремень, который все торговцы носят с этой целью, он давно уже потерял.

Это море, и он добрался до него вопреки всем препят-

ствиям. Он лёг, уверенность вернулась к нему настолько, что он смог задуматься о будущем. Смотрел на чашек, ныряющих в воду. Ему не хотелось ничего, только лежать и смотреть.

Но он недолго поддавался требованиям измученного тела. Голодный и замёрзший, чувствуя, что приближается буря, он понимал, что должен разжечь костёр. К тому же огонь на берегу поможет ему привлечь внимание подводной лодки. Не понимая почему — один участок берега ничем не хуже другого, — Росс побрёл вдоль воды, пробираясь между камней.

Так он нашёл углубление между двумя камнями, с чёрным крутом обгоревшего дерева и рассыпанными вокруг пустыми раковинами. Несомненные следы лагеря! Росс бросился вперёд, импульсивно коснулся рукой угля. И, к своему изумлению, ощутил тепло!

Не смея притронуться к драгоценным уголькам, он порывлся вокруг и только потом принялся раздувать погасший пепел. Ему ответило разгоравшееся свечение! Это не было плодом воображения!

Из груди хвороста Росс взял маленькую веточку, потёр её, расщепив на нити, и поднёс к углям, с надеждой глядя на неё. Ветка загорелась!

Приходилось очень осторожно действовать неуклюжими оцепеневшими пальцами, но Росс учился осторожности в суровой школе. Подкладывая веточку за веточкой, он наконец развёл настоящий костёр. Потом, откинувшись на камень, принялся разглядывать его.

Очевидно, место для первого костра было выбрано очень тщательно — камни хорошо защищали его от ветра. К тому же здесь костёр был виден только с моря. Очень подходящее место для сигналов — но кто их подавал и кому?

Руки Росса слегка дрожали, когда он подкладывал хворост в костёр. Совершенно очевидно, кто мог подавать отсюда сигнал. Мак Нейл. А может, он и Эш. Они всё-таки

выжили после крушения плота. Добрались до берега и покинули это место сегодня утром, судя по тёплым углям. Подали сигнал. И, как и предполагалось, их подобрала подводная лодка, которая теперь идёт в свой тайный североамериканский порт. Для него надежды нет. Он считал, что его товарищи погибли, когда нашёл обломок плота с ремнём. И они тоже посчитали его погибшим в реке. Он опоздал всего на несколько часов!

Росс обхватил колени руками и положил на них голову. Никакой возможности добраться до своих. Тысячи и тысячи миль лежат между ним и базой проекта в этом времени.

Он так погрузился в отчаяние, что не заметил, что внутреннее принуждение отпустило его. Он свободен, впервые за много дней. Но, встав на ноги, юноша задумался. Отказались ли преследователи от охоты? Утратив связь со своим временем, он об этом не очень тревожился. Какая разница?

Груда хвороста уменьшалась, но он решил, что это тоже неважно. Тем не менее он встал и принялся собирать разбросанный водой плавник. Зачем ему оставаться здесь, у этого бесполезного маяка? Но он почему-то не мог заставить себя уйти, хотя ожидание казалось тщетным.

Он собрал груду высушенных солнцем ветвей давно умерших деревьев, работая до тех пор, пока не засмеялся над созданной им баррикадой. «Осада! — впервые за всё это время он заговорил вслух. — Я словно готовлюсь к осаде...» Он добавил к груде ещё одну ветвь и снова присел к огню.

На берегу живут рыбаки; завтра, отдохнув, он двинется на юг и постарается найти одно из их примитивных племён. Теперь, когда кочевники прошли, сюда придут торговцы. Если бы он мог связаться с ними...

Росс стоял, глядя в море в ожидании сигнала, который — он это понимал — никогда в жизни не увидит. И тут его словно ударили в спину копьём.

Удар не физический, но от него в голове вспыхнула острая рвущая боль, такая сильная, что Росс не мог даже пошевелинуться. И сразу понял, что позади — страшная опасность.

18

Росс попытался вырваться из этого захвата, повернуть голову, взглянуть опасности в лицо. Она могла исходить только от чужаков. Странная битва воли против воли продолжалась. То же неприятие чужой власти, которое правило его молодостью, которое в конце концов привело его в проект, теперь заставило противостоять нападению.

Он повернёт голову, он увидит, кто стоит позади. Обязательно! Дюйм за дюймом медленно поворачивалась голова Росса, хотя пот жёг его кожу и дышать становилось всё труднее. Он увидел полоску песка за камнями. Она была совершенно пуста. Даже птицы над головой исчезли, словно никогда и не существовали. Или их смахнул нетерпеливый борец, который не желал терпеть никаких помех.

Повернув голову, Росс решил повернуться всем телом. Он медленно поднял левую руку, будто поднимал огромный вес. Ладонь его болезненно вцепилась в камень, и он наслаждался этой болью, потому что она прорвала тёмный покров принуждения, окутавший его. Он сознательно прижал ладонь к камню, сосредоточившись на острой боли. И чувствовал, что пока внимание его занято физической болью, давление на его волю слабеет. Собрав все силы, Росс повернулся. Это движение никак не напоминало его прежнюю кошачью грацию.

Берег по-прежнему пуст, на нём были только скалы, наваленная им самим груда хвороста и другие обыденные предметы, которые он видел и раньше. Но он ощущал, как что-то ищет возможности наброситься на него. Его единственной надеждой оставалась боль. Он уже понял, что её можно использовать как оружие. Он не сдастся без боя!

И тут же, едва приняв решение, Росс почувствовал, как слабеет принуждающая его сила. Казалось, его противники удивились — либо его действиям в последние мгновения, либо его решимости. Росс ухватился за это удивление, добавив его к своему арсеналу незримого оружия.

Он наклонился вперёд, по-прежнему прижимая ладонь к камню, чтобы боль продолжалась, взял сухую ветку и сунул её конец в костёр. Однажды использовав огонь для спасения, он готов был снова проделать это, хотя что-то внутри него в ужасе отшатывалось от такой возможности.

Держа импровизированный факел на уровне груди, Росс осматривал берег в поисках врагов. Несмотря на костёр и факел, сумерки мешали ему заглядывать далеко. А грохот прибоя мог скрыть приближение целой армии.

— Попробуйте взять меня!

Он взмахнул веткой, раздувая огонь, и воткнул её в песок. Взял вторую, но в это время искры первой упали на изогнутые сухие корни лежавшего рядом дерева.

Росс стоял напряжённо, держа в руке второй горящий факел. Пути чужой воли, которые только что так прочно сжимали его, постепенно слабели, медленно отступали, как утекающая вода. Но он не верил, что его незримые противники так легко пойдут на попятную. Скорее похоже на борца, готовящегося к новому смертельному захвату.

Ветвь в руке — вторая линия обороны — Россу страшно было пускать её в ход, но если его вынудят, он это сделает. Ладонь он продолжал безжалостно прижимать к камню, как напоминание и в качестве некой опоры.

Трещал хворост, подождённый первой веткой, на несколько ярдов освещая пространство вокруг. Росс был рад этому в сумерках надвигающейся бури. Если бы только они появились в открытую до того, как начнётся дождь...

Брызги падали ему на плечи и спину. Росс телом защищал горящую ветку. Если пойдёт дождь, он утратит даже ту слабую защиту, которую даёт костёр, и придётся искать другой способ обороны. Они его не сломают и не схватят, даже если ему придётся войти в море и плыть в

холодных северных волнах, пока его тело не откажется двигаться.

Снова стальная воля обрушилась на Росса, пробивая его упрямство, осаждая разум. Он развернул ветку и прижал горящий конец к руке. Не в силах удержать крик боли, он не был уверен, что сможет ещё раз выдержать такую пытку.

Он снова победил! Давление резко отступило, словно перекрыли поток. Сквозь серую завесу пытки Росс ощутил недоверие и удивление. Он не понимал, что использует всю свою силу воли, всю способность к восприятию и передаче мысли. Он даже не подозревал, что обладает такими способностями. Но его сопротивление потрясло противников так, как не подействовало бы на них никакое физическое нападение.

— Попробуйте взять меня! — снова выкрикнул он пустому берегу, где только огонь пожирал хворост и больше ничего не двигалось, но где всё равно скрывалось что-то живое и разумное. На этот раз в крике Росса звучал не просто вызов — торжество.

На него, на костёр, на ветку обрушилась пена. Пусть море погасит огонь! Он найдёт другой способ борьбы. Теперь он был уверен в этом, почувствовав, что его враги тоже поняли это и встревожились.

Ветер подхватил пламя, раздул его, оно пожирало всё новые и новые ветви, образовав стену огня. Но она не сможет послужить непреодолимым барьером на пути тех, кто скрывается в сумерках.

Росс снова прислонился к скале, разглядывая полоску берега. Неужели он ошибся, считая, что они в пределах досягаемости его голоса? Или их воздействие может распространяться на большее расстояние?

— Яаххх! — теперь в его крике звучал вызов. Ветер, ревущее море, собственная боль — всё это вызывало в нём какое-то дикое безумие. Он готов встретить всё что угодно, что бы они ни выслали к нему, и постарался бросить им эту мысль. Никто не ответил ни на его крик, ни на вызов.

Отойдя от скалы, Росс подошёл к горящему плавнику,

держа наготове ветку. «Я здесь! — крикнул он в ветер. — Идите! Встаньте передо мной!»

И тут он увидел тех, кто следил за ним. Две высокие худые фигуры в тёмной одежде — они спокойно смотрели на него, тёмные глаза ясно выделялись на светлом овале лиц.

Росс остановился. Хотя их разделяли ярды песка и камня и костёр, он чувствовал их силу. Но природа этой силы изменилась. Раньше она была остриём копья, теперь образовала защитную преграду. Росс не мог пробить этот щит, а они не смели убрать его. В странной, никогда раньше не виданной схватке наступило равновесие.

Он смотрел на эти лишённые выражения белые лица, пытаясь найти какой-то выход. В нём росла уверенность, что пока он живёт и движется, пока живут и движутся они, эта борьба, это бесконечное преследование не закончится. По какой-то загадочной причине им нужно получить его в свою власть, но этого никогда не произойдёт, даже если они будут ждать на этой песчаной полоске до самой смерти! Росс из последних сил старался передать им эту мысль.

— Мэррррдок! — хриплый крик со стороны моря мог прозвучать из клюва морской чайки.

— Мэррррдок!

Росс повернулся. Низкие облака и брызги пены сокращали видимость, но он увидел что-то круглое, пляшущее на волнах. Подводная лодка? Плот?

Почувствовав за собой движение, он повернулся назад в то самое мгновение, когда один из чужаков, не обращая внимания на пламя, прошёл сквозь костёр и легко побежал к нему. В руках у него появилось то же оружие, которое свалило Фоскара. Росс безрассудно бросился на противника, сбив его толчком тела и упав вместе с ним.

Тело чужака казалось хрупким, но двигался он необыкновенно быстро. Росс попытался перехватить руку с оружием и прижать её к песку. Он был слишком занят,

чтобы обратить внимание на выстрел над головой и тонкий воющий крик. Он прижал руку противника к камню, и белое лицо в нескольких дюймах от него исказилось от боли.

Он пытался найти лучшую опору, но покатился от резкого толчка, придавил левую руку и ощутил острую боль. Его противник успел вскочить.

Фигура в синем костюме устремилась к телу второго чужака, лежавшему на песке. Первый перебросил своего потерявшего сознание товарища через огненный барьер и без видимых усилий перескочил вслед за ним. Росс, сидя на песке, ощутил необыкновенную лёгкость и пустоту. Странное принуждение, тащившее его к чужакам, исчезло.

— Мэрдок!

На волнах качался резиновый плот, на нём стояли два человека. Росс встал, расстёгивая кнопки костюма на груди. Он не мог поверить собственным глазам: всё-таки подводная лодка не утонула. К нему по песку бежали два человека. Свои!

— Мэрдок!

Россу совсем не показалось странным, что первым добежал до него Кэлгаррис. Росс, словно во сне, попросил майора помочь ему растянуться. Если чужаки следили за ним с помощью костюма, они проследят и за подводной лодкой и могут обрушиться на проект, как на красных.

— Это... нужно... снять... — он выдавливал слова одно за другим, лихорадочно воюя с кнопками. — Они следят за этим. Могут выследить нас...

Кэлгаррис не нуждался в дальнейших объяснениях. Растегнув застёжки, он сорвал облегающую ткань с Росса, и тот завопил от боли, когда майор схватил его за левую руку.

Ветер и пена льдом хлестали его по телу, когда Росса тащили на плот и привязывали к нему. Он не помнил, как его доставили на борт лодки. Когда же наконец юноша открыл глаза, он лежал в тихо вибрирующем подводном

корабле, и на него внимательно смотрел Кэлгаррис. Эш, у которого плечи и грудь были почти целиком забинтованы, лежал на соседней койке. Мак Нейл следил, как врач раскладывает инструменты.

— Ему нужен укол, — сказал врач, пока Росс смотрел на майора.

— Вы оставили там костюм? — спросил он.

— Да. Что это за слежка? Кто за тобой следил?

— Чужаки с космического корабля. Только так они могли выследить меня на реке, — ему трудно было говорить, протестующий врач размахивал шприцем, но Росс отрывистыми фразами сумел закончить свой рассказ — о смерти Фоскара, о своём спасении из погребального костра вождя и о странной дуэли разумов на берегу. Говоря, он думал о том, как невероятно всё это звучит. Но Кэлгаррис слушал внимательно, а на лице Эша не было недоверия.

— Так вот откуда ожоги, — медленно произнёс майор, когда Росс закончил. — Сознательно жёг руку, чтобы вырваться из их власти... — он ударил кулаком о стену крошечной каюты и, когда Росс болезненно поморщился, торопливо положил руку ему на плечо, руку удивительно тёплую и мягкую. — Сделайте ему укол снотворного, — приказал он врачу. — Он заслуживает месячного отдыха. Я думаю, он принёс больший кусок будущего, чем мы надеялись...

Росс ощутил укол и ничего больше. Он не проснулся, даже когда его перенесли на берег в пост, а потом переместили в его собственное время. Он всё время находился в сонном состоянии, ел, снова спал, не беспокоясь о мире за пределами его койки.

Но наступил день, когда он вспомнил об этом мире. Он сел и с восстановившейся уверенностью потребовал еды. Врач осмотрел его и позволил встать с койки. Ноги вначале не слушались, и Росс был рад, что ему нужно только перебраться с койки на стул.

— Посетителям можно?

Росс поднял голову и улыбнулся Эшу. У того рука висела на перевязи, но в остальном он, как всегда, был совершенно невозмутим.

— Эш, расскажи мне, что случилось. Мы вернулись на базу? А как же красные? Нас не выследили чужаки?

Эш рассмеялся. «Врач тебя чем-то накачал, Росс? Да, это дом, милый дом. А что касается остального — ну, это долгая история, и мы всё ещё по частям её восстанавливаем».

Росс приглашающе показал на койку. «Расскажи мне, что известно». Он чувствовал себя неуверенно, прежнее чувство благоговейного страха перед Эшем мешало говорить искренне. Росс всё ещё опасался высокомерной отповеди. Но Эш подошёл к койке и сел. Вёл он себя совсем не так сдержанно, как раньше.

— Ты мешок, полный сюрпризов, Мэрдок, — в этом замечании слышалось что-то от прежнего Эша, но в словах его не было отчуждённости. — Ты был очень занят после своего прыжка в реку.

Росс в ответ улыбнулся. «Ты слышал об этом? — но его не интересовали собственные приключения; они уже уходили в прошлое, становились туманными и незначительными. — А что случилось с вами... как проект... и всё остальное?..»

— Не всё сразу, и не торопись, — Эш рассматривал его со странным напряжением, причины которого Росс не мог понять. Эш продолжал говорить своим «инструкторским» голосом. — Мы спустились по реке — как, не спрашивай. Это само по себе было своеобразным «проектом», — он рассмеялся. — Плот раскололся на куски, и остаток пути мы прошли вброд, хотя я не очень уверен в подробностях. Можешь расспросить Мак Нейла. Но наши приключения не могут сравниться с твоими. Разожгли сигнальный костёр и грелись около него несколько дней, пока нас не подобрала подводная лодка...

— И увезла вас, — Росс испытал на мгновение ту пустоту, которая охватила его на берегу, у ещё тёплых углей. Тогда он сказал себе, что опоздал.

— И увезла нас. Но Кэлгаррис согласился продлить период ожидания ещё на двадцать четыре часа — вдруг ты пережил тот толчок, что сбросил тебя в реку. Потом мы увидели твой великолепный фейерверк на берегу, а остальное было просто.

— Чужаки не нашли наш пост?

— Мы об этом не знаем. Но всё равно мы закрыли пост в том времени. Тебе, наверно, интересно узнать, что наши агенты доставили из-за железного занавеса любопытный слух. В этом районе Балтийского побережья произошёл взрыв, уничтоживший какую-то установку. Красные ничего не говорят ни о причине взрыва, ни о точном местонахождении установки.

— Чужаки последовали за ними в наше время! — Росс привстал. — Но почему? И зачем они следили за мной?

— Мы можем только догадываться. Но не думаю, чтобы ими двигала жажда мести за грабёж покинутого корабля. У них имеется гораздо более важная причина для того, чтобы помешать нам воспользоваться их грузом...

— Но они ведь жили тысячи лет назад. Может, теперь и они, и их планета погибли. Почему то, что происходит сегодня, по-прежнему важно для них?

— Да, по-видимому, очень важно. И нам нужно узнать причину.

— Как? — Росс взглянул на левую руку Эша в повязке; Эш осторожно старался сквозь повязку почесать палец. Может, следует поискать новой встречи с чужаками, но Росс должен был откровенно признаться себе, что он этого абсолютно не хочет. Он поднял голову, уверенный, что Эш понял его колебания и презирает его за них. Но на лице Эша ничего нельзя было прочесть.

— Как? Немного пограбив самим, — ответил Эш.

— Нам очень помогают ленты, которые мы прихватили

с собой. Обнаружено несколько покинутых кораблей. Мы были правы, подозревая, что красные нашли остатки корабля в Сибири, но его почти невозможно было исследовать. У них уже имелась основная идея путешествия во времени, и они начали поиски других кораблей, одновременно предпринимая попытки сбить таких, как мы, со следа. Они нашли неповреждённый корабль и ещё несколько. По крайней мере три из них — по эту сторону Атлантики, и им не очень просто до них добраться. Вот ими мы теперь и займёмся...

— А чужаки не поймут, что мы собираемся делать?

— Насколько нам известно, они сами не знают, где потерпели крушение их корабли. Либо никто не выжил, либо пассажиры и экипаж ещё на орбите покинули корабль в спасательных шлюпках. И они даже не подозревали о деятельности красных, пока ты не включил коммуникатор на корабле.

Росс превратился в малыша, который нуждается в прощении за свой проступок. «Я не хотел этого». Объяснение показалось ему таким наивным, что он рассмеялся. Эш ответил улыбкой.

— Учитывая, как эффективно ты вставил палку в колесо противника, тебя уже простили. К тому же ты нам показал, чего можно ожидать от чужаков, и мы готовимся к следующей встрече.

— Значит, будет следующая встреча?

— Мы отзываем всех агентов во времени и сосредотачиваем силы в нужном периоде. Да, будет и следующая встреча. Нам нужно узнать, что они так стараются от нас скрыть.

— А как вы думаете, что это?

— Космос! — Эш выговорил это слово негромко, как обещание.

— Космос?

— Корабль, в котором ты побывал, — часть галактического флота, он способен к космическим полётам.

Понимаешь? В этих потерянных кораблях спрятана тайна, которая откроет нам дорогу к звёздам. Мы должны овладеть ею.

— А можем?...

— Можем ли мы? — глаза Эша смеялись, хотя лицо оставалось серьёзным. — Значит, ты хочешь продолжать участвовать в игре?

Росс снова взглянул на его перевязанную руку, и перед его глазами промелькнула цепь воспоминаний: берег Британии туманным утром, возбуждение, охватившее его в корабле чужаков, схватка с Эннаром, даже долгий кошмар бегства по реке и, наконец, последнее испытание — борьба разумов на берегу. Он знал, что ни за что не откажется от того, что нашёл при участии в проекте, не откажется, пока сохранятся силы.

— Да, — простой ответ, но, поглядев в глаза Эша, Росс понял, что он прочнее любой клятвы.

ПОКОРЁННЫЙ КОРАБЛЬ

Жарко, сегодня будет очень жаркий день. Пожалуй, лучше сейчас же отыскать ручей в зарослях, пока солнце ещё не прокалило землю. Это единственный источник воды на всей здешней пропечённой каменной сковородке.

Тревис Фокс наклонился вперёд в седле, всматриваясь в розоватую полосу пустыни перед ним и далёкую линию зелёного можжевельника и полыни: там начало зарослей, в которых прячется ручей. Эта пустыня недоступна для тех, кто не привык к подобной суровости.

Само время застыло здесь среди этих монотонных одноцветных скал и пустынной земли; вероятно, это теперь единственное такое место на земле. Повсюду пустыни обводнены, усилиями людей в них пришла морская вода, очищенная от соли. Современные фермы превратили древние песчаные барханы в туманные воспоминания. Человечество перестало зависеть от капризов погоды и климата. Но здесь пустыня лежит нетронутой: владеющая ею нация настолько богата, что может позволить себе не возделывать всю территорию.

Когда-нибудь и эта пустынная земля изменится, и всё прошлое таких людей, как Тревис Фокс, исчезнет. Уже пятьсот лет, а может, и тысячу — никто не знает, когда на этой территории появились первые племена апачей, — в этих каньонах и песчаных просторах, в долинах и плоскогорьях живут суровые, привыкшие к диким просторам, закалённые люди; и живут практически на одних лишь ресурсах пустыни, чего не выдержал бы никакой другой народ без привозных припасов. Его предки почти четыреста лет назад воевали здесь. И теперь их потомки здесь же с такой же одержимостью пытаются выжить.

Ручей в зарослях... Смуглыми пальцами Тревис перебирал зарубки на седле, считая годы. Девятнадцать... двадцать... Двадцатый год после последней большой засухи, и если Чато прав, вода и здесь может иссякнуть. А ведь старик верно предсказал необычайно засушливое лето.

Если Тревис поскачет туда и обнаружит, что ручей пересох, он потеряет почти весь день, а время очень важно. Необходимо срочно перевести стадо к воде. С другой стороны, если он отправился в каньон Хохокам всего лишь из-за слуха и ошибся, Велан будет иметь полное право назвать его дураком. Велан упорно отказывается доверять знаниям стариков. И в этом Велан — родной брат Тревиса — сам дурак.

Тревис негромко рассмеялся. Белоглазые — он сознательно использовал старое воинское прозвище традиционного врага, даже произнёс его вслух: «Пинда-лик-о-йи», — белоглазые всего не знают. И только некоторые из них готовы с этим согласиться.

Потом он снова рассмеялся, на этот раз над собой и своими мыслями. Поскреби скотовода, и под его высушенной солнцем кожей найдёшь апача. Но в этом смехе звучала горькая нотка, и Тревис послал свою лошадь вперёд с большей силой, чем было необходимо. Ему не хотелось продолжать думать всё о том же. Он поедет в Хохокам и станет на сегодня индейцем; особенно испортить он ничего не сможет: все его мечты и так загублены.

Велан считает, что если он будет жить, как белоглазые, откажется от всего старого, то получит и преимущества белых. Велану кажется, что в прошлом нет ничего хорошего, и даже мысли о древних, об их делах и жизни — пустая трата времени. Тревис обнаружил, что его разочарование так же свежо, как и год назад.

Пегая лошадь осторожно пробиралась между бульжниками по руслу высохшего ручья. Странно, что в столь сухой местности в прошлом протекало много рек. Сохранились целые мили ирригационных каналов древних на иссушённой поверхности, которая ныне столетиями не знала дождей. Тревис заставил коня подняться по крутому склону и направился на запад, чувствуя, как солнце жжёт кожу сквозь тонкую выцветшую рубашку.

Он сомневался, слышал ли вообще Велан о каньоне

Хохокам. Это одно из тех мест, о которых знают только старики, такие, как Чато. Теперь апачи разделились на два типа: как Чато и как Велан. Чато просто отрицает существование белоглазых, он живёт своей собственной жизнью за глухими ставнями, которые опустил между собой и остальным миром, миром белых. Велан же отрицает существование апачей и изо всех сил стремится стать белым.

Тревису показалось как-то, что он нашёл третий путь, что можно совместить знания белых с преданиями и традициями апачей. Он считал, что нашёл тех, кто с ним согласен. Но всё это ушло, быстро, как тает капля воды на раскалённой поверхности скалы. Теперь он склонен согласиться с Чато, и, почувствовав это, Чато щедро делится с ним древними знаниями. Даже Велан не знает подобного о своих землях.

Отцу Чато — Тревис снова начал считать годы по зарубкам на седле — отцу Чато было бы сейчас сто двадцать лет, если бы он жил! И он родился в долине Хохокама, когда его семья скрывалась там от солдат в синих мундирах.

Чато помнил об этом каньоне и показал его Тревису, когда тот был ещё так мал, что едва мог сжать бока лошади короткими ногами. И все эти годы Тревис снова и снова возвращался сюда. Пещеры Хохокама интересовали его, а ручей здесь никогда не пересыхал. Здесь растут сосны со съедобными орехами, а фруктовые деревья всё ещё приносят плоды. Когда-то здесь был сад, теперь — тайный оазис.

Тревис пробирался сквозь паутину старых каньонов тропой, ведомой только старикам, когда услышал глухой гул. Инстинктивно он натянул поводья, зная, что его скрывает тень скалы, и посмотрел в небо.

— Вертолёт! — он произнёс это вслух в совершенном удивлении. Он настолько глубоко погрузился за последние часы в эту лишённую возраста пустынную местность, что вид современной машины вызвал у него шок.

Может, это Велан за ним приглядывает? Тревис сжал

рот. Но когда он на рассвете покидал ранчо, Билл Красная Лошадь, внук Чато, чинил двигатель. И вряд ли Велан станет тратить горючее на пустые полёты над пустыней. С угрозой новой войны усилились ограничения на продажу горючего, да и вообще вертолёт держали на крайний случай, а ездили исключительно верхом.

Угроза войны... Тревис думал о ней, глядя на улетающий вертолёт. Сколько он себя помнит, газеты, радио, телевидение пугают войной. Небольшие стычки, постоянное тление, переговоры и переговоры. И вот несколько месяцев назад в Европе произошло что-то странное — большой взрыв на севере. Красные ничего не объяснили и окутали всё покровом тайны, но ходили слухи, что взорвалась бомба нового типа. Возможно, это начало полного разрыва между Востоком и Западом.

И важные шишки, по-видимому, тоже так считают. Повсюду вводятся новые строгости, говорят о грядущих неприятностях. Ограничения на горючее, напряжение в воздухе...

Но здесь легко выбросить всё это из головы. Пустыня равнодушна к людской суете. Эти скалы стояли здесь до того, как краснокожие люди его расы начали просачиваться сюда с севера. И будут стоять, может, радиоактивные, когда белоглазые сожгут и белых, и краснокожих, и вновь здесь не будет людей.

Вид вертолёта пробудил воспоминания, которые Тревису не нравились. Машина исчезла в том направлении, куда он двигался, пока Тревис продолжал размышлять над её появлением.

Вертолёт не возвращался и поэтому Тревис больше не сомневался, что машина не местная. Если бы пилот искал стада, он сделал бы круг. Изыскатели? Но о правительственных экспедициях ничего слышно не было, а за последние пять лет изыскательские работы строго ограничивались.

Тревис отыскал замаскированный поворот в тайный

каньон. Лошадь осторожно выбирала путь, а всадник осматривал местность. Никаких следов людей. Тревис щёлкнул языком, и лошадь пошла быстрее. Они прошли ещё примерно две мили по извивающейся дороге, когда он резко остановил лошадь.

Предупреждением послужил запах, принесённый ветром. Это не пустынный ветер, пахнущий жарой и пылью, ветер донёс запах горелого можжевельника. Лошадь заржала и закусила удила — впереди вода. Но впереди и люди!

Тревис слез с седла, прихватив с собой ружьё. Если за последний год местность не изменилась, то впереди имеется хорошее укрытие у входа в каньон. Оттуда он сможет незаметно осмотреть лагерь. Потому что до него донеслись запахи именно лагеря: древесный дым, кофе, жареный бекон.

Подняться к наблюдательному пункту было легко. Внизу растут сосны, разогретые солнцем, они пахли сильнее чем обычно; щебетали мелкие птицы, занятые своими делами. Немного ниже лежит зелёная поляна у небольшого пруда, который питается бодрым ручьём и в котором отражается голубое небо. Между водой и большой пещерой, в которой жили древние, стоял вертолёт. У костра готовил еду человек. Второй шёл к пруду за водой.

Тревис видел, что это не скотоводы с какого-нибудь ранчо. Но на них прочная одежда, приспособленная для открытой местности, и работают они в лагере уверенно и привычно. Он начал рассматривать их снаряжение.

Вертолёт новейшей модели. В тени небольшой рощицы спальные мешки. Но никаких инструментов для копания, никаких признаков, что это изыскатели. Вернулся тот, что ходил к пруду, поставил ведро у костра, сел, скрестив ноги перед большим тюком, и принялся разворачивать его, освобождая от брезентового покрытия. Тревис видел, как он развернул коммуникатор новейшего образца.

Радист устанавливал антенны, когда Тревис услышал

ржание своей пегой. Древний инстинкт, о котором он и не подозревал, заставил его, всё ещё стоя на коленях, развернуться и поднять ружьё. И он сразу увидел другое оружие, безжалостно и смертоносно нацеленное ему в живот.

А над стволом холодные серые глаза смотрели на него с ледяным спокойствием, которое хуже всякой брани. Тревис считал себя достойным потомком длинного ряда суровых воинов. Но он знал, что ни ему, и его предкам не приходилось встречаться с таким человеком. Человек этот довольно молод, не старше его самого, и даже странно, что угрозе, столь явственно исходящей от него, не соответствует стройное гибкое тело и юное, почти мальчишеское лицо.

— Брось оружие! — юноша отдал приказ властно, не сомневаясь, что он будет выполнен. Тревис послушался, позволил ружью выпасть из рук и скользнуть по ноге на землю.

— Вставай! Быстрее! Спускайся... — поток приказов произносился негромко и ровно, и от этого угроза только усиливалась.

Тревис встал, повернулся к спуску и пошёл вперёд, подняв руки ладонями вверх на уровне плеч. Он не знал, на что наткнулся, но наверняка это что-то очень важное — и опасное. В этом он не сомневался.

Человек у костра и тот, что сидел у устройства связи, подняли головы и молча смотрели на него. Он спускался, тормозя на крутом склоне подошвами сапог. Не похожи на белых ранчеров, которых он знает в этом округе. Но повар...

Тревис смотрел на него, удивлённый: он видел этого человека, вернее, его портрет, совсем в других обстоятельствах.

— Где ты его нашёл, Росс? — спросил связист.

— Лежал наверху и наблюдал, — ответил захвативший Тревиса человек с уже привычным немногословием.

Повар встал, вытер руки о тряпку и подошёл к ним. Он

был самым старшим по возрасту среди незнакомцев, с сильно загоревшей кожей и с голубыми глазами, составлявшими поразительный контраст этой коже. В нём чувствовалась властность, не соответствовавшая занятию, и в глазах Тревиса он сразу превратился в предводителя этой группы. Апач решил, что приём, который он здесь получит, зависит от этого человека. Но почему он всё время вспоминает голову этого повара на фоне чёрного квадрата?

Незнакомец не торопился расспрашивать, Тревис тоже молчал, отвечая ему взглядом на взгляд. Это опасный человек, в нём сквозила та же сдержанная сила, что и в молодом, который захватил индейца на высоте.

— Апач, — не вопрос, а утверждение. Оно позволило Тревису точнее оценить незнакомца. Мало кто из современников способен отличить апача от хопи, определить навахо или юта одним взглядом.

— Ранчер? — теперь прозвучал вопрос, и Тревис ответил на него правдиво. Он чувствовал растущее убеждение, что скрывать что-нибудь от этого белоглазого бесполезно, только хуже сделаешь.

— Пастух с «Дабл-Эй».

Связист развернул карту. Провёл пальцем по ней и кивнул — не Тревису, а спрашивавшему.

— Ближайшее ранчо на восток. Но он не может искать заблудившихся животных в этом районе.

— Вода, — старший кивнул на пруд. — О ней знали старики.

Это был косвенный вопрос. И Тревис почему-то ответил и на него.

— Старики знали. И не только об этом, — подбородком он указал на развалины у пещеры. — Здесь жили древние. Эта вода никогда не пересыхает.

— А год нынче плохой, — незнакомец потёр рукой подбородок, по-прежнему разглядывая Тревиса голубыми глазами. — Осложнение, которое мы не предвидели. Значит, на «Дабл-Эй» в такие засушливые года держат здесь стадо, сынок?

И снова Тревис ответил правду: «Ещё нет. Сейчас об этом месте мало кто знает. Никто не хочет слушать рассказы стариков». Его по-прежнему мучило воспоминание о лице этого человека. Чёрный квадрат — рамка! Рамка портрета! А портрет висел в университете над столом доктора Моргана.

— Но ты-то слушаешь... — снова взвешивающий взгляд, который словно раздвигал апача. Эти глаза будто стремились проникнуть ему в голову. Кабинет доктора Моргана, портрет этого человека, а за ним на фотографии ступенчатая пирамида.

— Да, — отвечая, Тревис старался вспомнить больше.

— Проблема в том, гуляка, — лениво заговорил человек у коммуникатора, — что нам теперь с тобой делать? Как, Эш? Может, уложить его отдыхать? Прямо здесь? — и он указал на руины.

Эш! Доктор Гордон Эш! Наконец он знает имя незнакомца. И одновременно понимает, по какой причине он может здесь находиться. Эш — археолог. Но Тревису не нужно было снова смотреть на коммуникатор, чтобы понять, что это совсем не археологическая экспедиция. Что доктор Эш со своими спутниками делает в каньоне Мёртвых?

— Можешь опустить руки, сынок, — сказал доктор Эш. — И ты облегчишь своё положение, если согласишься немного времени провести с нами.

— Сколько? — спросил Тревис.

— Зависит от разных обстоятельств, — ответил Эш.

— Я оставил там свою лошадь. Её нужно напоить.

— Приведи лошадь, Росс.

Тревис повернул голову. Молодой человек спрятал своё странно выглядевшее оружие и поднялся по склону. Вскоре он вернулся с пегой. Тревис снял с лошади седло и отпустил её. Потом вернулся к лагерю, где его поджидал Эш.

— Значит, немногие знают об этом месте?

Тревис пожал плечами. «Ещё один человек на «Дабл-Эй», он очень стар. Его отец здесь родился. Давно, когда апачи воевали с армией. Больше никто этим не интересуется».

— Значит, раскопок в этих руинах не проводилось?

— Немного — однажды.

— Кто копал?

Тревис откинул свою шляпу. «Я!» Ответ его прозвучал коротко и враждебно.

— Да? — Эш достал пачку сигарет, протянул Тревису. Тот, не раздумывая, взял одну.

— Вы приехали на раскопки? — в свою очередь спросил апач.

— Некоторым образом, — но когда Эш оглянулся на руины, Тревис подумал, что его интересует нечто более важное, чем эти пропечённые солнцем камни.

— Я думал, вы занимаетесь цивилизациями до времён майя, доктор Эш, — Тревис присел на корточки, достал из костра горящую ветку и прикурил; внутренне он обрадовался удивлённому тону археолога.

— Ты меня знаешь! — в словах зазвучал вызов.

Тревис покачал головой: «Я знаю доктора Прентиса Моргана».

— Вот оно что! Ты один из его умных мальчиков!

— Нет, — в коротком ответе слышны были горечь и предупреждение. Собеседник оказался достаточно чувствителен, чтобы не задавать других вопросов.

— Мясо готово, Эш? — спросил связист. Подошёл к костру и молодой человек, которого Эш называл Росс, и протянул руку к сковороде. Тревис смотрел на его руку. Множество глубоких шрамов. Индейцу приходилось видеть такие шрамы. Это сильные болезненные ожоги. Он торопливо отвёл взгляд. Росс принялся раскладывать еду на тарелки, а Тревис достал из седельного мешка собственное продовольствие.

Ели молча, но молчание казалось дружеским. Напряжение первых минут встречи спало. Тревиса интересовали

эти люди, он хотел больше узнать о них, понять, что они здесь делают. Его раздражала лёгкость, с какой его захватили. Этот молодой Росс — хороший следопыт. У него должен быть опыт в подобных играх. Апач хотел поближе взглянуть на его оружие. Он был убеждён, что это не обычный револьвер. И тот факт, что Росс готов был им воспользоваться, свидетельствовал, что он ожидал нападения.

Между Эшем и Россом с одной стороны, и связистом — с другой, имелась существенная разница. Чем больше Тревис украдкой поглядывал на них, тем больше убеждался в этом. Эш и Росс — люди одной породы. Оба сильно загорели, у обоих неслышная походка, они постоянно насторожены. Чем больше Тревис смотрел, как они едят, а потом убирают за собой, тем больше убеждался, что они пришли не для раскопок развалин, что они заняты каким-то серьёзным и, может быть, опасным делом.

Он не задавал вопросов, дожидаясь от них первого хода. Мир в маленьком лагере нарушил коммуникатор. Послышался предупреждающий треск, и связист подбежал к прибору. Надел наушники и прослушал сообщение.

— Надо поторопиться. Сегодня ночью начнут завозить оборудование!

2

— Ну что? — взгляд Росса скользнул по Тревису и остановился на Эше.

— Кто-нибудь знает, что ты поехал сюда? — спросил старший у наездника с ранчо.

— Я поехал проверять источники воды. Если не вернусь на ранчо, меня будут искать, да, — Тревис не считал необходимым сообщать подробности. Во-первых, Велан не встревожится, даже если он не вернётся и через двадцать четыре часа, во-вторых, предполагается, что он поехал на юг.

— Ты говоришь, что знаешь Прентиса Моргана. Насколько хорошо?

— Я учился у него в университете — какое-то время.

— Как тебя зовут?

— Фокс. Тревис Фокс.

Вмешался связист, снова сверившийся с картой: «Дабл-Эй» принадлежит Фоксу...»

— Мой брат. Я у него работаю, только и всего.

— Грант, — повернулся Эш к связисту, — поставьте отметку «срочно» и отправьте Кэлгаррису. Пусть проверит Фокса — во всех отношениях.

— Мы можем отправить его, когда прибудет первый груз, шеф. Его продержат в штабе столько, сколько нам нужно, — заметил Росс, как будто Тревис перестал быть человеком и превратился всего лишь в раздражающую помеху.

Эш покачал головой. «Послушай, Фокс, мы не хотим тебе зла. Тебе просто не повезло, что ты нас сегодня выследил. Откровенно говоря, мы не должны привлекать внимание к своей деятельности. Но если ты дашь мне слово, что не будешь уходить дальше этого холма, мы пока на этом кончим...»

Тревису меньше всего хотелось уходить. Любопытство его было возбуждено, и он не собирался уходить, пока его не уташат. А это, решил он, сделать им будет нелегко.

— Договорились.

Но Эша уже интересовало другое. «Ты говоришь, что немного раскапывал здесь. И что нашёл?»

— Обычные находки: керамика, несколько наконечников стрел. Это посёлок доколумбовых времён. В горах множество подобных развалин.

— А вы чего ожидали, шеф? — спросил Росс.

— Ну, всегда имеется небольшой шанс, — неопределённо ответил Эш. — Этот климат способствует сохранности. Мы нашли вёдра, ткани, другие непрочные вещи...

— Ну, кости и вёдра — это совсем не то, что нам нужно,

— Росс прижал обожжённую руку к груди и задумчиво потёр шрамы, словно рана всё ещё болела. — Лучше начнём готовить огни, если парни собираются появиться сегодня.

Пегая паслась в центре луга, а Росс и Эш расставили на равных интервалах два ряда небольших пластиковых канистр. Тревис догадался, что они готовят посадочную полосу. Но она вдвое больше, чем нужна для такого вертолётa. Потом Эш прислонился спиной к дереву, просматривая заметки в своей пухлой записной книжке, а Росс принёс войлочный свёрток и развернул его.

Внутри оказались пять каменных наконечников, прекрасной работы, слишком длинных для стрел. Тревис узнал их форму, рисунок этих заострённых краёв! Работа искусней, чем у его предков, и в то же время гораздо древнее. Он держал такие в руках, восхищался искусством и терпением, с каким забытый мастер скалывал их края. Наконечники Фолсома! Они предназначались для копий, с которыми человек охотился на мамонтов, гигантских бизонов, пещерных медведей и аляскинских львов.

— Фолсомский человек... Здесь? — он заметил, как Росс взглянул на него, Эш оторвался от записной книжки.

Росс протянул один наконечник Тревису. Тот осторожно взял его. Головка превосходной работы. Он повертел её в пальцах и остановился, сам не зная почему.

— Подделка.

Уверен ли он? Ему приходилось держать наконечники Фолсома, бесспорно, древние, но так же превосходно сохранившиеся. Но тут — нет ощущения подлинности. Другого объяснения у него не было.

— Почему ты так считаешь? — спросил Эш.

— Вот этот получил сертификат Стэффердса, — Росс протянул ему второй наконечник. Но Тревис, несмотря на мнение крупнейшего авторитета по доисторической Америке, не усомнился в своей оценке.

— Нет ощущения правильности.

Эш кивнул Россу, и тот дал Тревису третий наконечник. Внешне он ничем не отличался от предыдущих. Но, проведя пальцем по острому краю, Тревис понял, что этот — не подделка. Подлинник. Он так и сказал.

— Ну, ну... — Росс изучал свой запас наконечников. — Появляется что-то новое, — сообщил он в пустое пространство перед собой.

— Такое случалось и раньше, — сказал Эш. — Дай ему своё оружие.

На мгновение показалось, что Росс откажется. Он нахмурился, доставая оружие. Апач, осторожно положив наконечники, взял оружие и принялся внимательно рассматривать его. Хотя внешне оно напоминало револьвер, имелось множество отличий. Оружие Тревису совершенно незнакомо. Он прицелился в древесный ствол и почувствовал, что рукоять неудобная, как будто предназначалась для руки с другим устройством.

И чем дольше он держал оружие, чем яснее чувствовал что-то странное. И это ощущение ему не нравилось...

Тревис положил оружие рядом с наконечником, глядя на них широко раскрытыми удивлёнными глазами. У него сложилось ощущение древности, большого промежутка времени, отделяющего его от этих двух столь разных орудий. Относительно наконечника Фолсома это правильно. Но почему появилось то же ощущение относительно револьвера? Он привык полагаться на свои ощущения, неудача его смутила.

— Каков возраст пистолета? — спросил Эш.

— Не может быть... — здравый смысл Тревиса протестовал. — Не могу поверить, что он такой древний... древнее этого наконечника.

— Братец! — Росс разглядывал его со странным выражением. — Да тебе выступать нужно! — он вернул пистолет в кобуру. — Итак, у нас появился отгадчик возраста, шеф.

— Такие способности известны, — с отсутствующим видом заметил Эш. — Я встречался с ними и раньше.

— Но пистолет не может быть таким древним! — возразил Тревис. Левая бровь Росса сардонически приподнялась.

— Это ты так считаешь, братец, — сказал он. — Новобранец? — новая реплика адресовалась Эшу. Тот хмурился, но на вопрос Росса ответил улыбкой, такой тёплой, что Тревис почувствовал себя неудобно. Улыбка свидетельствовала, что эти двое составляют хорошо сработавшуюся команду, а все остальные из неё исключаются.

— Не торопись, мальчик, — Эш встал и направился к коммуникатору. — Есть ли новости с фронта?

— Сплошной треск, — фыркнул связист. — Как только отсортирую одну интерферирующую волну, вмешивается другая. Может, когда-нибудь сделают эти уоки-токи надёжными, чтобы не болели барабанные перепонки. Нет, для нас пока ничего.

Тревис хотел задать вопросы, множество вопросов. Но был уверен, что на большинство получит уклончивые ответы. Он попытался как-то разместить этот странный пистолет среди множества догадок, предположений и намёков, и не смог. Но тут же забыл об этом, когда Эш сел и заговорил об археологии. Вначале Тревис только слушал, потом обнаружил, что всё больше и больше втягивается в разговор, отвечает, высказывает мнение, один или два раза даже возразил. Предания апачей, руины в горах, люди Фолсома — разговор затрагивал многие темы. И только когда Тревис начал говорить свободно, со страстью человека, который долго молчал, он вдруг понял, что Эш проверяет его осведомлённость в этой области.

— Тяжело они жили, — заметил Росс, когда Тревис закончил рассказ о жизни апачей в этом лагере в прошлом.

— Для тебя это хорошо, — сказал со смехом Грант, но тут же надел наушники. Коммуникатор ожил. Грант одной рукой положил на колени блокнот и принялся быстро записывать.

Тревис разглядывал тени утёсов. Скоро закат, и его всё

больше охватывало нетерпение. Всё равно, что в театре ждёшь поднятия занавеса — или ждёшь из-за поворота неприятеля, лежа с ружьём в руках.

Эш взял у Гранта исписанную страничку, сверился с записями в собственной книжке. Росс, внешне совершенно спокойный и даже сонный, жевал длинную травинку. Но Тревис подозревал, что стоит ему сделать неверный шаг, и Росс тут же проснётся.

— Знаешь, когда-то тут жило много людей, — лениво заметил Росс. — Вот эти развалины похожи на настоящий большой жилой дом. В нём могло жить человек двести. Как они жили? Ведь это маленькая долина.

— К северо-западу лежит другая долина. Там ещё сохранились ирригационные каналы, — ответил Тревис. — И они охотились. Индейки, олени, антилопы, даже буйвол, если повезёт.

— Если бы человек смог заглянуть в прошлое, он многое мог бы узнать...

— Ты имеешь в виду инфракрасный видеотех? — небрежно спросил Тревис и с удовлетворением заметил, что невозмутимость покинула его собеседника. Он рассмеялся, правда, не особенно весело. — Мы, индейцы, больше не ходим в одеялах и не носим перья в причёске. Некоторые из нас умеют читать, смотрят телевидение и даже ходят в школы. Но я слышал, что видеотех работает не очень надёжно, — апач решил высказать догадку. — Хотите испытать новый образец?

— В каком-то смысле — да.

Тревис не ожидал серьёзного ответа. Ответил ему Эш, к явному удивлению Росса. Его ответ открывал поразительные возможности.

Фотографирование прошлого в инфракрасных лучах, начиная с промежутка в несколько часов, — такие опыты начались ещё лет двадцать назад, в конце пятидесятых. Процесс постепенно усовершенствовали, и на плёнке появлялись предметы, убранные с этого места несколько

недель назад. Однажды Тревис присутствовал при демонстрации экспериментального видеотеха в кабинете доктора Моргана. Если у этих людей имеется новая модель, которая действительно может заглянуть в прошлое!.. Он перевёл дыхание и взглянул на развалины у входа в пещеру. Неужели можно будет увидеть жизнь прошлого? Он улыбнулся.

— Пришлось бы спешно переписывать историю, если бы получилось.

— Историю, какой мы её знаем, — Эш достал сигареты и протянул пачку Тревису. — Сынок, хочешь или нет, ты теперь часть этого. Мы не можем отпустить тебя, положение слишком напряжённое. Итак — тебе предоставляется возможность участвовать.

— В чём? — осторожно спросил Тревис.

— В проекте «Фолсом Один», — Эш закурил. — Штаб тебя проверил. Я склонен считать, что тебя послало само провидение. Всё совпадает.

— Слишком хорошо совпадает, — Росс хмурился.

— Нет, — ответил Эш. — Он говорит правду. Наши люди побывали на «Дабл-Эй» и у Моргана. Он не может быть подставкой.

Что за подставка, удивился Тревис. Очевидно, его проверяли, но почему? Для чего? Он решительно спросил об этом и подумал, что ослышался, когда Эш ответил:

— Мы увидим мир охотников Фолсома.

— Это трудная задача, доктор Эш. Нужно иметь очень хороший видеотех, чтобы заглянуть на десять тысяч лет в прошлое.

— Вероятно, даже ещё дальше, — поправил его Эш. — Мы пока точно не знаем.

— А почему такая секретность? Картина бродячего первобытного племени очень заинтересовала бы телевидение и газетчиков...

— Нас интересует кое-что другое. Не первобытные племена.

— А то, откуда этот пистолет, — согласился Росс. Он снова потирал шрамы на руке, и в глазах его стояло то же мрачное выражение, которое Тревис видел на склоне каньона. Выражение бойца, идущего в сражение.

— Пока тебе придётся поверить на слово, — сказал Эш. — Дело необычное и по необходимости совершенно секретное, если воспользоваться современным штампом.

Они поужинали, и Тревис перевёл свою пегую в узкий конец каньона, подальше от импровизированного лётного поля. Стемнело, прежде чем сел первый грузовой вертолёт. И скоро Тревис оказался стоящим в линии людей, передававших друг другу мешки и ящики от машины к маленькой роще. Работали торопливо, ясно было, что времени у них немного, и Тревис обнаружил, что заразился общей торопливостью. Первую машину разгрузили, она взлетела, и тут же села вторая. Снова образовалась цепь, теперь пошли более тяжёлые ящики. Эти приходилось носить вдвоём.

Когда улетал четвёртый вертолёт, спина у Тревиса мучительно ныла, а на руках вздулись волдыри. К их группе присоединилось ещё четверо человек, по одному с каждого рейса, но никто не разговаривал. Все занимались разгрузкой и складированием материалов. После отлёта четвёртого вертолёта наступила передышка. К Тревису подошёл Эш в сопровождении одного вновь прибывшего человека.

— Вот он, — Эш положил руку на плечо Тревису, поворачивая его лицом к спутнику.

Этот человек выше Эша, и невозможно было не увидеть его властности, привычки распоряжаться. Он посмотрел прямо в глаза индейцу. Но после недолгого разглядывания улыбнулся.

— Вы для нас создали серьёзную проблему, Фокс.

— Или восполнили недостающую деталь, — поправил Эш. — Фокс, это майор Кэлгаррис, в настоящее время наш командир.

— Поговорим позже, — подытожил Кэлгаррис. — Сегодня мы все заняты.

— Очистить поле! — крикнул кто-то от линии огней. — Садится!

Они отошли от места посадки пятого вертолѐта, и работа вновь закипела. Как заметил Тревис, майор встал в линию наравне со всеми остальными. Начали перетаскивать ящики, и стало не до разговоров.

Семь или восемь рейсов? Тревис старался подсчитать, сгибая негнувшиеся пальцы. Ещё стояла ночь, но посадочные огни погасили. Все работавшие сидели теперь у костра, пили кофе и пожирали сэндвичи, доставленные с последним вертолѐтом. Почти никто не разговаривал, и Тревис понимал, что все устали, как, впрочем, и он.

— Пора спать, братец. С каким же удовольствием я улягусь! — объявил Росс, зевая. — Тебе что-нибудь нужно? Одеjala или ещё что?

Отупев от усталости, Тревис покачал головой: «У меня с собой спальный мешок». И не успев вытянуться в мешке, тут же уснул.

При свете утра лагерь показался внешне беспорядочным. Но люди уже работали, разбирая грузы. Похоже, они не раз занимались этим делом. Тревис, помогая перетаскивать большой ящик, поднял голову и увидел майора.

— На минутку, Фокс, — майор отвёл его в сторону.

— Вы попали в переделку и доставили нам затруднения. Откровенно говоря, мы не можем отпустить вас — не только ради нас, но и ради вас самих. Проект совершенно секретный, и есть достаточно серьёзные ребята, которые вас везде отыщут и вытянут всё, что вы знаете. Так что, либо мы берём вас с собой — либо прячем. Вам решать. Доктор Морган за вас поручился.

Тревис напрягся. Что они узнали? В животе у него застыл тугой комок. Если они расспрашивали Прентиса Моргана, то должны знать, что произошло в прошлом году — и почему. Очевидно, они знают, потому что Кэлгаррис продолжал:

— Фокс, мы не можем позволить себе какого-либо

предубеждения. Это в прошлом. Я знаю о предложении Хьюитта университету и как он настоял, чтобы вас отчислили из состава экспедиции. Но предубеждения бывают двусторонними — вы не очень сопротивлялись.

Тревис пожал плечами. «Может, вы слышали термин «гражданин второго сорта», майор? Кем, вы думаете, считают индейцев многие граждане этой страны? Для толпы мы были и навсегда останемся грязными невежественными дикарями. Невозможно сражаться, когда всё оружие у противника. Хьюитт предложил университету грант для очень важного исследования. И когда он потребовал, чтобы меня уволили, что им оставалось делать? Если бы доктор Морган отстаивал меня, Хьюитт отобрал бы чек так быстро, что от трения бумага бы вспыхнула. Я знаю Хьюитта и знаю, как он рассуждает. А работа доктора Моргана очень важна...» — Тревис замолчал. Чего ради он всё это говорит майору? Не дело Кэлгарриса, почему он ушёл из университета и вернулся на ранчо.

— К счастью, таких, как Хьюитт, осталось немного. И уверяю вас, мы его методами не пользуемся. Если вы согласитесь присоединиться к нам после короткого инструктажа Эша, вы — член нашей команды. Боже, парень... — майор яростно хлопнул рукой по грязным брюкам, — да мне всё равно, даже если бы со мной работал синий марсианин в двумя головами и четырьмя ртами! Лишь бы держал эти рты на запоре и справлялся с работой. Здесь в счёт идёт только работа, а по словам Моргана, вы нам окажетесь полезны. Принимайте решение и дайте мне знать. Если не хотите участвовать в игре, ночью мы вас отправим. Вашему брату скажем, что вы задействованы на правительственной службе, и какое-то время будем вас держать. Простите, но у нас нет другого выхода.

Тревис улыбнулся. Он считал, что сумел бы уйти, если бы захотел. Но решил ещё порасспросить майора.

— Эта экспедиция к людям Фолсома... — начал он, но майор уже отвернулся и, по-видимому, даже не

слышал. Тревис пошёл за ним и вскоре наткнулся на Эша.

Тот собирал какой-то тренажник. Работал так, словно имел дело с очень хрупким материалом. Когда тень Тревиса упала на тренажник, Эш поднял голову.

— Ну, решил присоединиться к нам, чтобы заглянуть в прошлое?

— Неужели вы серьёзно намерены это сделать?

— Мы не просто заглянем, — Эш осторожно регулировал прибор. — Мы там уже были.

Тревис недоверчиво смотрел на него. Он мог принять факт существования нового усовершенствованного видеотеха, с помощью которого можно заглянуть в историю и предысторию. Но путешествия во времени — это нечто совершенно иное.

— Это правда, — Эш закончил наладку. И его внимание переключилось с тренажника на Тревиса. Что-то в нём заставляло поверить в его слова.

— И вот, мы снова возвращаемся в прошлое.

— За людьми Фолсома? — недоверчиво спросил апач.

— За космическим кораблём.

3

Это не сон, пусть даже очень реалистичный. Перед ним Эш, он продолжает работать, его пальцы заняты, смуглое лицо выделяется на фоне красно-жёлтой скалы и развалин. Это здесь, теперь — и в то же время Эш серьёзно, в подробностях, говорит о том, что можно считать только лишь дичайшей фантазией.

— ...так мы обнаружили, что красные открыли способ путешествия во времени и рыщут в прошлом. То, чем они внезапно стали обладать, нельзя было объяснить ни логикой, ни нашими знаниями истории и предыстории. Но мы тогда не знали, что они нашли останки космического корабля, в очень плохом состоянии. Он сохранился во льдах вечной мерзлоты Сибири рядом с замороженной

тушей мамонта и некоторыми другими ископаемыми, позволявшими определить эпоху исследования. Они, как могли, запутали след, создавая промежуточные станции в других эпохах. А потом мы натолкнулись на одну из таких промежуточных станций. И красные сами, захватив наших агентов, показали им корабль, который грабили уже несколько лет до этого.

Логичный рассказ — но какой-то безумной логикой. Тревис механически подавал Эшу инструменты.

— Но как попал туда корабль? — спросил он. — Неужели на Земле существовала ранняя цивилизация, способная к космическим перелётам?

— И мы так думали — пока не обнаружили сам корабль. Нет, он извне. Грузовой корабль с какого-то галактического рейса. Либо наша планета представляла собой угрозу для астронавтики, как какой-нибудь риф в космосе, либо корабль совершил вынужденную посадку по другой причине. Мы добыли на станции красных запись, в ней указан десяток таких брошенных кораблей. И некоторые из них по эту сторону Атлантики.

— Вы хотите выкопать один из них здесь?

Эш рассмеялся. «И что же мы найдём, по-твоему, после пятнадцати тысяч лет землетрясений и местной вулканической активности? Нам нужен корабль в хорошем состоянии».

— Чтобы изучать его?

— С достаточной осторожностью. Если спросишь Росса Мэрдока, он объяснит тебе причину осторожности. Он тот самый агент, который побывал на борту корабля, разграбленного красными. Когда его загнали в рубку управления, он случайно привёл в действие систему связи и вызвал настоящих хозяев. Тем не понравились действия красных, и они уничтожили их базу на своём временном уровне, а потом прошли и через остальные станции, методично уничтожая каждую. Помнишь взрыв, о котором умолчали красные? В районе Балтики в начале этого года? Это их «космический патруль», или как он ещё себя

называет, положивший конец проекту красных. Пока, насколько мы знаем, они о нас не подозревают и не знают, что нас интересует то же самое. Так что, если мы отыщем здесь их корабль, то будем ходить по его коридорам очень тихо.

— Вам нужен груз?

— Отчасти. Но главным образом нам нужны знания, которыми обладали его конструкторы. Ключ к космосу.

Тревис почувствовал восторг и возбуждение. Человечество уже два поколения стремится в космос. Пока было мало успехов и множество неудач. А теперь — что такое успешный полёт к безжизненной Луне по сравнению со звёздами и тем, что за ними?

Эш, понимая его переживания, улыбнулся. «Ты тоже это чувствуешь, верно?»

Апач кивнул, глядя на каньон, стараясь поверить, что где-то здесь, затерявшись во времени, их ждёт космический корабль. Но он даже представить себе не мог, как выглядела эта местность в плювиальный период. Когда большую часть года шёл дождь, и здесь, у самого края могучих ледников, уходящих далеко на север, царило огромное бесконечное болото.

— Но при чём тут наконецники Фолсома? — он выбрал для начала один из поразивших его фактов.

— Мы посылали в прошлое агентов, замаскированных под предков кельтов, под татар или их отдалённых предшественников, под торговцев бронзового века — всего не менее полусотни характерных обликов. А теперь есть вероятность встретить копейщиков фолсомского периода. Одно из самых главных и важнейших правил этой игры, Фокс, в том, что нельзя вмешиваться в прошлое, привнося туда модернизм. Никто не должен подозревать истинную временную принадлежность наших агентов. Мы не знаем, что произойдёт, если кто-то вмешается в ход истории, и надеемся, что нам не придётся узнать это на собственном горьком опыте.

— Охотники, — медленно проговорил Тревис, едва ли слыша сам себя. — Мамонт, мастодонт, верблюды, волки плейстоцена, саблезубые тигры...

— А почему они тебя интересуют?

— Почему? — повторил Треверс и помолчал, обдумывая причину. Почему в ответ на рассказ Эша об агентах, замаскированных под доисторических охотников, он вдруг увидел эту страну, населённую животными, на которых никогда не охотилось его племя? Или охотилось? Может быть, фолсомские охотники — его отдалённые предки, как пракельты и народ кубков, упомянутые Эшем, — предки самого Эша? Он только знал, что испытал внезапный прилив возбуждения, и оно не покидает его. В нём загорелось желание увидеть своими глазами то, что его современникам известно только по противоречивым свидетельствам камней, кремневых наконечников, разбитых костей, да древних углей давно погасших костров.

— Мои предки ещё были охотниками, когда ваши уже избрали иной образ жизни, — сказал он, выбрав лучший ответ.

— Верно, — в голосе Эша прозвучало удовлетворение. — А теперь дай мне тот стержень, — он продолжил работу, а Тревис несколько озадаченно помогал ему. Апач знал, что сделал выбор, о котором говорил Кэлгаррис, что он собирается принять участие в этом невероятном приключении.

Последующие два дня показали, что они действительно работают под давлением и времени у них нет. Никто не потрудился объяснить ему, чем вызвана эта спешка: то ли угрозой извне над страной, то ли боязнью изменения внутренней политики. Но Тревис вполне был согласен не расспрашивать об этом. Гораздо интереснее работать с Россом Мэрдоком. Они подбирали подходящие древки для псевдофолсомовских наконечников и упражнялись в метании копий. В конце концов им удалось создать мощное оружие. Семифутовое копье с помощью специального

двухфутового древка удавалось метнуть на сто пятьдесят ярдов, и Тревис понял, что в ближнем бою это страшное оружие. Неудивительно, что с таким оружием группа охотников решалась нападать на мамонтов и других крупных зверей того периода.

В дополнение к копьям они вооружаются кремневыми ножами, двойниками тех, что во множестве находят на древних стоянках по всей западной части Америки. Тревис не знал, почему он так уверен, что ему придётся действительно играть роль доисторического охотника и пускать в ход эти копья и ножи. И тем не менее он был уверен в этом. Он узнал от Росса, что остальная часть снаряжения агентов не появится на базе, пока эксперты не проверят её.

На третий день Кэлгаррис и Эш улетели на предельно нагруженном вертолёте. Они отсутствовали почти неделю, и когда вернулись, отправили куда-то ленты записей для изучения. Эш в тот вечер присоединился к Тревису и Россу. Он с усталым, но довольным видом лёг у костра.

— Попали в точку? — спросил Росс.

Шеф кивнул. Под глазами у него темнели пятна, лицо осунулось. «Корабль на месте. И мы обнаружили охотников на краю этой территории. Но думаю, мы сможем действовать по первому плану. Племя небольшое, а других, по-видимому, нет. Наша догадка, что этот район был слабо населён, подтвердилась. Нам совсем не нужно связываться с племенем, будем просто бродячими охотниками».

— А машина для перехода?

Эш взглянул на часы. «Харви и Логвуд собирают новую. Я дал им сорок восемь часов. Сегодня вечером доставят дополнительные источники энергии. И тогда пойдут разведчики. Для более тщательной подготовки нет времени. Основная рабочая команда пройдёт, когда разведчики дадут добро. Сейчас в штабе анализируют наши filmy. Остальное оборудование доставят как можно скорее».

Тревис пошевелился. Кто будет участвовать в первой разведке далёкого прошлого? Он хотел спросить, надеясь,

что и он окажется в числе первых. Но то, что произошло год назад, что спутало все его планы на будущее, заставило и теперь промолчать. Этот важный вопрос задал Росс.

— Кто пойдёт первым, шеф?

— Ты.. я... мы уже здесь, на месте. Наш новый друг, если захочет...

— Вы серьёзно? — медленно спросил Тревис.

Эш протянул руку к чашке кофе. «Фокс, если не собираешься проверять своё вооружение на первом под-вернувшемся мамонте, можешь идти. Потому что ты местный. Может, приспособишься лучше нас. Подготовка к путешествиям во времени занимает долгие недели. Можешь спросить у Росса: он тебе расскажет, что это такое. Но сейчас у нас этих недель нет. Есть только дни, и с каждым восходом их становится всё меньше. Поэтому мы с Россом ставим на тебя. Но запомни: я твой начальник, все приказы от меня. И главное правило: прежде всего работа! Мы будем держаться подальше от туземцев и постараемся ни во что не вмешиваться. Единственная причина нашего выхода — надо убедиться, что нашим техникам никто не помешает работать в корабле. И это может оказаться очень даже не лёгкой задачей».

— Почему? — спросил Росс.

— Потому что этому кораблю не так повезло с благополучной посадкой, как тому, который грабили красные. Согласно фильмам, которые мы сняли, он потерпел настоящее крушение. Может, придётся вообще его оставить и переправиться к номеру два в нашем списке. Но если мы сделаем хоть одну стоящую находку на борту этого корабля, мы опровергнем все возражения комитета и получим разрешение на дальнейшую работу.

— Может, пригласим с собой кого-нибудь из комитета? — заметил Росс.

Эш улыбнулся. «Хочешь потерять работу, парень? Дай им осмотреться в местах, где мы уже побывали, и они быстро уберутся».

И вот три дня спустя в углу каньона солнце ярко

освещало троих работающих. За ними через верхнюю часть бифокальных очков внимательно наблюдал маленький аккуратный человек и время от времени сухим тоном делал критические замечания. Раздевшись, они принялись втирать в кожу крем, который выдал им инструктор. И под действием этого крема их загорелая кожа приобрела жёсткость и серо-коричневый оттенок, как у людей, которые в любую погоду почти не знают одежды.

Росса и Эша снабдили контактными линзами, и теперь глаза у них были такие же тёмные, как и у Тревиса. Коротко подстриженные волосы скрылись под париком: теперь пряди жёстких чёрных волос падали им на плечи и спускались лошадиным хвостом между лопатками.

Потом каждый по очереди ложился на спину, а специалист по косметике, сверяясь со снимками, наносил на грудь, руки, подбородки и щеки сложную татуировку. Тревис, подвергаясь обработке, рассматривал Эша — уже готовый продукт. Если бы он сам не видел все ступени этого перехода, то ни за что не заподозрил бы в стоявшем рядом дикаре доктора Гордона Эша.

— Хорошо, что нам всё же разрешили сандалии, — заметил этот дикарь, затягивая ремни своей грубо обработанной шкуры — нечто-то среднее между набедренной повязкой и шотландской юбочкой-килтом.

Росс только что сунул ноги в такую же примитивную обувь. «Надеюсь, они останутся на ногах, если придётся бежать, шеф», — высказался он, с сомнением разглядывая сандалии.

Наконец они встали в ряд для окончательного осмотра гримёром и Кэлгаррисом. Майор принёс несколько меховых шкур и бросил их своим переодетым людям.

— Держите. Там холодно. Ну, ладно, вертолёт ждёт.

Тревис накинул на плечо ремень кожаной сумки и подобрал три копья с псевдофолсомовскими наконечниками. Все трое были вооружены одинаково, у всех имелись кожаные мешки-сумки.

Вертолёт поднялся, полетел в сторону от каньона Хохокам над пустыней и высадил их у тщательно замаскированной установки. Кэлгаррис отдавал Эшу последние указания.

— Пробудете там день, в крайнем случае, два. Сделайте круг примерно в пять миль, если сможете. Остальное решайте на месте.

Эш кивнул. «Сделаем. Дадим знак, как только всё будет чисто». Замаскированное сооружение представляло собой грудку материалов и какую-то клетку без крыши. Трое агентов набились в неё, клетка закрылась, и их тела охватило сияние. Тревис почувствовал какое-то напряжение в костях и мышцах, потом на мгновение его охватила паника, показалось, что его выворачивает наизнанку. Но он удержался на ногах, опираясь на копьё. Секунда-две полной тьмы. И вот он снова может дышать. Тревис встряхнулся, словно вышел из глубокой реки. Окружённые точками татуировки губы Росса изогнулись, он поднял вверх большой палец руки в шрамах.

— Прибыли...

Насколько мог судить Тревис, они по-прежнему корчились в клетке. Но когда Эш открыл дверь, они увидели не горы ящиков, а грудку камней. Выйдя на эти камни вслед за товарищами, апач оказался совсем в другом мире.

Исчезла пустыня с её обожжёнными солнцем скалами. Впереди, до линии невысоких холмов, уходила жёсткая трава, по колено, даже по пояс высотой. Эта трава обрывалась у озера, которое тянулось на север и скрывалось за горизонтом. Тревис видел кусты и группы невысоких деревьев. И очень далеко, так что невозможно было определить вид, двигались какие-то тёмные фигуры — пасущиеся животные.

Светило солнце, но ледяной ветер хлестнул по обнажённому на три четверти телу. Тревис поспешил натянуть шкуру на плечи и увидел, что товарищи сделали то же самое. Воздух не только холодный, но и влажный. И ветер

доносит острые запахи, которые Тревис не узнаёт. Этот мир такой же суровый и жёсткий, как и его, правда, совсем по-другому.

Эш наклонился и откинул один из камней. Под ним лежал небольшой ящик. Из сумки он достал три маленькие круглые пуговицы и дал по одной своим юным спутникам.

— Вставьте в левое ухо, — приказал он и сам поступил так же. Потом нажал кнопку на боку ящика. И сразу послышалось негромкое гудение. «Это сигнал для возвращения домой. Действует как радар. По нему сможете вернуться сюда».

— А это что?

На севере виднелся столб дыма, разносимого ветром. Вряд ли это лесной пожар, решил Тревис, но всё-равно какой-то большой огонь.

Эш небрежно взглянул в ту сторону. «Вулкан, — ответил он. — Эта часть земли ещё не успокоилась. Пойдём на северо-запад, обогнём озеро и наткнёмся на корабль». И он зашагал уверенной походкой, которая подсказала Тревису, что агент не раз уже побывал в роли первобытного охотника.

Трава шуршала, оставляя на голых ногах и бёдрах капли холодной влаги. Тревис решил, что незадолго до их появления прошёл дождь. По виду собиравшихся на востоке туч стало ясно, что вскоре он пойдёт снова.

По мере того как они удалялись от холма, у подножия которого осталась машина времени, гудение в ушах становилось слабее. Его тон постепенно менялся, когда Эш с товарищами огибали конец озера. Роскошная трава росла и здесь: настоящее царство дичи. Но к пасущимся животным они пока не приближались и не могли определить, к какому виду те относятся.

Вскоре, примерно в полумиле от изгиба озера, они увидели предмет, который не мог быть естественного происхождения. Глубоко погрузившись в землю, перед ними лежало металлическое полушарие. С одной стороны

его виднелись две рваные дыры. Почерневшая земля вокруг поросла молодой травой. Но на Тревиса больше всего подействовали размеры этого предмета. Он решил, что видна только его верхняя половина — если это действительно шар. Но то, что поднималось над землёй, достигало по крайней мере высоты шестизэтажного дома. Корабль просто огромен, он больше похож по размерам на океанский лайнер времени Тревиса, чем на воздушное судно.

— Да, досталось ему! — заметил Росс. — Крушение при посадке...

— Или до посадки, — Эш, опираясь на копьё, рассматривал корпус.

— Что?..

— Эти отверстия похожи на дыры от снарядов. Пусть решают специалисты. Возможно, это участник космического сражения. Однако, приближается буря. Я думаю, лучше обогнуть его с запада и найти убежище в холмах. Если первые отчёты верны, мы таких дождей не видали!

Эш двинулся рысью, потом побежал. Он направился в сторону от корабля к холмам, и, чтобы добраться туда, им снова пришлось обогнуть конец озера.

Они осторожно пробирались по краю болотистой равнины, когда их остановил громкий крик впереди. Тревис понял, что это предсмертный крик. Но за ним последовал вой, который не мог исходить из глотки человека или животного его времени. Крик прозвучал прямо перед ними. Потом послышалось хрюканье гигантской свиньи. И раздалось оно сзади!

— Ложись! — Тревис мгновенно подчинился приказу Эша, бросившись на грязную землю и отползая влево. Буквально через миг три разведчика оказались уже в густых жёстких зарослях. Не обращая никакого внимания на порезы рук и ног, широко раскрытыми глазами они смотрели на открывшуюся перед ними древнюю драму.

На земле корчилась в смертных муках гряда плоти,

длинная мохнатая жёлтая шерсть животного почти вся покрылась кровью. За этим телом прижимался к земле совсем иной зверь. Увидев длинные изогнутые клыки, Тревис узнал его — саблезубый тигр. Он оказался немного короче льва времён Тревиса, но мощные лапы и челюсти представляют угрозу, перед которой отступит и больший зверь. Но теперь перед тигром стоял просто гигант...

Противник, чей детёныш был убит, на восемнадцать футов возвышался над землёй. Опираясь на мощные задние лапы и толстый хвост, он поднял перед собой передние лапы, каждая из которых заканчивалась единственным гигантским когтем. Узкая голова дёргалась и поворачивалась, верхнюю часть тела покрывала густая каштановая грива.

Резкий звериный запах долетел до зарослей, и гигантский ленивец двинулся вперёд. А саблезубый тигр зашипел, как огромная кошка.

4

Тревиса дёрнули за руку, отвлекая от начавшейся битвы. Эш указал на запад и снова потянул. Росс уже полз в том направлении. Ветер дул им в спины, донося зловоние животных; опасности, что те почуют запах людей, не возникло.

— Надо уходить! — приказал Эш. — Я не хочу, чтобы эта кошка пошла по нашему следу. Она не справится с двумя взрослыми ленивцами и скоро начнёт поиски нового обеда.

Они ползли вперёд, стараясь по воплям кошки и хрюканью ленивцев определить, как развивается сражение. Если кошка умна, подумал Тревис, она уйдёт. Зная тактику горных львов своего юго-запада, он считал, что так и произойдёт.

— Ну, ладно, побежали! — Эш встал и быстро помчался по открытой местности, молодые люди последовали за

ним. Солнце теперь совсем скрылось, серая мгла под покровом тяжёлых туч напоминала сумерки. Тихое гудение радара звучало одиноко и далеко.

Впереди на серо-коричневых телах быков поднялись головы с широкими рогами. Если бы не изгиб этих рогов, можно было бы решить, что на доисторических равнинах пасутся бизоны. Уловив запах разведчиков, животные замотали рогатыми головами и побежали рысцой на север. Среди них быстро и гораздо более грациозно бежали длинноголовые лошади, покрытые великолепными полосами, словно огромные зебры. Да, тут явно охотничий рай.

Сзади видимой стеной приближался дождь. Когда он достиг людей, Тревис в недоумении раскрыл рот, сразу же подавился и с трудом принялся бороться за одну лишь возможность дышать в этом сплошном потоке. Но ноги продолжали нести его вперёд, и все трое по-прежнему двигались к холмам, которые скрылись в дожде.

Подъём чуть замедлил их продвижение, дважды им приходилось перепрыгивать через ручьи, уносившие излишек небесной воды. Сверкали молнии, на мгновения освещая окрестности. Чья-то рука подтолкнула Тревиса влево, в некое подобие убежища от бури.

Он вместе с Эшем и Россом забился в расщелину среди скал. Не совсем пещера, но всё же лучше, чем открытое место.

— Долго это будет продолжаться? — проворчал Росс.

Эш без особой надежды ответил: «От часа до нескольких дней. Будем надеяться на удачу».

Они сели на корточки, завернувшись в шкуры и прижимаясь друг к другу в поисках тепла. Возможно, задремали, потому что Тревис, вздрогнув, огляделся и увидел, что дождь прекратился. За пределами их неудобного убежища стояла ночь. Он спросил:

— Пойдём?

Но в ответ снаружи послышался рёв, от которого могли лопнуть барабанные перепонки. Тревис, впившись в древко копья, не смог сдержать дрожи.

— Только если хотим составить поздний ужин для нашего приятеля вон там, — заметил Эш. — Кому-то дождь, вероятно, помешал охотиться. Здесь у нас имеются саблезубые тигры, аляскинские львы, пещерные медведи и прочие хищники, с которыми я не хотел бы повстречаться, не имея в резерве хотя бы танк.

— Весёленькое местечко, — согласился Росс. — Мне кажется, нашему товарищу по играм там на равнине не повезло. Может, это он решил попробовать нас на вкус?

— Ну, в таком случае он получит полную пасть копий, — ответил Эш. — У этой дыры одно преимущество: сюда никто не войдёт, если мы скажем «нет».

Рёв послышался снова, но на этот раз дальше, как с облегчением заметил Тревис. Охотник за мясом не пошёл по их следу. Должно быть, дождь смыл их запах с земли и травы. Но они продолжали, замёрзшие и оцепеневшие, сидеть в своём убежище, и только время от времени решались передвинуть руку или ногу, чтобы они не затекли наутро. Так продолжалось, пока на небе не появились первые лучи рассвета.

Тревис выбрался, с трудом распрямился и подавил резкое слово: утренний ветер с температурой градуса в три ниже нуля забрался под полу его мехового одеяла. Он решил, что надо было готовиться к плейстоцену, проведя месяц в морозильнике, раздетым до шорт. И остался доволен, заметив, что и Эш с Россом не более подвижны и оживлены, когда выбрались из норы.

Первым делом они проглотили таблетки пищевого концентрата из своих сумок. Тревис знал, конечно, что в них содержится достаточный запас энергии, но ему хотелось настоящего мяса, горячего и сочного, прямо с огня. У этих таблеток никакого вкуса.

— Пойдем вверх, — Эш ладонью вытер рот и повесил сумку через плечо. Он разглядывал местность впереди, чтобы выбрать лучший подъём. Но Тревис уже двинулся вперёд, пробираясь между камнями.

Добравшись до вершины, они повернулись и взглянули на долину с озером. Половину долины теперь занимала гладкая поверхность воды. Тревису показалось, что сегодня вода гораздо ближе к кораблю, чем вчера. Он сказал об этом, и Эш согласился.

— Вода должна куда-то деваться, а дождь переполнил все ручьи. Ещё одна причина, почему нам нужно справиться побыстрее. Итак — пошли.

Но когда они снова повернулись, чтобы отправиться в путь по очереди вершин, Тревис внезапно остановился. Тонкий водянистый солнечный луч прорвался сквозь тучи; тепла он с собой не принёс, но дал больше света. И — Тревис внимательно взгляделся на запад вниз по ту сторону холмов... Нет, он не ошибся! Свет отражается от чего-то в соседней долине. От воды? Он сомневался в этом, слишком яркая искра.

Эш и Росс, следуя его указаниям, тоже увидели её.

— Второй корабль? — предположил Росс.

— Если так, он на наших картах не обозначен. Посмотрим. Я согласен, что отражение слишком яркое для солнца на воде.

Может, кто-то выжил после крушения, думал Тревис. Тогда они могли разбить там лагерь. Он достаточно услышал за последние дни, чтобы понять, что контакт с хозяевами кораблей крайне опасен. Один из их патрулей преследовал Росса много миль по дикой местности, и он спасся от подчинения их воле, сознательно обжигая руку и используя боль в качестве оружия. Они — не люди, обитатели этих кораблей, и до сих пор земляне не могут раскрыть тайны их энергии и оружия.

И вот трое, тщательно укрываясь в кустах и зарослях жёсткой травы, крадучись, начали подбираться к месту, где отражался свет. И снова Тревис поразились умениям своих товарищей. Он охотился на львов, а горный лев — очень осторожное животное. Он умеет читать след, его научил Чато, который знает пути старых воинов. Но эти двое не

уступают ему в том, что он всегда считал игрой краснокожих, а не белых.

Наконец они подползли к краю рощицы, осторожно раздвинули стебли травы и посмотрели на лежащую перед ними открытую равнину. Посередине её лежал ещё один корабль-шар. Но этот полностью находился над поверхностью и был довольно маленьким, пигмеем по сравнению с гигантом в первой долине. На первый взгляд, он приземлился нормально, не потерпев крушения. На полпути к его верху зияло тёмное отверстие открытого люка, с него свисала лестница. Кто-то всё-таки выжил в этой посадке, спустился на землю!

— Спасательная шлюпка? — голос Эша прозвучал еле слышно.

— Она не такой формы — та, которую я видел, — ответил Росс. — Та была похожа на ракету.

Ветер пел над травой. Лестница раскачивалась и со звоном ударялась о борт. И от подножия корабля отлетали птицы. Но двигались они неловко, тяжело хлопая крыльями. А ветер донёс от корабля тошнотворный сладковатый запах, который ни с чем невозможно спутать. Там что-то мёртвое, совсем мёртвое.

Эш встал, пристально глядя на птиц. Потом осторожно пошёл вперёд. Из травы послышалось рычание. Тревис поднял копьё. Оно свистнуло в воздухе, и четверолапый мохнатый зверёк подпрыгнул в воздух и упал обратно в траву. Стервятники с криками начали разлетаться со своего пира.

Не очень приятно было смотреть на то, что лежало у подножия лестницы. И разведчики с первого взгляда не смогли определить, сколько тут тел. Эш попытался разглядеть поближе и отвернулся, побледнев и сдерживая тошноту. Росс подобрал обрывок синей ткани.

— Форма Лысого, всё верно, — определил он. — Этого я никогда не забуду. Что тут случилось? Схватка?

— Что бы ни случилось, это произошло уже довольно

давно, — Эш, бледный под своим загаром и краской на коже, осторожно подбирал слова. — Погребения не было. Я бы сказал, что с экипажем покончено.

— Пойдём внутрь? — Тревис положил руку на лестницу.

— Да. Но ничего не трогайте. Особенно приборы и установки.

Росс слегка истерически рассмеялся. «Можете мне не напоминать об этом, шеф. После вас, сэр, после вас».

И вот — Эш впереди — они поднялись по лестнице и забрались в люк. За шлюзовой камерой внутри оказалась вторая дверь, двойной толщины и с тяжёлыми замками, но она тоже была не замкнута. Эш толкнул её, и они оказались в колодце, по которому вилась спиральная лестница.

Тревис ожидал встретить тьму, так как в наружной оболочке не было окон. Но от стен исходил голубоватый свет, и не только свет, но и приятное тепло.

— Корабль всё ещё жив, — заметил Росс. — И если он не повреждён...

— Тогда, — негромко закончил за него Эш, — мы сделали большую находку, парни. На такую удачу мы и не надеялись, — и он начал подниматься по внутренней лестнице.

Они поднялись на площадку или платформу, на которую выходили три овальные двери, все закрытые. Росс толкнул каждую, ни одна не поддавалась.

— Закрыты? — спросил Тревис.

— Может быть. Или мы не знаем, на какую кнопку нажать. Пойдём наверх, шеф? Если у этого корабля та же схема, рубка управления наверху.

— Посмотрим. Но никаких экспериментов, помните?

Росс погладил руку в шрамах. «Уж я-то не забуду».

Второй пролёт лестницы привел их к люку, через который они поднялись в полукруглую комнату, занимающую всю верхнюю часть корабля. И сразу поняли, что тут тоже уже побывала смерть.

В помещении находилось только одно тело, удержива-

емое ремнями кресла, оно наклонилось вперёд; само кресло покачивалось на пружинах и ремнях, свешивающихся с потолка. Перед трупом в синем облегающем костюме располагалась панель управления со множеством циферблатов, кнопок, ручек.

— Пилот. Умер на посту, — Эш прошёл вперёд, склонился к телу. — Не вижу никаких ран. Может быть, эпидемия, поразившая весь экипаж. Пусть определяют врачи.

Они не стали задерживаться для дальнейших исследований: слишком важна эта находка. Необходимо срочно доставить сообщение о втором корабле Кэлгаррису и его начальникам. Но Эш в качестве меры предосторожности поднял в люк лестницу, когда два его товарища сошли. Сам он спустился по верёвке.

— А кто туда может заглянуть? — спросил Росс.

— Просто небольшая страховка. Мы знаем, что в северной части этой страны живут дикари. Вполне может быть, что для них всё необычное — табу. Но может, они достаточно любопытны и захотят покопаться здесь. А мне не хотелось бы, чтобы кто-то снова привёл в действие коммуникатор и вызвал галактический патруль или кто там эти парни в синем. Теперь побыстрее к машине.

Слабый солнечный свет утра усилился. Воздух стал заметно теплее. Увеличилась и влажность: насыщенная влагой трава возвращала груз ночного дождя. Продвижение напоминало бег по реке, заросшей скользкими водорослями, только поверхность под ногами твёрдая. Агенты спустились с высот, миновали своё ночное убежище и подошли к озеру, где стервятники пожирали остатки добычи саблезубого тигра.

Едва они вышли на открытую равнину, Эш остановился и выразительно взмахнул рукой, подавая сигнал укрыться. Стадо бизонов и лошадей, которое они заметили накануне, по диагонали пересекало равнину. И животные явно от чего-то бежали. Снова саблезубый тигр? Но бизон —

тонны прочной кости и мяса — так просто не победит. Стадо этих животных вполне может постоять за себя.

И только когда ветер донёс до ушей Тревиса звуки, которые явно исходили из человеческого горла, он понял, что идёт охота. Первобытные охотники каким-то образом вспугнули стадо, чтобы добить слабейших.

В результате разведчики застряли: поток животных перерезал им дорогу к машине времени. Ещё до того, как они добрались до края равнины, быстрые лошади пробежали мимо, теперь проходила основная часть стада. А невдалеке показались и другие желающие воспользоваться суматохой. Из какого-то укрытия в ста ярдах от агентов выбрались пять тёмных фигур и начали отрезать подросшего телёнка, бегущего с краю стада.

— Плейстоценские волки, — определил Эш.

Мощные большеголовые животные передвигались бесшумно, искусно подбираясь, привычные к такой игре. Двое прыгнули телёнку на голову, остальные пытались подрезать сухожилия на задних ногах, что сделало бы бизона лёгкой добычей хищников.

— Оооооо-йаххх!

Маленькая драма, развернувшаяся поблизости, отвлекла Тревиса от общей картины. Кричащие охотники ещё не показались, но в этот момент мимо бизона, сражавшегося с волками, пробежала лошадь. Её большая голова опустилась до уровня колен, с пасти до самой травы свисала пена. Глубоко в крупе торчало копьё. Животное попыталось было поднять голову, не смогло и упало на землю.

Один из волков тут же повернулся к новой добыче. Он отбежал от телёнка, принялся к ещё живой лошади и вцепился ей в горло. Но не успел хищник вырвать кусок мяса, как наглое воровство было тут же наказано.

Другое копьё, более лёгкое, но столь же смертоносное и точно нацеленное, промелькнуло в воздухе и ударило волка в правое плечо. Тот конвульсивно подпрыгнул и упал рядом с тушей лошади. Ещё несколько копий поразили остальных волков и молодого бизона.

Большая часть стада уже пробежала. На примятой траве остались лежать и другие животные. Трое разведчиков прижимались к земле; они не могли теперь отойти, не привлекая внимания охотников, которые подошли наконец для сбора добычи.

Их оказалось более двадцати мужчин — среднего роста, с коричневой кожей, с лохматыми чёрными волосами, очень похожими на парики разведчиков. Одежда — та же повязка-юбка из шкуры, закреплённая на потном теле ремнями. Тревис, разглядывая их, видел, насколько хорошо их грим соответствует внешнему виду охотников Фолсома.

За мужчинами шли женщины и дети. Они останавливались, разделывая туши. Их было больше, чем охотников. Трудно сказать, всё ли племя здесь собралось. Мужчины хрипло перекрикивались, а двое, убившие волков, казались особенно довольными. Один из них присел на корточки, распахнул пасть волка, убившего лошадь, и критическим взглядом осмотрел клыки. На его груди с каждым движением покачивалось ожерелье их таких же клыков; ясно, что он обдумывал дополнение к своему украшению.

Эш коснулся плеча Тревиса. «Назад», — выдохнул он ему в ухо. Они отползли по густой траве к болоту на краю озера. Тут, облепленные грязью, приветствуемые мухами и другими насекомыми с хорошим аппетитом, они начали уходить уже быстрее. Со всеми предосторожностями агенты отходили от сцены охоты, радуясь, что изобилие мяса отвлекло туземцев.

Группы похожих на ивы деревьев предоставили им лучшее укрытие, за ними они решились даже побежать и бежали, пока Эш, задыхаясь, не упал на грудь хвороста. Тревис с разрывающейся от боли грудью опустил лицо вниз рядом с ним, а Росс рухнул чуть позади.

— Чуть-чуть не... — еле выговорил Росс, немного переведя дыхание. — В нашем деле не соскучишься...

Тревис приподнял голову и попытался отыскать ориентиры. Они двигались к укрытой в скалах машине времени, когда стадо перерезало им путь. Но потом им пришлось

свернуть на север, чтобы уйти от охотников. Значит, их цель на юго-востоке.

Эш стоял на коленях, глядя на север, где на равнине виднелся разбитый корабль.

— Смотрите!

Они увидели, как охотники собрались вокруг корабля. Один из них поднял копьё и со звоном ударил по его борту.

— Они его не избегают, — Тревис понял значение этой сцены.

— Это значит — с меньшим мы должны действовать быстро. Если они его обнаружат, то могут попытаться проникнуть внутрь. У нас всё меньше времени.

— Теперь между нами и машиной открытая местность, — заметил Тревис. Если двигаться прямо к группе маскирующих камней, их увидит первый же дикарь, взглянувший в том направлении.

Эш задумчиво посмотрел на него. «Ты думаешь, что сможешь незаметно пробраться?»

Тревис на глаз измерил расстояние и попытался разглядеть все укрытия по пути. «Могу попробовать», — ответил он.

5

Он приближался к холму, на южной оконечности которого груды камней скрывала установку. В один момент пятнистая тень преградила дорогу, оскалив клыки. Затем плейстоценский волк отбежал к ближайшей туше, с которой женщины племени срезали только лучшие куски, и занялся пищей, за которую не нужно сражаться.

Тревис продвигался вдоль основания холма. Стадо пробежало западнее, и он уже считал себя в безопасности, когда сзади послышалось фыркание. Крупная туша раздвинула кусты, и Тревис увидел перед собой самку бизона. В плече её торчало сломанное древко копья. Слишком высоко, чтобы рана оказалась смертельной, а боль только разъяряет животное.

В такой ситуации даже корова с ранчо опасна для пешего человека, а бизон на треть крупнее любой коровы. Только кусты спасли Тревиса от смерти в первое же мгновение. Самка заревела и бросилась к нему со скоростью, которую он считал невозможной при таком весе. Он бросился влево, в заросли, и упал в колючий кустарник. А самка между тем пронеслась мимо, так близко, что её жёсткая шерсть задела его вытянутую руку.

В голове Тревиса звенело от её рёва, он повернулся и поднял своё самое тяжёлое копыё. Бизониха затормозила, от копыт её полетела земля и трава, когда она развернулась. И тут обломок копыя зацепился за густые ветви. Она вновь заревела, рванулась вперёд, копыё вырвалось, и из раны хлынул поток крови, исчезая в густой шерсти.

Это чуть замедлило её продвижение. У Тревиса появилось время встать и приготовить копыё. На большой голове животного нет уязвимого места. Тревис сорвал свою сумку, размахнулся, держа её за ремень, и швырнул в морду корове. Уловка подействовала. Самка бросилась не на Тревиса, а на его сумку. И Тревис изо всех сил сбоку ударил её копыём.

Вес животного, инерция его движения вырвали древко у него из рук. Потом самка тяжело опустилась на колени, закашлялась и легла на бок. Тревис подальше обошёл её, опасаясь, что звуки схватки привлекут вниманиис охотников.

Пробираясь среди кустов, оставшуюся часть пути он проделал в основном на четвереньках. И вот он уже среди камней, рёбра его вздымаются от тяжёлого дыхания, и он не обращает внимания на многочисленные царапины и порезы от колючек.

Прижимаясь к земле и оглядываясь назад, на свой путь, Тревис понял, что правильно поступил, оставив так быстро место схватки. Три охотника бежали туда, волоча за собой копыя. Но к самой самке они приближались осторожно: видимо, не в первый раз имели дело с ранеными жертвами бегства стада.

Войдя в кусты, смуглые люди скрылись из виду. А несколько секунд спустя Тревис услышал удивлённый крик. Он понял, что его добычу обнаружили. Ответом на крик пришёл долгий вопль откуда-то с холма. Тревис спокойно шевельнулся.

Копьё, которое он вынужден был оставить в теле бизона, напоминает копья туземцев — но достаточно ли, чтобы они поверили, что оно принадлежит кому-то из них? Может, у этих людей существует система знаков на личном оружии; у его племени во времена кочевий такие знаки были. Может, они пойдут по его следу?

Он забрался в щель между камнями. Сигнал стал слышен очень отчётливо. Рядом с радаром стоял второй ящик. Тревис нажал рычаг на его крышке, потом быстро поднял и опустил ручку, как его учили только накануне. В пустыне двадцатого столетия его сигнал будет принят, и Кэлгаррис будет знать, что нужно действовать быстро.

Тревис осторожно выглянул из-за груды камней. Он прижался к большому камню и прислушался — не только ушами, но всеми привыкшими к дикой местности чувствами. И уже сжал в руке кремневый нож, когда услышал предупреждающий шум. К нему протянулась рука, такая же смуглая и сильная, как и его. В ноздри ударил запах крови и жира, они сошлись, и незнакомец произнёс множество непонятных звуков. Тревис ударил, но не лезвием, а рукоятью по выдающейся вперёд челюсти. От удара круглая чёрная голова на слегка сутулых плечах откинулась назад.

Боль обожгла бок Тревиса. Он ещё раз ударил в челюсть, одновременно нанося удар коленом снизу вверх, когда туземец поднимался с ножом в руке. Грязный приём, по меркам цивилизации, но Тревису требовалось прекратить схватку без ножа. И в этот момент сзади показалась ещё одна фигура и нанесла туземцу удар сзади по голове, отчего тот без сознания свалился на траву.

Росс Мэрдок не стал тратить времени на объяснения. «Пошли! Помоги мне отнести его в укрытие!»

Они забрались в клетку машины времени, прихватив с собой первобытного охотника. Росс быстро и привычно связал пленнику руки и ноги, заткнул ему рот куском шкуры.

Тревис осмотрел кровоточащий порез на боку, решил, что рана относительно не опасна, и повернулся к присоединившемуся к ним Эшу.

— Ты словно выбран сегодня целью нападения, — Эш отвёл руки Тревиса и стал осматривать его рану. — Выживешь, — добавил он и достал из сумки коробочку с таблетками. Одну раздавил в руке и порошком смазал рану, остальные велел проглотить. — Чем ты привлёк его внимание?

Тревис кратко рассказал о своей встрече с раненым бизоном.

Эш пожал плечами. «Такие неудачи время от времени случаются. Теперь придётся позаботиться об этом парне», — он мрачно осмотрел пленника.

— Что же нам делать? — Росс наморщил нос. — Начнём создавать зоопарк? Это первый экспонат?

— Отправил сообщение? — спросил Эш.

Тревис кивнул.

— Подождём. Когда стемнеет, оттащим его подальше. Перережем путы и оставим его возле их лагеря. Больше мы ничего не сможем сделать. К несчастью, племя движется на запад...

— На запад! — Тревис вспомнил о втором корабле.

— А что, если они попытаются забраться в корабль? — Росс, казалось, разделял его озабоченность. — У меня такое чувство, что это несчастливый маршрут. С самого начала нас преследуют неудачи. Но мы должны следить за этим вторым кораблём...

— А как мы им сможем помешать? — спросил Тревис. Настроение у него было подавленное, и он готов был согласиться с самыми мрачными прогнозами.

— Надеюсь, они всё-таки пойдут за стадом, — ответил Эш. — Главная забота такого племени — пища, и они будут

держаться возле неё, сколько смогут. Но за кораблём последить действительно нужно. А я должен ждать здесь сообщения Кэлгарриса. Что, если вы вдвоём проводите этого нашего друга, а потом пройдёте дальше, к тому возвышению между двумя долинами? Тогда вы сможете установить, нужно ли нашим людям скрываться, если племя повернуло в ту сторону.

Росс вздохнул. «Ладно, шеф. Когда пойдём?»

— В сумерках. Незачем привлекать к себе внимание. Ночью тут соберётся множество желающих полакомиться.

— Желающие полакомиться! — Росс мрачно ухмыльнулся. — Мягко сказано. Мне вовсе не улыбается в полной темноте повстречаться с одиннадцатифутовым львом!

— Сегодня полнолуние, — поправил Тревис и лёг, чтобы отдохнуть перед выходом.

Но не одна только луна светила ночью. Тёмное небо часто озарялось далёким мрачным огнём вулкана — или вулканов. Тревису теперь казалось, что таких огнедышащих гор на севере несколько. В воздухе ощущался отчётливый металлический привкус, Эш объяснил это мощным извержением во многих милях отсюда.

Кое-как они поставили пленника на ноги и повели его. Он оставался в полубессознательном состоянии и сразу лёг на землю, когда Тревис отправился на разведку поближе к группе дикарей у костра.

Фолсомские люди пожирали мясо, слегка поджаренное на огне. Запах жареного мяса долетел до Тревиса, ему захотелось смешаться с дикарями, схватить горячий кусок. Концентраты дают набор необходимых для тела веществ, но никак не заменяют, на его вкус, мясо. Туземцы продолжали пировать.

Опасаясь задерживаться — аппетит мог победить осторожность, — Тревис отполз назад к Россу и сообщил, что часовых нет и помешать их простому плану они не могут. Агенты подтащили пленника к самому краю освещённого круга, сняли с него путы, вытащили кляп и слегка подтолкнули дикаря. И убежали.

Если аборигены и пытались их преследовать, они не нашли след, и вдвоём разведчики без происшествий добрались до перевала.

— Глупо, — заметил Росс, когда они преодолели последний подъём и оказались в относительно защищённом месте под каменным навесом. Не совсем пещера, но всё же тут при необходимости придётся оборонять только одну сторону. — Никто в здравом уме не пойдёт в темноту.

— В темноту? — переспросил Тревис, обхватив колени руками и глядя на север. Его предположение о вулканической активности подтверждалось: небо на севере покраснело, в воздухе ощущался химический запах. Не очень красочное зрелище, к тому же оно не внушало доверия наблюдателю. Единственное утешение — между возвышенностью, на которой они находится, и рассерженными горами — мили расстояния.

Росс не ответил. Так как Тревис должен был дежурить первым, его товарищ завернулся в шкуру и уже уснул.

Тяжёлая ночь. Поднявшись на рассвете, Тревис обнаружил, что и его кожа, и окружающие скалы сплошь усыпаны сероватым порошком. Порыв ветра с запахом серы заставил его закашляться.

— Что-нибудь заметил внизу? — прохрипел он.

Росс покачал головой и протянул товарищу тыквенную бутылку с водой. Маленький космический корабль мирно лежал под ними, и единственное отличие от предыдущего дня — стало меньше стервятников.

— Какие они, эти люди из космоса? — неожиданно спросил Тревис.

К его удивлению, Росс, которого Тревис привык считать лишённым нервов, вздрогнул.

— Чистая отравка, приятель, никогда не забывай об этом! Я видел две разновидности: лысых в синих костюмах и мохнатолицых с заострёнными ушами. Они похожи на людей, но это не люди. И поверь мне, всякий, кто связывается с этими парнями в синем, напрашивается, чтобы его пропустили через мясорубку!

— Интересно, откуда они, — Тревис поднял голову. Звёзд на небе немного — тусклые огоньки в прерассветных сумерках. А ведь это солнца, вокруг которых вращаются планеты, такие же, как прочная почва под ним, и на планетах живут люди... Ну, не люди, но похожие на них существа — такая мысль потребовала напряжения воображения.

Росс махнул на небо рукой. «Выбирай, Фокс. Яйцеголовые, которые правят нашим шоу, считают, что там целая конфедерация разных планет, Объединённые-Чего-то-Там... Тогда... — он мигнул и рассмеялся. — То есть, я хочу сказать «сейчас». Эти прыжки вперёд и назад во времени хоть кого собьют с толку».

— И если кто-то решится полететь в этом корабле, он с ними встретится?

— Ну, он об этом пожалеет!

— Ну, а если лететь в наше время, они всё ещё ждут там?

Росс завязывал свою сумку. «Вот это трудный вопрос. И никто на него не ответит, пока мы не слетаем и не посмотрим сами. Двенадцать-пятнадцать тысяч лет — много времени. Ты знаешь, любая цивилизация на Земле так долго не жила. От разрисованных охотников до овладевших атомом. А потом там, может быть, всё пошло назад — от атома к раскрашенным охотникам. А может, сейчас вообще нет ничего».

— А ты сам не хотел бы посмотреть?

Росс улыбнулся. «Я уже сталкивался с парнями в синем. И если бы был уверен, что там, на какой-нибудь звезде, их нет, сказал бы «да». Не хотел бы я с ними встретиться у них дома. Да я и не космонавт. Но сама мысль заманчивая... Эй! Да у нас гости!»

Движение в долине — к северу. Но из деревьев неторопливо и громоздко выходили не фолсомские охотники. Росс негромко присвистнул, и Тревис разделял его возбуждение.

Ни стадо бизонов, ни полосатые лошади, ни саблезубый

тигр в схватке с гигантскими ленивцами — ничто так не поражало, как это зрелище. Слон вызывает почтительное удивление просто своим размером, впечатлением силы и бесстрашия. А эти огромные более ранние представители того же рода почти парализовали удивлённых разведчиков. «Мамонты!»

Высоченные гиганты с густой шерстью, спина круто уходит вниз от массивного черепа, бугры плеч — всё это превращало деревья и окружающую местность в миниатюру. Три мамонта в стаде достигали четырнадцати футов в плечах. Они гордо несли тяжёлые изогнутые клыки, размахивая хоботами в такт шагам. Таких грозных животных Тревис никогда не видел. Глядя на них, он не мог представить себе, что охотники, которые им встретились в долине, осмеливаются со своими копьями выступать против таких гигантов. Но доказательства несомненные: ведь выкопано множество находок — огромные рёбра с застрявшими в них каменными наконечниками.

— Один... два... три... — негромко считал Росс. — Маленький...

— Телёнок, — пробормотал Тревис. Но даже с мамонтёнком не стоит встречаться, если нет в руках ружья с разрывными пулями.

— Четыре... пять... семейный приём? — рассуждал Росс.

— Может быть. Разве они не передвигаются стадами?

— Спроси Яйцеголовых. Оххх! Ты только посмотри на это дерево!

Предводитель громоздкого парада упёрся лбом в ствол, слегка надавил, и дерево рухнуло. С визгом, донёсшимся до разведчиков, телёнок устремился вперёд и начал обрывать листья с большого ствола, а взрослые снисходительно за ним наблюдали.

Росс отбросил с глаз прядь парика. «Возможно, возникает проблема. Что, если они не уйдут? Не думаю, чтобы наши техники могли работать, когда поблизости бродят эти тонны мяса с клыками».

— Если хочешь спуститься и отпугнуть их, я тебя не стану останавливать. Мне приходилось тащить упрямых коров: но я не собираюсь спускаться и набрасывать аркан на эти клыки.

— Они могут ударить по корпусу корабля.

— Могут, — согласился Тревис. — И как же мы им помешаем?

Но в данный момент семейство мамонтов оставалось на дальнем конце долины, в четверти мили от корабля. Понаблюдав с час, Росс завязал ремни своих сандалий и подобрал копыя.

— Доложу. Может, эти бродячие горы отпугнут охотников.

— Или привлекут их сюда, — пессимистично поправил его Тревис. — Дорогу назад найдёшь?

Росс улыбнулся. «Эта тропа скоро станет регулярным маршрутом. И нам потребуются полицейские регулировщики. Пока...» И он исчез с той внезапностью и лёгкостью, которые до сих пор казались Тревису просто невероятными у белого.

Тревис продолжал лежать, опираясь подбородком на руку, лениво глядя на мамонтов. Он думал о том, что делает Эша и Росса Мэрдока такими отличными от других членов их расы. В какой-то степени он встретил подобное качество и у доктора Моргана. Для Прентиса Моргана раса человека, цвет его кожи ничего не значили; главное — энтузиазм, отношение к работе. Морган расколол раковину Тревиса и выпустил его в большой мир. А потом, подобно всем мягким лишившимся раковины существам, он был больно ранен, когда этот мир оказался враждебен. И Тревис бросился назад, оставив всё, даже дружбу.

Теперь он ждал, что в нём снова вспыхнет пламя гнева. Оно не погасло, но потускнело, как огонь вулканов при свете восходящего солнца превратился лишь в ленивый столб дыма. Пустыня, по которой он неделю назад ехал в поисках воды, действительно погружена во время. Но что это?..

Мамонты слегка переместились, когда самый крупный самец повернулся. Подняв хобот, он вызывающе крикнул. Этот звук и привлёк внимание Тревиса. Гораздо страшнее рёва саблезубого тигра или громового хрюканья ленивца, готового к схватке. Такого страшного звука Тревис никогда не слышал.

Самец проревел вторично. Охотящийся саблезубый тигр? Аляскинский лев? Какое животное так отчаянно смело, что может охотиться на эту гору мяса? Человек?

Но если в укрытии прятался фолсомский охотник, он не показался. Самец прошёлся вдоль края леса, потом свалил ещё одно дерево и принялся поедать ветви. Кризис разрешился.

Через час к Тревису присоединился отряд, который привёл Росс. Кэлгаррис и ещё четверо в коричневых и зелёных комбинезонах, сливавшихся с местностью, легли на землю и стали разглядывать долину.

— Вот наш малыш! — лицо майора светилось радостью, когда он смотрел на корабль. — Что скажете, ребята?

Но один из пришедших направил бинокль в другую сторону. «Эй! Там эти штуки — мамонты!» — закричал он. Все, как один, повернулись в ту сторону.

— Конечно! — рывкнул майор. — Смотрите на корабль, Вилсон! Если он цел, сможем мы переместить его?

Тот неохотно оторвался от семейства мамонтов. Рассмотрел корабль в бинокль. «Трудная работа. До сих пор самая большая наша машина перенесла корпус подводной лодки...»

— Это я знаю! Но это было два года назад, а эксперименты Кроуфорда показали, что решётку можно увеличить, не теряя мощности. Если бы вы смогли перенести его, не разбирая, мы бы опередили план по крайней мере на пять лет. А вы знаете, что это значит.

— А кто будет устанавливать решётку рядом с этими слонами? Нам нужно работать без помех. Наш материал не выносит грубого обращения.

— Точно, — подхватил один из его подчинённых. И снова повернул бинокль на север. — Как вы собираетесь отогнать мамонтов?

— Это дело разведчиков, — подал короткую реплику присоединившийся к группе Эш. — Согласен, сейчас у меня нет идей, ни глубоких, ни других, как убедить мамонтов погулять подальше отсюда. Но я готов выслушать любые предложения.

Они молча смотрели на пасущихся животных. Никто ничего не предложил. Похоже, для решения такой проблемы способ ещё не выработан.

6

— Нам нужно минное поле. Как вокруг штаб-квартиры, — сказал наконец Росс.

— Минное поле? — переспросил человек, которого Кэлгаррис назвал Вилсоном. Потом снова: — Минное поле!

— Придумали что-нибудь? — спросил майор.

— Не минное поле, — поправил Вилсон. — Конечно, мы можем взорвать этих зверей, но вместе с ними разнесём и корабль. Однако звуковой барьер...

— Да, обнести им корабль — это уже ваша работа, — майор снова приободрился. — Как много времени это займёт?

— Придётся перенести много оборудования. Допустим, день, может, и больше. Но пока это единственное, что я могу придумать.

— Ну, хорошо! Вы получите всё необходимое — вдвойне! — пообещал Кэлгаррис.

Вилсон усмехнулся. «Вот как? И никаких воплей о затратах? Помните, я не собираюсь подписывать заказы, которые через два года нужно будет защищать перед какой-нибудь комиссией».

— Если сумеете его вытащить, — убеждённо ответил

майор, — нам никогда больше не придётся защищаться ни перед кем! Парень, да если вы вытащите этот корабль нетронутым — весь проект оправдает себя, с того самого дня, как он был всего лишь несколькими неразборчивыми строками на обороте старого конверта! Вот оно — большая отдача!

Так начался самый лихорадочный период в жизни Тревиса, в котором он впоследствии так и не смог разобраться. Вместе с Эшем и Россом он патрулировал обширное пространство на холмах и в долине, следя за лагерями бродячих охотников, отмечая стада различных животных. Два дня суетились техники, пока, наконец, не собрали машину времени непосредственно возле меньшего корабля.

Вокруг самого корабля возвели звуковой барьер Вилсона — невидимую, но непроходимую стену импульсов высокой частоты. Человек не слышал эти сигналы, но действовали они на него весьма эффективно. Семейство мамонтов отступило в лесистую местность, откуда пришло. Неизвестно, было ли это результатом действия барьера, — во всяком случае, животные ушли.

Тем временем новые звуковые барьеры установили на всех тропах, ведущих в долину, полностью перекрывая доступ в неё. Кэлгаррис и его начальники вкладывали в проект все ресурсы.

Вокруг корабля быстро возникало сооружение из прутьев. Тревис, наблюдая за осторожной работой техников, видел, что проводится очень тонкая операция. По некоторым репликам он знал, что здесь собирают машину времени нового типа: никогда раньше не делали такую большую. И если работа завершится удачно, весь корабль будет перенесён в современность для более внимательного изучения.

Тем временем другая группа специалистов исследовала внутренности корабля, стараясь не приводить в действие его приборы, а также занималась изучением останков

экипажа. Медики пытались установить причину смерти астронавтов. Их окончательный диагноз был таков: внезапная инфекция или пищевое отравление. На телах не было ран.

Три дня... четыре... Тревис, уставший до глубины костей, только что вернувшийся из разведочного похода на юг, сидел у костра, который трое разведчиков развели на возвышенности над своей долиной. Когда он вдыхал поглубже, металлический привкус обжигал горло и лёгкие. За последние два дня вулканическая деятельность на севере усилилась. Накануне ночью их всех разбудило представление — к счастью, до него были многие милл, — во время которого, должно быть, половина горы взлетела к небу. Дважды обрушивались потоки дождя, но дождь шёл тёплый, и духота в воздухе создавала условия почти тропические. Он будет очень рад, когда закончат возведение решётки и они смогут покинуть эту болотную теплицу.

— Видел что-нибудь? — Росс Мэрдок отбросил одеяло из шкуры и хрипло закашлялся: до них опять долетел серный пар.

— Миграция... как мне кажется, — сообщил Тревис. — Большое стадо бизонов уже далеко на юге, и охотники следуют за ним.

— Им не понравился фейерверк, — Росс кивнул на север. — Я их понимаю. Там сегодня горит лес.

— Мамонтов больше не видел?

— Здесь нет. Я ходил на северо-восток.

— Скоро ли они кончат? — Тревис взглянул вниз на корабль. Над долиной сгустилась дымка, стало хуже видно. Но вокруг корабля по-прежнему сустились люди, торопливо заканчивая решётчатую конструкцию, охватившую уже весь шар.

— Спроси у кого-нибудь из умников. Другая команда, врачи, сегодня закончили. Примерно с час назад прошли через переход. Думаю, завтра можно будет повернуть рычаг всей установки. Как раз вовремя. Не нравится мне это место...

— И правильно, — в дымке показался Эш. — С севера приближается несомненная опасность, — он закашлялся, и Тревис неожиданно заметил, что на голове шефа нет парика. На плече Эша краснел длинный ожог, пересекавший старый побелевший шрам. Росс тоже увидел это, вскочил на ноги и помог Эшу подойти к огню, чтобы осмотреть ожог.

— Что выделали? Играли на горячей палубе? — в голосе его звучала тревога.

— Не подумал, что сырое дерево может гореть так быстро. Вся вершина горы вчера ночью взорвалась, и, может быть, скоро последует продолжение. Передвинемся пониже, ближе к кораблю. И ещё — у нас могут быть гости...

— Охотники? Они же ушли на юг...

— Нет, но мы, кажется, перемудрили с этими звуковыми барьерами. Мамонты оказались заперты в небольшой долине на севере. Если начнется то, чего я опасаясь, звуковой барьер их не остановит, а только рассердит по-настоящему. И они могут броситься прямо сюда. Кэлгаррису придётся опробовать свою большую машину, и немедленно, если это произойдёт.

Разведчики вовремя спустились в долину, чтобы увидеть, как техники закончили работу и заторопились в машину перехода. Но сами они ещё не достигли решётки, как мир словно взбесился. Пламя, шум, гром на севере, языки пламени забежали по склонам ближайших холмов. Земля наклонилась, Тревиса сбilo с ног. Он видел, как качается решётка у корабля, слышал крики.

— ...землетрясение! — только это слово в общем шуме имело какой-то смысл. Извержение вулкана сопровождалось землетрясением. Тревис, как зачарованный, смотрел на решётку, ожидая, что вот-вот стержни разойдутся и упадут на купол корабля. Но как ни странно, решётка качалась, но не падала.

В сгущавшемся сумраке Кэлгаррис загонял людей в

меньшую машину. Тревис понимал, что должен присоединиться к ним, но был слишком ошеломлён, чтобы шевелиться. Дым стусился, в нём послышался знакомый голос. С трудом встав, Тревис побежал в ответ на просьбу о помощи.

На земле лежал Эш. Росс склонился к нему, пытаясь поставить его на ноги. Когда Тревис подбежал к ним, вокруг сомкнулся дым, все закашлялись. Тревис потерял ориентировку. В какой стороне машина времени? Пепел в воздухе затруднял видимость. Они словно попали в сплошной снегопад.

Он услышал крик ужаса. Появилась огромная тень, больше, чем в любом кошмаре. Мамонты, как и опасался Эш, прорвались в долину.

— ...уходим! — Росс потащил Эша вправо. Старший разведчик повис между двумя более молодыми.

Они обогнули решётку у шара, протиснувшись через неё к кораблю. Мимо протопал мамонт. Теперь оставалось мало надежды вовремя добраться до машины, и Эш, должно быть, это понял. Он высвободился и пошёл вокруг шара, касаясь его рукой.

Тревис догадался: Эш пытается найти лестницу, ведущую к люку, воспользоваться кораблём как убежищем. Он услышал голос Эша, скользнул вслед за ним и увидел, что тот держит лестницу.

Росс подтолкнул шефа, полез следом за ним, а Тревис, как мог, удерживал свисающую лестницу. Сам он начал подниматься, только когда Эш — тёмное пятно наверху — пробрался в люк. Поднимаясь, апач снова услышал бешеный крик мамонта и удивился, что эти животные ещё не налетели на решётку вокруг корабля. Потом в свою очередь пролез в люк и свалился там, отдуваясь и кашляя, дым безумно раздражал горло и лёгкие.

— Тише! — Тревиса дёрнули в сторону, кто-то пробрался мимо него. Со звоном закрылся наружный люк. Теперь дыма стало меньше, и вместо шума и грохота наступила полная тишина.

Тревис набрал полные лёгкие воздуха, на этот раз жгло не так. В синеватом свете, исходившем от стен корабля, он увидел Эша. Тот лежал, прислонясь плечами и головой к стене. На лбу его наливался кровоподтёк. Вернулся от наружного люка Росс.

— Тесновато здесь, — заметил он. — Можем немного расшириться.

Они прошли во внутренний люк, и Мэрдок закрыл и его — вероятно, это и спасло им жизнь.

— Сюда... — Мэрдок указал на ближайшую дверь. Техники открыли двери, которые были плотно заперты во время их первого посещения. В каюте за дверью находился предмет, напоминавший одновременно койку и гамак — он был прикреплен и к стене, и к потолку. На него положили всё ещё не вполне пришедшего в себя Эша. Тревис едва успел осмотреться, как сверху, с лестницы долетел голос:

— Эй! Кто там внизу? Что происходит?

Они поднялись в рубку управления. Перед ними встал сухощавый молодой человек в комбинезоне техника и смотрел на них широко раскрытыми глазами.

— Кто вы? — спросил он, пятась и сжимая кулаки.

Тревис удивился, но потом увидел отражение в контрольной панели — грязный, на три четверти обнажённый дикарь. И Росс такой же, вдвоём они наверняка показались незнакомцу свирепыми аборигенами. Мэрдок сорвал парик, Тревис последовал его примеру. Техник успокоился.

— А, вы агенты во времени, — он произнёс это как обвинение. — Что здесь происходит?

— Всё взорвалось, — Росс тяжело опустился на одно из качающихся кресел. В этой тихой каюте трудно было поверить в катастрофу и смятение снаружи. — Происходит извержение вулкана, — продолжал Мэрдок. — И прорвались мамонты, мы едва успели сюда забраться...

Техник направился к лестнице. «Надо добраться до перехода».

Тревис схватил его за руку. «Из корабля сейчас не выбраться. Ничего даже не видно, в воздухе полно пепла».

— Насколько вы были готовы к переносу корабля? — спросил Росс.

— Насколько я знаю, всё готово, — начал техник и быстро добавил: — Думаете, они потащат его прямо сейчас, с нами внутри?

— Это возможность, только возможность. Если решётка выдержала землетрясение и нападение мамонтов... — голос Росса звучал негромко и устало. — Подождём и увидим.

— Можно увидеть отсюда — хоть и немного, — техник подошёл к одной из боковых панелей и протянул руку.

Росс прыгнул прямо со своего места — со скоростью и смертоносной целеустремлённостью саблезубого тигра. Он ударил техника и отбросил его на пол. Но тот уже успел нажать кнопку. С контрольной плиты поднялся светящийся экран. И вот над головой удивлённого и рассерженного техника появились клубы дыма: разведчики, как через окно, смотрели на долину.

— Дурак! — Росс стоял над техником, и в нём Тревис ощутил ту же смертельную угрозу, как и при первой встрече. — Ничего здесь не трогай!

— Умник, да? — лицо техника вспыхнуло, он встал, сжимая кулаки. — Я знаю, что делаю...

— Смотрите... туда! — крик Тревиса остановил готовую начаться драку.

На экране по-прежнему всё было затянуто дымом. Но появилось и кое-что новое. Полоса за полосой, квадрат за квадратом вспыхивало зеленоватое сверкание, обладавшее силой молнии, но не её свободой. Сияние всё росло, перекрывая серость дыма.

— Решётка! — техник отвернулся от Росса. Опираясь руками о спинку одного из качающихся кресел, он склонился к экрану. — Включили энергию. Собираются перенести нас!

Решётка продолжала сверкать, яркость свечения всё возрастала. Теперь на неё уже невозможно было смотреть. Корабль покачнулся. Ещё одно землетрясение — или что-то иное? И прежде чем Тревис что-либо сообразил, его охватила волна ощущений, которые он не смог бы описать, потому что никогда не испытывал их раньше. Как будто его плоть и мозг вступили в войну друг с другом. Он дёргался, хватал ртом воздух. Мгновенное неудобство, которое он испытал в маленькой машине времени, просто ничто по сравнению с этой мукой. Он пытался найти хоть что-то устойчивое в растворявшемся вокруг мире.

Очнулся он на полу. Над ним находилось окно наружу. Апач медленно поднял голову, чувствуя, что всё его тело словно избито. Но экран — на нём больше не видно серости, нет пепла, кружившегося, как снег. Экран синий, яркой металлической синевой, он хорошо знает эту синеву и часто видел её над собой. Тревис поднялся и протянул руки к этой синеве. Но по-прежнему чувствовал себя крайне неустойчиво.

— Подожди! — техник схватил его за руку. Он оттащил Тревиса от экрана и попытался усадить в одно из кресел. Росс стоял сзади, он вцепился в панель с такой силой, что шрамы на руке встали вертикально. Лицо его утратило выражение холодного гнева, стало внимательным, напряженным.

— Что происходит? — хрипло спросил Росс.

Ответ техника прозвучал очень резко. «Садитесь в кресла! Привяжитесь! Если я правильно понял, приятели...» — он толкнул Росса в ближайшее кресло, и тот покорно подчинился, словно не собирался только что драться с этим человеком.

— Мы прошли через время? — Тревис по-прежнему смотрел на мирное голубое небо.

— Конечно... прошли. Но долго ли останемся... — техник направился к третьему креслу, тому самому, в котором они нашли мёртвого пилота. Сел резко, чуть не упал.

— Что ты хочешь сказать? — глаза Росса сузились, на лице снова появилось угрожающее выражение.

— Энергия переноса привела в действие двигатели. Ты разве не чувствуешь вибрацию, парень? Мне кажется, корабль готовится к старту.

— Что? — Тревис полупривстал. Техник наклонился и толкнул его обратно.

— И не думай пытаться выскочить, парень. Смотри!

Тревис взглянул, куда он указывал. Дверь на лестницу, по которой они поднялись сюда, была закрыта.

— Двигатели работают, — продолжал техник. — Я думаю, мы скоро стартуем.

— Но как же... — начал было Тревис и вздрогнул, понимая тщетность своего протеста.

— Что мы можем сделать? — спросил Росс, снова овладев собой.

Техник рассмеялся, подавился и махнул рукой в сторону приборов управления. «Что? — мрачно переспросил он. — Я знаю назначение трёх маленьких кнопок. С остальными мы не решались экспериментировать. Я не могу ни остановить, ни начать что-нибудь. Так что мы полетим к луне или ещё куда-нибудь, хотим мы того или не хотим».

— А снаружи ничего не смогут сделать? — Тревис снова повернулся к голубой полоске. Он не разбирается в машинах. Только может надеяться, что кто-нибудь как-нибудь сумеет положить конец этому ужасу.

Техник взглянул на него и снова рассмеялся. «Могут побыстрее убраться. Если при старте возникнет ударная волна, многие могут пострадать».

Вибрация становилась всё сильнее. Казалось, дрожат не только стены и пол — сам воздух, который Тревис глотал быстрыми короткими вдохами. Он чувствовал себя больным от ощущения полнейшей беспомощности, во рту пересохло, в желудке начались боли.

— Сколько!... — услышал он вопрос Росса и увидел, как техник качает головой.

— Я знаю не больше тебя.

— Но почему? Как? — хрипло спросил Тревис.

— Пилот, которого тут нашли... — техник постучал пальцами по щиту управления. — Может, он установил перед смертью обратный курс. А потом при переходе во времени эта энергия что-то привела в действие... Я только гадаю.

— Установил курс куда? — Росс облизал пересохшие губы.

— Может быть, домой. Ну, парни, застегнитесь!

Тревис ухватился за ремни и неуклюже натянул их поперёк тела. Он тоже ощутил последнее усиление вибрации.

Потом невидимая рука, большая и сильная, как нога мамонта, обрушилась на него. Под его телом кресло раскрылось и превратилось в раскачивающуюся постель. Он лежал, прикреплённый к ней, не в силах дышать, думать, делать что-нибудь. Он мог только чувствовать боль во всём теле, кости его напряглись под страшным давлением. Синий прямоугольник мелькнул перед глазами, и всё потемнело.

7

Тревис приходил в себя медленно, с трудом. Прежде чем прояснилось в голове, он ощутил боль внутри. Во рту устоявшийся вкус крови. Трудно глотать и трудно сфокусировать взгляд. Экран, совсем недавно голубой, теперь совершенно чёрный. Тревис шевельнулся, и кресло под ним сильно покачнулось, хотя его усилие было совсем слабым. Медленно, осторожно он приподнялся на руках.

В соседнем качающемся кресле лежал Росс Мэрдок, нижнюю часть его лица покрывала корка засохшей крови, глаза закрыты, под загаром проступала болезненная желтизна. Техник, казалось, не в лучшем состоянии. Но в

рубке не тихо, что-то движется. Поняв это, Тревис расстегнул ремни на груди и попробовал встать.

Эта попытка привела к катастрофическим последствиям. Он оторвался от опоры, но при этом ноги его не коснулись пола. Он повис, абсолютно потеряв вес, и ударился о край щита с такой силой, что вскрикнул от боли. Охваченный паникой, он вцепился в щит, подтягиваясь, пока не дотянулся до техника, и попытался привести его в себя. Попытки Тревиса становились всё резче, но техник продолжал лежать.

Наконец он застонал, повернул голову и открыл глаза. Постепенно они стали сознательными, в них отразилось удивление и страх.

— Что.. что случилось? — слова звучали нечётко. — Ты ранен?

Тревис провёл рукой по щекам и подбородку и посмотрел: рука в крови. Должно быть, он выглядел не лучше Росса.

— Не могу ходить, — он выбрал самую главную проблему. — Просто плаваю...

— Плаваешь? — повторил техник, потом принялся расстёгивать свои ремни. — Значит... нет тяжести. Мы в космосе!

В памяти Тревиса всплыли обрывки прочитанных статей. Нет тяготения... нет ни верха, ни низа... нет веса... Его тошнило, голова кружилась, но он, придерживаясь за щит, перебрался от техника к Россу. Мэрдок уже начал шевелиться, и когда Тревис дотянулся наконец до его кресла, Росс застонал, пальцы его бесцельно скользили по груди. Тревис осторожно взял его за окровавленный подбородок, покачал медленно из стороны в сторону, и серые глаза раскрылись.

— ...вот мы и в космосе! — Кейс Ренфри, техник, покачал головой, отвечая на поток вопросов агентов во времени. — Слушайте, парни, меня включили в проект для оценки степени повреждений. Я не умею летать ни на

каком корабле, тем более на этом. Тут, должно быть, автоматическое управление.

— Включенное мёртвым пилотом. Теперь корабль вернётся на базу, — мрачно предположил Тревис.

— Ты забыл об одном, — Росс осторожно сел, обеими руками держась за ремни. — База пилота осталась в прошлом. С той эпохи прошло двенадцать тысяч лет. Нас перенесли во времени перед стартом...

— А не можем мы вернуться домой? — спросил Тревис у техника.

— Я не стал бы трогать тумблеры на щите, — ответил Ренфри, покачивая головой. — Если мы летим на автопилоте, лучше всего долететь до цели и посмотреть, что мы сможем сделать тогда.

— Но пока придётся задуматься ещё кое о чём. Пища, вода, запас воздуха, — заметил Тревис.

— Да... воздух, — Росс говорил с холодной серьёзностью. — Сколько времени мы можем провести в пути?

Ренфри слабо улыбнулся. «Я знаю не лучше тебя. Думаю, запаса воздуха хватит. На корабле имеется мощная установка по очистке воздуха, и Стеффердс говорил, что она в рабочем состоянии. Воздух очищается каким-то видом водорослей в закрытых баках. Можно посмотреть, но добраться до них невозможно. И состав атмосферы примерно тот же. А что касается пищи и воды... нужно поискать. Нужно прокормиться троим...»

— Четверым! С нами Эш! — Росс, забыв, где находится, попытался вскочить и тут же взлетел в воздух, размахивая руками и ногами, но Ренфри притянул его вниз.

— Спокойней, спокойней, приятель. Нажмёшь случайно не на ту кнопку, и наше положение станет ещё хуже. Кто такой Эш?

— Наш шеф. Мы оставили его в каюте внизу, у него ушиб головы.

Тревис быстро направился к колодцу, ведущему к центру шара. Просчитался, отскочил назад и остался доволен, когда смог наконец ухватиться за ручку. Вдвоём

они открыли дверь и с трудом стали продвигаться в направлении, о котором Тревис по-прежнему, несмотря на свидетельства глаз, думал как о «ниже».

Спуск к сердцу корабля потребовал изрядной гибкости, мучительной для избитых тел. Но в каюте они нашли Эша по-прежнему лежавшего на койке. Он перенёс старт гораздо легче юношей. Потому что из массы заполнившего внутренности койки-гамака густого желе выглядывало одно лишь его мирное лицо.

— Всё в порядке. Это вещество они использовали для лечения раненых. Мне оно спасло жизнь, — заверил Росс. — Лечит всё, что угодно.

— Откуда ты столько знаешь? — спросил Ренфри, но потом, удивлённо глядя на Росса, добавил: — Эй, ты, должно быть, тот самый парень, что пробрался на корабль, который грабили красные!

— Да. Но сейчас я бы хотел побольше знать об этом корабле. Пища, вода...

Вслед за Ренфри они принялись обходить корабль, с трудом приспособиваясь к невесомости, но решив узнать всё лучшее... и худшее о месте своего заключения. Техник уже побывал в корабле везде и теперь показал им установку по очистке воздуха, помещение двигателей, каюты экипажа. Они тщательно осмотрели помещение, которое могло служить только кают-компанией, соединённой с кухней. Очень тесное помещение. За раз в него вмещалось только четыре человека... или человекоподобных существа.

Тревис, нахмуясь, рассматривал ряды закрытых контейнеров в шкафу. Достал один, потряс возле уха и услышал плеск, от которого захотелось провести языком по сухим окровавленным губам. Внутри какая-то жидкость, а он не может вспомнить, когда пил в последний раз.

— Вот вода, если хочешь пить, — Ренфри достал из-за угла канистру. — У нас на борту четыре таких, мы пили, когда работали.

Тревис взял металлическую бутылку, но не стал её открывать. «На борту все четыре?» Вероятно, он лучше

всех остальных понимал ценность воды и как плохо без неё.

Ренфри достал все, потряс. «Три полны. А эта примерно наполовину или чуть меньше».

— Придётся установить норму.

— Конечно, — согласился техник. — Наверно, есть и таблетки пищевого концентрата. У вас, приятели, они есть?

— У Эша была с собой сумка с припасами. Правда? — спросил Тревис у Росса.

— Да. И надо проверить, сколько там таблеток.

Тревис взглянул на булькающий контейнер чужаков. Много бы он дал за то, чтобы открыть крышку, попробовать содержимое и утолить жажду и голод.

— Наверно, придётся когда-нибудь испытывать и это, — ответил на невысказанный вопрос Ренфри, взял контейнер и поставил его на место.

— Я думаю, нам многое придётся испытать до конца путешествия — если оно когда-нибудь кончится. А сейчас мне хотелось бы в ванну. На худой конец в душ, — Росс оглядел собственное исцарапанное, полуобнажённое — и очень грязное! — тело с явным неудовольствием.

— Это можно. Идёмте.

Снова Ренфри исполнял роль проводника. Он привёл их в маленькое помещение за кают-компанией. «Становись сюда. Держаться можно за эти вот штуки, — он указал на прутья, укреплённые в стене. — Встань ногами на эту пластину и нажми диск на стене».

— И что будет? Я поджарюсь или испекусь? — подозрительно спросил Мердок.

— Нет. Это действует. Мы вчера испробовали на морских свинках. А потом Харви Баш пролил на себя банку масла и вымылся. Похоже на душ.

Росс снял свою поношенную шкуру и сбросил сандалии. И даже от такого движения скользнул вдоль стены. «Ну, хорошо. Я готов попробовать», — он встал на пластину,

держась руками за прутья, и нажал круг. Из-под пластины на полу начал подниматься туман, окутал его ноги, и продолжил ползти вверх. Ренфри закрыл дверь.

— Эй! — запротестовал Тревис. — Он задохнётся.

— Всё в порядке! — слышался из-за двери голос Росса. — И даже ещё лучше!

Когда несколько минут спустя он вышел из полного туманом помещения, вся грязь и большая часть краски полностью сошли с тела. Больше того, свежие кровоточащие царапины превратились в розоватые сморщенные линии. Росс улыбался.

— Все удобства на дому. Не знаю, что это за штука такая, но прочищает до второго слоя кожи, и очень приятно. Первая хорошая вещь, которую мы нашли в этой мышеловке.

Тревис снимал свою кожу медленнее. Ему не хотелось закрываться в этой душегубке, но и нынешнее состояние ему не нравилось. Он осторожно ступил на пластину, поставил устойчивей ноги и нажал круг, задержав дыхание, когда начал подниматься туман.

Но это оказался не газ, как тут же понял он, и не туман, а что-то более материальное. Как будто погружаешься в струю пенных пузырей, и они растирают тело, как полотенцем. Улыбаясь, Тревис расслабился и, закрыв глаза, нырнул под поверхность. Он чувствовал мягкие прикосновения к лицу и телу, снимающие боль от ушибов и царапин.

Выйдя из душа, Тревис увидел обновлённого Росса. Тот надевал на широкие плечи верхнюю часть синего костюма, который облегал его тело, выделяя каждую мышцу. Костюм был сшит из одного куска, ноги облегали нечто вроде чулок, оканчивавшихся мягкими подошвами, пружинящими при ходьбе. Росс подобрал с пола другой такой же костюм и бросил его индейцу.

— За счёт заведения, — объявил он. — Никогда не думал, что когда-нибудь снова надену такое.

— Их форма? — Тревис вспомнил мёртвого пилота. —

Что это, шёлк? — он провёл рукой по гладкой поверхности ткани и поразился игре цвета — синий, зелёный, фиолетовый. Оттенки сменяли друг друга при движении ткани.

— Да. С одной стороны, у него отличные качества, он предохраняет как от жары, так и от холода. Но с другой, его можно проследить.

Тревис перестал надевать костюм. «Как это проследить?»

— Ну, за мной шли около пятидесяти миль по весьма пересечённой местности, потому что на мне был такой костюм. И пытались подчинить моё сознание. Я уснул однажды, а проснувшись, увидел, что иду прямо к тем парням, которые хотели меня поймать.

Тревис смотрел недоверчиво, но было ясно, что Росс говорит совершенно серьёзно. Тогда апач взглянул на уже надетый костюм, и ему захотелось его снять. Однако Мэрдок, вопреки своему рассказу, уверенно застёгивал кнопки, проходившие наискосок от плеча к бедру.

— Если бы мы оказались в том времени, я не притронулся бы к этому костюму и концом пятидесятифутовой палки, — продолжал Росс, сухо улыбаясь. — Но так как мы в тысячах лет от его хозяев, я рискну. Как я говорил, у этих костюмов имеются и достоинства.

Тревис застегнул кнопки на своём костюме. Стало легко, приятно, чуть тепло, и почти так же успокаивающе, как в душе из пузырей, который залечил его тело и придал ему энергию. И он решил, что будет носить этот костюм: он несравненно лучше снятой одежды из шкур.

Затем они учились передвигаться в невесомости. Обычный способ передвижения напоминал плавание, нашлись удобные ручки, за которые можно было подтягиваться. Если бы Тревис мог забыть, что корабль несёт их в неизвестность, нынешнее положение было бы совсем неплохим. Но когда примерно час спустя все четверо собрались в рубке, они подготовились со всей возможной объективностью обсудить главную проблему.

Эш, вполне пришедший в себя, посвежевший после лечения средствами чужаков, с невысказанного согласия всех принял руководство. Но надежды трёх агентов во времени были связаны с Ренфри. Однако техник мало что мог предложить.

— Скорее всего, пилот перед смертью настроил приборы на возвращение домой. Я только высказываю предположение, вы понимаете, но это единственное объяснение, которое имеет смысл. Когда мы здесь работали, мой шеф, пользуясь записями с того корабля, который грабили красные, определил три установки: ту, что позволяет видеть снаружи корабля, — начал он, указывая на экран, ставший голубым за несколько мгновений до их невольного старта. — Вторая — это внутренняя коммуникационная система, позволяющая связаться с любым помещением на корабле. И третье — вот это, — он погрузил какой-то рычаг в прорезь. На щите вспыхнули три огонька, а из воздуха над головами послышались звуки, которые вполне могли быть словом на неизвестном языке.

— И что же это? — Эш с интересом смотрел на огоньки.

— Орудия! Теперь у нас открыты четыре люка, и орудия готовы к стрельбе. Шеф считает, что это небольшой военный или патрульный полицейский корабль, — техник вернул рычаг на место, и огоньки погасли.

— Это нам не очень-то поможет, — заметил Росс. — А как насчёт шансов на возвращение домой?

Ренфри пожал плечами. «Я такой возможности пока не вижу. Откровенно говоря, боюсь трогать эти приборы в космосе. Очень велика возможность остановиться, а снова полететь — вперёд или назад — мы уже не сможем».

— Это разумно. Итак, нам придётся лететь в порт, на который нацелены твои приборы?

Ренфри кивнул. «Не мои приборы, сэр. Это, всё это намного превышает наши знания. Может быть, если бы у нас было время и мы бы спокойно стояли на поверхности, я и сумел бы разобраться, как работают двигатели, но заставить их работать — это ещё одна проблема».

— Атомное горючее?

— Даже это я не могу сказать. Двигатели герметически закрыты. Может, это защита от радиации. Мы не решились проверять.

— А домашний порт может оказаться в любом месте вселенной, — размышлял Эш. — У них должен был существовать какой-то способ прыжка: полёт не может длиться столетия.

Ренфри с раздражённым выражением разглядывал ряды кнопок и ручек. «У них тут может быть любой прибор, придуманный фантастами, сэр, но мы этого не знаем и не узнаем, пока эта штука не заработает».

— Отличная перспектива, — Эш с осторожностью новичка в невесомости встал. — Я думаю, пора поближе познакомиться с нашим новым домом.

На корабле нашлись три маленькие каюты, в каждой по две койки-гамака. Экспериментируя со стенными панелями, агенты во времени обнаружили одежду и личные вещи экипажа. Тревису не хотелось притрагиваться к вещам мертвецов. Но он выполнил свою долю поиска. От находок в их нынешнем положении может зависеть разница между жизнью и смертью. Он порылся в одном из пустых ящиков и увидел что-то блестящее. Тревис достал этот предмет. В руках его оказался прямоугольник из какого-то гладкого материала, похожего на стекло. Но возбуждение от находки улеглось, когда он с любопытством начал разглядывать её. По краям пластинки проходила рамка из крошечных вспыхивающих жёлтых точек, возможно, драгоценных камней. А в рамке — не изображение, а сплошная чернота.

Картина! Может, тут был пейзаж какого-то далёкого мира? На что он был похож? А может, семья, дом, друзья? Тревис смотрел на гладкую поверхность в рамке. Гладкую?.. Там что-то есть! Вначале появился цвет, он менялся, очертания становились всё более чёткими. Удивлённый, почти испуганный, Тревис смотрел на появившуюся сцену.

Да, изображение. И знакомое. Он, несомненно, знает это место — полоска пустыни и горы. Да он смотрит сверху на каньон Красной Лошади! Ему за хотелось отбросить от себя эту пластинку. Как мог чужак, живший двенадцать тысяч лет назад, иметь в своём имуществе изображение местности, которую Тревис знал как свой родной дом? Это невероятно! Не может быть!

— Что это, сынок? — рука Эша реальна, голос тёплый. Тревис продолжал смотреть на вещь, чужую, ужасную, несмотря на знакомую красоту...

— Картина, — пробормотал он. — Картина моей родины... здесь.

— Что? — Эш наклонился и с удивлённым восклицанием взял рамку из рук Тревиса. Молодой человек стёр ладонью пот со лба, стараясь стереть и прикосновение к своим чувствам этой жуткой вещи.

Но, взглянув снова на картину пустыни, он вскрикнул. Картина быстро тускнела, цвета сливались, сменяясь белизной. И вот пустыня и горы исчезли. Эш держал пластинку в обеих руках. Снова в глубинах её началось движение, что-то за клубилось, и появилась новая яркая сцена.

Но не пустыня, а группа высоких деревьев. Тревис узнал в них сосны. Под ними полоска серо-белого песка, а дальше волны, ударяющиеся в скалы. И над беспокойной водой белые птицы...

— Гавань! — Эш неожиданно сел на койку, руки его дрожали. — Это берег у моего дома в Мейне — в Мейне. Говорю вам! Гавань, Мейн! Но как это сюда попало? — у него было совершенно ошеломлённое выражение лица.

— Мне оно тоже показало мою родину, — медленно сказал Тревис. — А вам — другую картину. Может, тому, кто жил в этой каюте, оно тоже показывало родину. Это какое-то волшебство. Но не такое, как ваша наука, и не то, что у моих предков, — факт, что этот предмет вызвал у белого такое же недоумение, как и у него, почему-то

ослабил страх. Эш оторвал взгляд от картины берега и посмотрел в глаза Тревису. Медленно кивнул.

— Это, конечно, догадка, но я думаю, ты прав. Что они знали, эти чужаки, какие чудеса им были доступны! Мы должны узнать, должны последовать за ними.

Тревис потрясённо рассмеялся. «Мы и так следуем за ними, доктор Эш. А насчёт узнать — посмотрим».

8

Человек двигался по узкому коридору, мягкие подошвы его костюма еле касались пола. В лишённых времени помещениях космического корабля не бывало смены дня и ночи. Тревису пришлось долго ждать этого момента. Своими коричневыми руками, сильно похудевшими, он всё плотнее затягивал ремень. А под ним — грызущая боль, которая теперь никогда не оставляла его.

Они продлили запас воды при помощи строго рационирования, так же поступили и с таблетками концентрата. Но завтра, вернее, в следующий период бодрствования, который они называют «завтра», останется всего четыре маленьких квадратика. И Тревис прекрасно сознавал не только этот неоспоримый факт; он помнил, что сказал Росс, когда они говорили о необходимости испытать продукты чужаков.

— Кейс Ренфри, — указывал на очевидное младший агент во времени, — не будет испытателем. Если нам удастся когда-нибудь установить, что заставляет работать этот автобус, и повернуть его назад, это сделает Ренфри. А у вас, шеф, — он повернулся к Эшу, — лучшие мозги, вы должны их использовать. Может, мы где-то в этом барахле найдём руководство или ленту «сделай сам», которая даст нам ключ.

Они обсуждали найденное. Предметы, подобные рамке с исчезающей картиной, отложили в сторону, надеясь, что Эш, с его археологическим опытом проникновения в загадки древности, сумеет их изучить и понять.

— Таким образом, — закончил Росс, — проблему пищи будет решать доброволец — я.

Тревис молчал, но принял своё решение. Он пришёл к такому же логическому выводу, что и Росс, только окончательное суждение было другим. Из всех четверых на корабле, конечно, он, а не Мэрдок, наименее ценен. А история его народа свидетельствует, что апачи обладают несокрушимым пищеварительным аппаратом. Они жили на естественных продуктах в такой местности, где не выжило бы никакое другое племя. И вот — теперь он занят собственным исследовательским проектом.

В прошлый период сна он проверил первый контейнер из шкафа. Тот самый, в котором булькала жидкость. Сделал два больших глотка густого сладковатого вещества, по консистенции похожего на похлёбку. Вкус не очень приятный, но никаких плохих последствий не проявилось. Теперь он выбрал маленький круглый контейнер и быстро снял с него крышку, в то же время прислушиваясь к звукам в коридоре.

Он оставил Росса спящим в маленькой каюте, которую они делили, и заглянул по пути к Эшу и Ренфри. Времени мало, а ему приходится выдерживать достаточный период времени после каждого испытания.

Тревис хотел пить, но понимал, что этого нельзя делать. В последний «обед» он скрыл в руке таблетку пищевого концентрата, затем поднёс контейнер с водой к губам, но пить не стал. Желудок его должен быть пустым. Теперь он с отвращением разглядывал свой новый выбор.

Коричневое желе слегка дрожало от перемещения контейнера в руке, поверхность его отражала свет. Используя крышку в качестве импровизированной ложки, Тревис отправил немного желе в рот. Почти безвкусное, только неприятное ощущение жира на языке. Он проглотил, сделал второй глоток. Потом выбрал третий образец — квадратный ящичек. Придётся подождать. Если желе не даст плохих последствий, тогда это. Если он докажет, что

желудок выдерживает четыре-пять разновидностей этих продуктов, у них появится надежда продержаться до конца пути.

Он не вернулся к себе на койку. Магнитные доньшки контейнеров удерживали их на поверхности стола, как толстые подошвы ног прилипают к полу, если их прижать покрепче. Теперь все уже привыкли к невесомости и условиям космического перелёта. Но Тревису приходилось подавлять свою неприязнь к кораблю: он не выносил тесноты, привык к просторам. В одиночестве ему легче: не нужен такой строгий контроль за собой.

Путешествие в прошлое ему понравилось. Доисторический мир дик, но он понимает эту дикость. Корабль — совсем другое дело. Ему казалось, что в маленьких каютах, узких коридорах и на лестницах всё ещё чувствуется запах смерти, что чуждость этого корабля — более страшная опасность, чем саблезубый тигр или мамонт.

Когда-то он считал, что хочет больше узнать о древних. Хотел разгадать загадки по обломкам керамики и наконечникам стрел, найденным в пыльных пещерах. Но те древние — его далёкие родственники; те же, что построили этот корабль — вовсе нет. На одно-два мгновения клаустрофобия охватила его, он почти потерял контроль над собой, ему захотелось бить в стены кулаками, выбраться из этого заключения на воздух, к свету — на свободу.

Но за этими стенами нет света и воздуха, только свобода пустоты — или то загадочное гиперпространство, что сокращает расстояния между звёздами. Тревис боролся со своим воображением. Он не мог выдержать картины корабля, висящего в пустоте, где, вероятно, нет даже застывших точек света — звёзд, где нет ничего постоянного и прочного.

Путешественники могли только надеяться, что корабль доберётся до порта, на который его нацелил умирающий пилот. Но ведь курс был установлен двенадцать тысяч лет назад, может быть, и больше. Какой порт выдержит такое время? Двенадцать... пятнадцать тысяч лет... Слишком

долгий период для воображения обычного человека. В это время на земле ещё не были построены первые посёлки со стенами из глины, не была засеяна первая полоска земли, человек ещё не превратился из бродяги в домохозяина, собственника земли. Какими были тогда апачи? А белые? Бродячие охотники, искусно пользующиеся копьём и ножом, преследующие добычу. Но именно тогда эти чужаки построили корабль, путешествовали в космосе не только между планетами одной системы, они летали от звезды к звезде!

Тревис пытался представить себе их будущее, но мысли его всё время возвращались к потребностям настоящего. Ему хотелось постоять под солнцем и на ветру, да, даже в пустыне, где ветер горяч и полон пыли. Это желание острое, как боль... боль?

Он сжал руками живот. Резкая неожиданная боль пронзила внутренности, и, конечно, она не от тоски по дому. Боль физическая и очень реальная. Он согнулся вдвое, стараясь облегчить боль, каюта затягивалась туманом. Боль прошла, Тревис распрямился и тут же ощутил её снова. Вот и всё. На второй попытке ему не повезло.

Ему удалось встать, придерживаясь за стол, когда начался третий приступ. Потом попытка кончилась, оставив его всего в поту. А когда начался четвёртый приступ, он уже был в коридоре, добрался до убежища, которое искал, и тут его наконец вывернуло.

Тревис не мог поверить, что два глотка жирного желе способны так ослабить человека. Он с трудом дотащился до кают-компания и апатично опустился на стул. Больше всего ему хотелось воды — смыть грязь во рту, затушить жжение в горле. Канистры насмехались над ним, он не смел к ним прикоснуться, зная, как мало осталось драгоценной жидкости.

Некоторое время он сидел у стола, радуясь прекращению боли. Потом взял контейнер с желе. Нужно обозначить, что это яд. Он проверил только два контейнера. Сколько ещё пригодных удастся найти?

Остаётся только пять таблеток концентрата, считая ту, что он спрятал. Ничто не превратит пять в десять — или в двести. Если они хотят дожить до своей неведомой цели, придётся воспользоваться пищей чужаков. Но Тревис не мог сдерживать дрожь рук, когда открывал крышку квадратного ящичка. Может, он слишком торопится, взявшись за новый образец сразу после катастрофических последствий предыдущего? Но он знал, что если не сделает это сейчас и здесь, на третью попытку его не хватит.

Крышка снялась, и Тревис увидел внутри сухие красные кубики. На ощупь нечто среднее между чёрствым хлебом и сухим печеньем. Он принюхался. Впервые запах показался ему отдалённо знакомым. Так пахнут тонкие хрупкие маисовые лепёшки. И так как этот запах вызывал приятные воспоминания, Тревис откусил даже охотно. Несколько мгновений назад он бы не поверил, что это возможно.

Кубик раскрошился, как пшеничный хлеб, и Тревису показалось, что и вкус тот же, вопреки необычному цвету. Он прожевал и проглотил. И хоть пища была сухой, жжение после желе прекратилось. Так вкусно, что он решил проглотить ещё несколько кусков. Прикончил первый кубик, потом второй. Наконец, по-прежнему держа в руке ящичек, он закрыл глаза, уставшее тело требовало отдыха.

Он едет верхом. Перед ним открывается вход в каньон Красной Лошади, в воздухе пахнет можжевельником. Пролетела птица — его глаза следуют за её полетом. Орёл! Мощная птица кругами поднимается в безоблачное небо. И вдруг небо больше не синее, оно чёрное, и это не чернота обычной ночи. Межзвёздная чернота. Звёзды увеличиваются, его несёт к ним сквозь черноту...

Тревис с трудом раскрыл глаза и разглядел перед собой фигуру в синем. К нему склонилось худое измождённое лицо, с запавшими щеками и тёмными пятнами под холодными серыми глазами.

— Росс! — апач поднял голову с рук, поморщившись от боли в шее.

Мэрдок сидел против него, переводя взгляд от контейнеров чужаков на Тревиса и обратно.

— Так вот чем ты занимаешься! — в голосе его звучали обвинительные нотки, почти гнев.

— Ты сам сказал, что это работа для самого заменимого.

— Хочешь втихомолку стать героем! — обвинение слышалось совершенно ясно.

— Пока не очень-то получается, — Тревис опёрся подбородком о кулак и взглянул на контейнеры. — Пока что я проверил только три.

Росс прикрыл глаза. К нему вернулся обычный самоконтроль, хотя Тревис не сомневался, что тот по-прежнему враждебно настроен.

— И каковы результаты?

— Номер один, — Тревис указал на контейнер, — слишком сладко, похоже на похлёбку, но, несмотря на вкус, остаётся в тебе. Вот этот номер два, — он похлопал по жестянке с коричневым желе. — Им можно только волков травить. А вот это, — он указал на ящичек с красными кубиками, — вот это хорошо.

— Долго ты этим занимаешься?

— Один попробовал в прошлый период сна, два — в этот.

— Яд? — Росс взял контейнер с желе и заглянул в него.

— Можешь сам попробовать! — гневно сказал Тревис, услышав в голосе Росса скептическую нотку.

Росс поставил контейнер. «Поверю тебе на слово, — согласился он. — А как насчёт этого?» — он стоял перед шкафом и теперь повернулся, держа в руках круглую мелкую банку. Открыть её оказалось труднее, но когда это наконец удалось, внутри обнаружились маленькие шарики в жёлтом соусе.

— Знаешь, похоже на бобы, — заметил Росс. — Ни разу не видел корабль, на котором в том или ином виде в меню не оказалось бы бобов. Посмотрим, похожи ли они на бобы по вкусу, — он набрал полный рот и задумчиво начал

жевать. — Бобы... нет... я бы сказал, скорее капуста... с какими-то приправами. Но неплохо, совсем неплохо!

Тревис обнаружил, что в глубине души надеется: бобы плохо действуют на Росса, ну, не так, как желе, — такого он никому не пожелает! Просто это докажет Мэрдоку, что не так-то просто испытывать пищу...

— Ждешь, чтобы меня вывернуло наружу, — Росс улыбнулся.

Тревис вспыхнул и ещё больше смешался, поняв, что выдал себя. Он отодвинул ящичек с хлебными кубиками и с вызовом выбрал новую цель — высокий цилиндр, в котором что-то плескалось.

— Двум смертям не бывать, — заметил Росс. — Как это пахнет?

Открытие хлеба подбодрило Тревиса. Он с надеждой принялся и тут же отдернул от носа цилиндр: из отверстия пошла пена.

— Может, там жидкое мыло, — предположение Росса не очень-то помогло. — Лизни, приятель, у тебя только один живот на службе родине.

Тревис, подгоняемый насмешкой, лизнул — подозрительно и опасаясь неприятных последствий. Но, к его удивлению, пена, чуть сладковатая, не производила такого отвратительного впечатления, как желе. Скорее приятно, и жажда проходит. Он набрал полный рот, проглотил и напряжённо сидел, ожидая, когда в животе вспыхнет фейерверк.

— Хорошо? — спросил Росс. — Ну, не могут же тебя всё время преследовать неудачи.

— Особой удачи тоже нет, — Тревис закрыл цилиндр, из которого продолжала выпирать пена. — Мы живы... но летим неизвестно куда.

— Ты прав. Немного информации о нашей цели было бы полезно и утешительно.

— Планета тех, кто построил этот корабль, не может сильно отличаться от нашей, — Тревис повторил слова,

высказанные ранее Эшем. — Мы без труда дышим их воздухом, можем есть их пищу.

— Двенадцать тысяч лет... Знаешь, я могу это произнести, но в реальности это для меня ничего не значит, — враждебность Росса либо исчезла, либо отодвинулась на второй план. — Слова произносишь, но не хватает воображения... понимаешь, о чём я?

Тревис, которому наступили на большую мозоль, немного посидел, сдерживаясь, потом ответил: «Немного. Я четыре года провёл в университете. Мы теперь не всё время ходим в одеялах и перьях».

Росс взглянул на него, в холодных серых глазах мелькнуло удивление.

— Я не это имел в виду... — он улыбнулся, и впервые в его улыбке не было ни превосходства, ни насмешки. — Хочешь правду, приятель? Я получал образование — до проекта — очень трудным путем. Никаких университетов. Но ты ведь изучал занятие шефа — археологию, верно?

— Да.

— Что же значат для тебя двенадцать тысяч лет? Ты имел дело со временем в больших дозах.

— Для нашей истории это большой период — от пещер до современности.

— Да, задолго до египетских пирамид, до того, как человек научился писать и читать. Так вот, двенадцать тысяч лет назад звёзды принадлежали этим парням в синем. Но готов биться об заклад, они их не удержали! На нашей планете ни одна страна, даже Китай, не прожили так долго. Цивилизации поднимаются, а потом... — он щёлкнул пальцами. — Капут. Другие занимают их место. Так что, может быть, когда прилетим в порт, о котором говорит Ренфри, ничего там не найдём. Или нас ждёт что-то совсем другое. Либо то, либо другое. Только я бы предпочёл, чтобы нас ничего не ждало.

Тревис вынужден был согласиться с логикой этого рассуждения. Допустим, они прилетят в порт, который перестал существовать. И улететь оттуда не смогут: они не

умеют управлять кораблём. На весь остаток жизни они превратятся в космических изгнанников.

— Мы ещё не умерли, — сказал Тревис.

Росс рассмеялся. «Несмотря на все наши усилия? Да, таков должен быть наш воинский клич! Пока человек жив, он борется. Но неплохо бы всё-таки знать, надолго ли мы заперты в этом корабле», — в последних словах не звучал обычный дерзкий тон; как будто и его тщательно поддерживаемый самоконтроль начинал сдавать.

В конце концов их эксперименты оказались вполне успешными. Крекеры, которые Тревис упрямо продолжал именовать «хлебом», пена и капуста-бобы Росса без труда переваривались внутренностями человека. К этому перечню они добавили липкую пасту с консистенцией джема и вкусом бекона и ещё что-то похожее на печенье. Несмотря на кислый вкус, от которого сводило рот, есть можно было. Осмелев, Тревис взял контейнер с жидкостью и отпил. Жидкость имела металлический привкус, но вреда не принесла.

Вдобавок к этим экспериментам младшие члены невольного экипажа старались стать как можно более полезными Эшу и Ренфри в их исследованиях. Техник находился в постоянном раздражении. Он проводил часы в рубке, изучая механизмы, которые не смел разбирать для более подробного исследования, как ему ни хотелось этого. Однажды утром — по крайней мере на часах Ренфри было десять, эти часы были их единственным способом наблюдения за временем — Тревис сидел за техником, когда произошло долгожданное изменение. Такое, при котором не нужно было молиться. Нужно было действовать.

Обычную тишину нарушил резкий звук — возможно, какое-то предупреждение. Ренфри схватил маленький микрофон корабельной связи.

— Привяжитесь! — он отдавал распоряжения с растущим возбуждением. — Тревога! Возможно, мы садимся. Привяжитесь!

Тревис схватил защитные ремни своего кресла. Внизу, должно быть, легли на койки. Снова вибрация — он уверен, что не ошибается. Корабль ожил.

Последующее описать было просто невозможно. Два этапа. Первый — водоворот странных ощущений, похожих на то, что они испытали, когда корабль перемещали во времени. Ослабев, Тревис откинулся на спину, глядя на экран. Всё это время он был пуст. Но тут его глаза что-то отметили, и он воскликнул:

— Солнце!

В чёрном пространстве виднелся жёлтый огонёк.

— Но не наше, — поправил его Ренфри. — Мы закончили прыжок. Теперь полёт в системе...

Желтовато-красный огонёк уже уходил за край экрана. У Тревиса создалось впечатление, что корабль медленно поворачивается. Теперь, когда исчезло яркое солнце, он увидел слабую светлую точку. Она оставалась на месте.

— Что-то говорит мне, парень, — неуверенно сказал Ренфри, — что именно к ней мы и направляемся.

— Земля? — Тревис ощутил прилив надежды.

— Земля, может быть, но не наша.

9

— Сели, — голос Ренфри, тонкий, хриплый, нарушил тишину рубки управления. Руки его протянулись к шиту и бессильно упали. Он не управлял посадкой, но казался совершенно истощённым усилиями.

— Домашний порт? — губы Тревиса пересохли. Посадка оказалась не такой изматывающей нервы и тело, как старт с Земли, но всё равно пришлось нелегко. Либо корабль был лучше приспособлен к организму чужаков, либо они закалялись в тренировках и многочисленных полётах. Иначе такое не выдержишь.

— Откуда мне знать? — вспыхнул Ренфри. Он вновь пришёл в раздражение.

На экране, их окне во внешний мир, снова небо. Но не обычное земное голубое небо, которое Тревис знал и которое так стремился снова увидеть. Синевя, близкая к зелени, как бирюза, добываемая в холмах. Что-то в этом небе было холодное, враждебное.

На открытом пространстве виднелось сооружение с ярко выраженным металлическим блеском. Но гладкий изгиб тускло-красной поверхности заканчивался рваным краем на сине-зелёном фоне неба. Очевидно, что это давно уже развалина.

Тревис отвязался и встал на ноги, тело его с трудом принимало вернувшуюся тяжесть. И хоть он не любил корабль, стремился выбраться из него, сейчас ему совсем не хотелось выходить под это бирюзовое небо и исследовать руины, столь хорошо видимые на экране. И именно из-за этого нежелания он решил пойти туда.

В конце концов все собрались у выхода. Ренфри возился с внутренней дверью, потом они прошли к наружной. Техник оглянулся через плечо.

— Шлемы надели? — голос его гулко отдавался в шлеме в форме пузыря Тревиса. Пузырь плотно соединялся с костюмом. Эти шлемы обнаружил Эш. Он испытал их, готовясь к выходу в неизвестное. Внутри находились кислородные баки. Принцип их действия остался непонятен Ренфри, но чужаки пользовались ими, и теперь придётся довериться им.

Открылся наружный люк. Ренфри выбросил лестницу и повернулся, чтобы спускаться по ней спиной вперёд. Каждый, выходя из люка, быстро оглядывался.

Внизу на многие мили расстилалась жёсткая белая поверхность. На ней кое-где виднелись тускло-красные сооружения с металлическими стенами в форме треугольников и квадратов. В центре каждого сооружения заключалось пространство, обозначенное чёрными кольцами. Ни одно из красных сооружений не казалось целым, а посадочное поле — если это посадочное поле — имело такой вид, словно им давно уже не пользовались.

— Ещё один корабль, — Эш взмахнул рукой, голос его донёсся до Тревиса через коммуникатор шлема.

И верно, за одним из сооружений, примерно в четверти мили, высился второй шар. А за ним Тревис увидел третий. Но нигде ни признака жизни. Ветер, лёгкий, ласковый, касался обнажённых рук.

Они спустились по лестнице и остановились у основания собственного корабля, не зная, что делать дальше.

— Подождите! — Ренфри схватил Эша за руку. — Что-то движется — вон там!

В корабле отыскилось и оружие; сейчас все держали странные пистолеты, такие же, какой был у Росса при его первой встрече с Тревисом. Подул ветер и принес обрывок давно погибшего растения, ударил его о бок корабля и унёс в каком-то ужасном танце.

Но действительно, что-то показалось из основания ближайшей к ним красной башни. Тревис, увидев, как разворачиваются большие кольца, замер. Змея? Огромная змея, головой уже дотягивается до их стоянки, а хвост всё ещё в развалинах здания.

Он прицелился в разворачивающиеся кольца. Но Ренфри ударил его по руке, отведя ствол бластера. И тут апач заметил то, что Ренфри увидел раньше: змея не живая, в ней нет плоти, шкуры, тонких костей, она из какого-то искусственного материала.

Новые кольца механически разворачивались, выползали из дверей, за которыми скрывалось, казалось, бесконечное тело змеи. Она приближалась рывками, останавливаясь, и снова двигаясь, словно длительное ожидание чуть не вывело её из строя. Вблизи стало видно, что она движется на ногах-стебельках. Четыре верхних отростка тесно прижались к корпусу; на том месте, где должна быть голова, качался стержень, напоминающий антенну.

Неровная походка со многими остановками создавала впечатление неисправности, ржавости и изношенности, распада от времени. Сколько она ждала? Четыре земляни-

на отошли от корабля, уступая проход странному посетителю из башни.

— Роботы! — неожиданно сказал Росс. — Это роботы! Но что они собираются делать?

— Заправлять, я думаю, — ответил Эш, а не Ренфри.

— Верно! — техник устремился вперёд. — Но есть ли у них горючее — сейчас?

— Будем надеяться, что хоть немного осталось, — мрачно ответил Эш. — Мне кажется, мы здесь не задержимся. Идёмте на борт.

Угроза застрять здесь, если корабль заправится, поднимется и оставит их на планете, вызвала у них состояние, близкое к панике. Они бросились к лестнице и начали подниматься. Но когда все добрались до люка, Ренфри остался около него, рассказывая о действиях роботов.

— Я думаю, сейчас присоединили эту трубу — под нами. Не вижу, что делает этот ходячий робот, может, просто стоит на случай неприятностей. Что-то движется по шлангу, он раздувается! К нам на корабль что-то подают.

— Заправочная станция, — Эш оглядел развалины зданий и посадочное поле. — Какой размах! Тут могли обслуживать сотни, даже тысячи кораблей. И так как их невозможно заправить все одновременно, значит, был флот, — в голосе его звучало удивление, — флот, масштабы которого нам трудно себе представить. Мы были правы: это галактическая цивилизация. Может, она достигала соседних галактик.

Но глаза Тревиса были устремлены на разбитую вершину башни, из которой вышли роботы. «По внешнему виду похоже, что тут давно уже никто не бывал», — заметил он.

— Машины будут действовать, пока не износятся, — ответил Ренфри. — И мне кажется, что эти близки к остановке. Сев, мы привели в действие механизмы. Роботы начали выполнять свою работу — может быть, в последний раз. Когда они ещё этим занимались? Бездействие могло тянуться долго, большую часть этих двенадцати тысяч лет, о которых вы всё время говорите. Империи

умирают медленно. Но я не стал бы проверять. Машины у этих чужаков хорошие, и материалы получше наших.

— Я хотел бы взглянуть на внутренности одной из этих башен, — задумчиво проговорил Эш. — Может, там есть записи, что-нибудь такое, что можно расшифровать.

Ренфри покачал головой: «А я не стал бы. Мы можем взлететь, прежде чем вы вернётесь на корабль. А... Роботы возвращаются! Мы готовы к старту».

Они закрыли наружный люк, потом внутренний. Ренфри по привычке отправился в рубку. Остальные трое легли на койки. Последовало короткое ожидание, потом новый старт. На этот раз они не потеряли сознание и выдержали, пока не оказались в космосе.

— А что теперь? — несколько часов спустя они набились в кают-компанию, чтобы провести бесцельное совещание о будущем. Так как все могли только гадать, никто не ответил на вопрос Ренфри.

— Я когда-то читал книгу, — вдруг с некоторым смущением, словно он нарушил приличия, сказал Росс, — в ней рассказывалось, как какой-то голландский капитан поклялся, что обязательно обогнёт мыс Горн на одном из старых парусных судов. Он призвал на помощь дьявола и так и не вернулся домой — и многие столетия продолжает плавать.

— Летучий Голландец, — сказал Эш.

— Ну, мы-то не можем призвать дьявола, — заметил Ренфри.

— Неужели? — Тревис думал, что он рассуждает про себя, но увидел, что все с удивлением смотрят на него.

— Ну, что за дьявол? — поторопил его Эш.

— Мы пытаемся извлечь знания из этого корабля — это не наши знания, — Тревис говорил запинаясь, он пытался облечь в слова свои неопределённые мысли.

— Стервятники, получающие свою заслуженную закуску, — подытожил Эш. — Что ж, если продолжить твою мысль, что-то в этом есть. Запретный плод знаний. Эту

идею так давно поместили в сознание человечества, что она до сих пор сохраняется, как ощущение вины.

— Поместили, — задумчиво повторил Росс. — Поместили...

— Поместили! — подхватил Тревис, и разум его совершил очередной скачок; он ещё не привык к таким внезапным прорывам интуиции. — Кто поместил?..

Он оглянулся вокруг — на корабль, их транспорт и одновременно тюрьму. «Эти?»

— Они не хотели, чтобы мы о них узнали, — торопливо заговорил Росс. — Вспомните, что они сделали на базе красных: проследили все их посты и всё уничтожили. А что, если у них были контакты с первобытными людьми нашей планеты? Они внушали мысли... и преподнесли такой страшный урок, что о нём помнили все последующие поколения.

— Есть и другие легенды, кроме Летучего Голландца, Росс, — Эш поёрзал на своём сидении. Стулья корабля не позволяли удобно сидеть человеку. — Прометей и огонь — человек, который посмел украсть знания богов и использовать их на благо человечества и вечно страдал за свою дерзость. Хотя человечество воспользовалось её плодами. Да, кое-что подтверждает эту теорию, — его оживление росло. — Может быть... всего лишь, может быть... мы узнаем правду!

— Порт заправки давно покинут, — напомнил Тревис. — Может, ничего от их империи и не осталось.

— Ну, что ж, главный порт мы ещё не нашли, — Ренфри встал. — Когда доберёмся до него — я не стану настаивать, но если мы доживём до конца путешествия, может быть, сумеем и вернуться. Конечно, — он постучал пальцами по косяку двери, — конечно, если сильно повезёт.

— Каким образом? — спросил Эш.

— Должен существовать какой-то указатель курса, может, запись на ленте. Когда произведём окончательную посадку, можно будет попытаться запустить корабль в

обратном направлении. Но между нами и Землёй сотни «если», и мы не должны очень надеяться.

— Ещё вот что, — задумчиво добавил Эш к этой слабой надежде. — Я изучал наши находки. Если сумеем прочесть их записи, на некоторых могут оказаться указания по руководству кораблём.

— А где вы найдёте Розеттский камень*? — возразил Тревис. Он не мог поверить, что возможен хоть один из этих двух выходов. — У нас же никакого общего языкового наследия.

— Разве математика везде не та же самая, независимо от языка? Два плюс два всегда четыре, не так ли? — удивился Росс.

— Покажите мне хоть один символ на этих листах, который хоть отдалённо напоминал бы земные математические знаки, — Ренфри был настроен пессимистично. — Во всяком случае, пока мы в космосе, я не стану вмешиваться в работу механизмов.

Пока мы в космосе. Сколько ещё будет продолжаться полёт? Второй этап путешествия в никуда показался им гораздо тяжелее первого. Они почему-то были убеждены, что у них только одна цель, что первая же посадка окажется и последней. Но короткая остановка для дозаправки свидетельствовала, что полёт предстоит долгий. Единственным способом отмечать время у них оставались часы Ренфри. Эш записывал дни, отсчитывая часы. Прошла неделя после посадки для заправки. Затем ещё два дня.

Чувствуя необходимость хоть чем-то заняться, они пытались разгадать загадки корабля. Эш сумел привести в действие рекордер, через который пропускали провод с записью, и тем самым открыл даже не новый мир, а миры.

*Розеттский камень — базальтовая плита с параллельным текстом на греческом и древнеегипетском языках, найденная близ города Розетта. Дешифровка иероглифического текста Розеттского камня положила начало чтению древнеегипетских иероглифов. (Прим. редактора).

Монотонная речь, сопровождавшая картины, ничего не говорила землянам. Но сами картины — и какие картины! Трёхмерные, цветные, они позволяли заглянуть в непостижимую жизнь сложной цивилизации, расцветшей вокруг многих звёзд.

Расы, культуры, и только третья их часть — гуманоиды. Неужели это подлинные записи? Или просто вымысел для развлечения экипажа в долгие часы полёта? А может, отчёты о каких-то операциях? Они могли строить любые догадки, глядя на экран маленькой машины.

— Если это был полицейский корабль, и мы видели записи подлинных происшествий, — заметил Ренфри, — тогда у них были проблемы, — он был поглощён зрелищем битвы в каких-то наполовину затонувших джунглях. Враг был представлен белыми амфибиями, обладавшими способностью удлинять части своих тел, заманивая противника в ловушку. — С другой стороны, — продолжал он, — возможно, это всего лишь рассказы типа Поднимем-Дух-Наших-Парней-В-Синем. Откуда нам знать?

— Одна запись, которую я обнаружил сегодня утром, нам лично более интересна, — Эш порылся в плоском контейнере, в котором хранились провода-записи. — Посмотрите-ка, — он вынул провод с записью битвы в джунглях и вставил новую катушку.

И они увидели небо, серое, покрытое густыми облаками. Поверхность усыпана снегом, таким, как на их родной планете. По этой поверхности двигался небольшой отряд в знакомых синих костюмах. Костюмы отчётливо выделялись на серо-белом фоне.

— Тебе что-нибудь это говорит? — спросил Эш у Росса.

Мэрдок склонился вперёд, внимательно разглядывая картину.

Их четверо, лысых гуманоидов в синих костюмах. Другой одежды на них нет, и Тревис вспомнил замечание Росса о качествах этого необычного материала. Шлемов на головах нет. Двигаются чужаки осторожно.

Изображение мигнуло и быстро сменилось. Зрители уже к таким сменам привыкли. Теперь они увидели ту же самую местность, должно быть, глазами одного из четверых. Картина резко опрокинулась: камеру направили вниз, в долину. Перед ними открылся длинный спуск, и перспектива искажена.

Но не настолько, чтобы скрыть то, что хотел запечатлеть оператор. Внизу, на плоской равнине, полупогружённый в сугробы, лежал один из грузовых кораблей чужаков.

— Не может быть! — удивлённо воскликнул Росс.

— Смотри дальше, — сказал Эш.

До корабля далеко. Вокруг него двигались какие-то чёрные точки. Они перемещались по проложенной в снегу тропе. Ясно, что ею пользовались часто. Изображение снова мелькнуло, появился лёд, огромная неясная ледяная стена, поднимавшаяся к серому небу. И прямо к этой стене вела протоптанная тропа.

— Пост красных! Это он! А корабль, — Росс чуть не задышался, — корабль участвовал в рейде против красных!

Последний раз щёлкнуло, и экран погас.

— А где остальное? — спросил Росс.

— Ты всё видел. Если они и записали что-то ещё, на этой катушке продолжения нет, — Эш потрогал цветной ярлычок, прикреплённый к контейнеру, из которого взял запись. — На этикетке ничего соответствующего этому нет.

— Может, красные ответили им? Позже прикончили экипаж. Бактериальная война... — Росс пощёлкал выключателем рекордера. — Вероятно, мы этого никогда не узнаем.

И тут над головами, нарушив обычную тишину корабля, раздалось предупреждение из рубки, где находился Ренфри, сам себя назначивший на вахту:

— Корабль готовится к очередному прыжку, приятели. Пристегнитесь! Мне кажется, скоро большой прыжок!

Они заторопились к койкам. Тревис потянул защитные ремни. Что найдут они на этот раз? Ещё одну станцию с

роботами — или порт, конечную цель полёта? Он подготовился выдерживать переход из гиперпространства в нормальное пространство-время, надеясь, что привычка на этот раз сделает испытание легче.

Снова они прошли через переход, отрицающий законы природы и тяжело достающий и телу, и разуму.

— Впереди солнце, — Тревис, открыв глаза, услышал в коммуникаторе голос Ренфри. — Одна... две... четыре планеты. Мы как будто направляемся ко второй.

Новое ожидание. Новый спуск в атмосфере, возвращение тяжести, вибрация стен и пола. И посадка, на этот раз с лёгким подпрыгиванием, как будто она не так хорошо контролировалась, как на заправочной станции.

— Это что-то другое... — послышался голос Ренфри. Вид, открывшийся перед ним на экране, словно лишил его дара речи.

Они поднялись в рубку и столпились у окна в новый мир. Должно быть, стояла ночь, но ночь, полная красного света, словно далёкий пожар бросает в небо отблески своей ярости. И свет этот дрожит, как языки костра.

— Их родная планета? — спросил Росс.

Ренфри, глядя на игру света, ответил, как всегда, весьма осторожно:

— Не знаю. Просто не знаю.

— Попробуем взглянуть из люка, — Эш снова принял на себя руководство.

— Может быть, вулкан, — предположил Тревис, вспомнив свой опыт в доисторическом мире.

— Нет, не думаю. Я только одно могу вспомнить...

— Знаю, — Росс уже начал спуск по лестнице. — Северное сияние!

10

Шахматная доска порта заправочной станции, её необычная архитектура — это поражало, но всё же вмещалось в пределы понимания землян. Но здесь — Тревис

смотрел в раскрытый люк — самые фантастические сны обрели здесь реальное воплощение.

Вдоль горизонта играли красные языки света, заполняя четверть неба, поднимаясь к зениту. Звёзды бледнели в этом свете, мерк и свет луны — луны, в три раза большей по размеру, чем спутник их родной планеты.

От корабля уходила потрескавшаяся, взгорбленная, некогда ровная поверхность посадочного поля. В воздухе слышался слабый треск, он не имел определённого источника. Как будто атмосферные электрические разряды. От красных бликов везде бродили мрачные тени.

— Воздух годится, — Ренфри осторожно снял шлем. Услышав это, остальные последовали его примеру. Воздух сухой, как ветер пустыни.

— Там какие-то здания — в том направлении, — все повернулись, следуя жесту Росса.

На заправочной станции башни, хоть и полуразрушенные, устремлялись к небу — здесь же здания жались к поверхности, самое высокое из них было не выше корабля-шара. И нигде в красном свете Тревис не видел ничего похожего на растительность. Очевидным была заброшенность порта заправки, но здесь опустошение казалось тревожным, почти угрожающим.

Никто не торопился выйти под это огненное небо, и никто не направлялся к кораблю. Если эта посадка тоже предназначалась для обслуживания корабля, то здесь механизмы не действовали. Наконец земляне снова ушли в корабль и закрыли люк, решив дождаться дня.

— Пустыня... — Тревис сказал это почти про себя, но Эш вопросительно взглянул на него.

— Ты хочешь сказать — там?

— Ощущение в воздухе, — объяснил Тревис. — Научишься узнавать, если проведёшь в пустыне большую часть жизни.

— Это конец нашего пути? — снова спросил Росс у Ренфри.

— Не знаю, — все они поднялись в рубку. Техник остановился перед главной панелью. Он хмуро смотрел на неё. Потом неожиданно повернулся к Тревису.

— Ты чувствуешь пустыню. Ну, а я чувствую машины: я прожил с ними большую часть моей жизни. Никаких указаний, что мы снова взлетим. Но у меня есть чувство, что это ещё не конец, — он чуть смущённо рассмеялся. — Ну, ладно, если вы скажете, что я вижу привидения, я соглашусь.

— Напротив, я настолько с тобой согласен, что даже не собираюсь отходить от корабля, — улыбнулся Эш в ответ.

— Может, это ещё одна заправка?

— Роботов-то нет, — заметил Росс.

— Они могли выйти из строя и проржаветь много лет назад, — ответил Ренфри. Теперь он как будто пожалел, что высказал свои сомнения.

Наконец они улеглись, но если кто-то и спал, то урывками. Тревис, лёжа на мягком матрасе, который принимал форму его тела, не испытывал ощущения безопасности — того ощущения, которое испытывал в полёте. Теперь за оболочкой, до которой он может дотронуться рукой, лежит неизвестная земля, готовая скорее не приветствовать, а грозить опасностями. Может быть, игра огней на небе, сухой пустынный воздух — всё это вызвало у него впечатление, что там не мир, населённый старыми машинами. Нет, там снаружи жизнь, и она ждёт.

Должно быть, он задремал, потому что его разбудило прикосновение руки Росса к плечу. Вслед за Мэрдоком он потащился в кают-компанию. Ел молча, но каждый нерв его жилистого тела трепетал в напряжении. Тревис по-прежнему ощущал ожидавшую снаружи опасность.

Они вооружились, прицепили к поясам бластеры чужаков. И вышли на безжалостный солнцепёк, такой же грозный, как ночные огни.

Эш прикрыл глаза рукой. «Попробуйте надеть шлемы, — предложил он. — Возможно, они смягчат блеск».

Он оказался прав. Прозрачный материал шлемов задерживал часть света, и смотреть стало легче.

И Тревис оказался прав, говоря, что они оказались в пустыне. Песок, дюны белого песка, отдельные песчинки жёстко блестели, отражая солнечный свет. Для незащищённого глаза это было просто невыносимо. Пустынная местность не вызывала ни малейшего желания исследовать её. И всё же всегда существует возможность, что какое-то случайное открытие позволит решить задачу возвращения.

— Пойдём туда, — решение принял Эш, опытный исследователь. — Ты останешься здесь, Ренфри, у корабля. При любом признаке того, что корабль оживает, стреляй — на максимуме.

Выстрел из ствола оружия чужаков способен вызвать вспышку голубого пламени, видимую за милю. Путешественники не знали, какова дальность действия коммуникаторов шлема, но в эффективности оружия они были убеждены.

— Сделаю! — Ренфри уже поднимался по лестнице, немного разочарованный тем, что не оказался в числе исследователей.

И вот земляне — Эш в центре и немного впереди, Росс и Тревис по бокам и немного сзади — направились к зданиям. Тревис машинально рассматривал песок под ногами. Он не мог бы сказать, что ищет. Да и не останутся на этом песке следы. Следы! Он оглянулся. Неглубокие впадины, обозначающие их собственные следы, уже почти неразличимы. Никаких признаков, что кто-то проходил здесь, в этом районе забытой базы, в течение дней, месяцев, лет, поколений.

Но песок не везде. Тревис обошёл наклонный блок покрытия поля, за ним образовалось углубление. Тревис поколебался, потом заглянул в него.

Вечером на поле дул ветер; он чувствовал его, выглядывая из люка. Теперь воздух неподвижен, песок не тревожит

даже легчайший ветерок. А углубление свободно от песка. Он не знал, какой инстинкт подсказал ему, что тут что-то не так. Но подсознательная тревога не оставляла его, поэтому он встал на колени и принялся глазом охотника-следопыта разглядывать яму.

И только потому увидел то, что в противном случае осталось бы незамеченным, — углубление в почве, не прикрытой песком. Он потрогал пальцами след. Что-то жирное. Тревис снял шлем и поднёс палец к носу.

Едкий запах, запах чего-то живого, какого-то грязного тела. Он уверен в этом! И так как это существо сидело здесь долго, наблюдая за кораблём, он решил, что оно обладает разумом — какого-то типа. Надев шлем, он по коммуникатору сообщил о своей находке.

— Говоришь, оно сидело здесь долго? — услышал он вопрос Эша.

— Да. А ушло недавно, — апач все свои заключения делал на основании запаха, сохранившегося в укрытии.

— Никаких следов?

— На песке ничего не сохранится, — Тревис ногой пошевелил небольшую песчаную горку. Нет, никаких следов. Но этот тайный наблюдатель мог прийти только из одного места — из зданий, полузасыпанных ползущими дюнами. Тревис встал и пошёл вперёд, держу руку на рукояти оружия. Ощущение ждущей впереди опасности усилилось.

Эш приблизился к середине комплекса зданий. На самом деле, как они теперь видели, здание было только одно. Два боковых крыла соединялись с центральным корпусом длинными низкими переходами без окон. Тревис знал, как действует песок на скалы. Здесь песчаная эрозия тоже действовала, и стены напоминали дюны.

Окон не видно, дверей тоже. Но в конце крыла перед Тревисом открылась яма в песке, нарушающая естественную линию, созданную ветром. Углубление привлекло его внимание.

— Сюда! — негромко позвал он, забыв, что голос передаётся не по воздуху, а по коммуникатору шлемов. Медленно, с осторожностью охотника, идущего за пугливой добычей, он двинулся к углублению в песке. Никаких следов, однако он был уверен, что углубление появилось недавно и проделано сознательно, это не результат каприза ночного ветра.

Он обогнул выступ дюны, поднимавшийся ему по плечо, и понял, что не ошибся. Песок отбрасывали, набросав его по бокам, как будто изнутри открыли какую-то дверь, и она раздвинула песок.

— Прикрой его! — тень Эша легла на песок дюны и встретилась с тенью Росса. Два агента во времени остались за его спиной, а апач начал внимательно рассматривать стену.

Глаза не заметили в стене никакого различия, но пальцы на уровне пояса нащупали нарушение однородности. Какая-то полоска, уходящая вниз, не такой текстуры, как стена по бокам от неё. Но хотя он и нажимал, тянул, прикладывал весь свой вес, ничего не поддавалось. Однако он был уверен, что часть стены открывалась, взбороздив песок.

Наконец, предварительно встав на четвереньки, Тревис лёг и попробовал добраться до основания стены. И так обнаружил торчащий пучок жёстких волос. Объединёнными усилиями кончика ножа и пальцев он высвободил эти волосы. Жёсткие, таких у земных животных не бывает, каждый волосок в толщину впятеро превышает волосы земных организмов. Цвет серо-белый, сливающийся с песком. Такой не разглядишь на фоне дюн

Волосы липли к пальцам, и Тревису не понадобилось подносить их к носу, чтобы узнать этот острый запах. Он отнёс волосы Эшу, испытывая к ним растущее отвращение. Эш спрятал трофей в боковой карман.

— Есть возможность открыть? — Эш указал на тайную дверь в стене.

— Не вижу, — ответил Тревис. — Вероятно, закрыто изнутри.

Они с сомнением разглядывали здание. За ним, насколько они могли видеть, простирался только песок, уходящий к горизонту, где вечером играли огни. Если и можно разгадать эту загадку, то только в здании, а не в пустыне.

— Росс, оставайся здесь. Тревис, иди к концу крыла. Стань так, чтобы видеть Росса — и меня, когда я зайду за здание.

Эш с той же тщательностью, что и апач, поводил пальцами по стене в поисках другого входа. Он обошёл вокруг всего здания и вернулся — сообщить было нечего.

— Когда-то здесь были окна и дверь. Но они давно заложены. Если бы у нас было время и инструменты, то мы вполне могли бы их разобрать.

В коммуникаторах шлемов послышался голос Росса. «А может, через крышу, шеф?»

— Если хочешь попробовать, давай!

Тревис встал к стене, которая отказывалась выдавать свою тайну, и Росс с его помощью поднялся на крышу. Юноша двинулся в глубину, и оставшиеся внизу перестали его видеть. Но по приказу Эша Росс непрерывно рассказывал, что видит.

— Не очень много песка... можно было ожидать больше... Эй! — в последнем восклицании зазвучало оживление. — Это уже кое-что. Круглые плиты, и расположены кругом. Передвинуть невозможно.

— Металл? — спросил Эш.

— Нет, — ответ прозвучал неуверенно. — Больше похоже на стекло, только непрозрачное.

— Окна? — предположил Тревис.

— Слишком маленькие, — возразил Росс. — Но их очень много — повсюду. Подождите! — этот возглас насторожил людей внизу. — Красные — они краснеют!

— Убирайся оттуда! Прыгай! — рявкнул Эш.

Росс повиновался без колебаний и с ловкостью опытного парашютиста приземлился на одну из дюн. Остальные побежали к нему, продолжая смотреть на крышу закрытого здания. Возможно, какое-то свойство шлемов позволило им увидеть слабые красноватые лучи, поднимающиеся с крыши к небу.

В ладонях Тревиса закололо, словно от восстанавливающегося кровообращения. Росс поднялся с песка и яростно встряхнулся.

— Что происходит? — в голосе его звучала необычная нотка страха.

— Я думаю — фейерверк, чтобы отпугнуть нас. Можно считать, что жильцы этого дома не любят любопытных посетителей. К тому же у хозяев есть кое-что, подкрепляющее их желание. Вероятно, даже лучше, что передняя дверь закрыта.

Тревис больше не видел тонких огненных линий. Либо отключили энергию, либо лучи теперь невидимы, даже с помощью шлемов. Жёсткие волосы, отталкивающий запах — и теперь это. Как-то эти факты не соответствуют друг другу. Волосы, конечно, могли быть оставлены сторожевой собакой или её эквивалентом на этой планете. Это предположение соответствовало бы низкому входу в здание. Но собака, которая выбирает лучшее в окрестности укрытие и потом часами наблюдает за кораблем?.. Это также не соответствует природе любого животного. Это свидетельство разума, а разум означает человека.

— Я считаю, что они ночные жители, — неожиданно сказал Эш. — Это соответствует всему, что мы видели. Солнечный свет для них болезнен, как и для нас без шлемов. Но ночью...

— Засядем и посмотрим, что будет? — спросил Росс.

— Не на открытом месте. Мы пока слишком мало знаем.

Тревис молча с ним согласился. Он предпочёл бы остерегаться ночного шпиона. И ему эта планета кажется гораздо более зловещей и пугающей, чем станция заправ-

ки. В этой пустыне ощущается неясная угроза, какую он никогда не испытывал в пустынях своей родной планеты.

Они вернулись к кораблю, поднялись по лестнице и с радостью оставили за закрытым люком белое сверкание песка. В синем свете корабля все сняли шлемы.

— Что ты видел? — спросил Эш у Ренфри.

— Мэрдок прыгнул с крыши, и потом со всей поверхности крыши поднялись красные линии, очень слабые. А вы что сделали, не тот дверной звонок нажали?

— Вероятно, кого-то разбудили. Не думаю, что туда полезно наносить визиты. Боже, какая вонь! — закончил Росс, пригнувшись.

Эш взял в руку клоч волос, запах был не только очень заметен в атмосфере корабля, обычно лишённой запахов, он всю её просто отравил.

Они отнесли волосы в маленькую каюту, которую, возможно, когда-то занимал капитан корабля и в которой теперь Эш сосредоточил все материалы для изучения. Несмотря на ужасную вонь трофея, все собрались вокруг. Эш ронял клоч по волоску и разложил их.

— Какие толстые волосы! — удивился Ренфри.

— Если это волосы. Всё бы отдал за лабораторию! — Эш прижал волосы полоской чистого материала чужаков для письма.

— Этот запах... — Тревис, вспомнив, как брал находку в руку, потер её о бедро.

— Да? — подбодрил его Эш.

— Ну... я думаю, это от грязи. А может, оттого, что существо нам неизвестно.

— Чуждый метаболизм, — Эш кивнул. — Каждая человеческая раса имеет отчётливый запах, но его сильнее чувствует человек другой расы. Но к чему ты ведёшь, Тревис? *

— Ну, если этот запах исходит от... от человека, — за неимением другого он использовал это слово, — а не от животного, я бы сказал, что он живёт в настоящем

свинарнике. А это значит, что он либо очень примитивен, либо дегенерировал.

— Не обязательно, — заметил Эш. — Для мытья нужна вода, а мы здесь воды пока не встретили.

— Конечно. Но ведь у них должны быть вода. И я думаю... — впрочем, у него нет доказательств, чтобы подкрепить свои догадки.

— Может быть. Ночью будем следить и увидим, кто выйдет из этого ящика с ловушками.

Днём они поспали. Ренфри, как обычно, в рубке управления. Никто не понимал, почему корабль опустился на этой куче песка, и пустынность этого места подкрепляла мнение Ренфри, что это не конечная цель. Логика говорила, что корабль должен был вылететь из центра цивилизации, а это далеко не центр.

Солнце зашло, сумерки затянули песчаные дюны, когда земляне снова собрались у внешнего люка, чтобы наблюдать за зданием и полоской местности между ними и этим загадочным блоком.

— Долго нам, как по-вашему, придётся ждать? — Росс переменил положение.

— Совсем не придётся, — негромко ответил Эш. — Смотри!

Из-за дюны, за которой Тревис обнаружил углубление, показался очень слабый красноватый отблеск.

11

При свете дня или даже вечером они бы этого не заметили. Да и сейчас, в темноте, дюны затрудняли видимость. Эш негромко считал. При счёте «двадцать» красноватое сияние погасло со стремительностью, которая говорила, что дверь захлопнули.

Тревис напрягал глаза, глядя на конец заслоняющей вход дюны. Если существо, которое наблюдало за ними накануне, вернётся на свою позицию, оно обязательно

пройдёт через это место. Но пока он ничего не видел.

Послышался негромкий звук, но он шёл с противоположного направления — какой-то шорох из открытой пустыни. Потом щеки Тревиса коснулось движение сухого воздуха. Начинался ночной ветер. А шорох, должно быть, — движение песка под его первыми порывами.

— Мы могли бы подстеречь его в засаде, — задумчиво сказал Росс.

— Может быть, у них чувства острее наших. Несомненно, если они ночные жители, у них и зрение ночное. Можно считать, что они нас обнаружили. И я хотел бы знать побольше о том, кого собираюсь подстергать.

Тревис почти не слушал Эша. Он увидел движение. Да! Пальцы его легли на руку Эша коротким предупреждающим движением. С конца дюны скользнула тень и быстро двинулась к укрытию, прямо к углублению за поднятым блоком. Засядет ли снова шпион в свой импровизированный наблюдательный пункт? Или сегодня он передвинется ближе к кораблю?

Тьма стучалась, и на небе появились языки пламени. Их свет не был устойчивым, но всё же позволял разглядеть поверхность непосредственно рядом с кораблем. Любое нападение туземцев будет замечено человеком, стоящим у люка. Но Тревис понимал, что с поднятой лестницей и люком, находящимся в нескольких десятках футов над поверхностью им нечего опасаться нападения. Разве что у туземцев есть оружие, способное бить на такое расстояние.

— Закройте внутренний люк, — неожиданно сказал Эш. — Мыотрежем внутренний свет, и им труднее будет разглядеть нас здесь.

Люк закрыли, синеватый внутренний свет корабля исчез. Разведчики лежали на полу в тесном бункере, стараясь не толкать друг друга, ожидая следующего шага того, кто скрывался внизу.

— Что-то есть, — негромко предупредил Росс. — Слева, у самого конца последней дюны.

Скрывавшийся проявлял нетерпение. Тёмное лятно, которое могло быть головой, передвинулось на фоне белого песка. Ветер пел вокруг корабля, принося пыль. Чтобы защититься от неё, люди вновь надели шлемы. Но песчаные вихри, казалось, не заботят туземца.

— Мне кажется, их несколько, — заметил Тревис. — Это последнее движение слишком далеко от первого места.

— Может, готовятся напасть? — предположил Росс.

Странно, но никто из землян не достал бластер. Слишком высоко они над поверхностью, вряд ли нападающие могут до них добраться; на гладкую поверхность шара не подняться. Люди чувствовали себя в безопасности.

Тёмное существо устремилось к шару. И либо оно вдвое сгибалось во время бега, либо передвигалось на четвереньках! Одна из небесных вспышек осветила его, и наблюдатели вскрикнули.

Человек или животное? У существа было четыре тонких конечности и ещё два выступа в середине тела. Голова круглая, на бегу низко свисает, так что морды не видно. Но всё тело покрыто шерстью, тёмной шерстью, непохожей на светлые волосы, найденные Тревисом. Одежды не видно, и существо как будто не вооружено.

На мгновение тень застыла, глядя на корабль. Потом устремилось назад, в дюны. Новая вспышка движений, едва заметная, этот новый бегун просто сливался с дюнами.

— Это, должно быть, твой ночной наблюдатель, — сказал Эш. — Он светлее первого.

— У них цвет разный, а размер один, — добавил Росс. — Кто это?

— Они не из нашего мира, — уверенно сказал Эш. — Но они интересуются нашим кораблём и пытаются незаметно подобраться к нему.

— Они передвигаются, словно боятся нападения, — добавил Тревис. — У них, должно быть, есть враги.

— Враги, которые ассоциируются с таким кораблём, как

наш? — Эш ухватывал всё, как обычно, легко и быстро. — Да, может быть. Но не могу поверить, что корабль прилетал недавно.

— Память сохраняется долго...

— Память означала бы, что они разумны! — до этого восклицания Тревис и сам не подозревал, что относится к этим существам в дюнах с отвращением.

— Ну, они могут себя считать людьми, — ответил Эш, — а мы для них чудовища. Всё относительно, сынок. Во всяком случае, они вряд ли настроены доброжелательно.

— Я бы много дал сейчас за прожектор, — задумчиво заметил Росс. — Хотелось бы мне поймать одного лучом и рассмотреть получше.

Минуты проходили; наблюдателям удалось заметить ещё несколько мгновенных перемещений, но ни разу они не смогли отчётливо рассмотреть прячущихся.

— Мне кажется, они хотят обойти корабли и приблизиться к нему сзади, — предположил Тревис, заметив, что по крайней мере двое передвигаются в том направлении.

— Это им ничего не даст: вход только один, — самоуверенно ответил Росс.

Но Тревис не мог легко смириться с мыслью об аборигенах, подбирающихся к кораблю сзади. Все врождённые инстинкты охотника и жителя пустыни говорили ему, что это опасно. Разум же продолжал утверждать, что у корабля только один вход и его легко защитить. Достаточно его закрыть, и до них никто не доберётся.

— Но к чему вообще этот порт? — несколько секунд спустя снова поднял главный вопрос Росс. — Должна же быть причина для этой остановки. Может, нужно что-то найти... или сделать, прежде чем мы сможем лететь дальше?

Все думали об этом, но Росс высказал свои мысли и опасения вслух. А что, если решение там, в здании без входа? Кошмарное сооружение, охраняемое быстрыми волосатыми существами, которые могут видеть в темноте...

— Здание? — в этом слове звучал вопрос. Тревис почувствовал, как рядом шевельнулся Эш.

— Может быть, — согласился он. — Если задержимся здесь, можем попытаться прорваться туда днём. Если бластер поставить на максимум, у него весьма мощный луч.

Тревис сжал рукой плечо Эша. Голову у него обхватывал шлем, но рукой он придерживался за край двери. И уловил через корпус удары. Внизу, под изгибом корпуса, не дававшим землянам возможность смотреть непосредственно вниз, кто-то бил по металлу шара. С какой целью, Тревис и предположить не мог. Он поискал руку Эша, положил её рядом со своей и прижал ладонь, чтобы тот тоже ощутил удары.

— Колотят, — теперь он вспомнил, что слова в шлеме не слышны снаружи. — Но зачем?

— Хотят пробить дыру? — над ними навис Росс. — Они не смогут пробить корпус. Или смогут? — в вопросе звучала тревога, которую разделяли все. Они ведь ничего не знают о возможностях аборигенов.

Рядом с Тревисом лежали кольца лестницы. Посмеет ли он выбросить её, спуститься и посмотреть, что делается внизу? Ему показалось, что удары делаются сильнее и быстрее. Допустим, каким-то чудом, используя неизвестные инструменты, волосатые существа смогут пробить внешнюю оболочку корабля? Тогда им не спастись из этого пустынного мира.

Он начал продвигать лестницу вперёд. Эш попытался схватить его, но Тревис уклонился. «Мы должны посмотреть!»

Росс и Эш отодвинулись, и Тревис смог протиснуться в дверь, свеситься над краем и спуститься на длину своего тела. Но тут лестница кончилась, и он понял, что двое наверху держат её.

Вцепившись в перекладину, как можно ближе прижимаясь к корпусу корабля, Тревис посмотрел вниз. Игра

красных языков на небе освещала внизу сцену лихорадочной деятельности. Он оказался прав. Волосатые существа незаметно обошли корабль сзади, и теперь целая группа их толпилась у основания. В мелькающем свете он не мог разглядеть, что они делают. Но вот одно из них поднялось с четверенек и вытянуло передние конечности над головой. Придатки в середине тела дёрнулись, гибко, словно без костей, и прилипли к корпусу корабля.

Существо подпрыгнуло и повисло, теперь его задние конечности находились в футе над поверхностью. Очевидно, его держали щупальца у пояса, а кулаками и ногами оно яростно начало колотить по корпусу. Потом на глазах Тревиса подпрыгнуло ещё выше, и в его движениях явно прослеживалась целеустремлённая злоба.

Теперь и второе существо подтянулось при помощи щупалец, повисло на корпусе и начало подъём. Тревис не видел никакого оружия, только непрерывно бьющие кулаки. Но у него не появилось никакого желания сражаться с этими ползунами. Он доложил Эшу и получил приказ вернуться. Они закрыли люк, так, чтобы можно было взлетать, и сняли шлемы.

Теперь звуки ударов стали не слышны. Но Тревис не думал, что существа прекратили свои попытки прорваться в корабль, как они ни тщетны. Земляне поднялись в рубку, чтобы взглянуть на внешний мир через экран. Ренфри выглядел удивлённым.

— Не понимаю. У меня по-прежнему такое чувство, что это не конечный порт. Но не могу сказать, почему и зачем эта посадка. Если ответ скрывается в здании, вам придётся туда пробиться. Но у нас есть лучшее средство, чем бластеры.

Росс быстро понял его. «Орудия корабля!»

— Может быть.

— А мы сможем их использовать? — спросил Эш.

— Ну, с ними-то всё ясно, не то что со всем остальным. Помните это? — техник повернул рычажок. Замигали

огоньки, в воздухе послышалось слово на исчезнувшем языке. Всё, как и при их первом посещении корабля.

— И ты можешь из них выстрелить?

— Шеф... мой шеф... установил, что вот этим... — Ренфри указал на кнопку, но не нажал её. — Думаю, что один из больших бластеров у нас над головой. Можем попробовать.

Но Эш с отсутствующим видом потирал подбородок. Он ещё не принял решение. «Слишком много предположительного. Мы не знаем, действительно ли нам нужно пробраться туда, чтобы снова взлететь. В сущности, если мы туда войдём и не найдём ничего, наше положение только ухудшится. Должно быть, аборигены этому зданию обязаны жизнью. Мы раскроем его, и они погибнут, словно мы их перестреляли из бластеров. Нам они могут не нравиться, но это их мир, а мы для них чужаки. Мне хотелось бы немного подождать и не пользоваться сильными средствами».

Никто не хотел подталкивать его к действиям. Снаружи в ночном небе играли огни, а на фоне бледной луны, которую они видели прошлой ночью, появился жёлтый меньший спутник. И по-прежнему не находилось никакого объяснения действиям обитателей дюн.

Но тут корабль слегка наклонился. Как существа смогли этого добиться? Может быть, подумал Тревис, просто весом множества налипших на него существ. Положение корабля изменилось, и, может быть, это привело в действие его двигатели. Потому что все услышали знакомое предупреждение о старте.

— Нет, — запротестовал Ренфри, — нельзя... мы ещё не знаем, почему.

Но двигатели, действия которых земляне не понимали, которыми не могли управлять, не слышали этих слабых протестов. А может быть, кончился срок пребывания на планете — сутки планетного времени. Или же причина — в нападении волосатых существ.

А сами эти существа — сумеют ли они вовремя освободиться, прыгнуть на поверхность, ощутив предупреждающую вибрацию? Или в тупом поглощении своим нападением будут продолжать цепляться за корабль, и он унесёт их в морозную черноту вечной космической ночи?

Невольный экипаж корабля пристегнулся и ждал старта и прыжка в гиперпространство. Снова им предстоял долгий полёт в неизвестное.

Но на этот раз всё произошло несколько по-другому. Тревис заметил, что этот старт оказался не такой тяжёлый. Может, он просто начал привыкать? Он не потерял сознание, не испытал толчков. И услышал удивлённый голос Ренфри: «Мы не вошли в гиперпространство. Что происходит?»

Все собрались у экрана. Догадка Ренфри подтвердилась. На экране не разливалась сплошная чернота, как всегда в гиперпространстве. Они видели постепенно уменьшавшийся шар пустынной планеты, поверхность её по мере удаления меняла цвет.

— Должно быть, направляемся к другой планете той же системы, — сказал Эш. Часы шли, и эта догадка начала подтверждаться. Корабль приближался к третьей планете неведомого солнца.

— Неужели посетим все? — с оттенком прежнего легкомыслия спросил Росс. — Зачем? Развозка молока?

Прошли три дня, четыре. Они ели пищу чужаков, беспокойно бродили по кораблю, не способные интересоваться ничем, кроме изображения на экране в рубке управления. На шестой день послышался сигнал, предупреждающий о посадке.

На экране их очередная цель казалась яркой сине-зелёной, с оранжево-красными пятнами. Невозможно было оторваться от этих контрастных цветов. Земляне бросили жребий, кому достанутся три кресла в рубке, четвёртый должен был спуститься вниз и лечь на койку. И вот Тревис лежал один, ничего не видя, в самом сердце

вибрирующего шара, размышляя, что готовит им будущее.

На этот раз корабль сел днем. Апач освободился от ремней, ощущая вернувшуюся силу тяжести, и поднялся по лестнице, чтобы тоже взглянуть на новый мир.

— Нет!..

И здесь в небо уходили разрушенные башни, такие же, как в порту заправки, но было здесь и ещё что-то. На фоне безоблачного розового неба — купол молочного цвета, поднимавшийся мягкими линиями, которые переходили в хрупкие морозные кружева. Невозможно было представить себе, что это искусственное сооружение.

Рваные кружева... Разглядывая это сооружение, Тревис видел разрывы, нарушавшее общее совершенство. Но несмотря на них, сооружение фантастически красиво — пена, свет, игра радужных оттенков цвета. Сооружение поднималось из тёмной листвы с голубоватым оттенком, не похожей на земную зелень.

Ветви лениво двигались на ветру, временами среди них мелькали пятна других цветов. Плоды? Цветы?

Ренфри оторвал их от этой сцены, казавшейся нереальной.

— Смотрите!

Он стоял перед главным щитом управления, вцепившись в спинку кресла, так что мышцы вздулись на руках. Щит ожил. Они видели игру огоньков и раньше, говорившую о готовности вооружения. Но здесь что-то другое. Среди рядов кнопок и рычажков вспыхнуло множество огней. И там, где они загорались, поворачивался рычаг или углублялась кнопка. Потом вспыхнули ещё огоньки. Открылась крышка, и из углубления под ней появился небольшой, в форме монеты, кусочек красного металла; он со звоном упал на пол.

Ренфри ожил, нырнул, чтобы схватить его. Он держал кружочек в руках словно огромную драгоценность.

— Последняя остановка! — он повернулся лицом к остальным, в глазах его горело возбуждение. — Это домашний порт! И у меня в руках указатель курса!

Другого объяснения увиденному у них не было. Путешествие, запрограммированное умирающим, завершилось. В маленькой металлической пуговице, которую сжал в кулаке Ренфри, скрывалась тайна их прибытия — но и возвращения тоже. И если они когда-нибудь вернутся на Землю, то только решив загадку этого диска.

Но глаза Тревиса снова устремились на экран. Мягкий ветерок раскачивал цветущие ветви возле молочной башни на фоне розового неба. И близкое будущее казалось более интересным, чем отдалённое.

Может быть, и Эш испытывал то же. Потому что старший агент во времени направился к внутренней лестнице. Он остановился у колодца, оглянулся через плечо и просто сказал:

— Ну что ж, выходим.

12

Может быть, когда-то здесь и лежало широкое посадочное поле. Теперь же всё заросло. Корабль при посадке сломал множество растений, от них исходил свежий острый запах.

Земляне не надевали шлемы: в этом не было необходимости. Их приветствовал солнечный свет, не теплее, чем в начале лета в полосе умеренного климата на Земле. Мягкий ветер, шевеливший листву, не нёс с собой песок.

Теперь перед ними открылся лучший вид, чем на экране, и они заметили и другие разрывы в зелени. Молочное здание фантастической формы было окружено другими строениями, такими же необычными и не похожими на него, как не похож пустынный мир на это царство растительности. Тускло-красные массивные строго геометрические блоки не могли быть созданы тем же архитектором — возможно, это даже другая раса и другой век.

А дальше стояли другие здания, с острыми, как ножи, фронтонами, с узкими окнами в серых стенах. На заос-

трённых крышах из какого-то тусклого материала росли кусты, даже небольшие деревья. И опять — никакого сходства с волшебным куполом или массивными блоками.

— Почему?... — Росс медленно поворачивал голову, разглядывая эти абсолютно не похожие друг на друга сооружения. Все высокие, гораздо выше шара, и у всех нижние этажи скрыты растительностью.

Тревис вспомнил прошлое, казавшееся нереальным после того, что случилось позже. На его планете тоже есть места, где миниатюрная деревня зулусов располагается рядом со швейцарским замком и вигвамом апачей.

— Музей? — он высказал единственное пришедшее ему в голову объяснение.

Лицо Эша побледнело под загаром. Он восхищённо переводил взгляд от одного здания на другое. «Или столица, где каждое посольство построено в своем стиле».

— А теперь всё это мертво, — добавил Тревис. И правда. Всё покинуто, как в порту заправки.

— Столица галактической империи. Как много можно здесь узнать! Сокровищница... — Эш возбуждённо дышал. — Здесь сокровища тысяч миров.

— Кто об этом узнает? — спросил Росс. — Но это не значит, что мне тоже не хочется взглянуть.

Тревис застыл. Что-то шевельнулось в массе спутанной растительности там, где сядившийся корабль сбил несколько деревьев, похожих на папоротники, и множество связанных с ними лиан. Апач смотрел, как вздрагивают ветви. Что-то живое приближалось к ним с расстояния примерно в сто ярдов, и его продвижение обозначали эти вздрагивающие ветви. И судя по этим движениям, существо достаточно большое.

Может, невидимое существо ранено упавшим деревом? И теперь умирает? Тревис прислушался, стараясь уловить что-нибудь, кроме шелеста листьев. Но если существо ранено, оно не жаловалось. Животное? Или — что-то ещё? Такое же чуждое, как обитатели дюн, не животное, но в то же время и не человек?

— Его пока не видно, — прошептал Росс. — Не может быть слишком ранено, движется быстро.

— Можно считать, что этот мир не так пуст, каким кажется с первого взгляда, — сухо вато заключил Эш. — А эти?

«Эти» появились в пустом пространстве, образованном посадкой корабля. Они хлопали прозрачными крыльями, оставаясь в воздухе; их внимание явно привлекал корабль.

Что это? Птицы? Насекомые? Летучие млекопитающие? Тревис легко поверил бы, что четыре небольших существа — странная комбинация всего этого. Длинные узкие крылья, призматические и почти прозрачные, напоминали крылья насекомых. Но на теле имелись три конечности, две меньшие впереди заканчивались каждая тремя изогнутыми пальцами, Третья, более крупная, — сзади и вооружена внушительными когтями. Голова сидела прямо на плечах, никакой шеи не было видно, голова круглая, впереди крючковатый клюв, а глаза — четыре глаза — торчали на коротких стебельках, два впереди и два сзади. И треугольные тела покрывала шерсть светло-голубого морозного цвета.

Медленно, спокойной молчаливой процессией они приближались к кораблю. Второй в ряду нарушил строй, спустился к поверхности. Там он вцепился когтями в сломанную ветвь, сложил крылья на спине, как земная бабочка.

Два последних в линии дважды пролетели перед открытым люком, потом взлетели в небо, поднялись над вершинами деревьев. Но самый первый продолжал приближаться, пока не повис, работая крыльями, чтобы сохранить высоту, непосредственно перед входом в корабль.

Невозможно было прочесть выражение этих ярко-синих глаз на стебельках. Но никто из землян не испытал ни отвращения, ни тревоги, как при встрече с ночными обитателями дюн. Этот летун не внушал никакой опасности, он не агрессивен.

Ренфри первым выразил общее отношение к этому существу.

— Забавный маленький попрошайка. Хотел бы взглянуть на него поближе. Если остальные здесь такие же, нам нечего бояться.

Существо забавно, все заинтересовались им. Росс щёлкнул пальцами и приветственно протянул руку.

— Сюда, парень, — позвал он.

Голубые глаза на стебельках шевельнулись, существо забило крыльями и приблизилось к клюву. Но не настолько, чтобы земляне могли коснуться его. Надолго повисло в воздухе. Потом со стремительным биением крыльев, в вспышке радужных цветов устремилось вверх, а другое, то, что сидело внизу, тут же присоединилось к нему. И через несколько секунд они исчезли, словно их никогда и не было.

— Думаете, они разумны? — Росс разочарованно смотрел вслед улетевшим.

— Я знаю не больше тебя, — ответил Эш. — Ренфри, — обратился он к технику, — лента с курсом у тебя есть. Сможешь снова зарядить её?

— Не знаю. Хорошо бы иметь руководство... ну, хотя бы какой-то указатель. Не сможете отыскать что-нибудь?

— Почему вы так торопитесь улететь, шеф? Мы только прилетели, и мне кажется, неплохо было бы провести тут отпуск, — Росс взглянул на молочный купол, игравший бликами под лучами солнца.

— Именно поэтому, — негромко ответил Эш. — Тут слишком много искушений.

Тревис понял его. Эша, должно быть, неудержимо притягивают эти здания, скрывающиеся в них знания. Отлёт начнёт откладываться, этот мир и его тайны станут всё привлекательнее. Тревис испытывал те же чувства, может, чуть слабее. Нужно бороться с этим желанием погрузиться в зелёные джунгли, прорубить тропу к молочному куполу, углубиться в чудеса этого мира.

Эш испытывает сильное искушение. И именно поэтому

борется с ним. Считает, что если займётся исследованиями, остановиться не сможет. А Ренфри как раз предлагает предлог для этого, говоря, что ему нужно найти руководство или указатель.

Но час спустя трое покинули корабль. На дежурстве остался Ренфри. С помощью бластеров, настроенных на минимум, агенты прорубили тропу в растительности. Тревис подобрал цветок. Пять широких лепестков, желобчатых, слегка сморщенных на вершине, жёлтый цвет ближе к центру сменяется оранжевым. У него на ладони лепестки зашевелились, начали закрываться, и вскоре в руке у него оказался не цветок, а бутон. Тревис не смог выбросить цветок. Слишком привлекательны были его цвет и аромат. Он сунул цветок в дырку на поясе; как только он убрал ладонь, цветок снова раскрылся. Он не тускнел и не провисал, несмотря на короткий стебелёк.

Выйдя из-под прямых лучей солнца, земляне обнаружили, что воздух прохладный, влажный, насыщенный запахами изобильной растительности. Запахи не были неприятны, напротив, они слишком хороши. Острые запахи смешивались с приятными ароматами; пахло также влажной землёй.

— Фью! — Росс помахал ладонью перед носом, как будто обмахивался. — Парфюмерная фабрика, вот это что! Я словно погрузился в тонну розовых лепестков!

Эш, казалось, утратил свою обычную серьёзность. «С добавкой гвоздики, — согласился он. — И ещё, мне кажется, — он приняхался и чихнул, — немного мускатного ореха».

Тревис старался дышать поверхностно. Несколько минут назад ему нравились эти ароматы. Но теперь ему захотелось подышать ветром, насыщенным шалфеем и сосной. Тут запахи слишком густы и изобильны, они липнут к телу.

У подножия молочного купола джунгли становились реже. А само здание поднималось гораздо выше, чем казалось с корабля. Земляне обошли купол в поисках

входа. Должен же он где-то существовать, если только все обитатели купола не крылатые. Странно, в стенах имелось множество окон, много открытых балконов, и только первый этаж был совершенно лишён стверстий. Он состоял из панелей, закреплённых в резных рамах и чередующихся с плотными блоками молочного материала. На каждой панели сверкала мозаика, но никакого различного рисунка, только переливы цветов.

Земляне прорубали путь сквозь кустарник и дошли до конца стены. Здание большое, занимает площадь целого земного квартала. За углом они наконец обнаружили вход, начало извивающейся ramпы. Вход доходил почти до верха первого этажа и был открыт — резная арка. Края входа обрамляли застывшие кружева, кое-где потрескавшиеся.

Они остановились. Кроме вздохов ветра, шелеста листьев, жужжания каких-то невидимых мелких обитателей джунглей, начинавшихся прямо у основания ramпы, ничего не было слышно — тишина забытья.

Эш шагнул на ramпу, мягкие подошвы его обуви не издавали ни малейшего звука. Он словно неохотно поднимался по некрутому подъёму — как будто на самом деле не хотел узнать, что находится внутри.

Тревис и Росс шли за ним. В изгибах ramпы застряли опавшие листья, они постоянно влетали в открытый вход. Земляне прошелестели по ним и оказались в головокружительно высоком зале. Он уходил всё вверх и вверх, и когда они попытались проследить за подъёмом его стен, у них закружилась голова. И всё это огромное пространство накрывал молочный купол. Сквозь него кое-где пробивался солнечный свет, отбрасывая радужные блики на стены и ramпу, которая продолжала извиваться вдоль стен, предоставляя доступ к каждому кружевному уровню.

Тут не было яркости наружной мозаики. Цвета мягкие, тусклые: фиолетовый, зелёный, тускло-розовый, жёлтый...

— ...сорок восемь, сорок девять, пятьдесят! По крайней мере пятьдесят дверей вдоль ramпы, — Росс говорил

негромко, но к ним донеслось причудливое эхо его шёпота. — С какой начнём? — он заговорил громче, бросая вызов этой неподвижности и этому эху.

Эш отошёл от них, пересёк зал и протянул руки к нише. Они торопливо пошли за ним и увидели, что он держит в руках статуэтку, вырезанную из тускло-фиолетового камня. Как и синие летуны, статуэтка чем-то поразительно напоминала знакомые живые существа и в то же время была абсолютно чуждой.

— Человек? — спросил Росс. — Животное?

— Тотем? Бог? — добавил Тревис из своего запаса знаний и опыта.

— Всё или ничего из этого, — заключил Эш. — Но это произведение искусства.

Это поняли все, хотя изображение и удивило их. Существо стояло на двух тонких задних конечностях, которые заканчивались узкими, широко расставленными пальцами с когтями. Стройное тело, с тонкой талией и хорошо развитыми плечами, было довольно близко к человеческому по общим очертаниям, две руки протянуты так, словно существо собирается прыгать в пространство. Но при таком прыжке у него больше шансов выжить, чем у тех, кто его рассматривает, передавая из рук в руки. От рук отходят кожистые крылья, они прикреплены к бокам, примерно так же, как у земных летучих мышей.

Голова меньше всего похожа на человеческую, на взгляд агентов во времени она была даже уродлива. Резко заострённые уши, слишком большие, особенно по сравнению с узким маленьким лицом. Глаза глубоко погружены, над ними нависают мощные костные бугры, нос — просто вертикальный разрез над ртом, под ним остатки губ отведены и обнажают мощные клыки.

На ощупь фиолетовый камень казался гладким и прохладным, и когда Тревис подставил его под луч, падавший с купола, статуэтка засверкала, словно драгоценная. Тщательная подробная разработка фигурки противоречила

абстрактности мозаики на внешних стенах и больше походила на резьбу купола и двери.

Росс провёл пальцем внутри ниши, где стояла статуэтка. Пыль посыпалась на пол. Сколько времени никто не трогал это крылатое изображение?

Эш нёс статуэтку. Они не стали подниматься по рампе, а свернули в первую же открытую дверь на уровне поверхности. За дверью оказалось пустое помещение, свет в него падал сквозь высокие прорези в стенах. Пошли дальше. Ещё множество пустых помещений, ни следа тех, кто здесь жил — конечно, если это жилое, а не общественное здание. Как будто жильцы, уходя, очистили его, забыв только маленькую статуэтку в зале.

Выйдя из последней пустой комнаты, Росс вздохнул и прислонился к стене.

— Не знаю, как вы, — провозгласил он, — но я достаточно наглотался пыли. Да и завтрак был давно. Перерыв на кофе — если бы у нас был кофе — очень вовремя.

Кофе у них не было, но они прихватили с собой с корабля контейнеры с пеной. И вот, сидя рядом на рампе, они по очереди отпивали пены и заедали «хлебными» лепёшками.

— Хорошо бы раздобыть свежей пищи, — задумчиво проговорил Тревис. Однообразная диета из корабельных запасов насыщала, но не доставляла удовольствия. Тревис представил себе шипящий бифштекс и всё, что обычно сопровождало его на ранчо.

— Может, какое-нибудь копытное — там, — руки Росса были заняты, и потому он подбородком указал на путаницу зелени, видную с рампы. — Можно поохотиться...

— Можно? — Тревис оживлённо повернулся к Эшу.

Но старшего агента это предложение не обрадовало. «Я не стал бы убивать, пока не знаю, кого убиваю».

Сначала Тревис не понял, потом до него дошло значение этого неопределённого заявления. Откуда им знать, что их добыча — не разумна! Здешний эквивалент челове-

ка? Но всё равно ему хочется бифштекс, это желание грызет его.

— Будем подниматься? — Росс встал. — Тут работы на целый день. Но я сказал бы, что шкаф очистили.

— Может быть, — Эш потрогал статуэтку. — Можно быстро осмотреть первый этаж большого красного здания к северу.

Сквозь густые заросли кустов, травы, деревьев и лиан агенты пробились к красному зданию монолитической архитектуры. Здесь они снова увидели открытую дверь, на этот раз узкую, как оконные прорезы, словно препятствующую всякому входу.

— Я бы сказал, что парень, который здесь жил, не любил соседей, — заметил Росс. — Из этого здания получилась бы отличная крепость. А тот купол слишком открыт.

— Разные народы... — Тревис немного опередил остальных, задержавшись на мгновение, прежде чем шагнуть через порог. И сразу застыл.

— Тревога! — его бластер уже был готов к стрельбе.

Перед ним оказался просторный зал, как и в здании под куполом. Но если тот был чистый и пустой, то здесь совсем по-другому.

Зал разрезало на части множество перегородок высотой в шесть-семь футов, они образовывали помещения странной причудливой формы, и из одного помещения невозможно было заглянуть в другие. Но не это остановило Тревиса, а запах.

Чем-то похожий на зловоние ночного существа. Запах логова, которым пользуются очень долго. Запах разложения, чуждой плоти, запах увядшей и гниющей растительности, отбросов. Кто-то использует это место для жилья.

Торопливость чуждого охотника выдала его. Из тени донёсся низкий горловой хрип, как урчание кота, застигнувшего ничего не подозревающую добычу.

Тревис мгновенно развернулся. Он увидел согнутую фигуру на верху одной из перегородок и понял, что она готова броситься на него. И нажал на спуск бластера.

Нападающий был поражён в воздухе. Ужасный вопль гнева и боли отразился от множества стен. Лапа с мощными когтями коснулась тела Тревиса ниже талии, и он отлетел в глубь, в темноту. И в этот момент появившиеся Росс и Эш направили свои бластеры на прыгающее рычащее существо, которое готово было вторично прыгнуть на Тревиса.

Существо обладало поразительной жизненной силой. Только когда на нём скрестились лучи всех трёх бластеров, оно затихло. Тревис потрясённо поднялся. Он знал, что если бы не это предупреждение за доли секунды, он был бы мёртв — или так искалечен, что молил бы о смерти.

Он захромал к выходу, нога онемела от сильного удара. Но ощупав рукой ткань костюма, он нашёл её неповреждённой, и как будто бы он не ранен.

— Оно добралось до тебя? — Эш отвёл его руки, чтобы взглянуть на тело. Тревис, всё ещё потрясённый, поморщился при прикосновении пальцев Эша.

— Только синяк. Что это?

Росс осторожно осматривал останки. «После наших бластеров можно только гадать. Но это внезапная смерть на шести лапах — и никакого преувеличения».

И правда, бластеры оставили мало материала для исследования. Существо шестилапое, мохнатое, это хищник, примерно восьми футов в длину, с пропорционального размера когтями и клыками.

— Местная разновидность саблезубого тигра, — заметил Росс.

Эш кивнул. «Предлагаю начать стратегическое отступление. Может, они тоже ночные жители, но я не хотел бы встретиться с таким в джунглях».

13

— Думаешь, нас ещё ждут неприятные сюрпризы? — Росс рукой в шрамах постучал по столу кают-компания, глаза его улыбались, но губы нет. — Позволь поделиться с

тобой капелькой здравого смысла, приятель. Когда всё кажется спокойным, тебя впереди обязательно ждёт ловушка.

Тревис потёр ноющую ногу. Его раздражало веселье Росса. Теперь, обдумав схватку, он пришёл к выводу, что был излишне самоуверен, когда входил в красное здание. Тем более ему неприятно было слышать тайное осуждение критики Росса. Хотя, возможно, осуждение ему только почудилось.

— Знаете, — в коридоре появился Ренфри, а рядом с ним Эш, — эти летающие существа дважды возвращались во время вашего отсутствия. Подлетали к самому люку, но внутрь не заходили.

Тревис, вспомнив их когти, хмыкнул. «Может, это и к лучшему», — заметил он.

— Потом, — продолжал Ренфри, не обращая внимания на слова Тревиса, — перед самым вашим возвращением я нашёл это — перед наружным люком.

«Это» совсем не напоминало природный предмет, занесённый ветром. Три прочных зелёных листа, с прожилками и рёбрами, были сколоты двумя двухдюймовыми шипами в своеобразный рог изобилия, заполненный овальными светло-зелёными предметами размером в ноготь.

Может быть, плоды, семена, разновидность зёрен. Но Тревис был уверен, что это пища. И явно дар — дружеский жест — пробный шар со стороны голубых летунов. Зачем? С какой целью?

— Ты не видел, кто это оставил? — спросил Эш.

— Нет. Я подошёл к люку — он лежит.

Одно из семян выпало и покатилося по столу. Тревис коснулся его пальцем, и шарик лопнул, как перезрелая ягода. Не раздумывая, апач поднёс липкий палец ко рту. Вкус острый, но сладкий, со свежим привкусом трав.

— Ну, вот, ты это сделал, — заметил Росс. — Теперь подождём, пока ты покроешься пурпурными пятнами или позеленеешь и сморщишься, — говорил он, как обычно,

небрежно, но слышалось в его словах какое-то недовольство. Может, он опять решил, что Тревис слишком забегает вперёд в неразумных экспериментах?

— Вкус приятный, — флегматично ответил индеец. Неторопливо выбрал ещё один шарик, положил его в рот и раздавил зубами. Ягода или семя не удовлетворит жажды мяса, но это не концентрат и не продукт чужаков, а вкус хороший.

— Хватит! — Эш убрал мешочек из листьев вместе с его содержимым. — Не нужно зря рисковать.

Но так как Тревис не испытал никаких дурных последствий, за ужином остаток дара разделили на всех, наслаждаясь его вкусом после недель на корабельных запасах.

— Может, сумеем выторговать ещё немного, — лениво начал Росс. Потом вздрогнул и выпрямился на неудобном сидении кают-компаний.

Эш рассмеялся. «Я уже думал, когда же ты вспомнишь о такой возможности».

Росс улыбнулся. «Вы думаете, у меня ничего надолго не задерживается? Ну, ладно, снова станем торговцами. У горшечников мне не пришлось как следует поторговаться — слишком много было помех».

Тревис терпеливо ждал объяснения. Один из тех моментов, когда их общее прошлое отрезало его, напоминал, что только случай помог ему принять участие в этом приключении.

— Тут должно найтись хоть что-то, способное привлечь внимание летунов. — Росс протиснулся мимо Эша, выходя из кают-компаний. — Схожу посмотрю.

— Торговля? — Ренфри кивнул. — Я слышал, вы в маршрутах во времени играли эту роль.

— Хорошее прикрытие, может, лучшее. Торговец проходит всюду в примитивном мире. И никто не задаёт ему вопросов. А любые небольшие отклонения в одежде, странности в обычаях и речи легко объясняются профессией. Он приходит издалека и не обязательно должен быть

похож на членов племени. И торговец способен быстро собрать новости. Да, мы использовали это прикрытие в первых маршрутах.

— Вы были торговцами во времени? — спросил Тревис.

Эш готов был поговорить о своих прошлых делах. «Когда-нибудь слышал о народе горшечников? Это торговцы, их торговые посты располагались от Греции до Шотландии в начале бронзового века. У меня было такое прикрытие в древней Британии и на Балтике. Дело захватывающее. Мой первый партнёр мог бы уйти на пенсию миллионером — или его эквивалентом в тот период». Эш замолчал, лицо его снова замкнулось, но Тревис всё же задал ещё один вопрос.

— А почему он не стал им?

— Красные обнаружили его станцию в том времени. И взорвали её. И проиграли из-за этого, потому что дали нам понять, где находится их собственная станция, — можно было подумать, что он читает сухой отчёт, если не смотреть в глаза.

Тревис знал, что Росс опасен. Но теперь подумал, что Эш может превзойти своего молодого партнёра в безжалостности, если понадобится. Вскоре вернулся Росс с полными руками. И выложил отобранные им вещи для оценки.

Полоска ткани, возможно, предназначавшаяся для шарфа, которую они нашли в одном из шкафов. Тонкая нить, с чередующимися пурпурным и зелёным цветами, яркими и привлекающими внимание. Пёстрые кусочки резного дерева в форме кораллов, с пятнами золотистого цвета. Насколько могли судить земляне, это стилизованное изображение листьев, и Эш посчитал, что это фигуры для какой-то игры, хотя доску и другие фигуры не нашли. И наконец пластинка, которая чудесным образом воспроизводила изображения местности. Эту пластинку Эш, покачив головой, отложил в сторону.

— Это слишком важно. И во всяком случае не нужно

быть излишне щедрыми для начала. Попробуй шарф и две фигурки.

— Положить у люка? — спросил Росс.

— Пожалуй, нет. Нам не нужны посетители. Подумай и выбери место внизу.

Хоть Эш и предоставил Россу инициативу, но и сам пошёл вместе с ним. Тревис, у которого вдруг заболела нога, лёг на койку, чтобы попробовать целительное воздействие желе. Он снял костюм, поморщившись, вытянулся и расслабился.

Должно быть, он уснул под наркотическим воздействием исцеляющего желе, которое, подчиняясь его желанию, покрыло всё тело. Разбудил его Росс.

— В чём дело?

Росс не дал ему времени на протесты. «Эш исчез!» Лицо его оставалось спокойным и невыразительным, но глаза были необычно холодны.

— Исчез? — сонливость, навеянная желе, не давала возможности быстро соображать. — Куда исчез?

— Это мы и должны выяснить. Собирайся!

Тревис, синяк которого совсем рассосался, а боль исчезла, быстро оделся и застегнул пояс с оружием, который протянул ему Росс. «Рассказывай!»

Росс уже вышел в коридор, каждая линия его напряжённого тела выдавала нетерпение.

— Мы вышли — выбрать камень для торговли. Несколько летунов следили за нами, и мы подождали, не спустятся ли они. Когда они не стали спускаться, Эш сказал, что нам лучше укрыться, сделать вид, что мы уходим к зданиям. Эш зашёл за упавшее дерево, я видел его. Говорю тебе: я его видел! Но потом его там не оказалось, и вообще нигде больше не было! — Росс был явно потрясён, тщательно выработанная невозмутимость его покинула.

— Ловушка в земле? — высказал первое предположение Тревис, торопясь вслед за Россом к люку. Ренфри здесь уже связывал два куска шёлковой нити, едва ли толще пряжи,

но, как они успели убедиться, удивительно прочной. Привязав её к кораблю, они смогут обыскивать окрестности, оставляя ведущий к себе след.

— Я всё осмотрел, дюйм за дюймом, — сквозь сжатые зубы сказал Росс. — Даже червь там не спрячется. Он только что был, а в следующую минуту его не стало!

Закрепив нити и оставив Ренфри караульным, они спустились на истоптанную и обожжённую площадку рядом с кораблём, на которой в лучах заходящего солнца вяла сорванная растительность. Тьма усложнит поиск. Надо действовать быстро, найти хоть какой-нибудь след, прежде чем совсем стемнеет.

Росс шёл впереди, прошёл по упавшему дереву до кроны, теперь увядающей. «Он был здесь».

Тревис погрузился в сохнущую листву. Его оглушали резкие запахи липкого сока, ароматы цветов. Но Росс прав. Растительность расчищена, но на влажной поверхности почвы никаких следов. Тревис увидел след, но точно такой, какой он оставляет сам. Этот след может принадлежать Россу. Но так как больше ничего не было, Тревис пошёл по нему.

Несколько мгновений спустя, на самом краю расчищенного Россом места Тревис заметил кое-что ещё. Тут лежал другой ствол, остатки настоящего лесного гиганта. И дерево упало не при посадке корабля, оно лежало уже давно, и на нём вырос покров из красного мха и грибов.

И вот во мху-то и виднелись два тёмных следа, неровные царапины: кто-то вцепился здесь, сопротивляясь непреодолимой силе. Эш? Но как его могли захватить, чтобы Росс не видел, не слышал звуков борьбы?

Тревис перепрыгнул через ствол. Вот и подтверждение — отпечаток ноги на плесени. Но за ним — ничего, абсолютно ничего! Однако никакое живое существо не могло бы пройти по влажной почве, не оставив следов. Казалось, что Эш исчез в воздухе.

В воздухе! Не на земле, а вверху нужно искать. Тревис

окликнул Росса. Теперь их окружали высокие деревья, до первых ветвей двадцать и больше метров, стволы гладкие. В листве шумел ветер, но никакого другого движения не было видно, да и слышно ничего не было.

Показался один из голубых летунов и повис прямо над Тревисом, глядя на него своими четырьмя глазами на стебельках. Летуны... неужели это они унесли Эша? Он не мог в это поверить. Человек с весом и силой Эша, к тому же отчаянно сопротивляющийся — об этом свидетельствовали царапины во мху, да его может унести только целая стая таких существ, действующих совместно. И всё же апач верил, словно видел своими глазами, что Эша унесли либо по воздуху, либо по вершинам деревьев.

— Как они его подняли? — удивился Росс. Он готов был согласиться с Тревисом, но сам апач вынужден был признать, что такой маневр затруднителен. — А если подняли, — продолжал агент во времени, — то куда дели?

— Это направление противоположно трём ближайшим зданиям, — заметил Тревис. — Они должны были перенести пленника кратчайшим путём, скорость для них важнее скрытности.

— Значит, прямой путь через джунгли, — Росс с отвращением осмотрел деревья, лианы и кустарник. — Что ж, есть один трюк, дай-ка мне твой пояс. Нам показывали его на тренировках.

Он взял пояс Тревиса, связал его со своим, проверил толщину ствола и застегнул пояс на последнее отверстие. Но ствол всё равно оказался слишком толст. Росс отрезал от нити, связывавшей их с кораблем, кусок, привязал его к поясам. На этот раз ему удалось охватить ствол. С помощью петли он забрался на ствол дерева, нависавшего над следами борьбы.

Листва дрожала, когда он прокладывал по ней путь наверх. «Ну, вот и ключ, — крикнул он отуда. — Тут была привязана верёвка, она врезалась в кору. И... ну и ну... они не так уж умны всё-таки... или думают, что мы не умны. Тут

настоящая дорога — по верхним ветвям. Поднимайся, посмотришь!»

С дерева свалилась петля из поясов и нити, Тревис поймал её и поднялся — тяжелее, чем Росс. Вскоре он присоединился к Россу на ветке. Тот держал в руках другую верёвку, тонкую и зелёную, напоминавшую лиану.

— Способ Тарзана, — Росс для выразительности покрутил в воздухе верёвкой. — Раскачиваешься, перелетаешь на соседнее дерево, там другая веревка, и так далее. Но всё же не понимаю, как они могли унести Эша. Хотя, — глаза его сузились, — может, они подождали, пока я пойду на корабль за тобой.

Тревис разглядывал верёвку. «Они её оставили. Это значит...»

— Что намерены вернуться? — Росс кивнул. — У них может быть хитрый план похватать нас поодиночке. Но кто «они»? Ведь не эти же голубые летуны...

— Эти могли действовать, как их собаки, — Тревис старался не смотреть вниз, потому что нынешнее положение не внушало ему уверенности.

— А этот подарок из фруктов — приманка в ловушку, — согласился Росс. — Всё совпадает. Фрукты, чтобы выманить нас из корабля, летуны сообщают, что мы пришли. Потом — раз! — и один из нас схвачен! Но Эш не останется в плену.

— Возможно, это тоже ловушка, — Тревис дёрнул верёвку и обнаружил, что Росс прав: она очень прочно привязана к дереву.

— Верно. Но мы узнаем.

— Ночью? — солнце почти село. Тревис не меньше Росса хотел пойти по следу, но здравый смысл протестовал против такого безрассудства.

— Ночь... — Росс, прищурившись, смотрел на солнце. — Эти существа действуют днём. И они привыкли к высоте.

— Значит, здесь есть причины не ходить по земле или в темноте, — Тревис начинал уставать от разговоров. —

Одна из таких причин — наш друг в красном доме. Каково твоё решение?

— Пойдём в куполообразное здание и поднимемся до верха. Вокруг купола идёт балкон. Взглянем оттуда.

Тревис согласился с этим. Но им пришлось поспорить с Ренфри. Техник хотел сопровождать их. Росс резко сказал ему, что только он обладает знаниями, хотя бы их зачатками, которые могут помочь им управлять кораблём. А от этого зависит всё их будущее. И нужно торопиться, чтобы попробовать найти следы до темноты.

Они шли по тропе, которую прорубили утром. Когда пересекали небольшие поляны, Тревис поглядывал на небо. Он ожидал, что появятся голубые наблюдатели. Но их не было.

Росс быстро начал подниматься по рампе внутри здания. Но постепенно шаг его замедлялся, они поднялись на пятый уровень, на шестой, седьмой, восьмой, девятый и наконец десятый. В здании не слышалось ни звука, ничто не нарушало тишину этой фантастической раковины.

Они добрались до балкона, узкого мостика, огибавшего весь купол, защищённого резным парашютом по грудь высотой. Ветер усилился, развеивал волосы, свистел в открытой резьбе. Росс шёл впереди. Он торопился к месту, откуда открывался вид в том направлении, куда, как они думали, направились похитители Эша.

Над джунглями поднимались и другие здания или их остатки. Большинство меньше купола, три или четыре — очень далеко — выше. Высокие здания обладали одинаковыми очертаниями, что свидетельствовало об их общем происхождении.

На одно из этих зданий и указал Росс. «Если они по вершинам направились к ближайшему зданию, то к этому». Он смотрел вдоль указательного пальца, как вдоль ствола ружья.

Тревис отметил все возможные ориентиры, хотя с поверхности от трёх четвертей их не будет никакого толку.

«Справа от этой крыши в форме воронки и слева от квадратной башни. Туда несколько миль».

Можно прорубить тропу в джунглях — с помощью бластеров. Но такое действие выдаст их приближение. Если они хотят найти врага — конечно, предполагая, что враг именно в том здании, которое указал Росс, — им придётся действовать более скрытно и хитро. И такую вылазку нельзя предпринимать ночью.

— Есть только один способ проверить, — Росс словно рассуждал вслух. — Если останемся здесь дотемна, узнаем.

— Как?

— Огни. Если увидим огни, это доказательство.

— Маловероятно. Они были бы глупы, если бы зажгли огни.

— А может, опять ловушка, — размышлял Росс. — Хотят нас заманить.

— Ну, это только предположение. Откуда нам знать, как они рассуждают? Мы даже не знаем, кто они. Тебе не понравились те, что до тебя носили эту форму, — Тревис потянул голубую ткань у себя на груди. — Если это их родная планета, может, они будут играть с нами в такие же игры, как с тобой, — умственный контроль.

— Посмотри! — Росс широким жестом обвёл море спокойных джунглей, поднимавшиеся отдельными островками здания. — Всё, что у них было, мертво, давно мертво. И сами они тоже мертвы. Или опустились до первобытного уровня. А если они дикари, Эш с ними справится: его к этому готовили. Я видел его в действии. Дай мне час здесь после заката. И если не увидим огней, уйдём...

Тревис достал бластер. Тьма, даже сумерки могут привести на их след хищников. Но он понимал Росса, и к тому же к кораблю ведёт ясная тропа.

— Ну, хорошо.

Они медленно обошли вокруг купола, дожидаясь темноты. И насчитали не менее пятидесяти зданий, фантас-

тических, не похожих друг на друга, некоторые даже, казалось, опровергали закон тяготения. А дальше стояли и другие, высокие, одинаковые. Может, это сооружения аборигенов, а остальные — посольства, примеры трансгалактической архитектуры, как предполагал Эш? Какая сокровищница знаний может заключаться в них...

От рассуждений Тревиса оторвал возглас Росса. За их спинами в небе ещё виднелись отражения солнечного света. Но — догадка Мэрдока оправдалась. В ближайшей из высоких башен мелькнул огонёк. Вспыхнул, погас, снова вспыхнул.

Приманка?

14

На корабле состоялся военный совет. Наружный люк закрыли: этой предосторожности научил пустынный мир.

— Трудно будет пробиваться в джунглях в том направлении, — заметил Ренфри. — И они могут поджидать вас там.

— Иногда кратчайший путь кругом, а не прямо, — согласился Росс. Он начертил на листе материала из запасов чужаков карту, обозначив крестиками и квадратами различные здания. — Смотрите! Эти высокие здания образуют группу. Но здесь, здесь и здесь есть и другие здания. Допустим, мы направимся к этому, похожему на переросшую нефтяную бочку с воронкой, потом за эту груду блоков. То, что нам нужно, находится между ними. Пробежимся сюда, потом за блоки и назад. Если мы их убедим, что обыскиваем всё подряд в этом направлении, это даст нам время. Достигнем этого пункта, — он указал пальцем на импровизированной карте, — и тогда двинемся прямо и на высшей скорости, — он вызывающе огляделся. — У кого-нибудь есть лучшая идея?

Ренфри пожал плечами. «Ты готовился к таким делам. Но я пойду с вами».

— И позволишь кому-нибудь захватить корабль у нас за спиной? Они за нами наблюдают, иначе не захватили бы шефа так чисто. Помните, он не новичок в таких играх. Я видел его в действии.

— По вершинам... — рассуждал Тревис. — Если это их обычный способ передвижения, тогда у нас есть одно преимущество. В джунглях мы можем передвигаться скрытно. Они не могут всё время наблюдать сверху.

— Вы оба согласны? — Ренфри продолжал изучать карту.

Росс встал. «Не собираюсь позволить им сожрать шефа и не подавиться. Чем быстрее начнём действовать, тем лучше».

Но даже Росс вынужден был согласиться, что нужно дожждаться рассвета и только тогда начать осуществление плана. Они перерыли весь корабль в поисках припасов и отобрали из них необходимое. У каждого на поясе висел бластер чужаков. Вдобавок на плече виток тонкой крепкой верёвки, кроме того, они сохранили кремневые ножи от своей охотничьей маскировки. Кремень хрупок, но остро заточенные края могут нанести смертельную рану в схватке. Прихватили рюкзаки с пищевыми концентратами и контейнерами с пеной.

Ренфри не хотел оставаться на корабле. Но вынужден был согласиться, что невозможно закрыть люк снаружи и поэтому должен остаться охранник. Но он настоял на том, чтобы привести в готовность оружие корабля. И вот, когда они при первых лучах рассвета спускались по лестнице на поверхность, из корпуса корабля торчали зловещие трубы.

По очереди они начали прорубать тропу. И, где могли, пробирались через кустарники, сберегая энергию бластеров. Тревис шёл впереди, когда перед ними показался зелёный туннель.

Здесь почва затвердела и превратилась в неглубокий жёлоб. Тревису потребовался всего один взгляд, чтобы определить, что это такое — звериная тропа, ведущая либо

к водопою, либо на хорошее пастбище. По тропе ходили много и давно.

Нашлись и следы, лапа с когтями, копыто с такими глубокими вмятинами, что оно должно быть почти разделено надвое; более мелкие следы, которые трудно определить.

— Она идёт в нужном направлении. Пойдём по ней? — Тревис сам сомневался в разумности подобного предложения. С одной стороны, они могли значительно увеличить скорость продвижения, а скорость для них очень важна. Но такая тропа — не только звериная дорога, тут легко нарваться на засаду.

Росс шагнул на узкую тропу. Она извивалась и поворачивала, но в целом шла к тому зданию с крышей-воронкой, которое служило их первой целью.

— Идём, — решил он.

Тревис двинулся лёгкой рысью. Он слышал в листве над головой звуки: щебет, щёлканье, иногда резкий крик. Но существ, которые издавали эти звуки, не видел.

Тропа спускалась в неглубокую низину. На дне её лениво протекал ручей по коричнево-зелёному руслу, над ним светилось открытое небо. Тут они потревожили рыболова.

Рука Тревиса поднялась было к рукояти бластера, но снова опустилась. Как и голубые летуны, этот странный обитатель неизвестного мира не производил враждебного впечатления. Зверь размером с дикого кота, и даже немного похожий на кота по внешности. Во всяком случае у него была круглая голова со слегка раскосыми глазами. Но уши очень-очень длинные, резко заострённые и с метёлочками... перьев на концах. Перья! Голубые летуны мохнатые, и у них крылья насекомых. Рыболов, явно наземное животное, покрыт перьями того же сине-зелёного цвета, что и окружающая листва. Если бы он не сидел на камне на открытом месте, его невозможно было бы заметить.

Задние лапы у него толстые и тяжёлые, и он спокойно

сидел на них. Передние — более тонкие и длинные, в одной из них билось чешуйчатое существо, от которого рыболов с помощью зубов и когтей методично отрывал лапки. Животное, прервав своё занятие, посмотрело на Тревиса круглыми глазами, не проявляя ни страха, ни гнева из-за помехи.

Когда земляне приблизились, животное прижало завтрак к груди промежуточной парой лап, прыгнуло и исчезло в зарослях.

— Кролик... кот... сова... что ещё? — заметил Росс. — И не испугался.

— Либо у него нет врагов, либо мы на них не похожи, — Тревис разглядывал завесу зелени, в которой скрылся рыболов. — Да, он всё ещё следит за нами — оттуда, — добавил он шёпотом.

Однако присутствие одетого в перья рыболова обещало безопасность на тропе. Тревис нашёл продолжение тропы по другую сторону ручья. И с большей готовностью двинулся по ней, хотя листва сомкнулась у них над головами, когда они с Россом погрузились в зелёный туннель.

Вокруг продолжали слышаться звуки скрытой жизни. Дважды земляне натыкались на следы охотника или охотников. Один раз им попался клок серой, похожей на плюш шерсти, забрызганной кровью, в другой — несколько перьев и испачканная шкурка.

Здание с крышей-воронкой окружал небольшой открытый участок. Строение походило на каменный веер, покрытый красным мхом, но не доверху; тропа, огибая его, проходила мимо здания. Если они будут продолжать действовать по плану Росса, им теперь нужно снова углубиться в джунгли и прорываться сквозь упругую растительность. Но вначале, чтобы сбить с толку возможных наблюдателей, они поднялись по каменному порогу, поросшему мхом, и хотели войти в здание, словно собирались его осмотреть. Но войти оказалось нелегко. Путь им преградила решётка из прочного материала. Сквозь её

путья они видели внутренность здания. Очевидно, в нём оставалась какая-то мебелировка: на полу виднелись различные предметы в истлевших покрывах.

Росс, прижав лицо к прутьям, свистнул. «Готовились к переезду, только фургон не пришёл. Шеф захотел бы попытаться здесь. Тут многое можно найти».

— Вначале найдём его самого, — Тревис стоял на верхней из четырёх ступеней, ведущих в здание. Он видел башню, их конечную цель, хотя деревья закрывали три нижних её этажа. На его взгляд, никаких признаков жизни в ней не наблюдалось, ничего не двигалось в окнах. И всё же вчера вечером тут горел огонь.

— Ну, ладно, пошли! — Росс оторвался от решётки. И широким жестом указал не на их цель, а на здание за ним.

Теперь приходилось прорубать дорогу бластерами, руками рвать растения, чтобы прокладывать тропу между небольшими изолированными полянами, где падение гигантского дерева в прошлом немного расчистило место. Тяжело дыша, они выбрались на пятую по счёту такую поляну.

— Здесь, — сказал Росс. — Отсюда поворачиваем.

К счастью, им хорошо была видна вершина башни как указатель направления. Они подходили к ней сзади, и по какому-то капризу природы подлесок тут был реже. Поэтому им приходилось выбирать укрытия и всё время поглядывать вверх в поисках наблюдателя или шпиона. Впрочем, вряд ли они в таких обстоятельствах заметили бы целую армию, мрачно решил Тревис, каждое мгновение ожидая засады.

Они прошли уже около половины дороги, ведущей к основанию здания, когда оба застыли, услышав крик. Воинственный крик существа, которое поджидало их в красном зале! И звук был так искажён окружающими их джунглями, что Тревис не мог сказать, где он прозвучал: впереди или сзади.

Этот первый крик послужил сигналом к оглушающим

воплям, от которых разрывались барабанные перепонки землян. Из листвы вылетела птица, в слепой панике бросилась прямо на них двоих, благополучно пролетела мимо и снова скрылась в зарослях. Мимо промелькнуло стройное грациозное существо с пятнистой шкурой и одним рогом и исчезло, прежде чем Тревис уверился, что действительно видел его.

Крики, полные гнева и кровожадности, продолжались. Тут не один зверь — целая стая! И судя по шуму, они дерутся друг с другом. Тревис представил себе Эша, загнанного в башню и противостоящего таким врагам. Он побегал. Прежде чем они погрузились в чашу, Росс поравнялся с ним; они по прямой линии пробирались к зданию.

Тревис споткнулся, замахал руками, пытаясь удержать равновесие, вывалился на открытое место и упал на четвереньки. Прямо перед ним находился вход в здание — длинный узкий разрез в стене. Звуки доносились изнутри. Росс с бластером в руке — стремительная синяя полоса сосредоточенного движения — промелькнул мимо Тревиса.

Апач встал и побегал, отставая от агента во времени всего на один-два шага. Они промчались в разрез и оказались у основания ведущей вверх ramпы. Один из воплей, звучавших вверху, закончился кашлем. Масса тёмно-красной шерсти, бьющие лапы, узкая голова ласки с оскаленными клыками — всё это прокатилось мимо, дёргаясь в предсмертной агонии. Росс едва успел отскочить в сторону.

— Уложил одного бластером! — крикнул он. — Шеф! Эш! Вы здесь?

Если кто-то и ответил, то ответ заглушили крики животных. Внутри царил полумрак, но света было достаточно, чтобы увидеть перегородку поперёк ramпы. В барьере виднелась щель, в ней сражались за проход два красных зверя. За ними рычал третий.

Росс установил бластер на сгибе руки и с меткостью снайпера поразил голову ласки. Зверь зарычал и попятился. Люди расступились, пропуская его.

Один из зверей в отверстии увидел двоих внизу и повернул, позволив другому пройти в дыру. Сам же он прыгнул на Росса. Луч бластера прошёлся по его плечам, зверь отвратительно завопил и упал, отчаянно дёргая лапами. Росс выстрелил ещё раз, и зверь затих. Но битва за барьером продолжалась.

— Эш! — крикнул Росс. Тревис подхватил его крик. Они совсем не хотели встретить луч бластера своего друга за барьером.

— Эй! — эхо странно исказило этот крик, лишило его сходства с человеческим; он исходил, казалось, с какого-то удаления сверху или спереди. Но оба слышали его и через отверстие в барьере вбежали в большой зал.

Тут было совсем светло, свет давало белое пламя дымящихся ветвей, которые грудой валялись на полу; их сбрасывали сверху. Один из красных зверей лежал мёртвым. Другой, волоча за собой задние лапы, полз к ним, и Тревис уложил его. Но не успел он отпустить палец со спуска, как луч бластера погас. Тревис попробовал ещё раз: в оружии кончился заряд.

На второй рампе в конце зала что-то задвигалось. Росс стоял с бластером наготове. Тревис наклонился за факелом. Он принялся размахивать тлеющей ветвью, ярко вспыхнул огонь.

Росс выстрелил в голову прыгнувшего на него зверя, промахнулся, отпрыгнул к рампе и бросился на пол, чтобы уйти от нападения. Но зверь мгновенно прыгнул вслед за ним. Тревис снова размахнулся веткой и ударил горящим концом по змеиной голове нападающего зверя.

Одна из могучих лап ударила, вырвав факел из руки апача. Но Росс уже поднялся на колени с бластером наготове. И красный зверь погиб. Тревис слегка неуверенно отступил, подобрал второй факел.

— Эй! — снова крик сверху. Росс ответил на него.

— Эш! Мы внизу...

Больше на рампе воплей не слышалось. Но Тревис подумал, что звери могут ждать в засаде. У него не было желания подниматься в неизвестное — с бездействующим бластером. А кремневый нож бесполезен против такого зверя.

Они ждали, прислушиваясь, у основания ramпы. Но когда нового нападения не последовало, Росс пошёл впереди, а Тревис, держа факел, за ним. Он протянул руку и коснулся руки Росса, поравнявшись с ним. Впереди их что-то ждёт.

Тревис осветил факелом верх ramпы и увидел Росса с бластером наготове...

— Входите! — слова звучали обычно, но говорил Эш, чуть задыхаясь и выше, чем всегда. Но именно Эш, невредимый и невозмутимый, вышел им навстречу на свет и ждал их приближения. И он оказался не один. За ним двигались смутные тени. Росс не убирал бластер, а рука Тревиса сжала нож.

— Как вы, шеф?

Эш в ответ рассмеялся. «Ну вот, космический патруль и приземлился. Вы, парни, появились в самый нужный момент. Пойдёмте знакомиться».

Тени придвинулись ближе к Эшу. Тут вспыхнул новый факел, и Тревис, мигая, уставился на освещённую им группу.

Эш ростом в шесть футов, он примерно дюйм уступает Тревису. Но в этом обществе он возвышался, как башня, самый высокий из его спутников едва ли доходил ему до плеча.

— У них крылья!

Да, вспышка огня осветила крыло — не из перьев, а кожистое, конец его торчал над плечом. Где он видел такие крылья? На статуэтке в купольном здании!

Но лица, повёрнутые к землянам, не так гротескны, как у статуэтки. Уши не такие большие, черты лиц гуманоид-

ные, хотя носы — вертикальные щели. Либо статуэтка — карикатура, либо она представляет более примитивный вид.

Аборигены держались позади, и из их узких заострённых челюстей доносились негромкие звуки, то громче, то тише. Но выделить в них слова Тревис не мог.

— Местные жители? — Росс по-прежнему держал бластер наготове. — Они похитили вас, шеф?

— Некоторым образом. Я думаю, вы справились с дикой жизнью внизу?

— Со всеми, что увидели, — ответил Тревис, по-прежнему разглядывая крылатых людей. Он был уверен, что это люди, разумные существа.

— Тогда мы можем выйти отсюда, — Эш повернулся к одному из крылатых созданий и выразительно убрал свой бластер в кобуру. Крылатые люди расступились, позволив Эшу, Россу и Тревису пройти и подняться по третьей рампе. На самом её верху земляне увидели жёлтый солнечный свет и оказались в просторном зале с арочными проходами вдоль всей его длины.

Ноздри Тревиса раздулись, он уловил набор запахов, приятных и не очень. Похоже, это постоянное поселение. Арки украшены зеленью, в ней мелькали цветы, такие же, какой он видел в первый день. У стен брёвна, выдолбленные в виде корыт. В них растут различные растения, все они тянутся к лучам солнца в окнах, покрывая стену от пола до потолка зелёным занавесом.

И жители этого места больше не тени. В ярком свете стали виднее их гуманоидные черты. Крылья сложены на спинах, как плащи, и другой одежды на них нет, если не считать пояса, воротника и браслетов. Оружием им служили небольшие копья — такое оружие не годится против красных убийц, осаждавших их снизу.

Они внимательно наблюдали за землянами, негромко переговариваясь, но не делая угрожающих жестов. И так как прочесть выражение их лиц было невозможно, Тревис не знал, считают ли они троих землян с корабля

пленниками, союзниками или просто любопытными существами.

— Сюда... — Эш остановился перед одной из завешенных арок и издал негромкий крик.

Занавес разошелся, Эш вошёл, сделав остальным знак следовать за ним.

Под ногами у них лежал толстый ковёр из переплетённых веток и листьев. Множество растений делили большое помещение словно загородками на меньшие, оставив свободное пространство прямо против входа.

— Не смотрите по сторонам, — быстро сказал Эш. — Смотрите на того, что у стола.

У стола, поднимавшегося над полом фута на два, сидел один из крылатых людей. У тех, которых земляне видели раньше, кожа была тёмно-фиолетовая, цвета камня, из которого вырезана статуэтка. Но этот темнее, кожа у него пурпурного цвета. И что-то в его сдержанных движениях свидетельствовало о старости.

Но когда абориген взглянул на землян, Тревис понял, что это не просто человек — это значительный человек среди своего народа. Он прочёл это в его взгляде, в его гордой осанке, в неторопливости, с какой тот разглядывал троих землян.

15

— Что за свалка! — Росс изумлённо оглядывался по сторонам.

— Сокровищница! — резко поправил его шеф.

А Тревис просто стоял и смотрел по сторонам. И подумал, что правильны оба определения.

— Они вас похитили, чтобы вы разобрали это? — недоверчиво спросил Росс.

— Ну, в общем, да, — согласился Эш. — Вопросы: с чего начнём, что найдём, как сообщим им о своих находках, если сумеем понять их смысл?

— И давно они собирают это? — удивился Тревис.

Среди груд материалов и предметов лежали проходы, так что пройти можно. Но общее впечатление нагромождённой массы угнетающее.

Эш пожал плечами. «Если общаешься с помощью жестов и догадок, много ли узнаешь?»

— Но почему вас? То есть — откуда вам знать, как они действуют? — снова спросил Росс.

— Мы прилетели в корабле. Возможно, у них существует неясная традиция, легенды, что люди с кораблей знают всё.

— Белые боги, — вставил Тревис.

— Но только мы не Кортес и его люди, — резко ответил Эш.

— Но они не лысые и не мохнатолицы, как тот оператор, которого я видел на экране в корабле красных. Кто же они?

— Судя по статуэтке, их предки знакомы строителям купола, — ответил Эш. — Но я думаю, что это не упадок. Они просто примитивны.

Воображение Тревиса неожиданно ожило.

— Домашние животные?

Оба агента взглянули на него. Эш перевел дыхание.

— Возможно, ты прав! — он произнёс эти слова подчёркнуто. — Пусть пройдёт десять тысяч лет и сложатся необходимые условия, и вы увидите, что станет с нашими собаками или кошками.

— Мы пленники? — Росс вернулся к главной теме.

— Не сейчас. Благодаря тому, что мы справились с этими ласками. Общий враг — превосходный повод для заключения взаимного мира. К тому же у нас общая цель. Если мы найдём что-нибудь, что помогло бы Ренфри, то только в этой груде.

— Нам потребуется целый год, только чтобы разобрать верхний слой этого хлама, — пессимистично заявил Росс.

— Мы знаем, что нам нужно: у нас есть образцы на корабле. А всё найденное, что может пригодиться нашим

крылатым друзьям, отдадим им. И кто знает, что мы можем найти?

Эш оказался прав в оценке отношения крылатых людей. Вождь или предводитель, который принял их в уютной комнате, а потом привёл на этот склад добра, собранного племенем, не мешал их возвращению на корабль. Возвращались они по поверхности, а не по деревьям в сопровождении нескольких голубых летунов — крылатым людям они служили чем-то вроде собак.

За время своего плена Эш понял, что красные ласки составляют главную опасность для аборигенов, и что крылатые люди пытались преградить им доступ в своё жилище. Хищники действовали хитро и коварно, что и у них предполагает наличие какого-то разума, пытаясь преодолеть барьер. Но только общий натиск всей стаи помог сломать с таким трудом возведённую стену и прорваться в жилище крылатых людей. Готовность Эша воспользоваться своим бластером и неожиданное появление Росса и Тревнса привели к гибели всей стаи. Всё это произвело чрезвычайно благоприятное впечатление на возможных жертв хищников.

— Но они ведь могут летать, — говорил Росс. — Почему просто не улетят — через окна и не оставят шестиногим ласкам это место?

— Их вождь смог дать мне это понять очень ясно. Сейчас период, когда рождаются их дети. Самцы могли бы спастись, но самки и малыши — нет.

Ренфри ожидал их у входа, грызя ногти в тревоге. Обрадовавшись, когда увидел их снова вместе и невредимых, он рассказал, что выяснил, как действует запись курса. Но пока не знает, сможет ли запустить эту запись в обратном направлении.

— Не знаю, как её перемотать, — техник коснулся диска размером с монету, того самого, что выскочил в день их прилёта. — Если проволока порвётся... — он пожал плечами и не стал заканчивать.

— Значит, тебе нужна другая, чтобы попрактиковаться,
— Эш кивнул. — Хорошо, мы знаем, что искать, когда завтра начнём рыться в сокровищнице.

— Если другая существует, — с сомнением заметил Ренфри.

— Вывод номер один, — Эш отпил из контейнера с пеной. — Я думаю, что большую часть добра крылатые люди собрали в таких же зданиях, как то, в котором живут. А таких зданий немало. Остальные здания совсем другие по архитектуре и не повторяются. Отсюда вывод, что башни — жилища местных жителей, а проекты других зданий созданы не здесь — по какой-то причине.

Когда пилот настраивал приборы на возвращение, он либо направлялся на родную планету, либо на базу обслуживания. Отсюда можно заключить, что среди груды добра, собранного нашими хозяевами, можно найти и аналогичные записи, такие же, как на корабле. И среди них возможны указатели курса.

— Ну, в этом множество «если» и «может быть», — заметил Ренфри.

Эш рассмеялся. «Парень, большую часть своей взрослой жизни я имею дело с «если» и «может быть». Когда роешься в прошлом, о многом нужно догадываться, и только потом тяжёлая работа подтверждает или опровергает твои догадки. Есть определённые шаблоны, образцы поведения, с помощью которых можно строить догадки».

— Человеческие шаблоны, — напомнил Тревис. — Здесь ведь перед нами не люди.

— Конечно. Если только не расширить определение людей: люди — это те, кто обладает разумом и способностью воспользоваться им. Я думаю, что так и нужно сделать: мы больше не привязаны к своей системе. И во всяком случае разборка сокровищ — первая наша настоящая работа.

На следующее утро все они, включая Ренфри, отправились в башню. И в свете солнца, проходившего в окна,

предстоящая работа, предложенная Эшем и вождём крылатых людей, казалась ещё значительней.

Но тут щенята, или цыплята, или дети крылатых людей предложили помощь — свои быстрые руки и острые глаза. Тревис оказался в центре небольшой группы крылатых малышей, все внимательно следили, как он пытается разобрать груды распадающихся предметов. Пара смуглых рук подхватила катящийся контейнер, другая помогла передвинуть ящик. Третий принялся разворачивать гибкий провод, которым была окутана грудa. Апач рассмеялся и кивнул, надеясь, что оба жеста будут поняты как благодарность и одобрение. Очевидно, так и произошло, потому что молодёжь охотно принялась за работу, их маленькие руки добирались до таких мест, куда Тревису было бы не достать. Дважды, однако, ему приходилось торопливо выдёргивать слишком старательных помощников из обрушивавшихся груд.

Всё, что они до сих пор обнаружили, осмотрели и отложили в сторону, либо было слишком повреждено временем, либо для зсмыан не имело никакого смысла. Тревис сражался с покрытием рассыпающихся контейнеров и ящиков. Иногда они прямо у него под руками распадались в пыль; в других случаях раскрытые ящики оказывались полны порошком, в который, по-видимому, превратилась ткань.

Какие-то трубки из металлических сплавов он откладывал в сторону. Возможно, они пригодятся крылатым людям. Для изготовления оружия или инструментов. Однажды ему попался овальный ящичек, распавшийся у него в руках. Но на ладони у Тревиса оказался блестящий камень, вделанный в металл, такой же яркий и совершенный, как в день, когда его изготовили. Добровольные помощники удивлённо зашумели, он передал камень ближайшему, его передавали из рук в руки, серьёзно рассматривали и, наконец, вернули Тревису.

К полудню ни один из четырёх зсмыан, работавших в

разных углах помещения, не нашёл ничего для них полезного. Они встретились под окном, чтобы поесть подальше от пыли.

— Я говорил, что тут работы на год, — пожаловался Росс. — И что мы до сих пор нашли? Немного не заржавевшего ещё металла, несколько драгоценностей...

— И это, — Эш показал круглую катушку. — Если не ошибаюсь, это запись. И, возможно, неповреждённая. Похожа на те, что мы находили в корабле.

— Идёт босс, — сказал Росс, оглянувшись. — Может, его спросим?

Вождь, который привёл их в это помещение, вошёл в сопровождении своей свиты. Он медленно по периметру обошёл помещение, разглядывая груды, с которых начали исследователи. Когда он приблизился к землянам, они встали, возвышаясь над вождём и его эскортом. По-прежнему общего языка не было, и Эш с помощью жестов принялся объяснять возможное использование их утренних находок. Драгоценные камни оказались понятны. А металлические трубы туземцы осмотрели вежливо, но без особого интереса.

Эш через плечо вождя обратился к Ренфри: «Можно превратить их в копья?»

— Если будет время и инструменты, то возможно, — но ответ техника прозвучал не очень уверенно.

Последней Эш продемонстрировал катушку, и впервые за всё время вождь оживился. Он взял катушку в руки и что-то сказал одному из сопровождающих, тот торопливо удалился. Вождь постучал пальцем по катушке, потом широко расставил все пальцы и взмахнул рукой.

— Что он пытается нам сказать, Эш? — Ренфри внимательно следил за этим действием.

— Я думаю, он говорит, что таких много. Возможно, мы сделали большое открытие.

Абориген вернулся в сопровождении другого, меньшего ростом. Немного выше детей, вновь подошедший, очевид-

но, был подростком. Он приветствовал вождя, хлопнув крыльями. Вождь протянул ему катушку. Потом взял Эша за руку и вложил в неё руку подростка. Махнул рукой в сторону.

— Идёте? — спросил Росс.

— Конечно. Они хотят показать, откуда эта катушка. Ренфри, тебе тоже лучше пойти. Ты лучше разберёшься в технических записях.

Когда они ушли, а вождь со своей свитой тоже удалился, Росс недовольно огляделся.

— Тут нечего искать...

Тревис подобрал трубу и осматривал её у окна. Труба длиной около четырех футов и без всяких признаков ржавчины или повреждений. Из лёгкого гладкого сплава. Но каково её первоначальное назначение, Тревис не знал. Однако у него появилась мысль.

Крылатым людям нужно оружие лучше копий. Но ни у агентов во времени, ни у Ренфри нет необходимых знаний, чтобы изготовить такое оружие. Однако один вид оружия из этих отбросов всё же можно сделать. Племя Тревиса им не пользовалось, но на юге индейцы превратили его в смертоносную угрозу.

— Что такого в этой трубке? — спросил Росс.

— Эти люди вполне могут её использовать, — Тревис поднёс один конец к губам. Да, достаточно лёгкая, ею можно воспользоваться, как он задумал.

— Как?

— Слышал о трубках для стрельбы?

— Что?

— Главная часть — такая трубка. Ими пользовались индейцы Южной Америки. Выбрасывают маленькую стрелку. Оружие очень точное и смертельно опасное. Часто стрелки отравленные. Но есть и обычные, ими попадают в уязвимые места, например, в глаза этих ласок. Или в горло.

— Имеет смысл, приятель, — Росс взял в руки другую

трубку. — Ты хочешь дать этим людям лучший способ убивать ласок. Сможешь подготовить такое оружие?

— Попробую, — Тревис повернулся к группе детей и жестами попытался сообщить им, что такие трубки очень важны. Его помощники рассыпались с возбуждённым гулом, словно он только что выпустил пчелиный рой.

Как Тревис и надеялся, ему удалось обнаружить материал для стрел. И опять первоначальное использование оказалось неизвестным, но после получасового поиска он нашёл множество заострённых кусочков того же лёгкого сплава, из которого сделаны трубки. Так как сам он никогда не пользовался воздушными ружьями и знал о них только из книг, его ожидал впереди период испытаний и ошибок. Но они отыскиали для этого достаточно материала. И не успели ещё закончить поиски, как появился подросток, который увёл Эша. Он потянул Росса за рукав и знаками пригласил следовать за ним.

Они перешли с одной ramпы на другую, миновав место, где проделали брешь ласки. Но не вышли из башни. Проводник пошёл в глубину здания, положил обе руки на стену и нажал. Тревис и Росс присоединились к нему, и панель ушла в глубину стены.

Перед ними оказалась на комната, а ещё одна ramпа, уходящая вниз, в тень, которая становилась там всё гуще, так что нижний конец ramпы рассмотреть было невозможно. Крылатый подросток быстро начал спускаться по ramпе. Расправив крылья, которые помогали ему удерживать равновесие, он развил скорость, которая оказалась недоступной землянам.

Спустившись, они увидели впереди свет одного из факелов аборигенов. И при этом свете прошли по коридору, в котором при каждом шаге взлетали облачка пыли.

Помещение, в котором они работали с утра, было завалено грудami хаотически набросанных материалов. Место, в котором теперь ждал их Эш, могло послужить памятником аккуратности и точности строителей кораблей.

Машины, щиты управления, экраны. Земляне медленно осматривались. В свете факела виднелись многочисленные стойки с рядами контейнеров — не только катушки с записями, но и диски курсоуказателей. Сотни, тысячи пуговиц, подобных той, что провела их через просторы космоса, были сложены в цилиндрах с прозрачными крышками и непонятными символами на этикетках.

— Центр управления порта — мы так считаем, — в голосе Эша звучала уверенность. Ренфри заполнял карманы образцами из контейнеров и цилиндров.

— Библиотека... — добавил собственное предположение Тревис.

Эш кивнул. «Если бы мы только знали, что взять! Боже, тут, может быть, всё, что нам нужно — не только для нас лично, для всего будущего. Прямо здесь!»

Росс подошёл к ближайшей стойке и последовал примеру Ренфри.

— Можем просмотреть их на корабле. И если наберём достаточно, одна или две могут оказаться полезны.

Его логический подход к проблеме казался разумным. Земляне принялись отбирать образцы с каждой стойки.

— Тут хранится целая галактика знаний, — поражался Эш, доставая одну катушку за другой.

Наконец они вышли, с оттопыривавшимися передними частями костюмов и с полными руками. Но, уходя из башни, Тревис прихватил также трубку и иголки из сплава. А на корабле, когда заработал проектор и всё было готово к просмотру, апач принялся работать над новым оружием, которое надеялся передать аборигенам в благодарность за их помощь.

Ренфри, расставив вокруг себя ряды кнопок с указателями курсов, осторожно открыл одну и принялся разматывать тонкую проволоку. Дважды его ожидало разочарование: проволока, которая может увести корабль к звёздам, ломалась даже при самом осторожном обращении. Когда это произошло во второй раз, он поднял измождённое лицо с покрасневшими от напряжения глазами.

— Не думаю, чтобы это было возможно.

— Тогда это, — Эш указал на ждущие диски. — Те, с которыми ты работаешь, старые. А на корабле новые.

Опять разница во времени, которая может помочь им вернуться на родину. Напоминание подбодрило Ренфри. Он начал проверять диски, откладывая старые. Следующий выбранный им не очень отличался от того, в котором заключено их будущее. В третий раз Ренфри осторожно снял крышку.

Но в этот вечер они ничего полезного не узнали. Катушки содержали серии изображений, захватывающих, но в данном случае не представлявших ценности. И вдобавок в некоторых случаях появлялись только символы, может быть, формулы, может, записи. Наконец Эш выключил машину.

— Нельзя ждать, что всё время будет везти.

— Там тысячи таких штук, — заметил Росс. — Если найдём что-нибудь полезное, будем считать, что повезло.

— Что ж, в нашей игре приходится рассчитывать и на удачу, — голос Эша звучал устало. Эш медленно повернулся, потёр глаза. — Когда перестаёшь верить в удачу, проигрываешь!

16

Тревис поднёс трубку к губам и дунул. Вылетел тонкий блестящий кусочек сплава с оперением из шерсти — и попал в центр импровизированной мишени, пригвоздив лист папоротника к стволу дерева в нескольких десятках футов от него. Тревис обрадовался успеху своего пробного выстрела. Отошёл на несколько футов и приготовился выстрелить снова. А на поляне возбуждённо гудели местные зрители.

Когда вторая стрела вонзилась рядом с первой, Тревис испытал полное удовлетворение. Подозвал молодого крылатого, который помог ему отнести оружие к месту испы-

тания. Передал ему испытанное ружьё, а сам взял второе, чуть подлиннее.

Молодой воин положил копьё на влажную почву, вцепившись в него когтями ног, и принялся разглядывать духовое ружьё. Потом поднёс его ко рту и дунул. Игла вонзилась в дерево ниже листа. Два других туземца, развернув крылья, бегом бросились смотреть на цель, и Тревис, улыбаясь и кивая, одобрительно хлопнул в ладоши.

Аборигенов не требовалось уговаривать испробовать новое оружие. Трубки расхватили, передавая из рук в руки, даже с некоторыми ссорами. Потом по очереди пробовали стрелять с неодинаковым успехом. Время от времени доставали стрелы из ствола и сменяли лист цели.

У нескольких учеников Тревиса оказался острый глаз снайперов, и апач полагал, что после небольшой практики они его превзойдут. В полдень он оставил своих охваченных энтузиазмом учеников и отправился на поиски товарищей.

Ренфри по-прежнему был занят изучением записей и корабельных приборов. Но в рубке Тревис застал и Эша. На полу стоял экран для чтения, Эш и Ренфри сидели перед ним на корточках и время от времени вносили какие-то изменения в щит управления. С него была снята крышка, обнажившая сложную путаницу проводов. Время от времени Ренфри прослеживал какой-нибудь провод и либо радостно улыбался, либо хмурился из-за результатов своего исследования.

— Что происходит?

Тревису ответил Эш. «Возможно, мы нашли! В этой записи нечто вроде руководства. В ней схемы, которые Ренфри сумел отождествить с приборами корабля».

— Не со всеми, — в голосе Ренфри слышалось гораздо меньше энтузиазма. — Одна линия из десяти! Всё равно, что пытаться собрать боеголовку «Найка», когда инструкция написана по-китайски. Да, красный провод соединя-

ется с платой здесь, но что сказать об этой белой петле слева?

Эш вопросительно взглянул на петлю и снова посмотрел на экран. «Есть!» Ренфри немедленно опустился на колени и стал рассматривать изображение на экране.

— Есть кто дома? — слышался снизу голос Росса, и Тревис ощутил дрожь лестницы.

Из колодца показалась голова и плечи Росса. Его лицо было вымазано пылью: он продолжал разбирать сокровищницу в башне крылатых людей.

— Нашёл что-нибудь? — сочувственно спросил Тревис. Росс пожал плечами.

— Может, они сумеют кое-что использовать. Я не из тех, кто из проволоки, гвоздей и нескольких жестянок может собрать атомный самолет. Видел твоих Вильгельмов Теллей с их плевательницами. Один из них уже раздобыл добавку кобеденному котлу; впрочем, дорогой усопший не выглядит очень аппетитным. Мне не нравятся существа с четырьмя десятками лап. Но более цивилизованную пищу готов принять хоть сейчас.

Тревис взглянул на Эша и на поглощённого своим занятием Ренфри. «Если захотим сегодня поесть, похоже, этим придётся заняться нам с тобой. Они обнаружили запись, в которой рассказывается об устройстве рубки управления».

— Здорово! — Росс поднялся в рубку и через плечо Эша заглянул на маленький экран. — Ну, мне тут не разобраться, — рассудительно заметил он. — Готов приняться за похлёбку.

Позвали Эша и Ренфри, те ели с отсутствующим видом людей, чьи мысли витают где-то совсем в другом месте. Когда они ушли, Росс потянулся и взглянул на Тревиса.

— Хочешь пройти? — спросил он с небрежностью, сразу вызвавшей подозрения у апача.

— В каком направлении?

— К зданию с воронкой. Помнишь — там передний зал выглядит так, словно жившие в нём парни торопились

уехать, но забыли своё барахло? Мне хотелось бы взглянуть на их багаж.

— Помню, что там на двери прочная решетка, — заметил Тревис.

— А у меня есть способ преодолеть её. Пошли.

Способ Росса оказался достаточно прост. Один из аборигенов взлетел к окну второго этажа, неся прочную верёвку с корабля. Окно было закрыто ставнями, но абориген концом копья открыл его, и несколько мгновений спустя верёвка свесилась вниз, приглашая подниматься.

Галерея, в которой они оказались, хранила много свидетельств торопливой эвакуации. На стенах висели обрывки ткани, которая распадалась при малейшем прикосновении. Кое-где виднелась мебель странных очертаний, вся покрытая пылью. На пыльном полу попадались следы, при виде которых абориген подготовил копьё. Потом, глядя на землян, воткнул конец копья в след с такой энергией, словно нападал на врага.

Ещё одно логово ласок? Тревис, изучая эти следы в свете, падавшем из окна, решил, что нет. Вообще, след напоминает отпечатки ног человека. И сразу в воображении возникло представление об одном из прежних хозяев, одиночество которого они нарушили.

В этом здании впервые обнаружилась лестница, хотя ступеньки её оказались слишком узки и низки для человека. Росс первым спустился по ней в заполненный предметами зал, который они увидели снаружи.

Тревис принюхался. Слабое зловоние. Не разложение листьев, принесённых ветром. Запах логова какого-то животного. И запах не только свежий, он чем-то знаком.

Предупреждение о логове ласок? Он так не думал. Запах не такой острый и поглощающий, как в здании с красными стенами, которое ласки избрали своим логовом. В то же время это не тот запах, что ощущался в помещениях крылатых людей.

Тревис заметил, как раздулись носовые лопасти туземца, как сверкнули глаза на фиолетовом лице, которое настороженно поворачивалось из стороны в сторону. Не в первый раз апач пожалел об отсутствии быстрого способа коммуникации. Земляне оказались не способны воспринимать гудение, из которого состоит речь туземцев. А те, в свою очередь, не смогли произнести ни одного слова, сколько бы раз ни повторяли перед ними существительное или глагол.

В здании стояли сумерки, хотя зал, в который они спустились, освещался через дверь. Росс обогнул груды ящиков. Одну руку положил на ящик, другую — на рукоять бластера.

Тревис оставался на месте. Запах — что-то он напоминает. Они стояли неподвижно, молодой абориген тоже застыл. И тут порыв ветра проник через решётку, запах стал сильнее, свежее, и Тревис понял...

— Обитатели песчаной планеты! — говорил он шёпотом, но прозвучало это как крик. Что ночные существа из пустынного мира здесь делают?

— Ты уверен? — к удивлению Тревиса, Росс больше ничего не спросил.

— Таковую вонь не забудешь, — Тревис внимательно разглядывал тени за грудками ящиков и корзин. Передвинулось ли там что-то? Может, за ними наблюдают глаза, способные лучше видеть в темноте?

Абориген коснулся его руки, требуя внимания. Тревис медленно повернул голову и увидел, что тот держит копьё наготове. Апач вложил стрелку в духовое ружьё.

— Что-то здесь есть — слева, — донёсся еле слышный шёпот Росса. Бластер его был направлен в тёмный угол.

И тут зал ожил. Из-за всех укрытий показались неуклюжие фигуры. Нападающие бежали на четвереньках, как животные. Но молчаливое нападение было тем ужасней, что эти животные — вернее, их отдалённые предки, — были некогда людьми.

Блеснул луч бластера, трое первых напавших упали. Четвёртый упал со стрелой в волосатой груди. Абориген за Тревисом взлетел в воздух, зашумев крыльями. Повиснув над врагом, он принялся наносить удары копьём в бескостную середину тела, а зверь пытался схватить его. Ясно, что между этими двумя видами ведётся давняя война.

Росс крикнул. Из тени показалось щупальце, обернулось вокруг его ног и дёрнуло, а он пытался сохранить равновесие. Повернув бластер в сторону живой веревки, он разрезал её; в ответ послышался рёв. Стрела Тревиса попала в существо, которое, приподнявшись на задние лапы, вцепилось Россу в плечи. Апач стрелял так быстро, как мог перезаряжать ружьё. Он отступил к лестнице и теперь размахивал трубкой как дубинкой, расчищая место для Росса.

Щупальце выдернуло копьё у аборигена. Тот опустился на груды ящиков и бил крыльями, пытаясь обрушить эту груды. В тот момент, как она рухнула и массивные ящики покатались к началу лестницы, образуя баррикаду, абориген взлетел.

— Кончился... заряд бластера... — выдохнул Росс. Он схватил бесполезное оружие за ствол и ударил рукоятью по круглому черепу существа, пытавшегося взобраться на барьер.

Они отступали на лестницу. Тревис пинался, ударил ещё одну покрытую жёстким волосом голову под подбородок; её владелец упал, сбив при этом других нападающих. Абориген обрушил вторую груды ящиков. Теперь он летал над врагами, бросая в них небольшие контейнеры, которые хватал с груд.

На мгновение земляне освободились. Они воспользовались этим, чтобы вернуться на галерею, откуда вошли в ловушку. Абориген пролетел у них над головами. Он стоял у открытого окна и выпускал возбуждённые крики.

Тревис толкнул Росса к выходу. «У меня осталось всего две стрелы — быстрее!»

Мгновение тот колебался, потом здравый смысл взял верх, и он побежал к окну. Тревис выстрелил в голову, появившуюся на лестнице. Но стрела только задела шерсть на верхней конечности, и существо оскалило клыки в пасти, которая когда-то была человеческим ртом. Глаза, маленькие, красные от ярости, но — и это самое страшное — со следами разума.

Тревис попятился к окну. К его плечу протянулась рука фиолетового цвета, взялась за ружьё, потянула. Абориген остался у окна, теперь он просил оружие.

И Тревис, зная, что у того есть способ отступления, которого нет у землян, отдал ему духовое ружьё и начал спускаться по верёвке. Он смотрел на фиолетовую спину их замыкающего. Крылья выступали из окна, они были готовы к взлёту...

И тут туземец откинулся назад и начал демонстрацию диких кувырков в воздухе. Но крылья раскрылись, остановили его падение, он повис, затем начал по спирали подниматься вверх, и в это мгновение из окна высунулась мохнатая голова. Кулаками существо защищало глаза, очевидно, ослеплённые солнцем. Росс уже добрался до поверхности, Тревис спускался вслед за ним. Верёвка начала яростно раскачиваться, ударяя его о стену, и он понял, что сверху стараются поднять его.

Апач выпустил верёвку, прыгнул без напряжения, а верёвка стремительно ушла наверх. Но теперь они уже на свету, и Тревис не верил, что ночные существа станут преследовать их. Однако, отступая к джунглям для возвращения на корабль, оба проявляли все свои охотничьи навыки, чтобы не пропустить преследования.

Эш хмуро выслушал их отчёт. «Могло бы стать хуже, если бы мы оставались здесь».

Росс отбросил бесполезный бластер. «Мы полетим? Когда?»

— Через день, может, два. Ренфри готов перематывать катушку.

Впервые Тревис подумал, как много зависит от правильного обращения с этой тонкой проволочкой: малейшего повреждения достаточно, чтобы навсегда оставить их здесь. Или если во время полёта порвётся невидимая линия, связывающая их с родной планетой, и корабль начнёт вечное главание между звёздами. Сможет ли Ренфри перемотать катушку? А если перемотает, станет ли она действовать в обратном порядке? Испытательного полёта не будет. Как только они поднимутся, их жизнь будет зависеть от тонкой ниточки, сплетённой из надежды и веры в удачу.

— Теперь понимаете? — спросил Эш. — Помните: мы можем остаться тут навсегда.

Они станут изгнанниками до конца жизни, но останутся живы. Здесь есть враги, но можно заключить союз с крылатыми людьми, присоединиться к ним. Неожиданно Тревис вскочил. Пошёл в каюту, куда они складывали свои находки и нашёл там пластинку, которая каждому показывает его родину. Он хотел знать: достаточно ли сильно притягивает его прошлое, чтобы рискнуть жизнью.

Он держал пластинку в руках, смотрел в её туманную глубину. И скоро увидел — красные холмы, поднимающиеся из зелёных сосен, голубое небо — холмы родины. Он почти ощущал вкус щелочной пыли, приносимой ветром, чувствовал круп лошади между ногами. И понял, что должен использовать даже малейшую возможность...

В конце концов все сделали одинаковый выбор. Росс подвёл итог.

— Путешествия во времени — другое дело. Мы остаёмся на своей планете. Если что-то не получается и застреваешь в глубинах времени — плохо, конечно. Кто захочет бродить рядом с мамонтами, когда привык к атомным самолётам? Но всё же хорошо знаешь, с чем столкнёшься. И люди, которых встретишь, принадлежат к твоему виду. Но остаться здесь... Нет, даже если нам предложат роль богов этих крылатых людей! Они не нашего племени, мы здесь

туристы, а не иммигранты. А я не хочу быть туристом всю жизнь!

Они последний раз посетили библиотеку записей и перенесли на корабль все катушки, которые казались неповреждёнными. Вождь аборигенов, довольный духовыми ружьями, разрешил им отобрать всё, что понравится, в сокровищнице племени. Он только просил их когда-нибудь вернуться с новыми знаниями. Больше ночных существ из здания с крышей-воронкой они не видели, но, конечно, на ночь корабль закрывали.

— Вернёмся ли мы когда-нибудь? — спросил Росс, когда Эш пришёл со встречи с вождём.

— Сначала доберёмся до дому благополучно с трофеями, — сухо ответил Эш, — а потом, конечно, кто-нибудь вернётся. Можешь на это рассчитывать. Ну, Ренфри?

Техник выглядел как собственная тень. Морщины измождения, которые, возможно, никогда не исчезнут, окружали его рот, обозначив края усталых глаз. Руки его слегка дрожали, он не мог поднести питьевой контейнер ко рту, если не держал его обеими руками.

— Катушка перемотана, — безжизненно ответил он. — И проволока не порвалась. Завтра я буду готов к старту. А что касается остального — будем молиться. Всё, что я могу сказать.

Тревис лежал ночью на своей койке — на своей койке в своём корабле... Шар со всем содержимым перестал казаться чуждым сравнительно с тем, что лежало за его стенами. Его запястье облегал тяжёлый браслет из красного металла, усаженный мелкими камнями цвета морской волны — они и изображали волну с пенным верхом. Это подарок вождя туземцев во время прощания. Тревис уверен, что сами крылатые существа не могли изготовить такой браслет. Сколько лет этому украшению? С какой оно планеты, искусством какой забытой расы создано?

Они даже краешком не затронули того, что может быть найдено в этом древнем порту. Может быть, поглощённый

джунглями город был столицей галактической империи, как считает Эш? У них нет времени проверять это. Да, когда-нибудь они вернутся. Люди с его планеты будут искать, гадать, узнавать и учиться. А потом, спустя какое-то время, снова поднимется город — может быть, на его родной планете, город — сокровищница знаний, полученных со звёзд. Пройдёт время, и этот город тоже умрёт. И представитель какой-нибудь ещё не родившейся расы придёт исследовать его... и гадать... Тревис уснул.

Проснулся он внезапно, с ощущением необходимости торопиться. Над головой заработала внутренняя связь.

— Всё готово, — послышался усталый голос Ренфри. Должно быть, техник работал всю ночь.

— Всё готово.

Есть ещё время сказать «нет» этому безумному плану, предпочесть известную опасность неизвестной. Тревис ощутил прилив страха и упёрся руками в края койки, приподнимая тело. Нужно остановить Ренфри, они не должны подниматься в космос.

Но потом он снова лёг, заставляя себя застегнуть ремни, плотно сжал губы. Пусть Ренфри нажимает нужную кнопку — и побыстрее! Ожидание всегда изматывает. Тревис ощутил знакомую вибрацию, она охватила стены, его тело. Теперь возврата нет. Тревис закрыл глаза и постарался расслабиться.

17

— Взлёт прошёл благополучно?

— Пока всё хорошо, — ответил другой голос в коммуникаторе.

Тревис открыл глаза и подумал, привыкнет ли он когда-нибудь к неудобствам взлёта. Он уже забыл за те несколько дней, что они провели на поверхности, что значит быть брошенным в небо, за атмосферу и тяготение. Но пока лента сработала, и они благополучно взлетели.

Полёт их продолжался, и наконец все облегчённо вздохнули. Надежда на будущее окрепла.

— Если мы просто повторяем полёт, — задумчиво заметил Эш вечером пятого дня, — то завтра должны сесть на пустынной планете.

— Лучше было бы пропустить эту остановку, — заметил Тревис. Эта пустыня и её ночные обитатели вызывали в нём отвращение, как ничто иное во всём их фантастическом путешествии.

— Я думаю... — Росс взглянул на вращающееся пилотское кресло, в котором Ренфри проводил всё время, когда не спал. — Мы заправлялись на пути вперёд. Предположим... только предположим, что запасы горючего кончились.

Ренфри улыбнулся, улыбка его напоминала оскал черепа, кожа плотно обтянула кости лица. Он сардонически показал большим пальцев вниз — жест поражения. «Тогда всё, приятель. Будем надеяться, что наше везение превзойдёт все пределы растяжимости».

На этот раз они опустились в пустынном порту рано утром, когда великолепные огни на горизонте затухали. Взошло солнце, ослепительно ярко отражаясь от поверхности бесконечных песчаных гор.

— Примерно два дня здесь — если мы точно повторим образец.

Ждать два дня в корабле, не будучи уверенными, что он снова взлетит! При этой мысли Тревис беспокойно заёрзал. И призрак, вызванный Россом, не покидал их в тесной каюте.

— Пройдёмся? — Росс, должно быть, тоже ощущал это — желание быть занятым, отогнать навязчивые страхи.

— Для этого нет особых причин, — спокойно возразил Эш. — Выглянем наружу — днём. Но я думаю, особенно смотреть не на что.

Надев шлемы, они раскрыли внешний люк. Осмотрели просторы, где рисунок дюн постоянно меняется под ветром, но никаких других изменений с их предыдущего

посещения не произошло. Загадочные закрытые здания по-прежнему прижимались к земле. В них ни следа жизни.

— Что они здесь делали? — руки Росса беспокойно двигались по краю люка. — Ведь должна же быть какая-то причина для этой остановки. И почему те же существа — люди, животные, не знаю — на другой планете, в здании с крышей-воронкой?

— Может, там они изгнанники? — спросил Эш. — Это их родная планета, а на других они служили, но их вовремя не отозвали. Или здесь они изгнанники, а там дома? Наверно, мы никогда не получим ответа на эти вопросы, — он задумчиво разглядывал приземистое здание за ползучими дюнами. — Они, должно быть, живут под землёй, а это здание накрывает вход. Может, и на той планете они живут под землёй. Когда-то они здесь обслуживали корабли, работали на станции.

— А потом, — медленно сказал Тревис, — корабли перестали прилетать.

— Кораблей больше не было. Должно быть, целое поколение ждало, надеялось увидеть корабли, быть отозванными. Потом они либо погрузились в апатию и застой, либо сознательно начали приспосабливаться к окружению.

— А результат в конечном счёте один и тот же, — заметил Росс. — Не думаю, чтобы они очень отличались от тех, в здании с воронкой. А там у них лучший мир для адаптации.

— Подождите! — Тревис внимательно разглядывал местность. Ему показалось, что что-то изменилось по сравнению с тем, что было несколько недель назад. — Вот это возвышение слева, было ли оно в прошлый раз?

Росс и Эш наклонились вперёд, глядя на конец здания, куда он указывал.

— Ты прав, это что-то новое, — подтвердил наконец Росс. — И не думаю, чтобы этот выступ был из камня, как всё остальное.

Блок, так странно оказавшийся на конце крыши здания, не мерцал металлическим блеском на солнце. Но и не был тусклым, как камень. В нём было что-то, напоминающее обсидиан или стекло. Насколько они могли видеть, это не вход. Назначение этого выступа — такая же загадка, как и многие другие в этой древней головоломке.

Но так оставалось недолго. Последовало действие, которого наблюдатели из корабля не ожидали. Они видели лучи, которые защищали крышу здания от нападения. Теперь они стали свидетелями применения другого оружия, установленного, по-видимому, строителями этого здания.

Что, как хлыстом, щёлкнуло о борт корабля? Огненный луч? Поток энергии? Сила, которую земляне не могли ни назвать, ни вообразить?

Тревис знал только, что его швырнуло в глубь корабля, во внутренний люк, и Эш и Росс упали вместе с ним. Тела их прижало к металлической стене, воздух вырвался из лёгких, мир потемнел.

Тревис лежал на полу, пытаясь вдохнуть, грудь сжимало болью. Перед его помутившимся взором оказалось продолговатое пустое пространство — и ещё мучительная боль в теле, сознание, что это пространство нужно закрыть, иначе гибель.

Он вцепился в тело, лежавшее у него на коленях, с трудом выбрался из-под его тяжести и пополз к открытому люку. В ушах звенело, голова наполнялась этим звоном, кружилась. Потом он снова увидел блеск солнца и песка.

Вначале он решил, что у него галлюцинации: то, что он видит, не может быть реальностью. Ветра нет, но снизу, с невидимой поверхности непосредственно под шаром, поднимается песок, тонкими, но устойчивыми струями, закрывает шар. Песчаная завеса поднимается вертикально, а ветра никакого нет! Невероятно, этого не может быть, но это происходит у него на глазах.

Он приподнялся, закрыл дверь и отрезал песчаную

стену, яркий свет солнца, картину, которой не может быть. И в то время, как руки его ошупью закрывали зажимы люка, боль начала стихать. Он снова может дышать, лёгкие свободно расширяются. Он повернулся к остальным двоим.

Их налитые кровью посиневшие лица заставили его действовать быстро. Он рывком посадил обоих у стены. Первыми раскрылись голубые глаза Эша.

— Что... — он слабо произнёс только это одно слово, а Тревис уже занялся Россом.

Из угла расслабленного рта молодого разведчика тянулась тонкая струйка крови. Тревис осторожно потряс его, и Росс застонал. Эш пошевелился и сморщился, прижав руки к груди.

— Что случилось? — наконец смог спросить он.

— Космические... морские... пехотинцы... высадились...

— Росс выговаривал по одному слову. На лице его появилась тень улыбки. — На меня, как я полагаю.

— Эй, там, внизу! — в бестелесном голосе из коммуникатора звучала тревога. — Что у вас происходит?

Хотя стены корабля отрезали солнце, звуки, мир снаружи, внутри начало ощущаться какое-то движение. Как будто по кораблю что-то ударяло. Песчаные стены? Тревис подтащился к лестнице, начал подниматься. Он хотел добраться до экрана, теперь их единственной связи с наружным миром.

Ренфри стоял у экрана, недоумённо смотря на постоянно поднимающиеся стены песка, готовые поглотить корабль. Они погружались в песчаное море, и нельзя было усомниться, что это чьё-то сознательное враждебное действие.

— Можем выбраться? — Тревис дотащился до ближайшего сидения. — Есть возможность взлететь? ...

Если следовать графику их предыдущего полёта, они должны находиться здесь ещё ночь и день. Но к тому времени корабль окажется погребён так глубоко, что

невозможно будет поднять тонны песка. Они будут похоронены живьём.

Ренфри протянул руки к приборам, остановился. Губы его напряглись.

— Это большой риск, но я могу попробовать.

— Остаться, вероятно, гораздо рискованней, — Тревис вспомнил о двоих оставленных у люка. Их нужно убрать от опасности до старта. — Дай мне пять минут! Потом взлетай — если сможешь!

Эша он застал на ногах, тот тащил Росса в коридор. Тревис заторопился на помощь.

— Ренфри собирается стартовать, — доложил он. — Нас засыпают песком.

Они уложили Росса на койку, Эш упал на соседнюю, а Тревис едва успел добраться до соседней каюты и лечь, когда прозвучал предупреждающий сигнал. Заработали двигатели. Но на этот раз вибрация длилась дольше, чем обычно. Тревис напряжённо ждал, считая секунды...

Вибрация усиливалась, она сильнее, чем в прошлые старты. Корабль раскачивался на основании, движение и звук слились, от этого объединённого действия сводило живот, заглушало мысли, но не страх.

В мгновения мучительной боли рывок. Потом чернота...

Вибрация исчезла, звук исчез, оставались ощущения. Прежде всего чистый ароматный запах оздоравливающего желе, которое в случае необходимости заполняет койку. Тревис открыл глаза. Неужели они улетели с песчаной планеты?

Он сел, раздвигая желе. Оно легко сходило с кожи, с костюма, оставляя ощущение прекрасного самочувствия. Вернулась уверенность, которую он потерял во время испытания. Тревис встал и заглянул в соседнюю каюту.

Росс и Эш ещё лежали под дрожащим желе, которое чужаки использовали для первой помощи. Тревис отправился в рубку.

Ренфри был привязан к креслу, голова его опустилась на грудь, бледное лицо встревожило Тревиса. Сердце бьётся, но медленно. Он отстегнул техника, благодаря невесомости сумел перенести его на койку вниз. На экране только клубящаяся тьма — признак гиперпространства. Они не только выбрались из песчаной западни, теперь они совершают следующую часть пути, который может привести — а может и не привести — домой.

Как долго в первый раз длилась эта часть пути? Девять дней по часам Ренфри — девять дней между заправочным портом и песчаной планетой. Девять дней, прежде чем они убедятся, что неожиданный старт не сбил их с курса.

Придя в себя, Эш принял командование и попытался увлечь всех разборкой добычи. Под предлогом, что нужно найти ещё одно руководство по кораблю, он усадил всех за работу посменно перед экраном, пропуская через машину каждую запись. Многие катушки оказались сломанными, внутри путаница проводов. Но даже эти нужно сохранить для изучения дома. Эш никогда не признавал, что их торопливый отлёт с пустынной планеты означает, что они не доберутся до дома. Он указал, что они уже преодолели множество препятствий, и нет причины считать, что им перестанет везти.

Но даже у Эша, думал про себя Тревис, должны быть сомнения. Он, как и все, нервничал, хотя и не проявлял этого, когда прошёл девятый день по часам Ренфри, а никакого сигнала о прибытии в порт заправки не поступало. Все за обедом только делали вид, что едят. Утром Тревис рассчитал рацион. У них хватит пищи до дома — если путешествие не продлится дольше. Он доложил об этом Эшу и в ответ получил только хмыканье.

Затем, словно в доказательство, что их страхи напрасны, послышалось предупреждение. Тревис пристегнулся, на этот раз он делил каюту с Россом. Тот улыбнулся ему.

— Шеф опять прав. Заправимся — и домой!

Даже неудобства посадки забылись, когда они увидели

знакомые полуразрушенные башни и металлически бирюзовое небо их первой космической стоянки. Да они уже почти дома!

Они спустились к люку и нетерпеливо открыли его — посмотреть, как в сопровождении роботов выползет шланг с горючим. Но проходили долгие мгновения, а в тени ближайшей башни ничего не двигалось. Тревис осмотрел ближайшее окружение. Может, они сели не в том квадрате? Может, небольшое изменение в месте посадки вызвало это замедление?

— Может, дело в графике, — Эш словно читал его мысли. — Мы вылетели с прошлой стоянки раньше времени.

Они час цеплялись за эту надежду, потом прошли ещё два часа, и по-прежнему в башне не возникло никакого движения. Все согласились, что сели они в том же квадрате. И не решались высказать другую возможность — что механизм древнего порта вышел из строя, может быть, именно из-за тех усилий, которые понадобились при обслуживании шара несколько недель назад.

Наконец заговорил Ренфри. «Я не знаю, сколько топлива у нас на борту. Не знаю, что это за топливо. Остаётся открытым и вопрос, сможем ли мы стартовать с нашим запасом. Но если и сможем, я считаю, что путешествие нам не закончить. Возможно, мы затратим необходимое время, но нам придётся проверить, сможем ли мы заставить эти машины поработать ещё. И надо сделать это побыстрее».

Они вышли из шара, и здесь Ренфри обнаружил новую катастрофу. Если в запечатанном хранилище корабля и оставалось горючее, то теперь оно исчезло. Возле отверстия на уровне поверхности виднелось зловещее тёмное пятно.

Прозвучал безжизненный голос Ренфри. «Вот и всё, приятели. Корабль пуст. Если не сумеем запустить этот трубопровод, мы засели здесь навсегда».

— Но что могло его открыть? — спросил Росс с удивлением человека, для которого машины за пределами их обычных функций — загадка.

— Может, механизм привело в действие это, — Эш топнул по твёрдому покрытию поля. — Ну, что ж, давайте поглядим на роботов и движущуюся трубу.

Они пошли к башне. С поверхности здание показалось ещё более заострённым, похожим на иглу. У основания чернело отверстие, дверь, через которую выходили роботы. Эш подошёл к ней и остановился, заглядывая внутрь.

Коренастый робот, который ожил во время их первого посещения, по-прежнему стоял здесь, у самой двери, а за ним, отчётливо видные в желтоватом свете, — и другие сопровождавшие его роботы. Все они стояли в глубине, у стены, словно в ожидании давнего официального осмотра.

Из колодца в центре пола торчал массивный металлический предмет, в котором Тревис узнал «голову» змеи. Эш нерешительно протянул руку и толкнул робота. К их удивлению, машина, казавшаяся такой массивной и неподвижной, ответила на этот толчок. Но ответила она не так, как будильник отвечает на встряску, напротив, она со странной вялостью наклонилась вперёд. Одна из рук оторвалась, покатилась по полу и со звоном ударилась о голову змеи.

— Двигается! Смотрите, она движется!

Росс был прав. Тяжёлый конец подвижной трубы начал рывками подниматься, продвинулся вперёд на фут — земляне затаили дыхание, потом снова застыл.

— Пните его опять! — посоветовал Росс.

Эш осторожно обошёл упавшего робота, чтобы внимательней осмотреть трубу. Небольшая часть, выставившаяся наружу, не имела на первый взгляд никаких повреждений. Эш наклонился, ухватился за «голову» и потянул. И торопливо отпрыгнул, а Росс и Тревис принялись оттаскивать робота с дороги ползущей змеи. Два фута... три... из здания под открытое небо... змея двинулась к кораблю.

Ренфри увидел их и замахал, потом заполз под выступающий корпус, чтобы подготовиться к прибытию трубопровода.

Но они обрадовались слишком рано. Примерно в четырёх футах от башни голова снова опустилась за поверхность. Эш попробовал прежний метод оживления — безрезультатно. Они тащили по очереди — вместе и по отдельности. Труба гораздо тяжелее работа, и они ничего не смогли добиться.

Подошёл Ренфри. Он осмотрел колодец, из которого выходила труба, и вернулся озадаченный.

— Можно ли подтащить её руками? — спросил Тревис.

— Только это нам и остаётся, — мрачно ответил Ренфри.

Они принесли из корабля лёгкую прочную верёвку, привязали её к «голове» и принялись за работу. По команде Эша дёрнули одновременно. Упрямая труба подалась, двинулась вперёд, но не сама. Они выиграли ещё четыре, пять футов, но и вес соответственно увеличивался. Постепенно выигрыш становился меньше, а прилагаемые усилия больше.

Росс споткнулся, упал, выпрямился, лицо его за пластиной шлема совсем помрачнело. Он снова схватил верёвку и дёрнул вместе со всеми. Но на этот раз труба совсем не подалась, и ноги землян тщетно проскользили по старому потрескавшемуся камню.

18

Тревис сидел на корточках в бессмертной позе спешившегося ранчера. Остальные растянулись возле верёвки, за которую тащили трубу; лица у всех покраснели от усилий. Ренфри, морщась, приподнялся и принялся возиться с креплением своего шлема. Откинул шлем назад и глубоко вдохнул с отчаянием тонущего.

— Надень шлем, дурак! — Эш оторвал голову от рук; голос его был искажён тяжёлым дыханием.

Ренфри покачал головой, губы его шевелились, но слов не было слышно. Пальцы Тревиса тоже потянулись к шлему.

— Не думаю, чтобы нам они понадобились, — он снял шлем и поднял голову навстречу прикосновению лёгкого игривого ветерка. Воздух прохладный, как на Земле осенью. И от него во всем теле разлилась бодрость. Тревис протянул руку к верёвке, готовый снова пробовать.

— Ни к чему слепнуть, — голос Эша больше не искажал металлический отзвук коммуникатора. — Возможно, причина в колодце.

Ренфри на четвереньках пополз вдоль трубы, по пути осматривая её. Наконец встал и вошёл в дверь, остальные последовали за ним.

Они увидели техника у колодца, из которого выходила труба. Он осматривал поверхность, пытаясь тянуть трубу вперёд и назад.

— Она застряла — там, внизу! — и он ударил кулаком по покрытию.

— Может, снять крышку и взглянуть? — спросил Росс.

— Можем попытаться.

Но для такой операции требуются инструменты: рычаги, клинья... А здесь только ряд чего-то ждущих роботов. Может, их части использовать с этой целью? Росс подобрал отделившуюся «руку» и испробовал её на прочность.

Тревис разглядывал покрытие колодца. Никакого отверстия, нет даже щели, куда можно было бы вставить инструмент. Ренфри провёл рукой по кольцу, через которое проходила труба, стараясь ошупью обнаружить то, чего нельзя увидеть. Он постучал стержнем, вначале легко, потом всё сильнее, оставляя углубления, но ничего не добился.

— Может, она отвинчивается? — предположил Росс.

Ренфри нахмурился и выругался. Он перенёс свои усилия на внешнее кольцо покрытия. И тут сделал многообещающее открытие. Быстро работая, они вчетвером

убирали накопившуюся за столетия пыль из четырёх симметричных углублений, в которых могли находиться головки болтов.

Затем обратились к упавшему роботу и начали разбирать его. В конце концов, у каждого оказался кусок металла, с помощью которого можно было работать. Работа шла медленно и тяжело. Тревис сходил на корабль и принёс контейнеры с желе, которым чуть не отравился при испытании продуктов. Этим желе смазали упрямые узлы. Но вот их усилия увенчались успехом, первый болт повернулся, и Ренфри покрытыми волдырями пальцами вывернул его. Этот небольшой успех подбодрил их и добавил новых сил.

Уже стемнело, они работали почти на ощупь, когда подался второй болт — Эша.

— Пока всё, — сказал Эш. — Мы не можем провести сюда свет, а работать в темноте бесполезно. За последние полчаса я изранил половину пальцев.

— Возможно, мы нарушим график, и запись откажет, — напряжённо возразил Росс. Он выразил в словах то, о чём все думали.

— Всё равно без топлива нам не взлететь, — с резким восклицанием Эш отдёргнул руку и встал. — И мы не можем работать без отдыха и пищи. Это мы точно знаем. А об остальном только гадаем...

И вот они вернулись на корабль. Только прекратив сражение с упрямым покрытием, они поняли, насколько устали. Тревис знал, что Эш прав. Они не решат проблему, если выложат все силы и будут не в состоянии двигаться.

Посли — больше, чем обычно, — потащились к койкам и упали на них, опьяневшие от усталости. А утром, когда его разбудил Росс, Тревис не мог разогнуться. Он мигал, глядя в похудевшее лицо Росса.

— Назад в соляную шахту, братец! — Росс облизал почерневший палец с сорванным ногтём. — Сейчас при-

годились бы паяльная лампа. Вставай с мягкой постели, да побыстрее, и присоединяйся к отряду рабов.

Была середина утра, когда они вывернули последний, четвёртый болт. И долго после того, как Ренфри выразительно отшвырнул его, сидели на краю колодца, свесив израненные руки.

— Ну, ладно, — Эш встал. — Теперь посмотрим, что там.

Потребовались рычаги, чтобы снять крышку. Пришлось разобрать ещё двух роботов. Они сделали это с каким-то варварским удовлетворением. Уничтожение этих получеловеческих фигур почему-то снимало раздражение и страх. Получив прочные стержни, они принялись за покрытие колодца.

Впоследствии они не могли сказать, сколько времени потребовалось, но наконец, поддаваясь общим усилиям, покрытие неожиданно лопнуло надвое, обнажив тёмное отверстие, из которого поднималась труба.

Снаружи стоял яркий день, но в колодце темно, а у них нет факела, чтобы исследовать его глубины.

Ренфри лёг, опустил руки в колодец и провел ими вдоль поверхности трубы, насколько смог достать.

— Нашёл что-нибудь? — Эш присел рядом с ним, заглядывая через плечо.

— Нет... — и тут же быстро воскликнул: — Да!

— Едва дотягиваюсь... похоже, застряло чешуйчатое покрытие трубы, — он попытался опуститься поглубже, и Тревис схватил его за ноги.

Остальную утомительную работу проделал Ренфри — с частыми остановками на отдых. Он висел головой вниз, остальные держали его. Работать приходилось на ощупь, потому что его тело закрывало три четверти и так уже слабого света, и теми импровизированными инструментами, которые сумели изготовить из лома.

Когда его в четвёртый раз вытащили отдышаться и отдохнуть, Ренфри лёг на спину и долго лежал, отдуваясь. «Я освободил эту штуку, насколько мог достать, — слова

звучали с перерывами, у него не было сил произносить их. — Но ниже она тоже засела».

— Может, сумеем освободить, дёргая сверху, — рука Эша легла на трубу в том месте, где она выходила из колодца.

— Можно попытаться, — Ренфри потёр кулаками лоб. Тревис отодвинул техника от отверстия и обхватил трубу рядом с Эшем. Вдвоём они попытались передвинуть колонну трубы в колодце. Но она словно приклеилась к боку, у которого работал Ренфри. На лбу у Тревиса выступили капли пота, стекая к губам. В полутьме он видел напряжённое лицо Эша, мышцы у него на руках и плечах выдавались под синим костюмом.

Потом к ним присоединился Росс. «Тяните, — сказал он Эшу. — А мы будем толкать в вашем направлении. Так, может быть, сумеем освободить её».

Очень долго казалось, что труба не сдвинется, что она слишком повреждена внизу. Но вдруг Эш отлетел, труба ударила его в грудь — помеха внизу, не видная сверху, была устранена, и Росс с Тревисом растянулись у отверстия.

Они поднялись, и Росс торопливо оттащил Эша от трубы. Вместе с Ренфри вышли на открытый воздух. Снова взялись за верёвку и потащили голову к кораблю. Чешуйчатая труба двигалась тяжело, но фут за футом они всё-таки продвигались вперёд.

Тревис во время одной из частых остановок оглянулся и вскрикнул. Они уже проделали три четверти пути к цели, но из-под трубы быстро распространялось влажное пятно, блестящее на солнце. Последний рывок, должно быть, порвал покрытие трубы, и теперь неизвестное горячее вытекало.

Ренфри вернулся, наклонился и с криком боли отдёргнул руку. «Разъедает... как кислота, — предупредил он. — Не трогайте».

— Что теперь? — Росс пнул песок рядом с пятном.

— Можем дотащить трубу до корабля. Будем надеяться, что топлива останется достаточно, — бесцветным голосом ответил Эш. — Не думаю, чтобы мы смогли починить шланг.

И так как другого выхода не было, они вернулись к верёвке, стараясь не оглядываться туда, где вытекало горячее. Ренфри прижимал обожжённую руку к груди. Наконец они дотащили голову до корпуса корабля и прижали её к отверстию.

— Ну как, поступает топливо? — задал самый главный вопрос Росс.

Ренфри, словно боясь ответа, положил здоровую руку на чешуйчатую поверхность трубы и немного подержал. Все ждали ответа, который определит их будущее.

— Да.

Они не знали, сколько топлива нужно кораблю, есть ли ещё нужное количество его. Влажное пятно возле трубы продолжало расширяться. Но Ренфри держал руку на покрытии трубы и время от времени говорил, что топливо подаётся.

Потом раздался щелчок, похожий на лёгкий взрыв. Голова отпала от корабля, вся труба обвисла. Ренфри закрыл отверстие, потом надел второе защитное покрытие. Когда оно защёлкнулось, Ренфри повернулся.

— Всё. Мы готовы к старту.

— Хватит ли? — хотел спросить Тревис. Но понимал, что остальные знают не больше него.

Они потащились к трапу, каким-то образом поднялись на борт и в тумане усталости направились в каюты — к койкам. Всё, что могли, они сделали, теперь их судьба в руках слепой удачи.

Тревис пришёл в себя от вибрации в стенах... Они готовятся снова взлететь! Но полетят ли домой? Или неведомое горячее только поднимет их в космос, и они останутся там навсегда?

Он видел сон: утёсы и полынь, сосны и пение птиц в

каньоне. Снился пустынный ветер и ощущение мыши лошади между ног, снился мир, каким он был до того, как человек поднялся в космос. Хороший сон. Тревис лежал на спине, закрыв глаза, и старался увидеть этот сон снова.

Но в ноздрях его стоял стерильный запах корабля, он чувствовал корабль телом. И почти забытое клаустрофическое ощущение с новой силой охватило его. Он с усилием открыл глаза.

— Мы всё ещё идём по курсу, — Росс сел на противоположной койке, лицо его в синем свете казалось измождённым. Он протянул руку, скрестил пальцы и рассмеялся. — Суп ждёт, — добавил он.

В этот день они подсчитали запасы продовольствия. Теперь придётся экономить. Эш отметил порции на каждый период бодрствования.

— Если времени потребуется столько же, нам хватит. Как можно больше времени лежите: так уходит меньше энергии.

Но человек не может всё время спать. И как они ни старались, наступало время, когда уснуть уже невозможно, можно только лежать с закрытыми глазами, а долгие минуты ожидания переходят в часы, и всегда преследует страх.

— Вот о чём я думаю, — неожиданно заговорил Росс в тишине каюты, которую делил с Тревисом. — Когда прилетим, нас засекут радары. И какой-нибудь умник просто для тренировки выпустит ракету. Мы ведь не можем сообщить, что это просто возвращаются домой космические путешественники.

— Мы вооружены, — но Тревис не знал, какой защитой на самом деле обладает шар. Ракеты строго секретны. И очень может быть, что у их собственного правительства есть наготове сюрприз для корабля, который не поторопится отозваться.

— Ну, это тебе приснилось, — голос Росса звучал презрительно. — Не думаю, чтобы этими пушками можно

было сбить «Найка-4» и всех его братьев и тётушек. Мы даже не знаем, как целиться.

Они вышли из гиперпространства. На этот раз переход дался труднее, потому что все ослабли. Но, несмотря на слабость, все потащились в рубку смотреть, как на экране появляется зеленоватый шар. Тревис обнаружил, что дрожит. Неужели этот зелёный шар — дом? Можно ли в это поверить? Или перед ними мираж, возникший именно потому, что им так хочется в это поверить? Может, экран показывает картину дома, чтобы путники не чувствовали себя одинокими?

Но вот показались знакомые очертания континентов. Росс опустил голову, закрыл лицо руками. Эш говорил что-то непонятное. Ренфри ласково поглаживал щит управления.

— Получилось! Он принёс нас домой!

— Мы ещё не сели! — Росс не поднял голову, и слова его звучали резко, как будто своими сомнениями он мог обеспечить безопасность посадки.

— Он принёс нас сюда, — настаивал Ренфри. — Принесёт и на поверхность. Правда, старик?

Последовал рывок от вхождения в атмосферу, земляне перенесли его, ошеломлённые, не верящие себе. Росс выбрался из ремней кресла и направился к лестнице.

— Я спускаюсь, — он не поворачивался к экрану, словно не мог больше смотреть на него.

И Тревис неожиданно почувствовал, что тоже больше не доверяет этому окну в пространство. Он вслед за Россом спустился по лестнице, прошёл в каюту, лёг и стал ждать посадки — если она произойдёт.

Лёгкая дрожь старта ничто по сравнению с ударами атмосферы. В ушах шумело, тело напряглось. Всё предыдущее ожидание легче, чем эти последние мгновения, которые они не могут измерить никакими мерами. И всё время в глубине ожидание, что что-нибудь вмешается, сведёт на нет все предыдущие успехи.

Тревис слышал, как Росс что-то бормочет на другой койке, но не мог разобрать слов. Что они теперь делают? Огибают свою планету в поисках места, с которого чуждый корабль взлетел несколько недель назад?

Ползли секунды... минуты... часы... Их можно было измерить, только считая вдохи, затруднённые вернувшимся тяготением. Теперь они видны на экранах радаров — и вражеских, и своих, и к ним уже, возможно, летят ракеты, чтобы помешать им опуститься на поверхность. Тревис наглядно представлял себе, как на столбе огня взлетают эти снаряды... приближаются...

Он поёрзал на койке, мягкое покрытие изменило свою форму.

— Снижаемся.

Услышал ли он эти слова в коммуникаторе корабля? Или они просто возникли в его воображении?

Он почувствовал увеличившуюся тяжесть, давление в груди и лёгких. Из-за слабости его труднее было перенести. Но сознание он не потерял.

Последовал удар, корабль слегка подпрыгнул и застыл в наклонном положении. Руки Тревиса занялись креплениями ремней. Вокруг стояла полная тишина. Тревис не решался нарушить её, он почти боялся шевельнуться, не мог даже теперь поверить, что они дома, что под ними почва родной планеты.

Росс рывком сел. Освободившись от ремней, он направился к двери. Двигался он как больной, но его влекла непреодолимая сила.

Голос его донёсся тихим шёпотом: «Должен... увидеть...»

И Тревис понял, что он тоже должен увидеть. Что он поверит только собственным глазам. Вслед за Россом он двинулся по коридору — к внутреннему люку. И помог Россу открыть его.

Они прошли через бункер, вдвоём навалились на защимы внешнего люка. Росс дрожал, голова его ушла в плечи, лицо стало серым и влажным.

Открыл люк Тревис. Они, должно быть, смотрели на восток и начинался рассвет, потому что под кораблём лежала тень, а на горизонте появились светло-золотые лучи. Тревис опустил руки, не отрывая взгляда от этого света.

— У нас гости, — Росс поднял руку. Послышался громкий шум. По небу пронеслись четыре самолета в строю.

Вокруг корабля вспыхивали огни, разгоняя тени. Тревис увидел наклонившийся каркас, следы разрушений. Среди обломков показались люди, они направлялись к звёздному кораблю. А за ними всходило солнце. Его солнце — оно восходит на небе его планеты! Они всё-таки долетели, вопреки всему. Тревис рукой погладил стену корабля рядом с люком, как гладил шею своей пегой лошади после утомительного дня на ранчо.

Жёлтое солнце поднималось над далёкими холмами. Это холмы его родной Земли!

Содержание

ТОРГОВЦЫ ВО ВРЕМЕНИ	4
ПОКОРЁННЫЙ КОРАБЛЬ	181

Андрэ Нортон
ВОЙНА ВО ВРЕМЕНИ

Литературно-художественное издание

Ответственный за выпуск
Гусейнов И.

Ответственный редактор
Голованёв М. В.

Художественный редактор
Прилипко К. В.

Технический редактор
Казачек В. Н.

Лицензия ЛР № 070154 от 2.10.91 г.
Сдано в набор 01.09.93 г. Подписано в печать 06.10.93 г.
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Уч.-изд. л. 20,3.
Физ. п. л. 11. Тираж 75.000 экз. Заказ № 1622. «С»—14.

Издательство «Зеленоградская книга».
103489, Москва, Зеленоград, корп. 448, кв. 1

Верстка АО «Музыка сфер»

Подготовлено к печати издательством «Фактор», г. Тверь

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени
Тверском полиграфкомбинате
Министерства печати и информации Российской Федерации. 170024,
г. Тверь, проспект Ленина, 5.

ANDRE NORTON AGENCY

представляет права на публикацию
произведений зарубежных авторов и
художников. Тематическое и жанровое
составление, детективы, фантастика,
триллеры, ужасы, вестерны,
музыкальная литература...

Майкл МУРКОК, Глен КУК, Джеймс УАЙТ,
Сара ПАРЕЦКИ, Тед ВУД, Джеймс ГРАНТ,
Эдвард ЛИ, Эрл МЭРФИ, Майкл ВЕЛАН,
Родни МЭТТЬЮ и др.

Книготорговый отдел издательства

«СИГМА-ПРЕСС»

предлагает книжную продукцию в ассортименте.

*Покупая книги по нашим ценам,
Вы покупаете их у себя в городе.*

Если Вы получаете книги в железнодорожных контейнерах,
ЗНАЙТЕ — так работали ВЧЕРА.
СЕГОДНЯ есть более оперативный способ доставки.

**В ЛЮБОЙ ГОРОД РОССИИ МЫ ДОСТАВИМ КУПЛЕННЫЕ
У НАС КНИГИ В ТОЧНО ОГОВОРЕННЫЙ СРОК.**

Форма оплаты по договоренности.
Минимальная партия — 1700 пачек.

МЫ ЖДЕМ ВАС!

